

СОДЕРЖАНІЕ.

Часть II — неофициальная.

I. Ученіе первыхъ славянофиловъ.—Оконч. курсъ Г. А. Максимовича	51—99
II. Начальный періодъ народничества въ русской художественной литературѣ. Соч., удостоенное Ист.-Филологич. факульт. золотой медали.— А. Богумила	127—176
III. Политическая дѣятельность Петра Скарги. Сочин., удост. Истор.-Филол. факульт. золотой медали.—Оконч. курсъ Л. В. Яновскаго	193—224
IV. Элементы теоріи опредѣлителей.—Проф. Б. Я. Букрѣва	1—54
V. Приложеніе геометрическихъ производныхъ къ теоріи кривыхъ и поверхностей.—Стипендіата А. Д. Билимовича	1—30
VI. Наслѣдственность и измѣнчивость, какъ причина болѣзней.—Проф. В. К. Линдемана	91—120

Прибавленія.

I. Отчетъ о дѣтельности Психологической семинаріи при Университетѣ св. Владиміра за 1902—1906 годы.—Проф. Г. И. Челпанова	1—11
II. Софистъ. Діалогъ Платона.—Стипендіата С. А. Ананьина	115—154
III. Къ статьѣ П. Н. Чирвинскаго „Искусственное полученіе минераловъ въ XIX столѣтіи“.	
IV. Отъ Императорскаго Университета Св. Владиміра	1—2
V. Объявленія объ изданіи журналовъ и газетъ	1—5

Ученіе первыхъ славянофиловъ.

2) Міръ Восточный.

„Три элемента Запада: Римская Церковь, древне-римская образованность и возникшая изъ насилій завоеванія государственность, были „совершенно чужды древней Россіи“. Припявъ ученіе христіанское отъ Греціи, гов. И. Кирѣевскій, она постоянно находилась въ общеніи со Вселенскою церковью. *Образованность древне-языческаго міра переходила къ ней уже сквозь ученіе христіанское*, не дѣйствуя на нее одностороннимъ увлеченіемъ, какъ живой остатокъ какой-нибудь частной народности; только впоследствии, *утвердившись въ образованности христіанской*, начинала она усвоивать себѣ послѣдніе результаты наукообразнаго просвѣщенія древняго міра... Христіанство, проникнувъ въ Россію, *не встрѣтило въ ней тѣхъ громаднѣхъ затрудненій*, съ какими должно было бороться въ Римѣ и Греціи, и въ Европейскихъ земляхъ, пропитанныхъ Римскою образованностью. Чистому вліянію его ученія на внутреннюю и общественную жизнь челоѣка. Словенскій міръ не представлялъ тѣхъ неодолимыхъ препятствій, какія оно находило въ сомкнутой обра-

зованности міра классическаго и въ односторонней образованности народовъ Западныхъ. Во многомъ даже племенные особенности Словенскаго быта помогали успѣшному осуществленію христіанскихъ началъ. Между тѣмъ основныя понятія человѣка о его правахъ и обязанностяхъ, о его личныхъ, семейныхъ и общественныхъ отношеніяхъ, не составлялись насильственно изъ формальныхъ условій враждующихъ племенъ и классовъ, — какъ послѣ войны проводятся искусственныя границы между сосѣдними государствами по мертвой буквѣ выпореннаго трактата. Но, *не испытавъ завоеванія*, Русскій народъ устранился *самобытно*. Враги, угнетавшіе его, всегда *оставались вѣкъ его*, не мѣшаясь въ его внутреннее развитіе. Татары, Ляхи, Венгры, Нѣмцы и другіе бичи, посланные ему Провидѣніемъ, могли только *остановить* его образованіе, и дѣйствительно остановили, но не могли измѣнить существеннаго смысла его внутренней и общественной жизни“ 1).

Въ этихъ немногихъ словахъ И. Кирѣевскій привелъ всѣ особенности, которыми, по ученію Славянофиловъ, Россія отличается отъ Запада. Теперь мы рассмотримъ подробно каждую изъ этихъ особенностей, сопоставляя иногда съ тѣми особенностями Запада, о которыхъ мы не сказали раньше. Славянофилы очень большое значеніе придавали единенію Русской церкви со Вселенской церковью. „Общеніе любви, гов. Хомяковъ, не только полезно, но вполнѣ необходимо для постиженія истины... *„Недоступная для отдѣльнаго мышленія истина доступна только совокупности мышленій, связанныхъ любовью“* 2). Въ церкви Вселенской человѣкъ „находитъ себя самого, т. е. то, что есть совершеннаго въ немъ самомъ — божественное вдохновеніе, постоянно испаряющееся въ грубой нечистотѣ cadaго отдѣльно-личнаго существованія“ 3). Такимъ образомъ русская Церковь, находясь въ общеніи со вселенской, могла постигать истину христіанскаго ученія въ полнотѣ и не впадать въ ересь. О православіи, какъ цѣлостномъ познаніи, мы уже говорили подробно при изложеніи основъ ученія. Теперь рассмотримъ, черезъ какую среду перешло Православіе на Русь и какой характеръ приняли жизнь и просвѣщеніе Руси въ зависимости отъ Церкви. Ученія св. Отцовъ Православной Церкви, гов. И. Кирѣевскій, перешли въ Россію, можно сказать, вмѣстѣ съ первымъ благовѣстомъ хри-

1) Сочин. И. Кирѣевскаго, т. II, стр. 240—241.

2) Сочин. Хомякова, т. I, стр. 283.

3) Сочин. Хомякова, т. II, стр. 100.

стіанскаго колокола. Подъ ихъ руководствомъ, сложился и воспитался коренной русскій умъ, лежащій въ основѣ русскаго быта¹⁾.

Отличительной же чертой писателей Восточной церкви, по учению славянофиловъ, является, въ отличіе отъ римскаго богословія, развившагося посредствомъ схоластической философіи, *полнота* и *цѣльность*, которыя составляютъ отличительный признакъ православно-христіанскаго „*любомудрія*“. „Ибо, гов. Кирѣевскій“, не надобно забывать, что все современное просвѣщеніе тогда сосредоточивалось въ Византіи. Древніе писатели христіанскіе и языческіе, и особенно писатели-философы, были коротко (непосредственно, а не черезъ римлянъ, какъ на Западѣ) знакомы образованнымъ Грекамъ... Аристотель, безъ всякаго сомнѣнія, былъ лучше и осневательнѣе извѣстенъ Грекамъ, чѣмъ Латинянамъ... Однакоже, въ Греческихъ мыслителяхъ не только не видимъ мы особаго пристрастія къ Аристотелю, но напротивъ того, въ большей части въ нихъ замѣчаемъ явное предпочтеніе Платона; —не потому, конечно, чтобы Христіанскіе мыслители усваивали себѣ языческія понятія того или другого; но потому, вѣроятно, что самый способъ мышленія Платона представляетъ болѣе *цѣльности* въ умственныхъ движеніяхъ, болѣе теплоты и *гармоніи* въ умозрительной дѣятельности разума“, т. е. то, что свойственно, по ученію славянофиловъ православію, и чего нѣтъ въ Аристотелѣ съ его рационализмомъ. Поэтому „тоже отношеніе, гов. Кирѣевскій, какое мы замѣчаемъ между (Платономъ и Аристотелемъ)... существовало и между философіей Латинскаго міра, какъ она вырабатывалась въ схоластикѣ, и тою духовною философіей, которую находимъ въ писателяхъ Церкви Восточной, особенно ясно выраженную въ св. отцахъ, жившихъ послѣ Римскаго отпаденія“²⁾.

Духовная же философія св. отцовъ Церкви Восточной, писавшихъ послѣ X-го вѣка, — „прямо и чисто Христіанская, глубокая, живая, возвышающая разумъ отъ разсудочнаго механизма къ высшему, нравственно свободному умозрѣнію, — философія, которая даже и для невѣрующаго мыслителя, по мнѣнію Кирѣевскаго, могла бы быть поучительною, по удивительному богатству, и глубинѣ, и тонкости своихъ психологическихъ наблюденій“³⁾, —несмотря однакоже на эти достоинства она не была доступна разсудочному Западу, который и не могъ, и не хотѣлъ ее воспринять. Главная за-

¹⁾ Сочин. И. Кирѣевскаго, т. II, стр. 259.

²⁾ Сочин. И. Кирѣевскаго, т. II, стр. 256.

³⁾ Сочин. И. Кирѣевскаго, т. II, стр. 256.

слуга и достоинство св. Отцовъ и заключалось въ томъ, по учению Славянофиловъ, „что они сохранили и поддержали во всей чистотѣ и полнотѣ ученіе существенно-христіанское, и, держась постоянно въ самомъ средоточіи истиннаго убѣжденія, отсюда могли явѣ видѣть и законы ума человѣческаго, и путь, ведущій его къ истинному знанію, и внѣшніе признаки, и внутреннія пружины его разнovidныхъ уклоненій“¹⁾.

Но, кромѣ различій понятій, на Востокъ и Западъ, гов. Кирѣвскій, происходитъ еще различіе и въ *самомъ способѣ мышленія* богословско-философскомъ. Ибо, стремясь къ истинѣ умозрѣнія, Восточные мыслители заботятся прежде всего о правильности внутренняго состоянія мыслящаго духа; Западныя—болѣе о внѣшней связи понятій. Восточные для достиженія полноты истины, ищутъ внутренней цѣльности разума: того средоточія умственныхъ силъ, гдѣ всѣ отдѣльныя дѣятельности духа сливаются въ одво живое и высшее единство. Западныя, напротивъ того, полагаютъ, что достиженіе полной истины возможно и для раздѣлившихся силъ ума, самодвижно дѣйствующихъ въ своей одинокой отдѣльности. Однимъ чувствомъ понимаютъ они нравственное; другимъ—изящное; полезное—опять особымъ смысломъ; истинное они понимаютъ отвлеченнымъ разсудкомъ,—и ни одна способность не знаетъ, что дѣлаетъ другая, покуда ея дѣнствіе совершится“²⁾.

Отличительной чертой Православной церкви является, по мнѣнію Кирѣвскаго, то, что „*Божественное откровеніе и человѣческое мышленіе* не смѣшиваются, (какъ на Западѣ); предѣлы между Божественнымъ и человѣческимъ не переступаются ни наукою, ни Церковью“³⁾. Границы между наукою и вѣрою стоятъ „твердо и нерушимо“... „Такая неприкосновенность предѣловъ Божественнаго откровенія, ручаясь за чистоту и твердость вѣры въ Православной Церкви, съ одной стороны, ограждаетъ ея ученіе отъ неправильныхъ перетолкованій естественнаго разума, съ другой—ограждаетъ разумъ отъ неправильнаго вмѣшательства Церковнаго авторитета... Для православно-мыслящаго *ученіе Церкви* не пустое зеркало, которое каждой личности отражаетъ ея очертаніе; не Прокрустова постель, которая уродуетъ живыя личности по одной условной мѣркѣ; но *высшій идеалъ*, къ которому только можетъ стремиться вѣрующій разумъ, конечный край высшей мысли, руководительная

¹⁾ Сочин. И. Кирѣвскаго, т. II, стр. 257.

²⁾ Сочин. И. Кирѣвскаго, т. II, стр. 258.

³⁾ Сочин. И. Кирѣвскаго, т. II, стр. 307.

звѣзда, которая горитъ на высотѣ небесъ, отражаясь въ сердцѣ, освѣщаетъ разуму его путь къ истинѣ.

Но, чтобы согласить разумъ съ вѣрою, для православно-мыслящаго недостаточно устраивать разумныя понятія сообразно положеніямъ вѣры, избирать соответственныя, исключать противныя и такимъ образомъ очищать разумъ отъ всего противорѣчащаго вѣрѣ... Но въ томъ-то и заключается главное отличіе православнаго мышленія, что оно ищетъ не отдѣльныя понятія устроить сообразно требованіямъ вѣры, но самый *разумъ поднять* выше своего обыкновеннаго уровня,—стремится *самый источникъ разумнія, самый способъ мышленія возвысить до сочувственнаго согласія съ вѣрою*.

Первое условіе для такого возвышенія разума заключается въ томъ, чтобы онъ стремился *собрать въ одну недѣлимую цѣльность всѣ свои отдѣльныя силы*, которыя въ обыкновенномъ положеніи человѣка находятся въ состояніи разрозненности и противорѣчія (какъ на Западѣ); чтобы онъ не признавалъ своей отвлеченной логической способности за единственный органъ разумнія истины; чтобы голосъ восторженнаго чувства, не согласенный съ другими силами духа, онъ не почиталъ безошибочнымъ указаніемъ правды; чтобы внушенія отдѣльнаго эстетическаго смысла, независимо отъ другихъ понятій, онъ не считалъ вѣрнымъ путеводителемъ для разумнія высшаго міроустройства; даже,—чтобы господствующую любовь своего сердца, отдѣльно отъ другихъ требованій духа, онъ не почиталъ за непогрѣшительную руководительницу къ достиженію высшаго блага; но чтобы постоянно искалъ въ глубинѣ души того внутренняго корня разумнія, гдѣ всѣ отдѣльныя силы сливаются въ одно живое и цѣльное зрѣніе ума¹⁾. Поэтому въ мышленіи православно-вѣрующаго совокупляется всегда *двойная дѣятельность*: слѣдя за развитіемъ своего разумнія, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдитъ и за самымъ способомъ своего мышленія, постоянно стремясь возвысить разумъ до того уровня, на которомъ бы онъ могъ сочувствовать вѣрѣ... и эта особенность православнаго мышленія, исходящая изъ особеннаго отношенія разума къ вѣрѣ, должна опредѣлить ея господствующее направленіе. Такое только мышленіе можетъ со временемъ освободить умственную жизнь православнаго міра отъ искажающихъ вліяній посторонняго просвѣщенія, также какъ и отъ удушающаго гнета невѣжества, равно противныхъ просвѣщенію православному. Ибо развитіе мышленія, дающее тотъ или другой смыслъ всей умственной жизни, или лучше ска-

¹⁾ Сочин. Н. Кирѣевскаго, т. II, стр. 309—810.

зять, развитіе философіи, условливается соединеніемъ двухъ противоположныхъ концовъ человѣческой мысли: того, гдѣ она сопрягается съ высшими вопросами вѣры, и того, гдѣ она прикасается развитію наукъ и виѣшней образованности“¹⁾). Такое высокое значеніе придавали Славянофилы православію. Это самый главный и самый важный пунктъ ихъ ученія, поэтому я и остановился на немъ такъ подробно. Православная Церковь и была той средой, черезъ которую проникло въ Россію просвѣщеніе, уже послѣ принятія христіанства, поэтому и просвѣщеніе, да и вся жизнь русскаго народа должны были, по ученію славянофиловъ, развиваться согласно православному христіанству, отъ котораго они получили свои начала.

„Всякое народное просвѣщеніе опредѣляется, гов. Хомяковъ, народною личностью, т. е. живою сущностью народной мысли; *болше же* всего опредѣляется предѣломъ его разумѣнія“²⁾).

Въ другомъ мѣстѣ Хомяковъ говоритъ: „то основаніе, на которомъ воздвигается прочное зданіе русскаго просвѣщенія, — это *вѣра*, вѣра православная, которой, слава Богу, и по особенному чувству правды, никто еще не называлъ религіей (ибо религія можетъ соединять людей, но только Вѣра связуетъ людей не только другъ съ другомъ, но еще съ ангелами и съ самымъ Творцомъ людей и ангеловъ), Вѣра со всею ея животворною, и строительною силою, мысленною свободою и терпѣливою любовью. Но она не со вчерашняго дня озарила Русскую землю и недаромъ жила въ ней въ продолженіе многихъ столѣтій. Много оставила она памятниковъ своего благодатнаго дѣйствія, много живыхъ слѣдовъ запечатлѣла въ просвѣщеніи отдѣльныхъ лицъ и общежительности народа“³⁾).

Разсадникомъ просвѣщенія въ древней Руси является также церковь черезъ свои монастыри. Все необозримое пространство Руси было покрыто, по мнѣнію И. Кирѣвскаго непрерывною сѣтью множества монастырей. Изъ нихъ „однообразно и единомысленно“ распространялся свѣтъ знанія во все отдаленные уголки Руси. И благодаря духовенству, образованность эта, гов. И. Кирѣвскій такъ скоро возрасла въ Россіи и до такой степени, что и теперь даже она кажется намъ изумительною, когда мы вспомнимъ, что нѣкоторые изъ удѣльныхъ князей XII и XIII вѣка уже имѣли такіа бібліотеки, съ которыми многочисленностью томовъ едва могла рав-

¹⁾ Сочин. И. Кирѣвскаго, т. II, стр. 312—313.

²⁾ Соч. Хомякова т. I, стр. 80.

³⁾ Соч. Хомякова т. I, стр. 257.

няться, первая бібліотека парижская; что многіе изъ нихъ говорили на греческомъ и латинскомъ языкѣ также свободно, какъ на русскомъ, а нѣкоторые знали при томъ и другіе языки европейскіе: что въ нѣкоторыхъ, уцѣлѣвшихъ до насъ, писаніяхъ XV вѣка мы находимъ выписки изъ русскихъ переводовъ такихъ твореній греческихъ, которыя не только не были извѣстны Европѣ, но даже въ самой Греціи утратились послѣ ея упадка.....

Эта русская образованность была такъ распространена, такъ крѣпка, такъ развита, и потому пустила такіе глубокие корни въ жизнь русскую, что несмотря на то, что уже полтора столѣтія прошло съ тѣхъ поръ, какъ монастыри наши перестали быть центромъ просвѣщенія; несмотря на то, что вся мыслящая часть народа, своимъ воспитаніемъ и своими понятіями, значительно уклонилась, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и совсѣмъ отдѣлилась отъ прежняго русскаго быта, изгладивъ даже и память о немъ изъ сердца своего:—этотъ русскій бытъ, созданный по понятіямъ прежней образованности и проникнутый ими еще уцѣлѣлъ, почти неизмѣнно въ низшихъ классахъ народа: онъ уцѣлѣлъ,—хотя живетъ въ нихъ уже безсознательно..... Потому этотъ русскій бытъ и эта прежняя, въ немъ отзвучающая жизнь Россіи драгоцѣнна для насъ, особенно по тѣмъ слѣдамъ, которые оставили на нихъ чистыя христіанскія начала, дѣйствовавшія безпрепятственно на добровольно покорившіяся имъ племена словенскія. И не природныя какія-нибудь преимущества Словенскаго племени заставляютъ насъ надѣяться на будущее его процвѣтаніе: нѣтъ! племенные особенности, какъ земля, на которую падаетъ умственное сѣмя, могутъ только ускорить или замедлить его первое развитіе; онѣ могутъ сообщить ему здоровую или тощую пищу; могутъ наконецъ, ему дать свободный ходъ на Божьемъ свѣтѣ или заглушить его чужими растеніями; но самое свойство плода зависитъ отъ свойства сѣмени¹⁾. Такимъ образомъ, славянофилы главнымъ двигателемъ въ развитіи просвѣщенія признавали православную вѣру, но, съ другой стороны они признавали, что слѣдствіе еще до принятія христіанства были какъ бы предрасположены къ нему, вслѣдствіе своего природнаго характера. „Когда вступишь, какъ крестился русскій народъ, невольно умиляешься душою“ гов. Константинъ Аксаковъ. „Русскій народъ крестился легко и безъ борьбы, какъ младенецъ, и христіанство озарило всю его младенческую душу.—Въ его душѣ не

¹⁾ Соч. И. Кирѣевскаго т. II, стр. 259—261.

было воспоминаній языческихъ, не было огрубѣлой, опредѣленной „жи“¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ К. Аксаковъ гов.: „язычество русскаго славянина было самое чистое язычество, было при вѣрованіи въ Верховное Существо, постоянное освященіе жизни на землѣ, постоянное ощущеніе общаго высшаго смысла вещей и событій, слѣдовательно, вѣрованіе темное, не ясное, готовое къ просвѣщенію и ждавшее луча истины“²⁾, т. е. христіанства.

„Какое-то глубокое отвращеніе отъ древняго своего язычества замѣтно въ народахъ славянскихъ, гов. Хомяковъ... Казалось, что не проповѣдь истины искала славяпъ, а славяне искали проповѣди истины“³⁾,

Въ особую заслугу православной церкви славянофилы ставили также и то, что она не вмѣшивалась въ дѣла государственныя, свѣтскія. Когда Владиміръ св. по принятіи христіанства выразилъ желаніе простить всѣхъ преступниковъ, то „сама церковь, гов. Кирѣвскій, первая остановила его отъ исполненія этого желанія, *положивъ* такимъ образомъ, *различіе между обязанностями лично-духовными и свѣтски-правительственными*. Вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлила она, свачала *навсегда*, твердыя границы между собою и государствомъ, между безусловною чистотою своихъ высшихъ началъ и житейскою смѣшанностью общественнаго устройства, всегда оставаясь внѣ государства и его мірскихъ отношеній, высоко надъ ними, какъ недосыгаемый, свѣтлый идеаль, къ которому они должны стремиться, и который самъ не смѣшивался съ ихъ земными пружинами. Управляя личнымъ убѣжденіемъ людей, церковь православная никогда не имѣла притязанія *насильственно* управлять ихъ волею, или пріобрѣтать себѣ власть свѣтски-правительственную, или, еще менѣе, искать формальнаго господства надъ правительственною властью (какъ на Западѣ). Государство правда стояло церковью: оно было тѣмъ крѣпче въ своихъ основахъ, тѣмъ связнѣе въ своемъ устройствѣ, тѣмъ цѣльнѣе въ своей внутренней жизни, чѣмъ болѣе проникалось ею. Но церковь никогда не стремилась *быть государствомъ*, какъ и государство. въ свою очередь, смиренно сознавая свое мірское значеніе, никогда не называло себя „святымъ“⁴⁾.

Но не вмѣшиваясь въ государственныя дѣла, церковь своимъ нравственнымъ вліяніемъ, по ученію славянофиловъ, очень много

¹⁾ Соч. Аксакова т. I, стр. 313.

²⁾ Соч. К. Аксакова т. I, стр. 315.

³⁾ Соч. Хомякова т. I, стр. 232.

⁴⁾ Соч. Кирѣвскаго т. II, стр. 262--263.

содѣйствовала сознанію единства Руси. „Церковь, гов. Хомяковъ, создала единство Русской земли или дала прочность случайности Олегава дѣла. Церковь возстановила это единство, нарушенное междуусобіями“¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ онъ гов.: „Начало единенія было бы весьма слабо и никогда не могло бы восторжествовать, если бы не имѣло другой силы..... несравненно большей: эта сила была въ христіанствѣ..... Наша Русь создана самимъ христіанствомъ. Таково сознаніе св. Нестора; таково сознаніе св. Иллариона, пророчески провидѣвшаго призваніе русской земли..... Всѣ прочія связи, рыхлыя и некрѣпкія сами по себѣ, получали крѣпость и посвященіе отъ одной этой неразрушимой связи“²⁾.

Вліяніе православной церкви отразилось также, какъ и на Западѣ вліяніе католицизма, на частномъ и общественномъ бытѣ русскаго народа, на его нравственности, на его наукѣ, искусствѣ и на складѣ характера.

„Со введеніемъ христіанства нравственныя понятія русскаго народа, гов. Кирѣевскій, измѣнились, (конечно, къ лучшему—въ духѣ христіанства), а вмѣстѣ съ ними и его общежительныя отношенія; и потому все общественное устройство русской земли должно было въ своемъ развитіи принять также направленіе христіанское“³⁾. Вліяніе церкви христіанской на бытъ русскаго народа облегчалось и усиливалось еще тѣмъ, что на Руси, по ученію славянофиловъ, не было завоеванія, какъ на Западѣ, слѣдовательно, и неравенства отношенія между населеніемъ. „Духовное вліяніе церкви, гов. И. Кирѣевскій, на естественное развитіе общественности могло быть тѣмъ полнѣе и чище, что никакое историческое препятствіе не мѣшало внутреннимъ убѣжденіямъ людей выражаться въ ихъ внѣшнихъ отношеніяхъ. *Неисказенная завоеваніемъ* русская земля въ своемъ внутреннемъ устройствѣ, не стѣснялась тѣми насильственными формами, какія должны возникать изъ борьбы двухъ ненавистныхъ другъ другу племенъ, принужденныхъ въ постоянной враждѣ, устраивать свою совмѣстную жизнь. Въ ней не было ни завоевателей, ни завоеванныхъ. Она не знала ни желѣзнаго разграниченія неподвижныхъ сословіи, ни стѣснительныхъ для одного преимуществъ другого, не истекающей оттуда политической и нравственной борьбы, ни сословнаго презрѣнія, ни сословной зависти.

¹⁾ Сочин. Хомякова т. I, стр. 236.

²⁾ Сочин. Хомякова т. I, стр. 230—231.

³⁾ Сочин. И. Кирѣевскаго, т. II, стр. 262.

Она не знала, слѣдственно, и необходимаго порожденія этой борьбы: искусственной формальности общественныхъ отношеній и болѣзненнаго процесса общественнаго развитія, совершающагося насильственными измѣненіями законовъ и бурными переливами постановленій. И князья, и бояре, и духовенство и народъ, и дружины княжескія, и дружины боярскія, и дружины городскія, и дружина земская,— всѣ классы и виды населенія были проникнуты однимъ духомъ, одними убѣжденіями, однородными понятіями, одинаковою потребностью общаго блага. Могло быть разномысліе въ какомъ-нибудь частномъ обстоятельствѣ; но въ вопросахъ существенныхъ слѣдовъ разномыслія почти не встрѣчается.

Такимъ образомъ, русское общество выросло самобытно и естественно, подъ вліяніемъ одного внутренняго убѣжденія, церковнаго и бытового преданіемъ воспитаннаго¹⁾. Бытовой же особенностью русскаго народа славянофилы считали общинный бытъ. Объ общинѣ тоже объ одномъ изъ главныхъ положеній славянофильскаго ученія, мы скажемъ подробно ниже, а теперь, чтобы не нарушать цѣльности изложенія особенностей русскаго народа, мы приведемъ мнѣше объ общинѣ И. Кирѣевскаго. Въ русскомъ обществѣ древнихъ временъ „не видишь, гов. онъ, ни замковъ, ни окружающей ихъ подлой черни, ни благородныхъ рыцарей, ни борющагося съ ними короля. Видишь безчисленное множество маленькихъ общинъ, по всему лицу земли русскои разселенныхъ и имѣющихъ, каждая на извѣстныхъ правахъ, своего распорядителя, и составляющихъ, каждая, свое особое согласіе, или свой маленькій міръ: эти маленькіе міры или согласія сливаются въ другія, большія согласія, которыя въ свою очередь, составляютъ согласія областныя, и наконецъ, племенные, изъ которыхъ уже слагается одно общее, огромное согласіе всей Русской земли, имѣющее надъ собою великаго князя всея Руси, на которомъ утверждается вся кровля общественнаго зданія, опираются всѣ связи его Верховнаго устройства“²⁾. Власть же князей образовалась черезъ *добровольное* призваніе общиной Варяговъ. Вслѣдствіе такихъ „естественныхъ, простыхъ и единодушныхъ отношеній и законы, выражающіе эти отношенія, не могли имѣть характеръ искусственной формальности“, но носили характеръ „внутренней правды“, поэтому и въ древне-русскомъ правѣ „внутренняя справедливость брала перевѣсъ надъ внѣшней формаль-

¹⁾ Сочин. И. Кирѣевскаго, т. II, стр. 263—264.

²⁾ Сочин. И. Кирѣевскаго, т. II, стр. 264

ностью“¹⁾, что на Западѣ было какъ разъ наоборотъ²⁾. Вслѣдствіе общиннаго быта и право поземельной собственности въ древней Руси было совсѣмъ иное, чѣмъ на Западѣ. На Руси земля принадлежала общинѣ „безусловность же поземельной собственности могла являться въ Россіи только какъ исключеніе. Общество слагалось не изъ частныхъ собственности (какъ на Западѣ), къ которымъ приписывались лица, но изъ лицъ, которымъ приписывалась собственность“³⁾.

Различіе вѣры, различіе общежительныхъ началъ сказалось и на характерѣ западнаго и русскаго человѣка. „Западный человѣкъ, говоритъ И. Кирѣевскій, раздробляетъ свою жизнь на отдѣльные стремленія, и хотя связываетъ ихъ разсудкомъ въ одинъ общій планъ, однако же, въ каждую минуту жизни, является, какъ иной человѣкъ. Въ одномъ углу его сердца живетъ чувство религіозное, которое онъ употребляетъ при упражненіяхъ благочестія; въ другомъ,—отдѣльно, силы разума и усилія житейскихъ занятій; въ третьемъ—стремленія къ чувственнымъ успѣхамъ; въ четвертомъ—нравственно-семейное чувство; въ пятомъ—стремленіе къ личной корысти; въ шестомъ—стремленіе къ наслажденіямъ изящно искусственнымъ и т. д.

Не такъ человѣкъ русскій. Молясь въ церкви, онъ не кричитъ отъ восторга, не бьетъ себя въ грудь, не падаетъ безъ чувствъ отъ умиленія; напротивъ, во время подвига молитвеннаго онъ особенно старается сохранить трезвый умъ и цѣльность духа. Когда же не односторонняя напряженность чувствительности, но самая полнота молитвеннаго самосознанія проникаетъ его душу, и умиленіе коснется его сердца, то слезы его льются незамѣтно, и никакое страстное движеніе не смущаетъ глубокой тишины его внутренняго состоянія. За то онъ не поетъ и застольныхъ пѣсень. Его обѣдъ совершается съ молитвою. Съ молитвою начинается и оканчивается онъ каждое дѣло. Съ молитвою входитъ въ домъ и выходитъ.Такъ русскій человѣкъ каждое важное и неважное дѣло свое всегда связывалъ непосредственно съ высшимъ понятіемъ ума и съ глубочайшимъ средоточіемъ сердца“⁴⁾.

¹⁾ Сочин. И. Кирѣевскаго, т. II, стр. 265.

²⁾ О „внутренней и внѣшней правдѣ“ мы будемъ говорить подробно тоже ниже.

³⁾ Сочин. Кирѣевскаго, т. II, стр. 267.

⁴⁾ Соч. Кирѣевскаго т. II, стр. 269.

Отличительной чертой европейца является также его самодовольство „Западный человекъ, говоритъ И. Кирѣевскій, всегда доволенъ своимъ нравственнымъ состояніемъ.Русскій человекъ, напротивъ того, всегда живо чувствуетъ свои недостатки, и чѣмъ выше восходитъ по лѣстницѣ нравственнаго развитія, тѣмъ болѣе требуетъ отъ себя, и потому тѣмъ менѣе бываетъ доволенъ собою. При уклоненіяхъ отъ истиннаго пути, опъ не ищетъ обмануть себя какимъ-нибудь хитрымъ разсужденіемъ, придавая наружный видъ правильности своему внутреннему заблужденію; но даже въ самыя страстныя минуты увлеченія, всегда готовъ сознать его нравственную незаконность“ ¹⁾. „Смиреніе“ есть отличительная черта русскаго народа. Западный человекъ любитъ роскошь, а „русскій человекъ больше золотой парчи придворнаго уважалъ лохмотья юродиваго“ ²⁾. И искусство, если бы оно развилось на Руси, то припесло бы „другой характеръ, чѣмъ на Западѣ“, тамъ было „языческое поклоненіе красотѣ“, а на Руси искали бы въ немъ, прежде всего, выраженія христіанскихъ идеаловъ.

Въ другомъ мѣствѣ И. Кирѣевскій такъ въ общемъ характеризуетъ наше древнее просвѣщеніе: „Это просвѣщеніе не *блестящее, глубокое*; не роскошное, не матеріальное, имѣющее цѣлью удобства наружной жизни, *но внутреннее, духовное*; это устройство общественное, безъ самовластия и рабства, безъ благородныхъ и подлыхъ; это обычай вѣковые, безъ писанныхъ кодексовъ, исходящіе изъ церкви и крѣпкіе согласіемъ нравовъ съ ученіемъ вѣры; эти святыя монастыри, разсадники христіанскаго устройства, духовное сердце Россіи, въ которыхъ хранились всѣ условія будущаго самобытнаго просвѣщенія; эти отшельники, изъ роскошной жизни уходившіе въ лѣса, въ недоступныхъ ущельяхъ изучавшіе писанія глубочайшихъ мудрецовъ христіанской Греціи, и выходившіе оттуда учить народъ, ихъ понимавшій; эти образованные сельскіе приговоры; эти городскія вѣча; это раздолье русской жизни.—Куда все это дѣлось?“ ³⁾. Куда все это дѣлось, какъ измѣнился ходъ русской жизни и подъ вліяніемъ какихъ причинъ, по ученію славянофиловъ, обо всемъ этомъ мы будемъ говорить ниже, а теперь резюмируемъ словами Кирѣевскаго все сказанное, т. е. какими особенностями различались между собою въ самой своей основѣ два эти міра Во-

¹⁾ Соч. Кирѣевскаго т. II, стр. 274.

²⁾ Соч. Кирѣевскаго т. II, стр. 272.

³⁾ Сочин. И. Кирѣевскаго т. I, стр. 199.

сточный и Западный:—„Христіанство проникало въ умы западныхъ народовъ черезъ ученіе одной Римской Церкви,—въ Россіи оно затеплялось на свѣтильникахъ всей Церкви Православной; богословіе на Западѣ приняло характеръ разсудочной отвлеченности,—въ православномъ мірѣ оно сохранило внутреннюю цѣльность духа; тамъ раздвоеніе силъ разума,—здѣсь стремленіе къ ихъ живой совокупности; тамъ движеніе ума къ истинѣ посредствомъ логическаго сцѣпленія понятій,—здѣсь стремленіе къ ней посредствомъ внутренняго возвышенія самосознанія къ сердечной цѣльности и средоточію разума; тамъ исканіе наружнаго, мертваго единства,—здѣсь стремленіе къ внутреннему, живому; тамъ Церковь смѣшалась съ государствомъ, соединивъ духовную власть со свѣтскою и сливая церковное и мірское значеніе въ одно устройство, смѣшаннаго характера,—въ Россіи она оставалась не смѣшанною съ мірскими цѣлями и устройствомъ; тамъ схоластическіе и юридическіе университеты,—въ древней Россіи молитвенные монастыри, сосредоточившіе въ себѣ высшее знаніе; тамъ разсудочное школьное изученіе высшихъ истинъ,—здѣсь стремленіе къ ихъ живому и цѣльному познанию; тамъ взаимное прорастаніе образованности языческой и христіанской,—здѣсь постоянное стремленіе къ очищенію истины; тамъ государственность изъ паспльїи завоеванія,—здѣсь изъ естественнаго развитія народнаго быта, проникнутаго единствомъ основнаго убѣжденія; тамъ враждебная разграниченность сословії, —въ древней Россіи ихъ единодушная совокупность, при естественной разновидности; тамъ искусственная связь рыцарскихъ замковъ съ ихъ принадлежностями составляетъ отдѣльныя государства,—здѣсь совокупное согласіе всей земли духовно выражаетъ нераздѣлимое единство; тамъ поземельная собственность—первое основаніе гражданскихъ отношеній, здѣсь собственность только случайное выраженіе отношеній личныхъ; тамъ законность формально логическая,—здѣсь—выходящая изъ быта; тамъ поклонность права къ справедливости виѣшней—здѣсь предпочтеніе внутренней; тамъ юриспруденція стремится къ логическому кодексу,—здѣсь, вмѣсто наружной связности формы съ формою, ничетъ она внутренней связи правомѣрнаго убѣжденія съ убѣжденіями вѣры и быта; тамъ законы исходятъ искусственно изъ господствующаго мнѣнія,—здѣсь они рождались естественно изъ быта; тамъ улучшенія всегда совершались паспльственными перемѣнами,—здѣсь стройнымъ естественнымъ возрастаніемъ; тамъ волненіе духа партій, здѣсь неизбежность основнаго убѣжденія; тамъ прихоть моды,—здѣсь твердость быта; тамъ шаткость личной самозаконности,—здѣсь крѣпость семейныхъ

и общественныхъ связей; тамъ щеголеватость роскоши и ответственность жизни,—здѣсь простота потребностей и бодрость нравственнаго мужества; тамъ извѣженность мечтательности,—здѣсь здоровая цѣльность разумныхъ силъ; тамъ внутренняя тревожность духа, при разсудочной увѣренности въ своемъ нравственномъ совершенствѣ,—у русскаго—глубокая тишина и спокойствіе внутренняго самосознанія, при постоянной недовѣрчивости къ себѣ и при неограниченной требовательности нравственнаго усовершенствованія; однимъ словомъ, тамъ раздвоеніе духа, раздвоеніе мыслей, раздвоеніе государства, раздвоеніе сословія, раздвоеніе общества, раздвоеніе семейныхъ правъ и обязанностей, раздвоеніе нравственнаго и сердечнаго состоянія, раздвоеніе всей совокупности и всѣхъ отдѣльныхъ видовъ бытія человѣческаго, общественнаго и частнаго;—въ Россіи напротивъ того, преимущественное стремленіе къ цѣльности бытія внутренняго и внѣшняго, общественнаго и частнаго, умозрительнаго и житейскаго, искусственнаго и нравственнаго. Потому, если справедливо сказанное нами прежде, то *раздвоеніе* и *цѣльность*, *разсудочность* и *разумность*, будутъ послѣднимъ выраженіемъ Западно-Европейской и древне-русской образованности“¹⁾.

Послѣ такого сравненія особенностей двухъ міровъ, чрезвычайно благопріятныхъ для Россіи и неблагопріятныхъ для Запада, у Кирѣевского вполне естественно явился вопросъ: „Отчего же образованность русская не развивалась *полнѣе* образованности европейской, прежде введенія въ Россію просвѣщенія западнаго? Отчего не опередила Россія Европу? Отчего не стала она во главѣ умственнаго движенія всего человѣчества, имѣя столько залоговъ для правильнаго и всеобъемлющаго развитія духа?“²⁾.

На такіе важныя вопросы Кирѣевскій не даетъ точнаго, вполне опредѣленнаго отвѣта, онъ ссылается на волю Провидѣнія: что все это „произошла по высшей волѣ Провидѣнія, говоритъ онъ, значило бы сказать мысль справедливую, но не отвѣтвую“³⁾. Далѣе онъ даетъ еще такой отвѣтъ. По его мнѣнію „особенность Россіи заключалась въ самой *полнотѣ* и *чистотѣ*“ усвоенія христіанскаго ученія, но, что „чистота выраженія такъ сливалась съ выражаемымъ духомъ, что человѣку легко было смѣшать ихъ значительность и *наружную форму* уважать наравнѣ съ ея внутреннимъ смысломъ“.

¹⁾ Соч. И. Кирѣевского, т. II, стр. 275—276.

²⁾ Сочин. И. Кирѣевского, т. II, стр. 276.

³⁾ Сочин. И. Кирѣевского, т. II, стр. 277.

Такимъ образомъ, обрядовая формальность увеличилась. „Уваженіе къ преданію, которымъ стояла Россія, говоритъ Кирѣевскій, нечувствительно для нея самой, перешло въ уваженіе болѣе наружныхъ формъ его, чѣмъ его оживляющаго духа. Оттуда произошла та односторонность въ русской образованности, которой рѣзкимъ послѣдствіемъ былъ Іоаннъ Грозный, и которая, черезъ вѣкъ послѣ, была *причиною расколовъ* и, потомъ, своею ограниченностью должна была въ нѣкоторой части мыслящихъ людей произвести противоположную себѣ, другую односторонность: стремленіе къ формамъ чужимъ и къ чужому духу“¹⁾.

Съ такимъ объясненіемъ поставленнаго выше вопроса, а также съ положеніемъ Кирѣевскаго о „полнотѣ и чистотѣ“ воспріятія христіанства въ древней Руси, былъ согласенъ К. Аксаковъ и другіе славянофилы, по крайней мѣрѣ, они нигдѣ не выражали протеста противъ такого пониманія Кирѣевскаго. Поэтому, все вышеизложенное нужно считать, какъ самое чистое выраженіе славянофильскаго ученія. Но съ послѣднимъ выводомъ и отвѣтомъ Кирѣевскаго не вполне согласенъ Хомяковъ. Потому особому, очень важному положенію, какое занималъ Хомяковъ въ славянофильской школѣ, и по дѣйствительной вѣскости и справедливости нѣкоторыхъ его замѣчаній,—нельзя не считаться съ этимъ возраженіемъ, поэтому мы считаемъ нужнымъ его привести, но не какъ *обще-славянофильское* положеніе, а какъ *отдѣльное мнѣніе*, потому что всѣ ниже приведенныя возраженія Хомякова имѣютъ много точекъ соприкосновенія съ обще-славянофильскимъ ученіемъ, да и самъ онъ часто ихъ примиряетъ, а иногда даже и противорѣчитъ самому себѣ. Такое, повидимому, противорѣчіе въ Хомяковѣ можно отчасти объяснить отличительною чертою его характера—*любовью къ спорамъ*, о чемъ мы говорили подробно при характеристикѣ его личности. Хомяковъ никогда не пропускалъ случая поспорить, развить свои блестящія діалектическія способности. Въ данномъ случаѣ онъ подмѣтилъ слабую сторону Кирѣевскаго, это именно—*полное игнорированіе вліянія внѣшнихъ историческихъ причинъ*, сейчасъ напасть на Кирѣевскаго, хотя въ исходныхъ положеніяхъ былъ вполне съ нимъ согласенъ. Разсмотримъ теперь эти возраженія Хомякова.

Выше приведенный „отвѣтъ Кирѣевскаго, говоритъ Хомяковъ, кажется мнѣ неудовлетворительнымъ. „Христіанское ученіе выразилось въ чистотѣ и полнотѣ во всемъ объемѣ общественнаго и

¹⁾ Сочин. И. Кирѣевскаго, т. II, стр. 279.

частнаго быта древне-русскаго“ (слова Кирѣевскаго). Въ какое же время? спрашиваетъ Хомяковъ, въ эпоху ли кроваваго спора Ольговичей и Мономаховичей на Югѣ, Владимірскаго княженія съ Новымъ-Городомъ на Сѣверѣ и безнравственныхъ смуть Галича, безпрестанно измѣнявшаго самой Руси? Въ эпоху ли, когда московскіе князья, опираясь на дѣйствительное и законное стремление большей части земли русской къ спасительному единству, употребляли русское золото на подкупъ татаръ и татарское желѣзо на уничтоженіе своихъ русскихъ соперниковъ? Въ эпоху ли Василя Темнаго, ослѣпленнаго ближайшими родственниками и вступившаго въ свою отчину помощью полчищъ иноземныхъ? Или при Иванѣ III-мъ и его сынѣ-двуженцѣ? Нѣтъ, велико это слово, и какъ ни дорога мнѣ родная Русь въ ея славѣ современной и прошедшей, сказать его объ ней я не могу и не смѣю¹⁾. Хомяковъ также, какъ и всѣ славянофилы, убѣжденъ въ томъ, что христіанство прошедшее черезъ Византію, припало тѣ высокія качества, о которыхъ мы говорили уже выше. Византія „было ясно, говоритъ онъ, великое дѣло уяснить вполне Христіанское ученіе, и она совершила этотъ подвигъ не для себя только, но для насъ, для всего человѣчества для всѣхъ будущихъ вѣковъ. Сама имперія падала все ниже и ниже, истощая свои нравственныя силы въ разладѣ общественныхъ учрежденій съ нравственнымъ закономъ, признаваемымъ всѣми; но въ душѣ лучшихъ ея дѣятелей и мыслителей, въ ученіи школъ духовныхъ и особенно въ святилищѣ пустынь и монастырей, хранилась до конца чистота и дѣльность просвѣтительнаго начала. Въ нихъ спасалась будущая Русь“²⁾. Согласенъ также Хомяковъ и съ тѣмъ, что русскій народъ былъ хорошею почвой для христіанства: „Свѣжая земля, говоритъ онъ, не закопанная въ формы уже опредѣлявшагося общества политическаго, неспорченная завоеваніемъ... готовая къ принятію христіанства, она едва озрилась лучемъ латинскаго ученія, какъ уже стала выше Византіи“³⁾. Но, говоритъ онъ, „свойства начала ильнянаго и всесторонняго таковы, что самая его полнота и стройность требуютъ отъ общества или человѣка соотвѣтствующей стройности и полноты. Условное свободнѣе развивается въ исторіи, чѣмъ живое и органическое; разсудокъ въ человѣкѣ зрѣетъ гораздо легче, чѣмъ разумъ. Просвѣти-

¹⁾ Соч. Хомякова т. I, стр. 213—214.

²⁾ Соч. Хомякова, т. I, стр. 219.

³⁾ Соч. Хомякова, т. I, стр. 220.

тельное начало, сохраненное для насъ Византійскими мыслителями, требовало для быстрого и полного своего развитія такихъ условій цѣльности и стройности въ жизни общественной, которыхъ еще нигдѣ не встрѣчалось; достигнуть же ихъ можно было только при *такой независимости отъ вліяній внѣшнихъ, которыя невозможны на землѣ ни одному народу, всегда стѣсняемому и совращаемому съ пути силою и напоромъ другихъ народовъ. Россія не имѣла этой цѣльности съ самаго начала, а къ достиженію ея встрѣтила и должна была встрѣтить препятствія неодолимыя.* Она не островъ среди хранительной защиты моря, но была земля со всѣхъ сторонъ открытая и беззащитная по слабости своихъ естественныхъ границъ и со всѣхъ сторонъ искони окруженная народами, не знающими мира въ себѣ и потому всегда готовыми посягать на миръ другихъ“¹⁾. Въ этомъ вся суть возраженія Хомякова, т. е. въ признаніи внѣшнихъ историческихъ случайностей, мѣшавшихъ цѣльности и полноты развитія христіанскихъ началъ въ русскомъ народѣ. Разсмотримъ теперь эти историческіе факторы. Первымъ такимъ, очень важнымъ, факторомъ Хомяковъ считаетъ князя и его дружину „сѣверныя земли славянскія, гов. онъ, призывали вождя *иноземнаго* княжить у нихъ, устранивать порядокъ внутренній въ отношеніяхъ племенъ другъ къ другу и ограждать тишину внѣшнюю отъ нападенія недружелюбныхъ сосѣдей. Такъ общемою волею составился союзъ подъ княжескимъ правленіемъ Рюрика дома. Южныя переднія земли были заключены въ тотъ же союзъ, но почти всѣ *неволею*. Очевидно, *отношенія всей земли съ самаго начала не были одинаковы* ни къ общему союзу, ни къ общему правленію. Князья пришли изъ области Скандинавской съ дружиною чуждою и немалочисленною. Какъ бы ни была эта дружина близка, по своему происхожденію и обычаямъ, къ славянамъ, какъ бы ни пополнялась она въ послѣдствіи мѣстными стихіями: она была, по своему коренному значенію и положенію въ обществѣ, чужда землѣ и основана на иныхъ началахъ, чѣмъ туземныя общины, къ которымъ она не принадлежала, хотя и охраняла ихъ миръ внутренній и внѣшній... Дружина не принадлежала области и вольно служила князю... Чуждая мѣстной общинѣ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ болѣе независимая отъ нея, чѣмъ самъ князь, она не имѣла нигдѣ корня и, по необходимости, стремилась сомкнуться въ самой себѣ, въ порядокъ самостоятельный и отдѣльный отъ всего обще-

¹⁾ Сочин. Хомякова, т. I, стр. 220—221.

ства... Дружина въ старой Руси окончательна образовалась въ странную пугдѣ невиданную систему мѣстничества, которой основами служили, съ одной стороны, служебный разрядъ, съ другой—*родовая* лѣстница, и обѣ основы были одинаково чужды общей земской жизни. *Земщина не мѣстничалась*¹⁾.

.....„Княжескій родъ съ его шаткимъ престолонаслѣдіемъ быть склоненъ въ раздорамъ“, отсюда княжескія междоусобія. начало единенія было весьма слабо и никогда бы не восторжествовало, еслибы не церковь, заслугу которой, какъ объединительницы Русл. Хомяковъ ставитъ очень высоко, о чемъ мы уже говорили выше. Кромѣ раздвоенія общества Руси на дружину и земщину, Хомяковъ указываетъ еще на раздвоеніе, происходившее отъ естественнаго стремленія областей къ мѣстному обособленію, съ одной стороны, и высшимъ стремленіемъ къ общему единенію, съ другой стороны. Отсюда произошли тѣ кровавыя распри, междоусобія, братоубійства и др. темныя стороны древней Руси, которыя по мнѣнію Хомякова ясно свидѣтельствуютъ, что цѣльность, полнота и чистота просвѣтительнаго начала христіанскаго не проникла во весь бытъ русскаго народа, вслѣдствіе вышеприведенныхъ историческихъ препонъ.

Хомяковъ также не согласенъ съ тѣмъ, что древняя Русь приняла христіанство сознательно, во всей его полнотѣ и чистотѣ. По его мнѣнію, она восприняла сначала только обрядовую его сторону, а потомъ уже инстинктивно, въ силу сходства своего характера, народъ усвоилъ чистое христіанство.

„Безпристрастная критика, говорить онъ, должна признать, что земля Русская въ большей части своего населенія приняла болѣе *обрядъ церковный*, чѣмъ духовную вѣру и разумное исповѣданіе церкви“²⁾. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Большая часть сельскихъ міровъ приняла христіанство безъ яснаго пониманія его высокой святости; но ихъ кроткіе нравы и семейно-общинный бытъ, *согласуясь* съ его требованіями, освятились его благодатнымъ вліяніемъ и *прониклись его живымъ духомъ*. Сознаніе этого проникновенія выражаютъ они тѣмъ, что не знаютъ другого имени, кромѣ имени *Христіанъ* (крестьяне), и, обращаясь къ своему собратію, привѣтствуютъ его словомъ: „*православный*“³⁾. Это замѣчаніе Хомякова какъ бы противорѣчитъ предыдущему. Здѣсь видно, что христіанство проикло во весь бытъ народа, а раньше онъ говорилъ, что оно

¹⁾ Сочин Хомякова т. I, стр. 221—223.

²⁾ Сочин. Хомякова, т. I, стр. 232.

³⁾ Соч. Хомякова, т. I, стр. 242.

не могло проникнуть вслѣдствіе извѣстныхъ историческихъ предпосылокъ. Вообще все это возраженіе Хомякова по существу не такъ ужъ разнится отъ обще-славянофильскаго убѣжденія, какъ кажется это сначала. Новымъ здѣсь является то, что Хомяковъ признаетъ сильное вліяніе историческихъ факторовъ вообще, тогда какъ славянофилы, во всемъ вышеизложенномъ, ихъ совершенно игнорировали и рассматривали развитіе своихъ идей такъ, какъ будто бы ничего имъ не мѣшало. Въ этомъ сказалась ихъ общая отвлеченность отъ конкретной жизни.

Всѣ вышеизложенные взгляды славянофиловъ на два міра: Восточный и Западный вытекали изъ ихъ отношенія къ вѣрѣ съ ея атрибутами— разумностью, свойственной православію, и разсудочностью, свойственной католицизму и протестантизму, потому всѣ эти взгляды въ ихъ совокупности можно назвать „теологической системой“ ученія. Но, кромѣ теологической стороны, въ ученіи славянофиловъ были и чисто историческія стороны. Эта историческая часть ученія была вполнѣ согласна съ теологической частью и даже вытекала изъ нея, но здѣсь славянофилы больше и прочнѣе стоятъ на историко-бытовой почвѣ. Поэтому эту часть ученія славянофиловъ можно назвать, аналогично первой, „исторической системой“ ученія или проще „историческими взглядами“, къ изложению которыхъ мы теперь и перейдемъ.

ГЛАВА III.

Историческіе взгляды славянофиловъ.

При изложеніи историческихъ взглядовъ славянофиловъ мы будемъ придерживаться ученія Константина Аксакова больше, чѣмъ другихъ славянофиловъ. Дѣлаемъ мы это, во-первыхъ, потому, что К. Аксаковъ въ своихъ изслѣдованіяхъ, исходя изъ той-же общеславянофильской теологической системы, стоитъ больше и прочнѣе другихъ на историко-бытовой почвѣ. Во-вторыхъ, его понятія объ общинѣ и государствѣ „вытекаютъ не изъ теоріи, заимствованной откуда-нибудь“¹⁾, а суть плодъ его долгаго и тщательнаго изученія русской исторіи и русскаго быта. И еще потому, что эти историческіе взгляды у него наиболѣе полно изложены и обоснованы. Исходной точкой исторической части, да и вообще всего ученія славянофиловъ является „Народъ“ и „Народность“, поэтому прежде всего выяснимъ отношеніе славянофиловъ къ народу и народности, а также и самыя эти понятія.

1) Отношеніе славянофиловъ къ народу и народности.

Славянофилы очень близко стояли къ народу. Подолгу живя въ деревнѣ, среди народа, близко съ нимъ соприкасаясь, они отлично знали его бытъ, его характеръ, условія его жизни. Хорошо видѣли и понимали обездоленное, безправное его положеніе, вполне искренно и горячо желали ему помочь, найти выходъ къ свободѣ отъ рабства. Они страдали его страданіемъ и любили его всею своею благородной душой. „Нѣтъ сомнѣнія, гов. Пыпинъ, что въ славя-

¹⁾ Бестужевъ-Рюминъ. Ст. III, стр. I. „Отеч. Зап.“ за 1862 г. кн. III.

нофилахъ было теплое отношеніе къ народу, о которомъ забыли и общество и официальная народность, и это была лучшая наиболѣе сочувственная сторона ихъ ученія“. Но, будучи отвлеченными теоретиками, они и тутъ остались вѣрны себѣ и своему времени.

„Народъ, говорить Пынинъ, къ которому они стремились (и который они любили) былъ не столько настоящій, нынѣшній, которому они, конечно, желали добра,—сколько идеальный и именно прошедшій, потому что этотъ прошедшій народъ всего удобнѣе можно было изобразить представителемъ тѣхъ началъ, которыя они ставили краеугольнымъ камнемъ своей системы“¹⁾. Такимъ образомъ у славянофиловъ было двоякое отношеніе къ народу. Съ одной стороны, „народъ“ является у нихъ, какъ отвлеченное начало, съ которымъ они собственно и оперируютъ въ своемъ ученіи. Съ другой стороны, „народъ“ у нихъ является дѣйствительнымъ живымъ народомъ, которому они желаютъ помочь и, дѣйствительно помогаютъ, участвуя въ комиссіяхъ по освобожденію крестьянъ о чемъ будемъ говорить ниже. Теперь же выяснимъ, о какомъ „народѣ“ и „народности“ говорили славянофилы въ своемъ ученіи“. „Народность гов. К. Аксаковъ есть личность народа. Точно также, какъ человѣкъ не можетъ быть безъ личности, такъ и народъ безъ народности. Если же и можетъ встрѣтиться человѣкъ безъ личности, народъ безъ народности, то это явленіе жалкое, несчастное, бесполезное и себѣ и другимъ“.

.....„Народность—это есть живая цѣльная сила, имѣющая въ себѣ нѣчто неуловимое, какъ жизнь. И духъ и творчество художественное, и природа человѣческая, и даже природа мѣстная, все принимаетъ участіе въ этой силѣ“.

Да, продолжаетъ К. Аксаковъ, нужно признать всякую народность; изъ совокупности ихъ слагается обще-человѣческой хоръ. Народъ, теряющій свою народность, умолкаетъ и исчезаетъ изъ этого хора. Поэтому нѣтъ ничего грустнѣе, когда падаетъ и никнетъ народность, подъ гнетомъ тяжелыхъ обстоятельствъ, подъ давленіемъ другого народа. Но въ то же время какое странное и жалкое зрѣлище, если люди сами не знаютъ и не хотятъ знать своей народности, замѣняя ее подражаніемъ народностямъ чужимъ, въ которыхъ мечтается имъ обще-человѣческое значеніе!

Пусть каждый народъ сохраняетъ свой народный обликъ: только тогда будетъ имѣть онъ и человѣческое выраженіе“. И да-

¹⁾ Пынинъ, „Характ. литер. мнѣній“.

лѣе К. Аксаковъ кончаетъ свою характеристику народности слѣд. словами:

„..... Пусть свободно и ярко цвѣтутъ все народности въ чело-
вѣческомъ мірѣ; только онѣ даютъ дѣйствительность и энергію об-
щему труду народовъ.

Да здравствуетъ каждая народность“¹⁾!

Приведемъ еще опредѣленіе народности Юрія Самарина, ко-
торый подъ народностью понималъ тѣ начала, которыя заключены
въ народѣ и которыя народъ выполняетъ, не сознавая ихъ ограни-
ченности. „Подъ народностью, гов. Ю. Самаринъ, мы разумѣемъ
не только фактическое проявленіе отличительныхъ свойствъ народа
въ данную эпоху, но и тѣ начала, которыя народъ признаетъ, въ
которыя онъ вѣруетъ, къ осуществленію которыхъ онъ стремится,
которыми онъ повѣряетъ себя, по которымъ судить о себѣ и дру-
гихъ. Эти начала мы называемъ народными, потому что цѣлый на-
родъ ихъ себѣ усвоилъ, внесъ ихъ какъ власть, какъ правящую
силу, въ свою жизнь; но эти же начала представляются народу не
народными (т. е. не историческими и ограниченными), а безусловно
истинными, абсолютными. Потому то народъ и вноситъ ихъ въ
свою жизнь, что онъ въ нихъ видитъ полную и высшую истину;
за которую, выше, и далѣе которой, не хватаетъ его сознание. На-
родность этихъ началъ, въ смыслѣ ихъ ограниченности для него,
не можетъ быть видна; ибо уразумѣвъ ихъ ограниченность, онъ бы
бросилъ ихъ и принялъ бы другія..... Мы дорожимъ народностью,
потому что въ ней мы видимъ жизненное осуществленіе началъ
истинныхъ, въ сравненіи съ тѣми, которыя внесены романскими и
германскими племенами, которыя представляются намъ односторон-
ными т. е. относительно—ложными“¹⁾.

К. Аксаковъ объясняетъ какъ понимали славянофилы „народъ“,
преимущественно „простой народъ“ въ отличіе отъ „народности“,
какъ *національной совокупности*.

„Простой народъ, гов. К. Аксаковъ, есть основаніе всего об-
щественнаго зданія страны. И источникъ вещественнаго благосо-
стоянія, и источникъ внутренней силы и жизни и, наконецъ, мысль
всей страны—пребываютъ въ простомъ народѣ.

¹⁾ „Рус. Архивъ“ за 1900 г. кн. 11 стр. 377—377. Эти статьи были помѣ-
щены въ „Молвѣ“ 1857 г. и перепечаны въ „Р. Ар.“. Они были помѣщены
безъ подписи, но принадлежатъ К. Аксакову.

²⁾ Соч. Ю. Самарина т. I, стр. 150—151.

Находясь на низшей ступени лѣстницы житейской, внѣ всякихъ почестей и наружныхъ отличій, простой народъ имѣеть за то великія блага человѣческія: братство, цѣльность жизни, и—быть общинный.

Напрасно думаютъ, что простой народъ, продолжаетъ К. Аксаковъ, есть безсознательная масса людей... Нѣтъ, простой народъ имѣеть глубокія, основныя убѣжденія--условіе существованія для всей страны" ¹⁾. Далѣе К. Аксаковъ объясняетъ, что „простой народъ“ и есть собственно „народъ“ и названіе „крестьянинъ“, какъ и Хомяковъ, производитъ отъ „христианинъ“.

„Итакъ, гов. онъ, у простого народа нѣтъ никакихъ отличій или титуловъ, кромѣ званія человѣческаго или христіанскаго. О, какъ богата, восклицаетъ онъ эта бѣдность! И стоя на низшей ступени, какъ высоко стоитъ онъ!“ И далѣе заканчиваетъ словами крыловской басни, въ которыхъ простой народъ сравнивается съ корнями деревьевъ, а интеллигенція съ листьями:

„Красуйтесь въ добрый часъ,
(говорятъ корни листьямъ).
— Но помните ту разницу межъ насъ,
Что съ новою весной листь новый народится;
А если корень изсушится,—
Не станеть дерева, ни васъ“— ²⁾.

Такое важное значеніе давали славянофилы „народу“ и „народности“. Эти понятія составляютъ центральный пунктъ ихъ ученія, изъ котораго они исходили, и къ которому возвращались. Неотъемлемымъ свойствомъ этого народа славянофилы считали его общинный бытъ. Община, по ихъ мнѣнію, и есть та ячейка, изъ которой развивалась вся государственная и общественная жизнь Руси.

2) Взгляды славянофиловъ на общину и на ея отношенія къ личности, къ государству и къ вѣчу.

„Община, гов. К. Аксаковъ, есть то высшее, то истинное начало, которому уже не предстоить найти нѣчто себя высшее, а предстоить только преуспѣвать, очищаться и возвышаться... Община есть союзъ людей, отказывающихся отъ своего эгоизма, отъ лич-

¹⁾ „Русскій Архивъ“ за 1900 г. кн. 11, стр. 383—385.

²⁾ „Рус. Архивъ“ за 1900 г. кн. 11, стр. 385.

ности своей и являющихъ общее ихъ согласіе: это дѣйство любви, высокое дѣйство христіанское. Община представляетъ нравственный хоръ, и какъ въ хорѣ не теряется голосъ, но, подчиняясь общему строю, слышится въ согласіи всѣхъ голосовъ, такъ и въ общинѣ не теряется личность, но, отказываясь отъ своей исключительности для согласія общаго, она находитъ себя въ высшемъ очищенномъ видѣ, въ согласіи равнодѣрно самоотверженныхъ личностей; какъ въ созвучіи голосовъ каждый голосъ даетъ свой звукъ, такъ въ нравственномъ созвучіи личностей каждая личность слышна, но не одинаково, а согласно,—и предстаётъ высокое явленіе дружнаго совокупнаго бытія разумныхъ существъ (сознаній), предстаётъ братство; община — торжество звука человѣческаго.

Какъ явленіе жизни, явленіе свободное, община не имѣетъ и не можетъ имѣть въ себѣ ничего условнаго ¹⁾.

Въ другомъ мѣстѣ К. Аксаковъ говоритъ: „Община, этотъ высшій нравственный образъ человѣчества, является въ несовершенномъ видѣ на землѣ. Христіанство освятило и просвѣтило общину, дотолѣ неясно сознаваемую или предчувствуемую народами. И община стала идеаломъ недостижимымъ, къ которому предстоить вѣчно стремиться. Невозможность достигнуть полнаго осуществленія общины на этой землѣ не должна остаивать. Нельзя быть совершеннымъ христіаниномъ, но дѣло человѣка—вѣчно стремиться къ этому идеалу.

Начало общины есть, по преимуществу, начало Славянскаго племени и въ особенности русскаго народа, давшаго ему, кромѣ слова *общины*, иное жизненное наименованіе: „міръ“ ²⁾.

Такое высокое, идеальное, чисто нравственно-христіанское значеніе давали общинѣ славянофилы. Ни о какой *ассоціаціи* съ политическими или съ экономическими цѣлями здѣсь не можетъ быть и рѣчи. *Славянофильская община есть только нравственный союзъ безъ всякихъ цѣлей*. Это не есть какое-либо *учрежденіе*, а только *духовный союзъ*. Никакихъ *личныхъ* интересовъ въ общинѣ нѣтъ, но каждый имѣетъ въ виду благо *всѣхъ*, благо *цѣлаго*.

„Выраженіемъ совокупной нравственной дѣятельности общины (гов. К. Аксаковъ), есть *совѣщаніе* (вѣче, сходка, соборъ, дума). Совѣщаніе это имѣетъ цѣлью *общее согласіе*... при такомъ требованіи свободнаго согласія, совѣщаніе не можетъ окончиться, пока всѣ

¹⁾ Соч. К. Аксакова т. I, стр. 291 - 292.

²⁾ „Русскій Архивъ“ за 1900 г. кн. 11, стр. 373—374.

не соединятся въ одну мысль. пока не будетъ общаго согласія, пока, говоря словами лѣтписи, не снидутся въ любовь; отсюда вытекаетъ начало единогласія при рѣшеніяхъ общины, начало Славянское, отъ первыхъ временъ и доселѣ свято хранимое русскимъ народомъ... Начало большинства есть начало, по которому согласіе является не нужнымъ; начало насильственное, побѣждающее лишь физическимъ преимуществомъ: которыхъ *больше*, тѣ и одолѣвають тѣхъ, которыхъ меньше. Единогласіе трудно; по всякая высота нравственная трудна, и всего труднѣе быть христіанномъ; изъ этого не слѣдуетъ, чтобы человѣкъ отказывался отъ нравственной высоты христіанства.

Славяне стремились даже въ первыхъ временахъ сохранить свое (неотъемлимое) начало единогласія... Наболѣе же удержали это начало Славяне русскіе. Народъ нашъ, продолжаетъ К. Аксаковъ, держится его во всеї силѣ... крестьянинъ не можетъ помпириться съ разумностью большинства, не можетъ исказить своего высокаго разума этою нравственною и логическою нелѣпностью, и называетъ балотировку жеребьемъ, не уважая ее и признавая случайностью, неправдою... Понятно, что въ общинѣ, основанной на живомъ началѣ свободнаго нравственнаго согласія, слово, совѣщаніе должно имѣть весьма великое мѣсто, ибо насильственнаго нехода большинствомъ нѣтъ, и люди должны сговориться, убѣдить другъ друга, совѣщаться, согласиться“¹⁾.

При такомъ способѣ совѣщанія (вѣча), непремѣннымъ условіемъ котораго, по ученію славянофиловъ, является *единогласіе* всеї общины, повидимому, нѣтъ мѣста проявленію *личнаго* начала, личной воли, личнаго мнѣнія, однимъ словомъ *личность* должна подчиниться общинѣ. Но славянофилы, напротивъ, очень большое значеніе даютъ развитію личности въ общинѣ, и въ этомъ случаѣ они стоятъ на *чисто-нравственной* почвѣ. Въдъ нравственность, по ихъ мнѣнію, и сводится къ тому, чтобы отстаивая свою личность, не только не позволять развиваться ей во вредъ другимъ, но, напротивъ, вполне сознательно жертвовать собою для общей пользы. Славянофильская община не допускала развитія личности въ смыслѣ особой преимущественности или привилегированности, какъ это было на Западѣ. Личность въ общинѣ могла упорствовать, но уступая только внутреннему своему убѣжденію, а не численному большинству. „Разъединяющій эгоистическій элементъ личности.

¹⁾ Соч. К. Аксакова, т. I, стр. 292—293.

гов. К. Аксаковъ, умѣряется высшимъ началомъ живого союза народнаго, другими словами: великодушiемъ общиннаго элемента. Въ общинномъ союзѣ не уничтожаются личности, но отречаются лишь отъ своей исключительности, дабы составить согласное цѣлое, дабы явить желанное сочетанiе всѣхъ. Онѣ звучать въ общинѣ, не какъ отдѣльные голоса, но какъ хоръ“¹⁾. Общинный бытъ Славянъ, гов. также и Ю. Самаринъ, основанъ *не на отсутствii личности*, а на свободномъ и сознательномъ ея отреченiи отъ своего полновластiя“²⁾. „Въ обществѣ человѣческомъ, гов. К. Аксаковъ, предполагается *единство*, основанное на свободномъ согласii. Элементъ грубой силы, внѣшняго принужденiя не справляющагося ни съ мнѣнiемъ, ни съ убѣжденiемъ,—недостойнъ общества человѣческаго“³⁾.

При такомъ взглядѣ славянофиловъ на личность и на общину, гдѣ все основано на свободномъ убѣжденiи каждаго, и гдѣ нѣтъ ничего принудительнаго,—путь, по которому должно было совершаться развитiе общины, есть путь естественнаго, свободнаго развитiя. Такой путь славянофилы называли „путемъ внутренней правды“, а путь принудительнаго закона, путь насилiя надъ свободою личности и общины, они наз. „путемъ внѣшней правды“ или „государства“. „Нравственное дѣло, гов. К. Аксаковъ, должно и совершаться нравственнымъ путемъ, безъ помощи внѣшней, принудительной силы. Воплнѣ достойный путь одинъ для человѣка. путь свободнаго убѣжденiя, путь мира—*путь внутренней правды*... Существуетъ другой путь, гораздо, повидимому, болѣе удобный и простой; внутреннiй строй переносится во внѣ, и духовная свобода понимается только какъ устройство, порядокъ; основы, начала жизни понимаются, какъ правила и предписанiя. Все формулируется. Это путь не внутренней, а *внѣшней правды*, не совѣсти, а принудительнаго закона. Но такой путь имѣетъ неисчислимыя невыгоды. Прежде всего формула, какая бы то ни была, не можетъ обнять жизни: потомъ, налагаясь извѣ и являясь принудительною, она утрачиваетъ самую главную силу, силу внутренняго убѣжденiя и свободнаго ея призванiя; потомъ далѣе, давая такимъ образомъ человѣку возможность опираться на законъ, вооруженный принудительною силою, она усыпляетъ склонный къ лѣни духъ человѣческiй, легко и безъ труда успокаивая его исполненiемъ наложенныхъ формальныхъ требованiй, и избавляя отъ необходимости внутренней прав-

¹⁾ Соч. К. Аксаковъ. „Русскiй Архивъ“ за 1900 годъ кн. 11, стр. 373.

²⁾ Соч. Ю. Самарина, т. I, стр. 64.

³⁾ Соч. К. Аксакова, т. I, стр. 298.

ственной дѣятельности и внутренняго нравственнаго возражденія. Это *путь внѣшней правды, путь государства*. Этимъ путемъ двинулось Западное человѣчество¹⁾.

„Государство, гов. К. Аксаковъ въ другомъ мѣстѣ, стремится къ внѣшней правдѣ, и потому первое, что создаетъ оно,—это *форма*, регламентъ, извнѣ налагаемые на человѣка... Для Государства важно лишь внѣшнее обязательство, лишь форма, и до нравственности человѣческой и внутренней правды—ему дѣла нѣтъ... Государство, какъ бы говорить: я такъ устрою внѣшнюю правду моими институтами, учрежденіями, что не нужно будетъ правды внутренней, что люди будутъ честны, не имѣя надобности быть такими на самомъ дѣлѣ. Я такъ все устрою, что не будетъ надобности быть нравственнымъ.—Но торжество такого начала государственнаго—есть полнѣйшее уничтоженіе правды внутренней, единой, истинной, свободной правды“²⁾.

Теперь изъ области теоретическихъ отвлеченныхъ понятій и рассужденій славянофиловъ перейдемъ въ область конкретной исторической русской жизни и посмотримъ, какъ славянофилы смотрѣли на русскую исторію, и объясняли ее, исходя изъ своего отвлеченнаго начала „общины“, которую они кладутъ въ основу русской жизни, и всю русскую исторію разсматриваютъ, какъ борьбу или согласіе началъ общинныхъ и государственныхъ, или двухъ путей „внутренней“ и „внѣшней“ правды.

3) Взгляды славянофиловъ на русскую исторію съ точки зрѣнія общиннаго начала.

Доказательства семейно-общественнаго быта у Славянъ вообще и у русскихъ въ особенности занимаютъ очень видное мѣсто въ ученіи славянофиловъ. Касаться этихъ доказательствъ и полемики К. Аксакова съ сторонниками родового быта С. Соловьевымъ и Кавеликомъ мы здѣсь не будемъ, такъ какъ это нарушило бы цѣльность изложенія ученія, но объ этомъ мы скажемъ послѣ, а теперь перейдемъ къ дальнѣйшему изложенію историческихъ взглядовъ славянофиловъ, которые вытекаютъ изъ изложеннаго выше понятія общины и ея высокихъ чисто-нравственныхъ качествъ.

Итакъ, славянофильская община не содержитъ въ себѣ ничего внѣшняго, формальнаго, принудительнаго, т. е. ничего, что, по уче-

¹⁾ Соч. К. Аксакова, т. I, стр. 2—3.

²⁾ Соч. К. Аксаковъ. т. I, стр. 299—300.

пю славянофиловъ, свойственно государству, слѣдовательно *государства изъ себя община никоимъ образомъ не могла образоватъ*, и оно пришло извнѣ, его община призвала только подъ давленіемъ опасности со стороны внѣшнихъ враговъ, только изъ боязни потерять свое самобытное общинное начало.

„Славянскіе народы, гов. К. Аксаковъ, Русскій народъ, по преимуществу, есть народъ не государственный. Исторія застаеъ ихъ въ состояніи *общины*, слѣдовательно уже на высокой степени челоѣческаго совершенства, ибо состояніе общины не есть естественное состояніе (такое состояніе былъ бы родовой бытъ, котораго и слѣдовъ исторія у славянъ не находимъ). Состояніе общины есть уже сознательно-народное состояніе, есть челоѣческая заслуга.

Но можно ли обойтись безъ Государства на землѣ при несовершенствахъ челоѣческаго рода?

Нѣтъ невозможно. Вся сила заключается въ томъ, какъ отнесется народъ къ Государству, какъ къ *средству* или какъ къ *цѣли*; что государство для народа?

Въ этомъ взглядѣ на Государство заключается существенная разница между міромъ Славянскимъ и Западнымъ. *На Западъ это принципъ, идеалъ народовъ Въ славянскомъ мірѣ государство—неизбѣжная крайность, средство ради несовершенства челоѣческаго рода*“.

Далѣе К. Аксаковъ объясняетъ историческія внѣшнія причины, побудившія славянскую общину признать государство.

„Сосѣдніе драчливые народы всего болѣе мѣшали мирной жизни славянъ, являясь въ грязи военнаго насильственнаго могущества, покоряя ихъ и заставляя испытывать насильственную власть. Собравшись, славяне изгоняли насильниковъ, но они снова возвращались и снова надо было возвращаться и прогонять ихъ. Прежде всего эти насилія отъ народовъ, одушевленныхъ инымъ началомъ, потомъ, можетъ быть, и внутреннія неустройства, при челоѣческомъ несовершенствѣ не устраняемыя жизнью общинною, заставляли славянъ искать государства“¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ К. Аксаковъ говоритъ: „и внутреннія несовершенства, особенно у языческихъ народовъ, возмущали непрестанно мирный ходъ жизни“. Этому внутреннему раздору также много способствовали и внѣшніе враги. „Въ Россіи исторія застаеъ славянъ сѣверныхъ—подъ властію варяговъ, южныхъ—подъ властію казаръ. Сѣверные славяне прого-

¹⁾ Соч. Аксакова т. I. стр. 250.

няють варяговъ, и, можетъ быть, не *вслѣдствіе ли ихъ владычества*, возникаетъ *вражда* между ними и *ссоры другъ съ другомъ*.

Таковы были главныя помѣхи, и земля, *чтобы спасти себя, свою земскую жизнь*, рѣшается призвать на защиту государство. Но надо замѣтить, *славяне не образуютъ изъ себя государство, они призываютъ его*; они не изъ себя избираютъ князя, а ищутъ его за моремъ; такимъ образомъ, они не смѣшиваютъ земли съ государствомъ, прибѣгая къ послѣднему какъ къ необходимости для сохраненія первой. Государство, политическое устройство—не сдѣлалось цѣлью ихъ стремленія,—ибо они отдѣляли себя или земскую жизнь отъ государства, и для сохраненія первой, призвали послѣднее... „Земля наша велика и обильна, а наряду въ ней нѣтъ...“, говорили русскіе послы варягамъ („*Нарядъ*“, по объясненію Аксакова, означаетъ — государственное устройство (распоряженіе)¹⁾.

„Сѣверные славяне, говоритъ въ другомъ мѣстѣ К. Аксаковъ, изгоняютъ варяговъ и начинаютъ управляться сами: „почаща волюдѣти сами въ себѣ“. Замѣчательно это выраженіе Нестора. Мы понимаемъ его такъ, что славяне попытались было ввести у себя государственное устройство, но чуждое ихъ духу, оно не пошло у нихъ: „*не бѣ въ нихъ правды*“. Правда не значитъ здѣсь то, что мы разумѣемъ теперь подъ этимъ словомъ. *Правда* значитъ *управа, расправа*, имѣетъ значеніе юридическое, государственное. Далѣе Аксаковъ говоритъ о томъ, что славяне, почувствовавъ необходимость государства, не создали его *изъ себя*, не измѣнили своему общинному, чуждому всякой государственности, началу, а призвали его *изъ внѣ* и призвали совершенно добровольно. Это-то сознательное добровольное призваніе Рюриковичей и опредѣлило, по ученію славянофиловъ, всю даальнѣйшую русскую исторію. Въ особую заслугу Рюриковичамъ К. Аксаковъ ставитъ то, что они не смѣшивали началъ государственности съ началами общинными, что при нихъ „государство признавало за землею самостоятельность жизни и *нравственное право* мнѣнія, мысли, совѣта, право обычая“. Что при нихъ „понималось ясно, что не земля существуетъ для государства, а государство для земли“²⁾. (Добровольному призванію князей и этому „раздѣльному“ существованію государства и общины (земли), славянофилы давали очень важное значеніе).

Въ призваніи же добровольномъ, по мнѣнію К. Аксакова, означились уже отношенія земли и государства, именно—ихъ „взаимная

¹⁾ Сочин. Аксакова т. I, стр. 3.

²⁾ Соч. Аксакова, т. I, стр. 250.

довѣрчивость“ съ обѣихъ сторонъ. „Не брань, не вражда, какъ это было у другихъ народовъ, вслѣдствіе завоеванія, а миръ,“ вслѣдствіе добровольнаго призванія.

Такъ начинается Русская исторія. *Два силы въ ея основаніи, два двигателя и условія во всей Русской исторіи: земля и государство*¹⁾.

Раздѣльность земли и государства, при взаимномъ довѣрїи сторонъ, является однимъ изъ основныхъ положеній славянофильскаго ученія. Это начало довѣрїя, отсутствіе завоеванія и добровольное призваніе государства, представляются славянофиламъ отличительными особенностями русской исторіи.

Въ основаніи государства западнаго, говоритъ К. Аксаковъ, насиліе, рабство и вражда. Въ основаніи государства русскаго: добровольность, свобода и миръ. Эти начала составляютъ важное и рѣшительное различіе между Русью и Западной Европой. и опредѣляютъ исторію той и другой“. Пути ихъ совершенно различны и никогда не сойдутся. „Западъ, изъ состоянія рабства, продолжаетъ К. Аксаковъ, переходя въ состояніе бунта, принимаетъ бунтъ за свободу, хвалится ею и видитъ рабство въ Россіи. Россія же не бунтуетъ.... ибо бунтовать можетъ только рабъ, а свободный человѣкъ не бунтуетъ“. Къ этому различію политическому еще прибавляется различіе въ вѣрѣ. „Но пути эти стали еще различнѣе, говоритъ К. Аксаковъ, когда важнѣйшій вопросъ для человѣчества присоединился къ нимъ: *вопросъ вѣры*. Благедать сошла на Русь. Православная вѣра была принята ею. Западъ пошелъ по дорогѣ католицизма.... Ясно стало для русскаго народа, что истинная свобода только тамъ, идѣ же духъ Господень“²⁾.

Введеніемъ Православія въ исторію К. Аксаковъ соединяетъ историческую часть славянофильскаго ученія съ теологической частью, и такимъ образомъ связь и зависимость этихъ двухъ частей, какъ мы говорили раньше, подтверждается.

Стоя на чисто нравственной почвѣ, признавая свободное и добровольное согласіе государства и земли, основанное на взаимномъ довѣрїи, К. Аксаковъ говоритъ: „Но нѣтъ никакого обезпеченія, скажутъ намъ; или народъ, или власть могутъ измѣнить другъ другу. Гарантія нужна!—*Гарантія не нужна! Гарантія есть зло*. Гдѣ нужна она, тамъ нѣтъ добра; пусть лучше разрушится жизнь, въ которой нѣтъ добраго, чѣмъ стоять съ помощью зла.

¹⁾ Соч. Аксакова т. I, стр. 4.

²⁾ Соч. Аксакова т. I, стр. 8—9.

Вся сила въ идеаль. Да и что значать условія и договоры, какъ скоро нѣтъ силы внутренней? Никогда договоръ не удержитъ людей, какъ скоро нѣтъ внутренняго на это желанія. Вся сила въ нравственномъ убѣжденіи. Это сокровище есть въ Россіи, потому что она всегда въ него вѣрила и не прибѣгала къ договорамъ.

Понявъ съ принятіемъ христіанской вѣры, что свобода только въ духѣ, Россія постоянно стояла за свою душу, за свою вѣру. Съ другой стороны, зная, что совершенство на землѣ невозможно, она не искала земного совершенства, и поэтому, выбравъ *лучшую* (т. е. *меньшее изъ золъ*) изъ правительственныхъ формъ, она держалась ея постоянно, не считая ее совершенною. Признавая свободно власть, она не возставала противъ нея и не унижалась передъ нею^{*)}.

Теперь разсмотримъ, какъ, по ученію славянофиловъ, проявлялось въ русской исторіи сожительство двухъ такихъ разнородныхъ началъ, какъ *община* съ ея правомъ вѣча, съ ея свободою личности, мнѣнія, съ ея „путемъ внутренней правды“,—съ одной стороны, и *исударства* съ его „путемъ внѣшней правды“ или принудительнаго закона—съ другой стороны; разсмотримъ, какъ уживались эти начала, не связанные никакими „гарантіями“, никакими договорами, а основанныя только на взаимномъ довѣрїи, связанные только нравственно, только добровольнымъ признаніемъ обоюдныхъ правъ.

При разсмотрѣніи историческихъ взглядовъ славянофиловъ мы будемъ держаться того дѣленія на періоды по столицамъ, какого придерживается К. Аксаковъ. При разсмотрѣніи русской исторіи К. Аксаковъ дѣлитъ ее на періоды по столицамъ. Такого дѣленія онъ придерживается потому, что русская столица, по его мнѣнію, не представляетъ изъ себя ничего „исчерпывающаго, ничего деспотическаго, ничего централизующаго“. Русская столица есть только городъ, въ которомъ „болѣе, чѣмъ въ другомъ, вслѣдствіе какихъ-бы-то ни было причинъ выражается мысль эпохи; *въ столицахъ сознаетъ себя исторически народъ*; отъ этого въ русской исторіи такое преемство столицъ, нигдѣ невиданное; отъ этого и исторія русская можетъ дѣлиться по столицамъ, какъ по эпохамъ. Каждая эпоха имѣла свою столицу, и наконецъ, когда Россія раздѣлилась на двѣ стороны, земскую и государственную, явились и двѣ столицы“. Далѣе К. Аксаковъ разсматриваетъ Новгородъ, не признавая его за столицу Руси. „Новгородъ первый является на сценѣ исторіи.

*) Сочин. Аксакова т. I, стр. 9—10.

Онъ начинается русскую исторію. Но Новгородъ нельзя назвать столицею. Призванная имъ Русь (варяги) оставалась тамъ *недомо* и перешла на Югъ. Это былъ *первый станъ* ея, и только... Первая столица, безспорно, Кіевъ—мать русскихъ городовъ¹⁾. Къ разсмотрѣнію славянофильскихъ взглядовъ на русскую исторію съ ихъ дѣленіемъ ея на періоды, мы теперь и перейдемъ.

а) Кіевская Русь или Кіевскій періодъ.

„Періодъ отдѣльныхъ областей и общинъ, соединенныхъ въ *земскомъ отношеніи* единствомъ вѣры православной, а также и единствомъ народнымъ—быта и языка; въ *отношеніи государственномъ* соединенныхъ кровнымъ единствомъ князей, тѣмъ, что князья общинъ родные между собою, одного происхожденія. Иногда общины воюютъ другъ съ другомъ, и князья являются ихъ предводителями; иногда князья воюютъ между собою, и общины, смотря по обстоятельствамъ, помогаютъ имъ. Борьба между князьями идетъ за Кіевъ, не какъ за могущественное княжество, но какъ за почетнѣйшій престолъ. Здѣсь борьба идетъ за честь кіевского сидѣнья, борьба за столъ. Кіевъ, какъ столица, имѣетъ значеніе только для князей: *для земли* онъ важенъ, какъ метрополія, и тѣмъ самымъ, что не имѣетъ никакого притязанія быть ея столицей, и имѣетъ значеніе чисто мѣстное, областное. *Государственный элементъ еще не силенъ*“²⁾. Такимъ образомъ, общины въ этотъ періодъ сохраняютъ свою самостоятельность, слѣдовательно, имѣютъ право совѣщаній (вѣча) и живутъ въ мирѣ со своими князьями. Къ этому же періоду К. Аксаковъ относитъ и начало Земскихъ Соборовъ, которые онъ видитъ въ сѣздахъ князей.

Еще во времена княжествъ, во времена усобицъ, говоритъ онъ, видимъ мы опытъ, такъ сказать, земскихъ соборовъ... Именно, въ эпоху сѣздовъ (князей), именно, въ ту минуту, когда государство представляло, хотя шаткую, невѣрную, нетвердую, но кажущуюся цѣльность, явилась мысль о земскомъ соборѣ.... Въ 1091 г. Святополкъ, говоритъ К. Аксаковъ, и Владиміръ Мономахъ послали къ Олегу, такъ говоря: „пойди Кіеву, да порядъ положимъ о Русьстѣй земли, передъ епископы и передъ игумены, и передъ мужи отецъ нашихъ, и передъ людьми градскими, да быхомъ оборонили

¹⁾ Сочин. К. Аксакова т. I, стр. 45.

²⁾ Соч. К. Аксакова, т. I, стр. 45.

Русскую землю отъ поганыхъ“¹⁾, въ этомъ всесловномъ обращеніи К. Аксаковъ, вѣроятно, и видитъ прототипъ будущихъ земскихъ соборовъ.

Кіевскимъ періодомъ особенно восторгался Юрій Самаринъ. „Эта древняя, свѣтлая Русь, говоритъ онъ, она озарена какимъ-то весельемъ, праздничнымъ сіяньемъ. Разноплеменное населеніе окрестностей Кіева, торговый путь Греческій и другіе, проходившіе мимо Кіева или примыкавшіе къ нему, непрерывныя сношенія съ Византією, съ Западной Европой, церковныя торжества, соборы, княжескіе съѣзды, соединенныя ополченія, привлекавшія въ Кіевъ множество народа изъ всѣхъ концовъ Россіи, довольство, роскошь, множество церквей, засвидѣтельствованная иностранцами, рано пробудившаяся потребность книжнаго ученія, при этомъ какакая-то непринужденность и свобода въ отношеніяхъ людей различныхъ званій и сословій, наконецъ, внутреннее единство жизни, всеобщее стремленіе освятить всѣ отношенія религіознымъ началомъ, такъ ярко отразившееся въ воззрѣніи нашего древняго лѣтописца: все это вмѣстѣ указываетъ на такія условія и зародыши просвѣщенія, которые не всѣ перешли въ наслѣдство къ Руси Владимирской и Галицкой. Въ кіевскомъ періодѣ не было вовсе ни тѣсной исключительности, ни суроваго невѣжества позднѣйшихъ временъ..... Кіевская Русь остается какимъ-то блистательнымъ прологомъ къ нашей исторіи“²⁾.

б) Владимирскій періодъ или Владимирская Русь.

„Борьба князей принимаетъ другой характеръ; родственная связь слабѣетъ, и борьба идетъ за могущественное княжество, за матеріальную силу. Является много великихъ княженій. Борьба общинъ продолжается, но не столь сильно. Одно княжество думаетъ усиливаться на счетъ другого. Общины начинаютъ смыкаться въ матеріальныя отдѣльныя массы. Южная Русь еще хранитъ прежнія преданія. Сѣверная Русь совокупляется въ матеріальныя, сильныя отдѣльныя княжества. Новгородъ сохраняетъ свою древнюю отдѣльность особой общины, и, какъ особая община, идетъ впередъ, усиливается, завоевываетъ цѣлыя иноплеменные земли, ведетъ торговлю и войны, все на древнемъ славянскомъ общинномъ основаніи. Нашествіе татаръ даетъ чувствовать всѣмъ русскимъ общи-

¹⁾ Соч. К. Аксакова т. I, стр. 305.

²⁾ Соч. Ю. Самарина, т. I, стр. 55.

намъ—и ихъ духовную связь и выгоду взаимнаго земскаго союза. Метрополю перенесена во Владимиръ. *Государственный элементъ*, при ослабленіи родственной связи, на основаніи матеріальнаго могущества княженія, *усиливается* ¹⁾).

Относительно сохраненія земскаго, общиннаго начала въ обонхъ періодахъ Кіевскомъ и Владимирскомъ К. Аксаковъ говоритъ: „Народъ, при князьяхъ Рюриковичахъ, вездѣ сохранялъ свое Вѣче, свой свободный громкій голосъ. Но вѣче, совѣщаніе однако—чисто нравственное и свободное по существу своему, — носило въ то же время отпечатокъ грубой силы, нисколько не узаконенной, но являющейся случайно. Вѣче не рѣдко оканчивалось, въ Новгородѣ особенно, боемъ. Исторіи предлежало очистить высокое начало народнаго совѣта отъ примѣси грубой силы и возвести его къ единому достойному выраженію своему—къ слову ²⁾).

Что и совершилось въ Московскій періодъ въ созваніи земскихъ соборовъ, которые замѣняли вѣча.

в) Московскій періодъ или Московская Русь.

„Государство, доселѣ, въ лицѣ князей, съ одной стороны, соединявшее общины единствомъ ихъ происхожденія и взаимными ихъ притязаніями на княжескую власть, съ другой—раздѣляло эти общины особымъ властительнымъ значеніемъ cadaго князя и враждебностью ихъ отношеній..... Москва первая задумала единство государственное и начала уничтоженіе отдѣльныхъ княжествъ. Вся эта борьба княжествъ на общины не простиралась; *общины были довольны*, когда падали между ними государственныя перегородки. Государство, уничтожая ихъ, исполняло желаніе земли, и, *стремясь къ единству государственному, содѣйствовало единству земскому*. Нѣтъ ни одного примѣра, чтобы община заступилась за своего князя. Москва провозглашаетъ, наконецъ, имя всея Руси, *единачу русскаго государства и единой русской общины*, Русской земли.

Вотъ значеніе Москвы. *Особенности общинъ, ихъ обычаи сохраняются*; но въ то же время государство крѣпнетъ, власть его принимаетъ сильнѣйшіе размѣры и царственный видъ.—Орда падаетъ и падаетъ Византія; по соблазнительная практика татарскаго хава и соблазнительная теорія Византіи дѣйствуютъ сильно на великаго князя Московскаго. Удѣльные князья падаютъ, и, какъ-бы истребляя

¹⁾ Соч. К. Аксакова т. I, стр. 46.

²⁾ Соч. К. Аксакова, т. I, стр. 302.

память о какой-нибудь родственной связи въ дѣлѣ власти, Иванъ Васильевичъ откидываетъ отчество и подписывается Іоаннъ. Отъ Византіи принимаетъ онъ гербъ двуглаваго орла и вѣпчаетъ (но безъ помазанія) на царство своего внука, который однако не царствовалъ.—Іоаннъ IV принимаетъ титулъ царя. Но земля довѣрчиво смотритъ на новую великолѣпную наружность государства, довѣрчиво хранитъ свой союзъ съ нимъ, основанный на добровольной сдѣлкѣ. И государство Московское, не смотря на новый элементъ, не нарушаетъ въ основаніи этого союза. Русь, составляющая нынѣ одну общину, созывается въ Москву на *земскій соборъ, замѣняющій въчѣ*. Московскій періодъ представляетъ *одно государство всея Руси и одну общину всея Руси*, еще хранящія память о томъ взаимномъ довѣріи, которое было положено въ основу ихъ союза, еще при Рюрикѣ. Такимъ образомъ, Москва, соединяя Россію единствомъ государственнымъ съ одной стороны, съ другой стороны, соединяетъ всю русскую землю общимъ чувствомъ одной великой общины. Государство, опираясь на общину, утверждаетъ ея голосъ и участіе во всѣхъ дѣлахъ. Москва поддерживаетъ всѣ особенности и племенные и мѣстныя, и при единствѣ хранитъ разнообразіе. Прекращается династія князей Московскихъ. Русская земля обнаруживаетъ въ эту минуту, что она отвергаетъ совершенно преданія удѣльныя и избираетъ на царство не кого нибудь изъ многочисленныхъ Рюриковичей, а кто мудро ею правилъ, родственника послѣдняго царя древней династіи, Ѳедора, Бориса Годунова. Нашествіе новыхъ враговъ. Поляки, Шведы и другіе враги расхибаютъ въ дребезги государство Россійское. Москва находится въ рукахъ поляковъ; тогда подымается сама земля, сама община, и идетъ на бой. Побѣдоносно ея дѣло, враги низвергнуты, и русская земля въ 1612 г. находится въ томъ же положеніи, какъ въ 862 г. Враги изгнаны, государства нѣтъ, и земля, какъ видно довольная доселѣ государствомъ, вновь его призываетъ. Но уже не изъ-за моря; она была не прочь и отъ этого, но попытки ея еѣ доказали, что времена уже не тѣ, и что чуждый, призванный Государь принесетъ съ собою чуждый строй. Земля выбираетъ государя изъ своихъ русскихъ людей¹⁾.

Но „Земскіе Соборы продолжаютъ созываться еще чаще съ восшествіемъ на престолъ Романовыхъ. Земля принимаетъ участіе не только въ избраніи новой династіи, но и во осякомъ важномъ

¹⁾ Сочин. К. Аксакова т. I, стр. 46—48.

дѣлѣ. И земля и государство продолжаютъ идти рука въ руку; отступленія, которыя встрѣчаются, случайны, но система не мѣняется“¹⁾).

Въ другомъ мѣстѣ о земскихъ соборахъ, являющихся характерной чертой Московскаго періода, Аксаковъ говоритъ, что, когда государство было разрозненнымъ и раздробленнымъ, то въ ту пору русская земля „являлась отдѣльными общинами, имѣвшими отдѣльныхъ князей, но сознавала свою общую цѣлость. Жизнь земская выражалась *въчанами*, бывшими въ этихъ отдѣльныхъ общинахъ. Но какъ скоро государство стало единымъ надъ единою русскою землею, какъ скоро оно почувствовало свою цѣлость; какъ скоро великій князь московскій сталъ царемъ; тогда государство *единое*, обращается къ *единой* русской землѣ и зоветъ ее *всю на совыть*. *Первый* царь созываетъ первый земскій соборъ. На этомъ соборѣ встрѣчаются земля и государство и между ними утверждается свободный союзъ. Отношенія Царя и народа опредѣляются; *Правительству—сила власти, Землю—сила мнѣнія*. На земскомъ соборѣ торжественно признаются эти двѣ силы, согласно движущія Россію: *власть государственная и мысль народная*“.

Такимъ образомъ „древнія областныя вѣча не всегда оставшіяся въ предѣлахъ одного мнѣнія, но примѣшивавшія нерѣдко употребленіе грубой внѣшней силы, преобразились, при единодержавіи, въ земскій соборъ всей Россіи,—явленіе, уже имѣющее одну *чисто нравственную* силу мнѣнія, безъ всякой примѣси внѣшней принудительности,—силу, къ которой обращалось правительство, какъ и къ самой вѣрной и надежной опоркѣ. Выборные на земскомъ соборѣ отвѣчали въ такомъ родѣ: „Какъ *поступить* въ этомъ дѣлѣ, Государь—*твоя это воля; а наша мысль*—такова“²⁾“.

Земскій соборъ, по мнѣнію Аксакова, имѣетъ уже чисто нравственный характеръ. „Здѣсь мнѣніе имѣетъ одно, достойное себя, проявленіе— *слово*.... Земскій соборъ есть мнѣніе земли, есть дума земли по этому—земскій соборъ и наз. иногда земская дума“³⁾.... „*Право духовной свободы, т. е. свобода мысли и слова, есть неотъемлемое* право земли: только при немъ никакихъ правъ политическихъ она *не хочетъ*, предоставляя государству неограниченную власть политическую.... На земскихъ соборахъ присутствуютъ не

¹⁾ Ibidem., стр. 48—49.

²⁾ Соч. К. Аксакова, т. I, стр. 150.

³⁾ Соч. К. Аксакова, т. I, стр. 304.

только земскіе люди, но и духовенство, необходимое для полноты земли русской, и люди служилые. Но такъ какъ на этихъ соборахъ преобладаетъ лишь чисто земское начало, начало мнѣнія, совѣта, начало, чисто земское, то вся Россія является здѣсь существенною своею стороною, стороною нравственною, стороною земли, и весь соборъ именуется отъ этого земскимъ¹⁾“.

Тою же раздѣльностью земли и государства и обоюднымъ сознаніемъ своихъ правъ К. Аксаковъ объясняетъ и происхожденіе опричнины. Опричнина, по его мнѣнію, явилась изъ желанія Іоанна IV точно формулировать „два, соединенныя союзомъ, но не смѣшанныя начала въ Россіи, государство и землю; онъ хотѣлъ *разрознить эти два начала*. Главною его цѣлью при раздѣленіи было— *отвлечь Государство*, чтобы вполнѣ подчинить оное себѣ....., чтобы не было въ немъ ни связей съ землею, ни преданій,—ничего; онъ хотѣлъ видѣть въ окружающихъ себѣ безусловныхъ слугъ. И такимъ образомъ, какъ *опытъ*, произвелъ онъ разрывъ между государствомъ и землею. Явилась опричнина, государство, вполнѣ отъ земли отдѣленное, не имѣвшее никакой связи съ народомъ, никакихъ убѣжденій, кромѣ воли Государя, никакими нравственными требованіями не стѣсняемое, и потому необузданное. Это для Іоанна было идеаль государства..... Онъ оставилъ при земщинѣ особое управление и бояръ, назвавъ ихъ *земскими*. Въ дѣйствительности же при прикосновеніи съ дѣйствительностью, раздѣленіе государства и земли не могло осуществиться строго, раздѣлить ихъ совершенно было невозможно. ... по мысль отрѣшенія государства отъ земли,—выражалась очевидно въ самомъ названіи: Опричнина и земщина²⁾).

Такимъ образомъ, въ изложенныхъ нами взглядахъ славянофиловъ на древнюю, до Петровскую или, какъ они еще называютъ Московскую Русь, выдержанъ вездѣ основной взглядъ славянофиловъ—*раздѣльность земли и государства*, ихъ совмѣстное существованіе основанное на обоюдномъ довѣрціи и уваженіи чужихъ правъ. „Все что можно разобрать, гов. Хомяковъ, въ первыхъ началахъ исторіи русской, заключается въ немногихъ словахъ. Правительство изъ Варяговъ представляетъ внѣшнюю сторону; областныя вѣча—внутреннюю сторону государства. Во всей Россіи исполнительная власть, защита границъ, сношенія съ державами сосѣдними нахо-

¹⁾ Соч. К. Аксакова, т. I, стр. 296—297.

²⁾ Соч. К. Аксакова, т. I, стр. 157.

дятся въ рукахъ одной варяго-русской семьи, начальствующей наемною дружиною; судъ правды, сохраненіе обычаевъ, рѣшеніе всѣхъ вопросовъ правленія внутренняго, предоставлены народному совѣщанію¹⁾).

Такое взаимоотношеніе государства и земли продолжалось и дальше до Петра. Петръ нарушилъ это согласіе и съ него начинается иная жизнь для Россіи. Но прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію этого послѣ-петровскаго періода русской исторіи, мы остановимся еще на древней Руси, чтобы представить ее въ болѣе полномъ видѣ, согласно славянофильскому ученію. Мы уже говорили подробно при изложеніи взглядовъ славянофиловъ на Восточный міръ о характерѣ и степени образованности, о нравахъ общества, теперь мы обо всемъ этомъ напомнимъ, отчасти дополнимъ и резюмируемъ словами Хомякова.

„Жизненная сила всего древняго русскаго общества, несмотря на тревоженіе его и на внутренній трудъ общинъ, слившихся слиться въ одну великую русскую общину, говоритъ Хомяковъ, долго не подавляла разумнаго развитія личности. Пути мысли были свободны, все человѣческое было доступно человѣку (разумѣется, по мѣрѣ его знаній и умственныхъ силъ). Быть можетъ, перевѣсъ общественнаго начала былъ нѣсколько сильнѣе, чѣмъ слѣдовало, вслѣдствіе внутреннихъ смуть, предшествовавшихъ скрѣплѣнію государства, и вслѣдствіе ви́шнихъ грозъ (татарской и литовской), требовавшихъ сосредоточенія и напряженія общественныхъ силъ для отпора; но область личной мысли была еще довольно обширна. *Стихія народная не враждовала съ обще-человѣческимъ даже тогда, когда обще-человѣческое приходило къ намъ съ клеймомъ иноземнымъ.* Доказательствомъ тому служить знаніе иностранныхъ языковъ и особенно похвала этому знанію, призваніе иностранныхъ художниковъ, охотное сближеніе съ иностранцами даже духовнаго званія, вліяніе западнаго искусства на новгородскую иконопись, принятіе многихъ западныхъ сказокъ, знакомство съ нѣмецкими сагами изъ круга Нибелунговъ (какъ видно изъ Новгородскаго лѣтописца), наконецъ, сочувствіе съ явленіями Западнаго міра.... (напримѣръ, съ крестовыми походами) и со многимъ другимъ. Кажется, подозрительность и вражда къ западной мысли стали проявляться съ нѣкоторою силой послѣ Флорентинскаго Собора и латинскаго вассилія въ русскіхъ областяхъ, тогда подвластныхъ Польшѣ.... Мало-

¹⁾ Сочин. Хомякова, т. III, стр. 20.

по-малу народная стихія стала являться исключительною и враждебною ко всему иноземному.

Область духа человѣческаго была стѣснена; но такое стѣсненіе, противное какъ истинѣ человѣческой, такъ и требованіямъ духа русскаго и кореннымъ основамъ его внутренней жизни, должно было произвести сопротивленіе, доходящее до противоположной крайности. Борьба 1612 г. была не только борьбою государственной и политической, но и борьбою духовною. Европеизмъ съ его зломъ и добромъ, съ его соблазнами и истиною, являлся въ Россіи въ образѣ польской партіи. Салтыковы и ихъ товарищи были представителями западной мысли. Правда, въ нравственномъ отношеніи они не заслуживали уваженія. Иначе и быть не могло: нравственно-низкія души легче другихъ отрываются отъ святыни народной жизни.... Сила русскаго духа восторжествовала: Москва освобождена, Русскій царь на престолѣ; но требованіе мысли, возстающей противъ стѣснительнаго деспотизма обычаевъ и стихій мѣстныхъ, не осталось безъ представителей. Худшая сторона его выражалась въ такихъ людяхъ, какъ развратный бѣглець и клеветникъ Котошихинъ, или какъ Хворостининъ, который говорилъ, что: „Русскій людъ такъ глупъ, что съ нимъ жить нельзя“; но лучшая сторона того же требованія находила сочувствіе въ лучшихъ и благороднѣйшихъ душахъ¹⁾. О дружелюбномъ отношеніи до-петровской Руси къ иноземцамъ говоритъ также и К. Аксаковъ. „Древняя Россія, говоритъ онъ, выразила также свой взглядъ на сношенія международныя и на торговлю. Она признаетъ полную свободу сношеній торговыхъ и всякихъ. Московскіе послы говорятъ шведамъ: „Сотворилъ Богъ человѣка *самовластна* и далъ ему волю сухимъ и водянымъ путемъ, гдѣ ни захочетъ, ѣхать: такъ вамъ противъ воли Божіей стоять не годится, всѣхъ поморскихъ и нѣмецкихъ государствъ гостямъ и всякимъ торговымъ людямъ, землю и моремъ задержки и неволи чинить непригоже“²⁾. По мнѣнію славянофиловъ, древняя Русь высказывала также и вѣротерпимость.

„Россія, говоритъ К. Аксаковъ, высказываетъ также, уже извѣстный, признанный и другими за нею, ея взглядъ, что каждый имѣетъ право исповѣдывать свою вѣру. На просьбу Елисаветы, чтобы англичане могли жить по своей вѣрѣ, отвѣчали въ Россіи: „государю нашему до ихъ вѣры дѣла нѣтъ; многихъ вѣръ люди

¹⁾ Сочин. Хомякова т. I, стр. 153—154.

²⁾ Сочин. К. Аксакова т. I, стр. 252.

живуть въ нашемъ государствѣ, и никого государь отъ вѣры отводить не велить, всякій живетъ въ своей вѣрѣ“.

„Въ приведенныхъ примѣрахъ, говоритъ К. Аксаковъ, достаточно, кажется, высказывается высокій взглядъ русскаго народа. Это—*русское воззрѣніе*, которое въ то же время есть истинное общечеловѣческое“¹⁾.

Въ томъ, что древняя Русь имѣла мало общенія съ Западомъ, славянофилы винятъ Западъ за недружелюбное его отношеніе къ Руси. „Исторія, говоритъ К. Аксаковъ, доказываетъ намъ..., что не Русь чуждалась просвѣщенія, не Русь отворачивалась отъ Западной Европы: нѣтъ, она силилась заводить съ нею сношенія, она, оставаясь вполнѣ самостоятельною народностью, просила того общечеловѣческаго достоянія, тѣхъ плодовъ науки, которые успѣли созрѣть въ ея отсутствіе, на Западѣ, на его народностяхъ. Но какъ отвѣчала на это Западная Европа?—Едва стала рѣдѣть, лежавшая рядомъ съ нею, густая, тяжелая мгла татарская, и изъ этой мглы выглянулъ бодрый и крѣпкій, новый какой-то народъ, съ какими-то своими понятіями и началами, и едва этотъ народъ обратился къ Европѣ съ просьбою подѣлиться съ нимъ просвѣщеніемъ, какъ, проникнутая враждебностью, Европа не только не дала ему своего просвѣщенія, но приняла строгія мѣры, чтобы просвѣщеніе не проникло въ Русь какъ-нибудь случайнымъ образомъ черезъ частныхъ людей“²⁾.

По мнѣнію славянофиловъ, все, что есть лучшаго въ Россіи, беретъ свое начало въ древней Руси.

„Эти-то лучшіе инстинкты, говоритъ Хомяковъ, души русской, образованной и облагороженной христіанствомъ, эти-то воспоминанія древности *неизвѣстной, но живущей въ насъ тайно, произвели все хорошее*, чѣмъ мы можемъ гордиться: уничтоженіе смертной казни, освобожденіе Греціи и церкви греческой въ нѣдрахъ самой Турціи, открытіе законныхъ путей къ возвышенію лицъ по лѣстницѣ государственныхъ чиновъ, *подъ условіемъ заслугъ* или просто просвѣщенія, мирное направленіе политики, провозглашеніе закона Христа и правды, какъ единственныхъ законовъ, на которыхъ должны основаться жизнь народовъ и ихъ взаимныя сношенія. Кое-что сдѣлано: болѣе, несравненно болѣе, остается сдѣлать такого, на что вызываетъ насъ духъ, живущій въ воспоминаніяхъ, преданіяхъ или сим-

¹⁾ Соч. Аксакова т. I, стр. 253.

²⁾ Соч. К. Аксакова. т. I, стр. 265—266.

волахъ, удѣлѣвшихъ отъ древности. Весь этотъ прекрасный міръ замиралъ, почти замеръ въ безпрестанныхъ борьбахъ, внутреннихъ и внѣшнихъ, Россіи“¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ Хомяковъ указываетъ, какъ замиралъ этотъ „прекрасный міръ“ древней Руси и переходить въ новый періодъ усиленія государства.

„По мѣрѣ того, говоритъ онъ, какъ царство русское образовывалось и крѣпло, изглаживались мало-по-малу слѣды перваго, чистаго и патріархальнаго состава общества. Вольности городовъ пропадали, замолкали вѣча, отмѣнялось заступничество тысяцкихъ, вкрадывалось мѣстничество, составлялась аристократія, люди прикрѣплялись къ землѣ, какъ прозябающіе, и добро нравственное сохранялось уже только въ мертвыхъ формахъ, лишенныхъ прежняго содержанія. Невозможно государству подвигаться въ одно время по всѣмъ направленіямъ. Когда наступила минута, въ которую самое существованіе его подвергалось опасности, когда, безмѣрно, расширяясь и помня прежнее свое рожденіе, оно испугалось будущаго; когда, оставляя безъ вниманія всѣ частныя и мелкія выгоды личныя, пренебрегая обычаи и установленія, нѣсколько обветшавшія, не остававливаясь, чтобы отыскивать прекрасную сущность, обратившуюся въ бесполезный обрядъ, государство устремилось къ одной цѣли, задало себѣ одну задачу и напрягло всѣ силы, чтобы разрѣшить ее: задача состояла въ сплоченіи разрозненныхъ частей, въ укрѣпленіи связей правительственныхъ, въ усовершенствованіи. такъ сказать, механическомъ всего общественнаго состава.

Іоаннъ III утягощаетъ свободу сѣверныхъ городовъ и утверждаетъ обряды мѣстничества, чтобы всѣ удѣлы притянуть въ Москву общею нумераціею боярскихъ родовъ; Іоаннъ IV выдумываетъ опричину; Θεодоръ воздвигаетъ въ Москвѣ патріаршій престолъ; Годуновъ укрѣпляетъ людей къ землѣ; Алексѣй Михайловичъ заводитъ армію на ладъ западный; Θεодоръ уничтожаетъ мѣстничество, сдѣлавшееся бесполезнымъ для власти и вреднымъ для Россіи и, наконецъ, является окончатель нхъ подвига, воля желѣзная, умъ необычайный, но обращенный только въ одну сторону, человѣкъ, для котораго мы не находимъ ни достаточно похвалъ, ни достаточно упрековъ, но о которомъ потомство вспомнить только съ благодарностью, —является Петръ“²⁾.

Къ разсмотрѣнію взглядовъ славянофиловъ на Петра мы и перейдемъ.

¹⁾ Сочин. Хомякова, т. III, стр. 19—20.

²⁾ Сочин. Хомякова, т. III, стр. 17—18.

4) Взгляды славянофиловъ на реформы Петра, и г) Петербургскій періодъ русской исторіи.

Относясь враждебно къ реформамъ, или вѣрнѣе къ послѣдствіямъ реформъ, Петра, славянофилы отдають должную справедливость и удивленіе геніальной личности преобразователя. „Одинъ изъ могущественнѣйшихъ умовъ, и едва не сильнѣйшая воля, какія представляетъ намъ лѣтопись народовъ, былъ Петръ 1)“, гов. Хомяковъ. Онъ даже находитъ появленіе Петра своевременнымъ, какъ грозу, которая освѣжила душную атмосферу русской общественности. „Между тѣмъ, гов. Хомяковъ, когда всѣ обычаи старины всѣ права и вольности городовъ и сословія были принесены на жертву для составленія плотнаго тѣла государства; когда люди, охраненные вещественною властью, стали жить не другъ съ другомъ, а такъ сказать, другъ подлѣ друга, язва безправственности общественной распространилась безмѣрно, и всѣ худшія страсти человѣка развились на просторѣ: корыстолюбіе въ судьяхъ, которыхъ имя сдѣлалось притчею въ народѣ, честолюбіе въ боярахъ, которые просились въ аристократію, властолюбіе въ духовенствѣ, которое стремилось поставить новый папскій престолъ. Явился Петръ и по какому то странному инстинкту души высокой, обнявъ однимъ взглядомъ всѣ болѣзни отечества, постигнувъ все прекрасное и святое значеніе слова: государство, онъ ударилъ по Россіи, какъ страшная, но благодѣтельная гроза. Ударъ по сословію судей-воровъ; ударъ по боярамъ, думающимъ о родахъ своихъ и забывающимъ родину; ударъ по монахамъ, нищимъ душеспасенія въ келіяхъ и поборовъ по городамъ, а забывающимъ церковь и челоуѣчество, и братство христіанское 2).... Много ошибокъ помрачаютъ славу преобразователя Россіи, но ему остается честь пробужденія ея къ силѣ и къ сознанію силы. Средства имъ употребленныя были грубыя и вещественныя; но не забудемъ, что силы духовныя принадлежать народу и церкви, а не правительству; правительству же предоставлено только пробуждать или убивать ихъ дѣятельность какимъ-то насиліемъ, болѣе или менѣе суровымъ. Но

1) Соч. Хомякова т. I стр. 155 т. I.

2) Приведенныя слова Хомякова, какъ-бы противорѣчатъ обще-славянскому взгляду на „древнюю Русь“, идеальную по своему состоянію, но здѣсь Хомяковъ говоритъ о порчѣ *не среди народа, общины, земли, а внутри самого „Государства“*, его чиновниковъ, что понятно при принципѣ раздѣленія земли и государства.

грустно подумать, что тотъ кто такъ живо и сильно понялъ смыслъ *юсударства*, кто поработилъ вполнѣ ему свою личность, также, какъ и личность всѣхъ подданныхъ, не вспомнилъ въ то же время, что тамъ только сила, гдѣ любовь, а любовь только тамъ, гдѣ личная свобода¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ Хомяковъ гов.: „Какъ бы строго не судила Петра будущая исторія (и безспорно много тяжкихъ обвиненій падеть на его память), она признаетъ, что направленіе, котораго онъ былъ представителемъ, *не было совершенно неправымъ: оно сдѣлалось неправымъ только въ своемъ торжествѣ*, а это торжество было полно и совершенно. Нечего говорить, что всѣ Катошихины, Хворостинины—и Салтыковы бросились съ жадностью по слѣдамъ Петра, рады-радехоцьки тому, что освободились отъ тяжелыхъ требованій и *нравственныхъ законовъ духа народнаго*, что они, такъ сказать, могли распылаться въ русскій нѣсть. Та *доля правды*, которая заключалась въ торжествующемъ протестѣ Петра увлекла многихъ и лучшихъ; окончательно же соблазнъ житейскій увлекъ всѣхъ.

Такимъ образомъ, *вслѣдствіе историческихъ случайностей*, совершился въ Россіи разрывъ²⁾ со своими русскими національными началами. Новое направленіе русской жизни послѣ Петра Хомяковъ наз. „*вигизмъ*“ подъ которымъ онъ разумѣетъ: „одностороннее развитіе личнаго ума, отрѣшающагося отъ преданій и исторической жизни общества³⁾. Далѣе онъ такъ характеризуетъ этотъ „*русскій вигизмъ*“: „Вигизмъ нашего общества, порожденный не внутреннимъ закономъ духовной народной жизни, а только *историческою случайностью* внѣшнихъ отношеній русской земли и временнымъ деспотизмомъ мѣстнаго обычая,—онъ сначала явился протестомъ противъ случайнаго явленія, но по закону, можетъ необходимому, онъ сдѣлался протестомъ противъ всей народной жизни, противъ всей ея сущности; онъ отлучилъ отъ себя все русское начало, и самъ отъ него отлучился. Безсильный лишенный всякаго внутренняго содержанія (ибо онъ былъ только отрицаніемъ), лишенный всякой духовной жизни, ибо онъ оторвался вполнѣ отъ своей родной земли,—онъ былъ принужденъ, и не могъ не быть принужденнымъ, прицѣпиться къ другому историческому и сильному умственному движенію, къ движенію Запада, котораго онъ

¹⁾ Соч. Хомякова т. III, стр. 27—29.

²⁾ Сочин. Хомякова т. I, стр. 155.

³⁾ Сочин. Хомякова, т. I, стр. 155.

сдѣлался *школьникомъ и рабомъ*. Это духовное рабство передъ западнымъ міромъ, этотъ ожесточенный антагонизмъ противъ русской земли..... представляютъ весьма любопытное и поучительное явленіе. Отрицаніе всего русскаго, отъ названій до обычаевъ, отъ мелочныхъ подробностей одежды до существенныхъ основъ жизни доходило до крайнихъ предѣловъ возможности. Въ немъ проявлялась какая-то комическая восторженность, обличающая въ одно время величайшую умственную скудость и совершеннѣйшее самодовольствіе.....

Таковы послѣдствія нашего общественнаго направленія, нашего домашняго визгима ¹⁾ начало котораго, по ученію славянофиловъ, было положено Петромъ. О томъ же подражаніи Западу и пренебреженіи своему родному, явившемуся результатомъ „переворота“ Петра, гов. и К. Аксаковъ. „Переворотъ Петра, гов. онъ, коснулся самыхъ корней родного дерева..... Изъ могучей земли, могучей болѣе всего вѣрою и внутреннею жизнью, смиреніемъ и тишиною, Петръ захотѣлъ образовать могущество и славу земную, захотѣлъ слѣдовательно оторвать Русь отъ родныхъ источниковъ ея жизни, захотѣлъ втолкнуть Русь на путь Запада, путь ложный и опасный. Петръ подчинилъ Россію вліянію Запада; всѣмъ извѣстное подражаніе Западу доходило до неистовства. Отъ Запада Россія принимала все, начиная отъ началъ до результатовъ, отъ образа мыслей до языка и покроя платья. Горькое, горькое явленіе! Бѣдственное и унижительное! Но благодареніе Богу,—не вся Россія, а только часть пошла этимъ путемъ. Только часть Россіи оставила путь смиренія и, слѣдовательно, вѣры..... Но эта часть сильна и богата, отъ нея зависитъ другая, неизмѣнившая вѣрѣ и землѣ родной..... Но, явленіе горькое! неизмѣнившая роднымъ началамъ часть Россіи—все же русскіе люди; они имѣютъ вліяніе на дѣла русской земли, и если не соблазняютъ всей массы вѣрныхъ, то часто отрываютъ отъ нея по одиночкѣ то, того то другого“ ²⁾.

Славянофилы находили также ненужнымъ и перенесеніе Петромъ столицы въ Петербургъ изъ любимой ими Москвы. „Съ Петромъ, гов. Хомяковъ, начинается новая эпоха. Россія сходится съ Западомъ, (который до того времени былъ совершенно чуждъ ей“ ³⁾.

¹⁾ Соч. Хомякова т. I, стр. 155—156.

²⁾ Соч. К. Аксакова т. I, стр. 23.

³⁾ Явное противорѣчіе Хомякова самому себѣ. Въ выше приведенныхъ мѣстахъ онъ какъ разъ говоритъ обратное, что древняя Русь была знакома еще до Петра съ Западомъ и перенимала у него все полезное, слѣд. Западъ не былъ ей чуждъ.

Она изъ Москвы выдвигается на границу, на морской берегъ, чтобы быть доступнѣе влиянію другихъ земель торговыхъ и просвѣщенныхъ. Но это движеніе не было дѣйствиемъ воли народной; Петербургъ былъ и будетъ единственно городомъ правительственнымъ... Жизнь власти государственной и жизнь духа народнаго раздѣлились даже мѣстомъ ихъ сосредоточенія¹⁾. Такимъ мѣстомъ сосредоточенія истинныхъ русскихъ началъ является, по мнѣнію славянофиловъ, Москва.

„Но Москва, говоритъ К. Аксаковъ, не перестала быть столицей Россіи. Полтора ста слишкомъ лѣтъ прошло съ основанія Петербурга. Въ теченіе этихъ лѣтъ было народное событіе, былъ новый 12-й годъ... Москва вновь пострадала за Россію... Москва есть древній Русскій городъ, имѣющій въ то же время всю силу и живость современности. Москва! Это такое имя, на которое отзвучаетъ со всѣхъ далекихъ концовъ Россіи. Слава Богу, что у насъ есть такой городъ, есть такое имя.

Москва имѣетъ важное, существенное значеніе и для той части Россіи, которая отдѣлилась отъ древнихъ народныхъ началъ. Эта отвлеченная часть Россіи соединена съ Москвою благороднѣйшею стороною своей дѣятельности. Въ Москвѣ преимущественно идетъ умственная работа; въ ней—древнѣйшій русскій Университетъ. Въ ней силенъ интересъ мысли и науки“²⁾.

Итакъ Древняя Русь, по ученію славянофиловъ, нисколько не чуждалась Запада. Она цѣнила его знанія и заимствовала то, что было для нея полезно. Это заимствованіе совершалось постепенно, естественнымъ, такъ сказать, порядкомъ, при чемъ Древняя Русь все заимствованное у Запада перерабатывала на свой ладъ, подчиняла его своему народно-православному началу. Противъ такого усвоенія всего Западнаго славянофилы ничего не имѣютъ, напротивъ, они считаютъ его очень полезнымъ для Россіи. Петръ же, по ихъ мнѣнію, захотѣлъ все Западно *сразу* пересадить на русскую почву, не разграничивая полезнаго отъ вреднаго, нужнаго отъ ненужнаго, нравственнаго отъ безнравственнаго. Отъ этого получилась путаница. Россія, не готовая еще къ воспринятію *всею* Западнаго, начала перенимать или вѣрнѣе *подражать* всему, что только было не русское, что было чужое. Но отъ такого быстраго заимствованія, произошло только самое поверхностное подражаніе

¹⁾ Соч. Хомякова, т. III, стр. 26.

²⁾ „Русск. Архивъ“ за 1900 г. кн. 11, стр. 382.

Западу. Мы стали „Школьниками“ Запада, стали стыдиться всего своего родного. Такое подражаніе Западу славянофилы считали очень вреднымъ для Россіи, и въ этомъ они винили Петра, это было главной причиной ихъ непріязни къ реформамъ Петра. Это задѣвало ихъ сильно развитое національное чувство и усиливало ихъ протестъ противъ Запада, способствуя слишкомъ большому идеализированію и превозношенію Руси древней передъ Русью послѣ-петровской.

К. Аксаковъ такъ характеризуетъ заимствованія у Запада Древней и Петровской Русью:

„Древняя Русь, говоритъ онъ, желая просвѣщенія, готова взять плоды его, откуда бы то ни было, *оставалась* и хотѣла остаться *сама собою, хотѣла усвоить себѣ просвѣщеніе самостоятельно, свободно*, не переходя въ рабство, въ подобострастную подражательность, съ голосу, безъ разсужденія. Первое, т. е.: усвоеніе *самостоятельное* чужихъ успѣховъ и знаній—несравненно тяжело, ибо требуетъ труда, требуетъ самобытной дѣятельности мысли, требуетъ собственной духовной работы; это усвоеніе *сознательное, разумное и критическое*.

Второе, т. е.: подражаніе рабское, безусловное,—несравненно легче, трудъ самый не трудный и пріятный для тѣхъ, кому самостоятельность не подъ силу. Путемъ такого-то подражанія, или перениманья, путемъ безплоднымъ, пошла Русь Петровская, и шла полтораста лѣтъ. Но требованіе самостоятельности, давно пачинавшее проявляться, громко заявило себя въ наше время въ цѣломъ опредѣлившемся направленіи“, т. е. въ славянофильствѣ.

„Такимъ образомъ, продолжаетъ Аксаковъ, стремленіе (и при томъ истинное) къ просвѣщенію, къ сближенію (и при томъ самостоятельному) съ Западною Европою, было и до Петра. Отсюда совершенно вѣрно, выходитъ такое заключеніе, что *все, что было истиннаго въ дѣлахъ и реформъ Петра—принадлежитъ не ему; а все остальное—принадлежитъ ему*“¹⁾.

Итакъ, подражаніе Западу измѣняло ходъ просвѣщенія древней Руси,—это былъ одинъ самый важный упрекъ славянофиловъ Петру и его реформамъ. Другой не менѣе важный упрекъ былъ въ томъ, что Петръ нарушилъ также и государственно-общинный ходъ древней Руси, нарушивъ Союзъ Земли и Государства.

¹⁾ Соч. К. Аксаковъ, т. I, стр. 266.

„Начала Русскаго народа, говоритъ К. Аксаковъ, значеніе Земли и Государства, ихъ добровольный союзъ и отношенія, вся эта система нарушилась Петромъ. Государство перешло границы и сдавило общину въ ея обычаяхъ, въ ея жизни; оно распространило свое государственное начало на народъ и подчинило его этому внѣшнему началу. Народъ еще хранитъ свою общину и смотритъ на современное положеніе, какъ на проходящее зло; онъ не хочетъ самъ государственной власти; но уже многія отрываются отъ народнаго преданія, отъ внутренняго начала. Мало по малу скопляются буйныя ватаги, опасныя для будущаго. *Государство не хочетъ дать власти народу, но, мѣшаясь въ жизнь его, внося даже въ устройство дома и домашней жизни, свой государственный порядокъ, оно вноситъ государственный духъ.* Народъ еще держится и хранитъ, какъ можетъ, свои народныя кроткія общинныя преданія, но если, уступивъ..... проникнется онъ самъ государственнымъ духомъ, если захочетъ самъ быть, наконецъ, Государствомъ, тогда..... погибнетъ внутреннее начало свободы“¹⁾.

Это нарушеніе союза Государствомъ К. Аксаковъ разсматриваетъ подробно при обзорѣ петербургскаго періода, гдѣ также резюмируется и все сказанное нами о Петрѣ.

г) Петербургскій періодъ.

„Государство совершаетъ переворотъ, разрываетъ союзъ съ землею и подчиняетъ ее себѣ, начиная новый порядокъ вещей. Оно спѣшитъ построить новую столицу, *Свою*, не имѣющаго ничего общаго съ Россіей, никакихъ русскихъ воспоминаній. Измѣняя землѣ Русской, народу, Государство измѣняетъ и народности, образуется по примѣру Запада, гдѣ наиболѣе развилась Государственность, и вводитъ подражательность чужимъ краямъ, Западной Европѣ. Гоненіе на все русское. Люди государственные, люди служилые, переходятъ на сторону Государства. Народъ, собственно простой народъ, остается при прежнихъ началахъ. Переворотъ сопровождается насиліемъ. Впослѣдствіи преобразованные классы дѣйствуютъ соблазномъ разврата, выгодъ и преимуществъ на простой народъ; отъ него по одиночкѣ отстаютъ и переходятъ на враждебную сторону, но весь народъ, въ цѣломъ, остается тотъ же. Россія раздѣлилась на двое и на двѣ столицы. Съ одной стороны, Госу-

¹⁾ Соч. К. Аксакова, т. I, стр. 58.

дарство съ своей иностранной столицей Санктъ-Петербургомъ: съ другой стороны—земля, народъ, съ своей русской столицей Москвой. Нашествіе Наполеона на государство и землю русскую. Государство въ смятеніи, обращается къ землѣ и къ Москвѣ и проситъ о помощи, Москва принимаетъ ударъ. Москва и земля спасаютъ себя и государство.—Несмотря на то, полный плѣнъ нравственный, подъ игомъ Запада, верхнихъ классовъ, примыкающихъ къ государству.—Наконецъ, наступаетъ борьба. Москва начинаетъ и продолжаетъ дѣло нравственнаго освобожденія поднимаетъ, вновь знамя русской самобытности, русской мысли. Въ наше время среди верхнихъ классовъ, отъ народа оторванныхъ, пробуждается сознание ложности направленія иностраннаго, и стыдъ обезьянства. Русская мысль начинаетъ освобождаться изъ плѣна; вся дѣятельность ея въ Москвѣ и изъ Москвы,—и окончаніе долгаго испытанія, а вмѣстѣ и торжество и возникновеніе истинной Руси и Москвы, кажется, приближается.—Русскіе, позабывшіе свою Русь, начинаютъ ее вспоминать. Усилія ученой дѣятельности, направленной со всѣхъ сторонъ къ Россіи.—Главное, существенное дѣло—нравственная духовная свобода. Она возникаетъ... „То, что мы назвали 4-мъ періодомъ, лучше назвать эпизодомъ, ибо Москва не перестала (и не перестанетъ) быть истинною русскою столицей. 1812 годъ ясно это доказываетъ. По нашему мнѣнію, собственно три періода: Кіевскій, Владимірскій, Московскій. Москва... нераздѣльна съ Россією“¹⁾.

Такимъ образомъ, Петръ по общему признанію славянофиловъ является нарушителемъ прежняго пути древней Руси, по славянофилы не отрицали, что и до Петра уже было нарушеніе этого пути, только Петръ его окончательно сформулировалъ и утвердилъ. Иванъ Кирѣевскій задаетъ вопросъ: „какъ возможенъ былъ Петръ, разрушитель русскаго и вводитель нѣмецкаго?“, и отвѣчаетъ на этотъ вопросъ: „одинъ фактъ, говоритъ онъ, въ нашей исторіи объясняетъ намъ причину такого несчастнаго переворота; этотъ фактъ есть *Стоглавыи Соборъ*. Какъ скоро ересь явилась въ Церкви, такъ раздоръ духа долженъ былъ отразиться и въ жизни. Явились партія, болѣе или менѣе уклоняющіяся отъ истины. Партія нововводительная одолѣла партію старины, именно потому, что старина разорвана была разномысліемъ. Оттуда, при разрушеніи связи духовной, внутренней, явилась необходимость связи вещественной, формальной. Оттуда мѣстничество, причина, рабство и т. п. Оттуда искаженіе

¹⁾ Соч. К. Аксакова, т. I, стр. 49—50.

книгъ по заблужденію и невѣжеству, исправленіе ихъ по частному разумѣнію и произвольной критикѣ. Оттуда передъ Петромъ правительство въ разномысліи съ большинствомъ народа, отвергаемаго подъ названіемъ раскольниковъ. Оттого Петръ, какъ начальникъ партіи въ государствѣ, образуетъ общество въ обществѣ, и все что за тѣмъ слѣдуетъ“ ¹⁾).

Итакъ изъ обзора теологическихъ и историческихъ взглядовъ славянофиловъ мы видимъ, что они твердо были убѣждены въ томъ, что въ русскомъ народѣ были заложены истинныя начала духовнаго просвѣщенія, въ духѣ православнаго христіанства, и истинныя начала государственной жизни, покоющіяся на чисто нравственномъ союзѣ общины и государства. Что эти основы подъ вліяніемъ случайныхъ причинъ, а въ особенности реформъ Петра, были нарушены, и Россія измѣнила своему прежнему пути, уклонилась отъ истинныхъ самобытныхъ началъ и идетъ по пути подражанія Западу. Такой путь Россіи славянофилы считали гибельнымъ для нея, несоотвѣтствующимъ той высокой всемірно-исторической миссіи, каковую Россія, по ихъ мнѣнію, должна была выполнить; такой путь не соотвѣтствовалъ ихъ высокимъ идеаламъ, къ которымъ они стремились.

¹⁾ Сочин Кирѣевскаго, т. I, стр. 199—200.

Начальный періодъ народничества въ русской художествен- ной литературѣ.

Сказки А. Аблесимова сходны по общему характеру съ баснями прошлаго вѣка, съ нимъ виденъ знатокъ народной жизни, приближающійся къ реализму и вѣрности природѣ. Въ одной изъ нихъ,— „Ошибка, или острый отвѣтъ мошенниковъ господину“¹⁾— есть недурная, хотя и грубоватая, жанровая картина, изображающая народное гулянье 1-го мая:

„Посадски мужики съ женами пьютъ,
А мелки торгоши овощъ всяку продаютъ,
Подъ пьяну руку за фунтъ полфунта вѣсятъ,
За стойкой въ кабакѣ подъячимъ сборъ;
Солдатъ надъ мужикомъ трусливымъ храбрится;
А съ цѣловальникомъ всякъ за обмѣръ бранится;
У пьяныхъ межъ собой бываетъ споръ...

.
Гусары тамъ бои кулачны разгоняютъ,
Бойцовъ подъ карауль берутъ.
Бойцы орутъ
Раэгонщикамъ пѣняють,
Въ нихъ кольями швыряють;
Тутъ чья взяла,

¹⁾ Сочиненія А. Аблесимова. Спб. Изд. 1849 г. Стр. 153.

Да только выторжка бойцамъ всегда мала:
 Фабричны пѣснями народъ тамъ утѣшаютъ.
 Которы ихъ творцы нерѣдко вымышляютъ:
 Плутипки жъ по чужимъ карманамъ промышляютъ“...

Въ другихъ своихъ произведеніяхъ Аблесимовъ также далеко отъ сословныхъ предразсудковъ, какъ и другіе лучшіе люди его времени: „Въ васъ преимуществъ всѣхъ ни въ комъ изъ смертныхъ нѣтъ“, говоритъ Аблесимовъ въ сказкѣ „Китайская“ ¹⁾: „Творецъ природы“—„имѣеть всякъ изъ васъ свои несовершенства“. Черты изъ жизни русской деревни,—именно *русской*, а не деревни вообще, въ духъ Вергилія или Теоокрита,—можно встрѣтить и у другихъ писателей. Княжнинъ пишетъ оригинальный стихотворный разговоръ двухъ мужиковъ, Козавода и Мурохи, подъ названіемъ „Ладно и плохо“ ²⁾—забавная, выдержанная въ народномъ духѣ вещица. Проповѣдая умѣренность въ жизни, онъ въ „письмѣ къ Г. Д. и А.“ писалъ:

„Мы счастіемъ всѣ равны;
 И низкіе и славны.
 Богатый и бѣднякъ,
 Ученый и простякъ.
 Имѣеть счастья доля“ ³⁾.

Совершенно тонетъ сельская дѣйствительность въ морѣ скучноватой дидактики въ стихотворныхъ произведеніяхъ Андрея Болотова, въ особенности въ его: „Ода искусству увеселяться красотами природы“. Въ ней слышится упрекъ дворянамъ, что они живя въ роскоши, лѣни и праздности, только и умѣютъ, что

„Крестьянъ обременять работой ⁴⁾
 Въ садахъ и здачійхъ своихъ,
 И ихъ отъ дѣлъ весьма важнѣйшихъ
 Безъ дальней нужды отвлекать“...

Въ случаѣ же недостатка денегъ на пустыя затѣи не стѣсняются:

¹⁾ Ibid. стр. 123—126.

²⁾ „Русская поэзія“ Венгерова, т. I, стр. 758

³⁾ Ibid., стр. 750.

⁴⁾ Ibid. Прим. и допол. къ I т., „Болотовъ“. 59 стр.

„Вновь поборы налагать
 На вотчины свои, деревни
 И тѣмъ крестьянъ всѣхъ разорять“.

Въ другомъ изъ своихъ произведеній „Чувствованія рожденнаго¹⁾ въ дворянствѣ“ Болотовъ поражается различіемъ судьбы дворянъ и недворянъ.—

Я—говорить онъ—отъ взора содрогаюсь
 Милліоны находя
 Тварей низкихъ и несчастныхъ,
 Вѣкъ живущихъ въ нищетѣ,
 Осужденныхъ жить въ презреніи.
 Въ крайней нуждѣ во всю жизнь,
 Подвергаясь стужѣ, зною
 И стеною отъ трудовъ“.

Судьба этихъ „тварей низкихъ и несчастныхъ“ тѣмъ не менѣе не вызываетъ въ Болотовѣ ни сильнаго негодованія, ни даже истиннаго состраданія, и онъ заканчиваетъ свое стихотвореніе благодарностью Творцу за то.

„Что въ число толико многихъ
 Не включенъ и я судьбой
 И не также осужденъ
 Восьмой вѣкъ влачить въ неволѣ
 Въ нуждахъ, горѣ и трудахъ“...

Отразилось крѣпостное право и въ нѣкоторыхъ басняхъ Хемницера, напр., въ его „Привязанной собакѣ“, „Привиллегія“ и др. Въ „Праздникъ деревенскомъ“ крестьяне такъ жалуются богу „ведра“:

„Во весь мы круглый годъ
 Покоя часу не имѣемъ:
 То пашемъ мы, то жнемъ, то сѣемъ,
 Когда не на себя, такъ на своихъ господъ²⁾“.

а въ „Поборѣ львиномъ“, Хемницеръ говоря о безчисленныхъ поборахъ, опредѣленныхъ льву съ „звѣринаго народа“ сравниваетъ

¹⁾ Ibid. Допол къ I т., стр. 59.

²⁾ Ibid., стр. 478.

нихъ съ оброкомъ, который „крестьянскій нашъ народъ“ „даетъ на господъ“.

Чтобы покончить съ поэтами XVIII вѣка, намъ остается остановиться еще на немногихъ, изображавшихъ деревню и на нѣсколькихъ, затрагивавшихъ только вопросъ о крѣпостномъ правѣ.

Описанія деревенскаго быта можно еще встрѣтить: у Василя Рубана въ его „Поздравленіе съ Масляницею“—гдѣ ничего нѣтъ новаго,—это описаніе народнаго гульбища, по манерѣ изображенія подходящее на изображенія Сумарокова, Майкова и Аблесимова; и у Михаила Чулкова. Его „Стихи на Семьякъ“¹⁾ „представляютъ наглядную картину празднованія этого дня народомъ. Онъ подробно описываетъ пьянство, обжорство, утратившіе прежній смыслъ старые обряды, игры, пляски,—словомъ все, что въ „семьякъ въ почтенный день“ онъ, по его словамъ, подмѣтилъ на рынкѣ, гуляя среди толпы и наблюдая нравы. Въ другомъ стихотвореніи „Стихи на качели“²⁾ Чулковъ, описывая кулачный бой, катанье янць съ пригорка, пьянство до потери сознанія и смерти въ грязной лужѣ охмелѣвшихъ мужиковъ и женщинъ, смѣется надъ Майковымъ и другими писателями, подходящими къ изображенію народа съ ложно-классическими теоріями. Авторъ „Душеньки“ въ поэмѣ „Сугубое блаженство“³⁾ говоря о счастіи, приходитъ къ заключенію, что оно состояло въ томъ, что

„Считали всѣ себя единой крови,
Имѣя бытіе одного Творца“.

Въ другомъ стихотвореніи „Письмо племянника къ военачальнику“⁴⁾ крестьянинъ, описывая превосходство своего положенія надъ воинемъ, „я“—говоритъ онъ—даль оброкъ и все, и подать Государю.

„Я даль и рекрута и рекруту коня,
И въ домѣ я теперь покойно рѣпу парю;
Хоть знаю, что еще попросятъ отъ меня“.

Басни Богдановича: „Пчелы и шмель“, „Левъ и ребята“ посвящены, какъ и басни уже разобранныхъ нами авторовъ, тому же вопросу.

¹⁾ Ibid., стр. 884—886.

²⁾ Ibid., стр. 880—884.

³⁾ Ibid., стр. 579.

⁴⁾ Ibid., стр. 190—191.

Гораздо сильнѣе нападки на крѣпостное право у В. Петрова, Капниста и Радищева.

У перваго изъ нихъ—В. Петрова, есть два стихотворныхъ письма къ „Галактіону Ивановичу Силову“. Во второмъ изъ нихъ мы находимъ цѣлый рядъ выходокъ противъ злоупотребленій крѣпостнымъ правомъ. Вотъ какъ рисуется онъ дворянъ-тунеядцевъ:

„Тѣ, которые ни сѣють, ни орутъ,
А со жнецами сплошь плоды земные жрутъ,
Тѣ, гнусна саранча, какъ нѣкакій гнѣвъ неба,
Не стоятъ, кажется, ядома имъ хлѣба.
О сколько изойдетъ по всякій годъ кулей,
На бесполезныхъ сихъ отечества нулей,
Велика истинно, велика та утрата...

Ихъ мысль, рука, нога, во благо не скоро,
Для чувствованія грудь дубовая кора“¹⁾...

Переходя далѣе къ вопросу о дворянскомъ происхожденіи, авторъ совѣтуетъ не особенно полагаться на свою „породу“.

„Иль мнишь, за душу паръ вложенъ въ простолюдина
Во мѣсто крови дегть, и вмѣсто сердца льдина?
Увы, по сихъ мы поръ невѣжества во тѣмѣ,
Дачь много у тебя, а пустоши въ умѣ
Скажи, почто твоимъ людьми не слыть крестьянамъ?
Архангелу ты свой, тѣ равны обезьянамъ?“

Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ сравниваетъ стремленіе дворянъ къ превозношенію своего происхожденія съ евреями, называющими только себя „небесъ законными дѣтьми“ и ничего не оставляющими другимъ народамъ. „Но чѣмъ виновны мы, какіе въ насъ грѣхи?—спрашиваетъ съ недоумѣніемъ В. Петровъ:

„Не толь, что бабки насъ простыя повивали,
И алогубыхъ нимфъ отцы не призывали?
Своимъ матери кормили насъ грудьями;

¹⁾ Ibid., стр. 423—424.

Не ужъ то для сего не можно быть людьми?...
 Что въ томъ, что у тебя орда велика слугъ?
 Но много-ль показать ты отечеству услугъ?*

Въ первомъ ²⁾ посланіи къ тому же „Г. И. Силову“ мы находимъ тѣ же мысли, только отраженныя въ другой формѣ—въ немъ авторъ высказываетъ, между прочимъ, ту мысль, что у всѣхъ словій былъ одинъ родоначальникъ—Адамъ, который представлялъ собою нѣкогда „земли бездушный комъ“.

„Такъ: подданны, цари, рабы и исполны
 Первоначально всѣ сотворены изъ глины“.

Но сходство не въ одномъ происхожденіи отъ Адама, оно въ одинаковой участи всѣхъ живущихъ на землѣ—смерти. Этого мало.

„Какая въ обществѣ не выпала намъ доля,
 Нашъ разумъ съ прочими равняетъ насъ и воля“.

„Цѣль жизни человѣка (вообще человѣка, а не дворянина) должна сводиться къ тому, чтобы „свѣтъ насъ не мертвыми“ членами общества „сочель“, „не тяжестью земли, не трутнями межъ пчель“. Жизнь наша—не что иное, какъ цѣпь непрерывныхъ дѣлъ, земныя царства—улья разныхъ пчель,

Гдѣ всѣ природною любовію влекомы,
 Усердствуютъ, рачать, трудятся до истомы,
 Различны пользѣ цвѣты, летая вдаль, сосутъ,
 И въ нѣдра отечества сладчайшія медъ несутъ.

Нашъ долгъ—сдѣлать все возможное для облегченія участи низшихъ: они гибнутъ на морѣ, гибнутъ на сушѣ отъ пуль, ядръ и бомбъ, забывая „что бѣдствуютъ его отецъ, жена и чада“. Въ то время какъ „онъ въ полѣ подъ шатромъ проводитъ дни и ночи“, раскинувшись валяемся мы въ прохладѣ роши, „не столь древетънью, какъ его прикрытъ щитомъ“. Крестьянинъ

„Кровь свою лѣтъ, обставленъ бѣдъ грозю:
 Ты воздалъ ли за кровь хотя одной слезю?“

* Ibid., стр. 420—422

И видя ранами изпечатлѣнну грудь,
 Принудилъ-ли ты свою хоть разъ о немъ вздохнуть?*

Почтилъ-ли ты храбраго хотя-бы какимъ-нибудь признакомъ похвалы?

„Ты трупъ ходящій, онъ, съ тобой въ сравненіи, Богъ.
 Онъ умеръ, смерть его отечеству спасенье:
 Ты живъ, по жизньъ твоя ему въ отягощенье.

.

„Хотя не въ каторгѣ, всѣхъ каторжныхъ ты хуже“,—ты без-
 чувственъ, туеядецъ, если не желаешь позаботиться о своихъ кре-
 стьянахъ. „Или ты думаешь“, что ты стражъ только своей семьѣ?

„Нѣтъ сколько ихъ ни есть, всѣ они твои.
 Ихъ бѣды, что животь во браняхъ положили,
 Въ младенчествѣ тебя безсмертно одолжили.
 Ступай теперь, ступай, за заслуги ихъ плати,
 Твоя пришла череда...
 Не заключай своей внутрь стѣнъ домашнихъ мысли,
 Всѣхъ родственниками соотечественными числи
 И толь, далече жаръ усердія распростри
 Какъ общи далеко простерты алтари.
 Хоть мы умножились подъ солнцемъ въ миллионы:
 Единъ у насъ Монархъ, единъ языкъ, законы,
 Тѣжь рощи, площади, гробницы, праздниства.
 Признаки столькіе единого родства...

.
 Взгляни на мощь твою, на плечи, ноги, руки,
 Тебя къ себѣ зовуть художества, науки.

.
 Не каждого судьба назначила во князи,
 Но каждый, состоя гражданства въ общей связи,
 Имѣеть для себя особенный округъ,
 Въ разстояніи мы отъ неба всѣ далекомъ:
 Тотъ неба сынъ, кто бытъ умѣеть челоувкомъ“¹⁾.

*) Посланіе, повидимому, есть переводъ или очень близкое подражаніе стихотворнаго „посланія“ француза Тома.

Въ посланіи проводится одна идея—необходимости трудиться для низшихъ и воспитать себя для этой цѣли: въ этомъ обязанность человѣка.

Сумарковъ, высмѣивая жестокость помѣщиковъ, находить возможнымъ высказываться въ то же время въ защиту крѣпостного права; Петровъ, излагая гуманныя и любвеобильныя мысли, въ то же самое время *спѣхъ своимъ крестьянъ*... Человѣкъ, возносившій въ трескучихъ строфахъ придворныхъ фаворитовъ, въ то же время писалъ приведенные выше стихи. Высокопарный лиризмъ и рѣзкая сатира какъ-то совмѣщались въ писателяхъ прошлаго вѣка. Одинъ и тотъ же писатель, который сочинялъ оды на облицовку корабля набережной, на фейерверкъ, спускъ корабля, восхвалялъ мызу Лигово и карся гатчинскаго пруда—тотъ же писатель могъ выражаться о равенствѣ людей: „какая въ обществѣ не выпала намъ доля“... Въ концѣ концовъ у большинства все это только блестящая внѣшность, фразы, либеральная комилфотность, при полной внутренней несостоятельности. Это отличительное явленіе вѣка Екатерины II, умѣвшея писать „Наказы“ и раздавать тысячи крестьянъ любимцамъ, переписываться съ Вольтеромъ и заточать Новикова и Радищева.

Обвинять писателей за лесть и панегирики, такъ свойственные поэзіи XVIII вѣка, мы не беремъ, ибо виноваты въ такомъ направленіи были не они, а тѣ неблагоприятныя условія, въ которыхъ находилась тогда печать. Писать о пуждахъ населенія тогда нельзя было, какъ нельзя было и протестовать противъ его притѣсненій. Это видно, между прочимъ изъ примѣровъ съ произведениями Капниста и Радищева. Первымъ изъ нихъ написаны, между остальными, оды: „На рабство“ и „На истребленіе въ Россіи званія раба Екатериною Второй, въ 15 день февраля 1786 года“. Первая ода „На рабство“, написанная по случаю прикрѣпленія къ землѣ крестьянъ въ Малороссіи въ 1783 г., увидела свѣтъ только въ 1806 г. въ „Лирическихъ сочиненіяхъ“ (но несмотря на это она пользовалась въ свое время большею извѣстностью, переписываемая въ рукописяхъ). Вторая ода „На истребленіе въ Россіи званія раба“ тѣсно примыкаетъ къ первой и понятна только въ связи съ первой.

Въ первой изъ нихъ¹⁾, по силѣ и художественности изображенія тягостей крѣпостного быта, долженствующей быть поставлен-

¹⁾ „Русская поэзія“ Венгерова, т. I, стр. 730—731.

ной на первомъ мѣстѣ изъ всѣхъ произведеній русской поэзіи XVIII вѣка, рисуется положеніе крестьянъ, лишенныхъ свободы и ненавшихъ раньше рабства. Начинается она обыкновеннымъ обращеніемъ къ лирѣ, къ которой авторъ желаетъ протянуть руку „отягченну желѣзнымъ бременемъ цѣпей“ для „пѣсней жалобныхъ“ съ тѣмъ, чтобы „отчины моя любезной“ воспѣть „порабощанье“. Отдавъ необходимую дань вѣку, авторъ обращается къ Творцу съ просьбой, чтобы онъ смягчилъ сердца „владыкъ свѣта“: ихъ мечи должны падать только на злодѣевъ. Удрученный мыслью, онъ считаетъ необходимымъ удалиться отъ „людства“ въ уединенное мѣсто, гдѣ рисуетъ себѣ слѣдующую картину:

„Куда ни обращу зѣницу,
 Омытую потокомъ слезъ,
 Вездѣ какъ скорбную вдовицу,
 Я зрю мою отчину днесь:
 Исчезли сельскія утѣхи,
 Игрива рѣзвость, пляски, смѣхи;
 Веселыхъ пѣсней гласъ утихъ;
 Златыя нивы сиротѣютъ;
 Какъ туча, скорбь легла на нихъ.
 Вездѣ, гдѣ кущи, села, грады,
 Хранилъ отъ бѣдъ свободы щитъ,
 Тамъ тверды зиждетъ власть ограда,
 И вольность узами тѣснить.
 Гдѣ благо, счастье народно,
 Со всѣхъ сторонъ текли свободно,
 Тамъ рабство ихъ отгонить прочь.—
 Увы! судьбѣ угодно было,
 Одно, чтобъ слово превратило
 Нашъ ясный день во мрачну ночь.

 А вы, Цари! на толь Зиждитель
 Своей подобну власть Вамъ далъ,
 Чтобъ во областяхъ подвластныхъ,
 Изъ щастливыхъ людей, несчастныхъ,
 И зло изъ общихъ благъ творить?
 На толь даны вамъ скиптръ, порфира,
 Чтобъ были вы бичами міра,

И вашихъ чадъ могли губить?
 Возрите вы на тѣ народы,
 Гдѣ рабство тяготитъ людей;
 Гдѣ нѣтъ любезныя свободы,
 И раздается звукъ цѣпей:
 Тамъ къ бѣдству смертныя рожденны
 Къ униженію осужденны,
 Нещастій полную чашу пьютъ;
 Подъ игомъ тяжкія державы
 Потоками льютъ потъ кровавый,
 И злая смерти жизнь влекутъ.
 Насилія властей страшатся:
 Потупя взоръ должны стенать;
 Поднять главу, возрѣть бояться
 На жезлъ готовый ихъ карать.
 Въ веригахъ рабства унывають;
 Низвергнуть ига не дерзають
 Обременяющаго ихъ;
 Отъ страха казни цѣпенѣють
 И мыслию на силу смѣють
 Роптать противъ оковъ своихъ“...

Обращаясь далѣе къ царямъ, авторъ рисуетъ картину праздника крестьянъ, убирающихъ розами и лаврами изображеніе Екатерины и спрашиваетъ ее: неужели она „умножить муки“ народа. „обременить цѣпями“ „руки“ благословляющаго ее народа:

„Возможно-ль, чтобы сама ты нынѣ
 Повергла въ жертву злой чужбинѣ
 Тебя любящихъ чадъ твоихъ“?

Конечно „нѣтъ“ восклицаетъ поэтъ и выражаетъ надежду

. зрѣть то златое время,
 Когда спасительной рукой
 Веригъ постыдно сложишь бремя
 Съ отчизны мояя драгой“.

Тогда

. прервется въ тѣхъ краяхъ стенанье.
 Гдѣ въ первый разъ узрѣлъ я свѣтъ.

Тамъ вмѣсто воплей и стenanій,
 Раздастся шумъ рукоплесканій,
 И съ щастьемъ вольность процвѣтетъ“.

Только послѣ этого поэтъ считаетъ возможнымъ прогнать „мракъ печали“ и видя, что окончилось „нещастье нашихъ дней“ свободными „отъ узъ“ руками взять лиру, чтобы воспѣть вмѣстѣ съ „блаженствомъ“ Россійской державы и Бя имя.

Вторая ода В. Капниста тѣсно примыкаетъ къ первой. Написана она по поводу изданія Екатериной II указа 1786 г., которымъ запрещалось подписываться на бумагахъ *работъ*, какъ было до той поры, а велѣно было употреблять *вѣрноподанный*. Авторъ, воспользовавшись уничтоженіемъ слова „рабъ“, рисуетъ слѣдующую картину общаго благополучія „свободной Россіи“:

„Обиліе рѣкой польется
 И рязу позлатить полей
 Гласъ громкихъ пѣсней разнесется,
 Гдѣ раздавался звукъ цѣпей.
 Дѣвицъ и юношей хороводы
 Выводятъ ужъ во слѣдъ свободы
 Забавы въ роци за собой.
 И старость, игомъ лѣтъ согбенна,
 Предъ гробомъ зрится восхищенна,
 Съ свободой встрѣтя вѣкъ златой“.

Нарисовавъ картину „свободной Россіи“ Капнистъ предлагаетъ воздать должную дань тому, кто

„Оковы съ нашихъ рукъ снимаетъ,
 И съ вый невольничій яромъ“,

ибо до сихъ поръ „Россія рабства дни влекла“, унывала „въ веригахъ“ и не „рвала своихъ оковъ“. Теперь же

. „о радость несказана!
 О день святѣ дня побѣдъ!

 Россія! ты свободна нынѣ“!

Заканчивается эта ода обычной для своего времени лестью по адресу Екатерины II, на память о щедротахъ которой будутъ

воздвигнуты „колоссы“, о которые поломаешь свою „безсмертную косу“ безошадное время

Такое окончаніе оды дало поводъ Шапикову и Добролюбову совершенно несправедливо обвинить Капниста въ развитіи у него „казенной души“ „увидѣвшей неизмѣримо благотворные результаты“, которые должны были истечь отъ „такого маловажнаго факта, какъ уничтоженіе не бумагъ слова „рабъ“ и замѣна имъ „вѣрноподданный“. Такое обвиненіе кажется намъ несправедливымъ, какъ потому, что лесть, которой заканчивается ода В. Капниста, обычна для своего времени, такъ и потому, что она была написана одновременно съ одой „на рабство“ съ цѣлью, повидиму, противопоставить Россію „свободную“ Россіи закрѣпощаемой. Авторъ воспользовался темой, данной уничтоженіемъ слова „рабъ“, превратилъ его въ понятіе „рабъ“ и нарисовалъ картину освобожденной родины. Вѣдь не могъ же въ самомъ дѣлѣ человекъ, написавшій оду „на рабство“ и слѣдовательно, ясно понимавшій и видѣвшій зло современной ему жизни, писать панегирики несуществующаго благоденствія! Намъ могутъ указать на В. Петрова, который, говоря о всеобщемъ равенствѣ въ своихъ произведеніяхъ въ то же время съкъ своихъ крестьянъ, живя въ деревнѣ и занимаясь въ школѣ съ ихъ дѣтьми; но относительно Капниста мы такихъ фактовъ не знаемъ. Это былъ, судя и по его поэзи и по отзывамъ современниковъ, скромный въ желаніяхъ, иногда мечтатель, пѣвецъ сердечной грусти, влекущій къ себѣ „тишиною души“ и ясностью своей поэзи. Хотя Капнистъ несомнѣнно уступалъ въ полнотѣ и богатствѣ Ломоносову, Петрову въ самобытности, Державину въ силѣ восторга, Дмитріеву въ изяществѣ формъ и слога, но за то онъ превосходилъ ихъ нравственнымъ направленіемъ своихъ пѣснопѣній, стройнымъ изложеніемъ, краткостью, и, главное, глубиной чувствъ. По глубинѣ чувствъ онъ стоитъ совершенно особнякомъ въ русской поэзи XVIII вѣка. Вотъ почему мы и считаемъ приведенное выше замѣчаніе критики не примѣнимымъ по отношенію къ Капнисту и ставимъ эту оду въ связи съ первой. Возможно еще одно объясненіе, что это произведеніе было написано въ насмѣшку и сошло за тонкій панегирикъ, но это врядъ-ли возможно, если исходить изъ характера Капниста и основной черты его поэзи—тихой грусти. Грустью дышетъ его ода „на рабство“, надеж-

дой отзывается въ одно время съ ней написанная ода „на уничтоженіе въ Россіи званія раба Екатериною II“...

Народничество проскальзываетъ и въ другихъ произведеніяхъ Капниста, какъ „Мотылекъ“, „На счастье“ „Память“, „Богатому Со-сѣду“. Въ послѣднемъ Капнисть громить самоуправца-помѣщика, захватывающаго чужія земли, обижающаго всѣхъ слабыхъ и беззащитныхъ, производящаго нищихъ.

Въ одѣ Радищева „Вольность“, впервые увидѣвшей свѣтъ, да и то съ значительными выпусками въ „Русской поэзіи“ С. А. Венгерова ¹⁾ 1897 г., находятся отдѣльныя мѣста, относящіяся повидимому („повидимому“—ибо ода непонятна безъ выпусковъ) къ вопросу о крѣпостномъ правѣ. Мы и остановимся только на нихъ. Величайшимъ счастіемъ для автора является свобода:

„О даръ небесъ благословенный,
Источникъ всѣхъ великихъ дѣлъ,
О, вольность, вольность, даръ безцѣнный!“

Слѣдующими немногими штрихами рисуетъ Радищевъ свободнаго человѣка, беря примѣры прямо изъ жизни крѣпостныхъ:

„Свободною. могу рукою
Пріяти данный въ пищи хлѣбъ.
Стопы несу, гдѣ мнѣ пріятно;
Тому внемлю, что мнѣ понятно;
Вѣщаю то, что мыслю я;
Любить могу и быть любимымъ;
Творя добро, могу быть чтимымъ;
Законъ мой—воля есть моя“.

Гдѣ царствуетъ рабство, тамъ „нивы запусѣваютъ тучны, коса и серпъ тамъ несподручны, въ сохѣ спитъ лѣнивый вольт“, и лишь духъ свободы, „разоряя вознесшійся неволи гнетъ“, пролетая по селамъ и городамъ

. „къ величію всѣхъ зоветъ,
Живить, родить и созидаетъ,
Препоны на пути не знаетъ“...

¹⁾ Томъ I. XVIII вѣкъ. Эпоха классицизма. Стр. 846—847.

Утомленный зноемъ насеть пастухъ стадо помѣщика и слышитъ вдругъ „гласъ“ свободы, онъ преображается и при видѣ дикаго звѣря, нападающаго на стадо, устремляется на бой съ нимъ: раньше онъ небрежно относился къ своимъ обязанностямъ,

„О стадѣ сердце не радѣло,
Какъ чуждо было не жалѣло;
Но нынѣ, нынѣ ты мое!“

Трудъ сталъ болѣе продуктивенъ съ дарованіемъ свободы: тамъ, гдѣ раньше

„Господню волю исполняя
До востока солнца, на поляхъ
Скупую ниву раздирая,
Волы томились на браздахъ;
Какъ мачиха къ чужеутробнымъ
Исходять съ видомъ всегда злобнымъ,
Рабамъ такъ нива мѣду даетъ.
Но духъ свободы ниву грѣбеть,
Безслезно поле вдругъ тучнѣеть:
Себѣ всякъ сѣветъ, себѣ жнетъ“.

Измѣнились отношенія семейныя и бытовья, нѣтъ насильственныхъ брака, нѣтъ помѣщичьяго разврата:

„Исполнивъ кругъ дневной работы
Свободный мужъ домой спѣшить;
Невинно сердце; безъ заботы
Въ объятыхъ супружнихъ спать,
Не господина рукой надменной
Ему дли казни подаренной,
Невинныхъ жертвъ чтобъ размножалъ¹⁾,
Любовію рождаетъ нѣжной,
На сердцѣ бракъ воздвигъ надежный,
Помощницу себѣ избралъ.
Онъ любить и любимъ онъ ею“.

¹⁾ Вспомнимъ случаи, рассказанные имъ же въ „Путешествіи“.

День, когда осуществится идеалъ Радищева для него „избраннѣйшій всѣхъ дней“, ибо „великій духъ свободы, зиждителенъ, какъ самъ есть Богъ“ и съ наступленіемъ его окончатся „гражданскія брани“... Бодрой, могучей вѣрой въ освобожденіе и въ новую жизнь вѣетъ отъ оды Радищева, хотя и написанной по правиламъ классицистической теоріи.

Разсмотрѣвъ изображеніе деревни и отношеніе къ крѣпостному праву у отдѣльныхъ писателей XVIII вѣка намъ, чтобы покончить съ поэзіей, остается еще разсмотрѣть произведенія неизвѣстныхъ авторовъ, печатавшихся въ журналахъ своего времени, и комическія оперы со стороны изображенія крѣпостнаго быта.

Журнальныя стихотворенія, затрагивающія крестьянскій вопросъ печатались главнымъ образомъ въ сатирическихъ журналахъ и здѣсь мы можемъ встрѣтить какъ произведенія Сумарокова, Матікова, Капниста, Чулкова, Аблесимова, Хераскова, Хемницера и др., уже разсмотрѣнныхъ нами, такъ и произведенія неизвѣстныхъ авторовъ. Почти всѣ онѣ отличаются сатирическимъ содержаніемъ, что придаетъ имъ жизнь. Нравы времени и картины современнаго быта разбросаны въ нихъ щедрою рукою и попадаютъ очень часто. Главною цѣлью нападеній въ сатирическихъ журналахъ было жестокое обращеніе помѣщиковъ со своими крестьянами. Изъ стихотворныхъ произведеній этого рода (прозы мы не касаемся) обращаютъ на себя вниманіе, напечатанныя въ журналахъ „Покоющійся Трудолюбець“, „Вечерняя Заря“, „Иртышь превратившійся въ Июкрену“.

Въ первомъ изъ нихъ, „Покоющемся Трудолюбцѣ“, (1786 г.) было напечатано стихотвореніе „Письмо къ другу“¹⁾, одно изъ наиболѣе сильныхъ и смѣлыхъ изъ всего, что появлялось въ нашей поэзіи XVIII-го вѣка о крѣпостномъ правѣ. Авторъ письма пишетъ къ другу о своей деревенской жизни, рисуетъ картины природы, и затѣмъ переходитъ къ положенію крестьянъ: „съ сердечной горечью“—говоритъ онъ—гляжу на этихъ людей:

„Они работою и зноемъ утомленны

¹⁾ Н. И. Новиковъ. Издатель журналовъ 1769—1785. Исслѣдованіе А. Незеленова. Спб. 1875, стр. 390—391.

Трудяся для себя, но болѣе для насъ,
 Отдохновенія едва ль имѣють часть:
 Кровавый потъ они трудяся проливають
 И пищу нужную для насъ приготавливаютъ,
 Для нашей роскоши для прихоти своей
 Мы мучимъ, не стыдяся, подобныхъ намъ людей;
 Съ презрѣньемъ нѣкоимъ на ихъ трудызираемъ,
 Гордяся лѣвностью, ихъ силы изнуряемъ;

Какъ роскошь я мою трудами ихъ измѣрю,
 Почтенье къ нимъ храню, къ себѣ его теряю,
 Не ужь-то будетъ вѣкъ одна для нихъ чреда
 Для пользы нашей жить, а намъ для ихъ вреда?
 Не можетъ быть того! Творецъ сіе исправитъ.

Не всѣмъ-ли братьямъ законъ велить намъ быть?
 Не всѣхъ-ли Богъ велить равно съ собой любить?
 Но гордость сей законъ въ сердцахъ у насъ затмила,
 И смертныхъ въ разныя степени раздѣлила,
 О гордость! корень зла и всѣхъ грѣховъ вина.
 Причина варварства и рабства ты одна“!}

Письмо это принадлежитъ, повидимому, перу женщины. Другія стихотворныя произведенія „Покоющагося Трудолюбца“ касаются отношеній помѣщиковъ къ ихъ крѣпостнымъ людямъ. Эпиграмма „Боярская щедрость“ рассказываетъ, какъ господинъ хочетъ полтиной вознаградить слугу, котораго онъ прежде почти всякій часъ дралъ плетьюми и который, несмотря на это, спасъ ему жизнь... Интересно объясненіе, даваемое авторомъ стихотворнаго произведенія „Жадность къ богатству“, причины жестокаго обращенія къ крестьянами. Это—сребролюбіе.

„Ты“, говоритъ авторъ,—„принуждаешь господина
 Рабовъ работой угнетать.

Помѣщикъ, чрезъ тебя оброкъ съ крестьянъ дереть,
 Дворецкой отъ тебя жъ еще себѣ беретъ.

Тобой, тобой дѣвицы невинныхъ оболъщаютъ,
 И честныхъ юношей тобою развращаютъ“.

Въ стихотвореніи „Быль“ ¹⁾ въ журналѣ „Вечерняя Заря“ (1782 г.) изображенъ баринъ дурно обращающійся съ усерднымъ крѣпостнымъ слугою,—бранить и бьетъ его, и при этомъ разсуждаетъ:

„Онъ долженъ милостью моею быть доволенъ,
 Что въ томъ, что онъ не воленъ?
 Онъ пьетъ и ѣстъ мое
 Онъ носитъ не свое,
 Его я одѣваю,
 Заботы всей лишаю“.

Когда же выведенный изъ терпѣнія слуга однажды на браня барина „хамово племя“ отвѣтилъ замѣчаніемъ: „а вы хоть рождены отъ Іафета или Сима, но я знаю, что Хамъ братъ Симу и Іафету, и я вамъ потому братъ“, барину показалось это обиднымъ и онъ велѣлъ отодрать слугу на конюшнѣ плетьюми...

Весьма энергическое нападеніе на злоупотребленія крѣпостнымъ правомъ было сдѣлано въ журналѣ, издававшемся въ Тобольскѣ на средства приказа общественнаго презрѣнія, подъ заглавіемъ „Иртышъ, превращающійся къ Ипокрену“. Здѣсь была помѣщена „Сатира на жестокости нѣкоторыхъ дворянъ къ ихъ подданнымъ“ ²⁾, Ив. Бахтина, гдѣ авторъ изображаетъ, какъ жестоко обращается со своими слугами скупецъ, Криспъ, какъ плохо кормитъ и одѣваетъ ихъ. Не лучше относится и другой Меандръ, обращаясь къ которому, авторъ говоритъ:

„Ты взоры на себя тѣмъ тщишься всѣхъ привлечь,
 Что души съ пятисотъ въ годъ пять тысячъ получаешь,

 Безщадно ихъ сѣчешь, притомъ сѣчешь съ охотой.
 Меандръ, ты пьешь всегда шампанское, понтакъ,
 Крестьяне же твои забыли въ квасѣ смакъ,
 А часто бѣдпяки и безъ соли хлебають,
 Мякину иногда за хлѣбъ употребляютъ“...

Въ томъ же родѣ выведены авторомъ и еще два владѣльца крестьянъ. Для смягченія слишкомъ рѣзкой картины, авторъ въ за-

¹⁾ Вечерняя Заря, 1872. Часть II, стр. 316.

²⁾ Вошла и въ его „И я авторъ, или разныя мелкія стихотворенія“ Бахтина Ивана Спб. 1816 г.

ключеніи заявляєть, что „сила просвѣщенія“ значительно уменьшила число такихъ „уродовъ“.

Не остался глухъ къ вопросу о положеніи крѣпостныхъ и авторъ „Недоросля“ напечатавшій въ „Пустомелѣ“ (1770 г.) „Послание къ слугамъ моимъ Шумилову, Ванькѣ и Петрушкѣ“¹⁾. „На что сотворены и Ванька и Петрушка“ спрашиваетъ Фонъ-Визинъ у слугъ.

„Не знаю,“ говорить „не знаю я того
Мы созданы на свѣтъ и кѣмъ, и для чего.
Я знаю то, что намъ быть должно вѣкъ слугами.
И вѣкъ работать намъ руками и ногами,
Что должно смотрѣть за всей твоей казной.
И помню лишь то, что власть твоя со мной.
Я знаю, что я мужъ твоей любезной няньки,
На чтой сей созданъ свѣтъ изволь спросить у Ваньки“.

Если этотъ отвѣтъ Шумилова звучитъ одной покорностью судьбѣ, то сознание невозможности исправленія пустоты жизни, насилій и обмана, слышится изъ устъ другого — Ваньки:

„Попы стараются обманывать народъ.
До денегъ лакомы посадскіе, дворяне,
Судьи, подьячіе, солдаты и крестьяне...
.....

Смиренны пастыри душъ нашихъ и сердець
Изволятъ собирать оброкъ съ своихъ овецъ.
Овечки женятся, плодятся, умирають.
А пастыри при томъ карманы набивають.
За деньги чистыя прощають всякій грѣхъ.
За деньги мпожество сулятъ въ раю утѣхъ.
Но если говорить на свѣтѣ правду можно.
Такъ мнѣніе мое скажу я вамъ неложно:
За деньги самого Всевышняго Творца
Готовы обмануть и пастыръ и овца“.

Иронія жизни привела Ваньку (наблюдательнаго и умнаго слугу) къ рѣшительному матеріализму: деньги—рычагъ жизнен-

¹⁾ Отдѣльно переиздана въ 1830 г. (Москва), вошла въ первое собраніе сочиненій Фонвизина 1888 г.

ныхъ успѣховъ, ими обусловливается отношеніе людей между собою. Здѣсь же слышится единственный во всей русской поэзіи XVIII в. протестъ противъ поборовъ со стороны духовенства съ народа за требы.

Авторы драматическихъ произведеній XVIII вѣка Майковъ, Сумароковъ, Княжнинъ и др. руководились въ своихъ произведеніяхъ тѣми же принципами, какіе мы видѣли и въ ихъ поэзіи. Только у однихъ изъ нихъ, какъ у Сумарокова, трагедія, какъ слѣдствіе ложно-классической теоріи, имѣетъ исключительно героической характеръ, а произведенія другихъ, какъ Майкова, отражаютъ переломъ, вызванный появленіемъ мѣщанской драмы. Последняя вызвала реакцію противъ героической односторонности и повлекла за собой освобожденіе сцены отъ стѣснительныхъ условій ложнаго классицизма. Наиболѣе типично изображаютъ на себѣ черты такого перелома произведенія Майкова. Въ трагедіяхъ онъ еще подражаетъ Сумарокову со всѣми особенностями ложно-классическаго типа, такъ онъ сохраняетъ: завязку, основанную на борьбѣ любви и долга, симметрической составъ дѣйствующихъ лицъ, исключительныя положенія, создаваемые авторомъ и вытекающія отъ недостаточной разработки характеровъ дѣйствующихъ лицъ, обиліе монологовъ и т. п.; подобно образцамъ Майковъ умѣетъ сочинить и эффектные сцены, производившія сильное впечатлѣніе и нравившіяся публикѣ. Имъ была написана и одна изъ первыхъ въ Россіи „пастушескихъ драмъ“ съ музыкой: „Деревенскій праздникъ“ (въ 1772 г.), сюжетъ которой заимствованъ изъ русской народной жизни. Это была одна изъ первыхъ попытокъ въ своемъ родѣ. Самое названіе пьесы „пастушеская драма“ предназначено для того, чтобы оправдать предъ зрителями простоту ея сюжета и самую возможность изображать на сценѣ тотъ бытъ, изъ котораго пьеса заимствована; въ то же время названіе указываетъ и на ея индивидуальной характеръ, приданный ей въ ущербъ правдивости содержанія. „Деревенскій праздникъ“ не отличается трагическимъ элементомъ. Имъ начинается тотъ разрядъ вновь возникшихъ въ XVIII вѣкѣ сценическихъ представленій, которыя въ русской драматургіи назывались „комическими операми“. Содержаніе ихъ почерпалось изъ русскаго народнаго міра, изъ крестьянскаго или, вообще изъ простаго народнаго быта.

Комическая опера явилась у насъ слѣдствіемъ подражанія классической оперѣ французовъ. Французская классическая опера—

идиллія съ этнографическимъ оттѣнкомъ, далека отъ дѣйствительной жизни народа. Въ ея пѣніе входилъ между прочимъ часто и элементъ народной пѣсни, съ народными же мотивами и мелодіями. Во времена регенства, съ потерей у дворянства вкуса къ простой и здоровой натурѣ, и комическая опера стала изображать для него природу подкрашенную и нарумяненную. Такою она изображала преимущественно сельскую жизнь, жизнь поселянъ и сельскія удовольствія, приваравливая ихъ изображеніе къ вкусамъ современнаго высшаго общества. И „пейзажы“ и „пейзанки“, пастухи и пастушки во франц. комической оперѣ того времени являлись не иначе, какъ изящными и кокетливыми балетными таяцовщицами, въ газахъ, въ блестяхъ, и въ лентахъ, на роскошныхъ зеленыхъ дужайкахъ, окруженныя красивыми овечками и т. п. Поселяне и пастухи эти пѣли нѣжные или остроумные куплеты, говорили о нѣжныхъ чувствахъ и выражались изысканнымъ языкомъ образованнаго общества. Неестественность, отсутствіе дѣйствительной жизни и современнаго сельскаго быта—господствовали въ нихъ.

Наша сцена, начавъ сближеніе съ жизнью и вытѣсняя мало-малу классическихъ царей и героевъ, брала сюжеты изъ средняго и „подлаго класса“. Сбросивъ ложно-классическую тогу, русскій театръ началъ служить выраженію націоналистическихъ настроеній и взглядовъ, перенеся на русскую почву, между прочимъ и комическую оперу. „Народъ“ русскаго театра—это не тотъ народъ, за котораго болѣла душа русскаго интеллигента XVIII вѣка, въ родѣ Новикова, Радищева: за немногими исключеніями, „страда“ деревни оставалась за кулисами русскаго театра. Наша комическая опера, какъ и французская, брала свои сюжеты изъ жизни русскіхъ крестьянъ, а въ пѣніи своемъ либо подражала русскимъ народнымъ пѣснямъ и напѣвамъ, либо прямо вводила въ свое содержаніе настоящія народныя пѣсни, съ музыкой на народныя мотивы. На сценѣ являются веселые и довольные, по праздничному одѣтые пейзажи, которые поютъ и пляшутъ, влюбляются и женятся, благословляютъ судьбу и помѣщика. Музыка и танцы соединяются съ драматическимъ дѣйствіемъ, является балетъ и хоръ. Мужики, мужицкіе костюмы, мужицкія пѣсни—являются здѣсь такими же, какими они являлись и на барскихъ праздникахъ, только обстановка ихъ болѣе условна, искусственна. Искусственность эта, помимо

тогдашнихъ литературныхъ вкусовъ, вызывается обязательнымъ для сцены оптимистическимъ тономъ.

Одинъ изъ персонажей—обыкновенно герой—въ нихъ всегда сознательный плутъ, совершающій въ то же время, по волѣ автора, прекрасныя дѣла, помогающій людямъ. Зло и добро смѣшивается и примиряется обыкновенно въ немъ и дѣлается это авторомъ съ цѣлю вызвать сочувствіе зрителя къ герою пьесы, къ завѣдомому негодяю.

Пьесы эти имѣли въ свое время продолжительный успѣхъ не только благодаря присутствію въ ихъ содержаніи нѣкотораго отбѣнка народности (которое часто совѣмъ и не вяжется съ началомъ пьесы), но потому что удовлетворяли и воспитывали націонализмъ широкой публики.

Одною изъ первыхъ комическихъ оперъ, какъ мы уже говорили, была пастушеская драма Майкова „Деревенскій праздникъ или увѣнчанная добродѣтель“ въ 2-хъ актахъ. Дѣйствующія лица въ ней крестьяне; но народности въ пьесѣ нѣтъ: она состоитъ изъ соединенія сентиментальной идилліи съ чувственной мелодрамой. Дѣйствіе начинается тѣмъ, что русскій мужикъ Медоръ украшаетъ шпалашъ цвѣтами. приходитъ его невѣста, и онъ обращается къ ней: „жестокая! или ты не видишь моей къ тебѣ привязанности, или ты не слышишь тяжкихъ моихъ вздоховъ“? и затѣмъ поетъ:

„Я съ тобой повсечасно
Рвусь и мучусь, стена,
Я люблю тебя страстно
Ты не любишь меня“.

Надежда, невѣста, тоже крестьянка, отвѣчаетъ ему:

„Всѣ вы полны отравы,
Полнъ обмана вашъ взоръ,
Всѣ мущины лукавы,
Ты—мущина, Медоръ“!

Еще интереснѣе ея слова въ другомъ мѣстѣ: „вѣдь мущины, какъ мухи, на медъ падки; скажи-ка ему, что любишь, такъ и не отвяжешься; а потомъ и бросить“. Счастье Медора и Надежды устраиваетъ герой пьесы—цыганъ, тунеядецъ и корыстолюбивый

человѣкъ. Оканчивается пьеса согласіемъ помѣщика на бракъ Медора и Надежды и сценою радости и веселья крестьянъ. Помѣщикъ говоритъ: „Увенчайтесь, любезныя дѣти! ваши добродѣтели сего достойны, и имѣйте во мнѣ такъ, какъ и всѣ мои служители, отца себѣ“. Въ отвѣтъ на что женихъ и невѣста поютъ ему:

„Господинъ мой духъ споконить,
Отъ него сего я жду
Онъ мнѣ счастье устроитъ
я { съ Надеждою } иду.
 { съ Медоромъ }

Хоръ крестьянъ прославляетъ въ это время блаженство своей жизни:

„Мы живемъ въ счастливой долѣ, (?)
Работая всякій часъ,
Жизнь свою проводимъ въ полѣ,
И проводимъ веселясь. (!)
Мы руками работаемъ
И за долгъ себѣ считаемъ
Быть въ работѣ таковой (?)
Давъ оброкъ съ насъ положенный,
Въ жизни мы живемъ блаженной (!!!)
За господской головой (!!).
Мы своей всегда судьбою
Всѣ довольны и тобою.
Лошадей, коровъ, овецъ,
Много мы имѣемъ въ полѣ
И живемъ по нашей волѣ, (!)
Ты нашъ баринъ и отецъ“.

Эту идеализацію крѣпостного права авторъ скрашиваетъ въ одномъ разговорѣ указаніемъ, что и у помѣщиковъ есть обязанности въ отношеніи къ крестьянамъ: „ихъ долгъ намъ повиноваться и служить исполненіемъ положеннаго на нихъ оброка“— говоритъ онъ— „соразмѣрнаго силамъ ихъ, а нашъ защищать ихъ отъ всякихъ обидъ и даже, служа государю и отечеству, за нихъ на войнѣ сражаться и умирать за ихъ спокойствіе... Вотъ какая наша съ ними обязаность“...

Наибольшимъ успѣхомъ и наибольшею извѣстностью какъ „народная комедія“ славилась въ свое время пьеса Аблесимова— „Мельникъ, колдунъ, обманщикъ и свать“ (1782 г.). Пьеса эта имѣла успѣхъ какъ первая русская опера съ большимъ запасомъ безспорно національнаго содержанія и какъ пьеса безъ вычурностей. При всемъ томъ авторъ взялъ сюжетъ изъ русской дѣйствительности. Для своего времени это было оригинально и придало пьесѣ интересъ для публики всѣхъ слоевъ: знать и вообще высшій классъ смотрѣли „Мельника“ изъ любопытства на половинну этнографическаго характера, а среднія и низшія сословія чувствовали себя польщенными воспроизведеніемъ родного и близкаго имъ быта. Въ пьесѣ есть дѣйствительно кое-что народное; такъ въ началѣ 3-го дѣйствія вставлены три свадебныя пѣсни, встрѣчаются народные обороты рѣчи и выраженія, но нравы крестьянъ поняты и изображены авторомъ довольно грубо и странно. Любовь простого человѣка соединяется у него непремѣнно съ побоями. „У насъ вѣдь по-сельски“, говоритъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ, Филимонъ, „какъ любушкѣ своей тулунбаса два-три въ спину влѣ-пишь, и она стерпитъ, такъ и наша“. А отецъ невѣсты—Акундинъ поетъ:

„Мнѣ на спорщницу—женщину
Купить добрую плетищу
Настрехать ей спинущу...
Будетъ жизнь, какъ я хочу“¹⁾.

Аблесимовъ и зрители считали эти стихи, повидимому, совершенно народными. Въ героѣ пьесы—колдунъ-мельникъ—столько же народнаго, сколько и въ приведенныхъ стихахъ. Это--плутъ, корыстолюбецъ и пьяница, совершающій за деньги доброе дѣло.

Вторая пьеса А. Аблесимова „Счастье по жеребью“ по завязкѣ и развитію дѣйствія еще слабѣе первой. Въ ней представляетъ интересъ только начало—пѣснь возвращающихся съ поля крестьянъ:

„Работаючи по полѣ²⁾
Сработаешь разомъ болѣ,
Въ лѣтній самый жаркій день,

¹⁾ Сочиненія А. Аблесимова. Спб. 1849 г. Дѣйствіе II. стр. 40.

²⁾ Ibid. стр. 58

Хоть намаешься какъ стѣнь,
Нѣту сна, не придетъ лѣнь,
Не придетъ лѣнь.

А когда же, по неволѣ
Господинъ погонитъ въ поле,
И въ осенній малый день
Работая станешь въ пень,
Сонъ придетъ и придетъ лѣнь!...
И придетъ лѣнь...“

Гораздо правдивѣе обрисованы темныя явленія связаннаго съ крѣпостнымъ правомъ въ комическихъ операхъ: „Несчастье отъ кареты“ Княжнина, „Анюта“ Попова.

Содержаніе пьесы Княжнина слѣдующее: помѣщикъ Фирюлинъ желаетъ купить себѣ новую карету, но такъ какъ денегъ нѣтъ, то онъ приказываетъ продать кого-нибудь изъ крестьянъ въ рекруты. Жребій падаетъ на крестьянина-жениха. Отецъ невесты желаетъ его освободить отъ рекрутчины и это удается съ помощью помѣщичьяго шута—порядочнаго плута и негодяя, устраивающаго дѣло крестьянъ. Въ пьесѣ, состоящей изъ двухъ дѣйствій, гораздо больше народнаго ¹⁾, чѣмъ въ „Мельникъ“ Аблесимова; въ ней кромѣ ѣлкой насмѣшки надъ французоманіей русскихъ дворянъ встрѣчается много типичнаго изъ отношеній между помѣщиками и крѣпостными. Нуждаясь въ деньгахъ, помѣщикъ пишетъ приказчику:

„Я тебѣ и приказываю и прошу, не погуби меня: найди, гдѣ хочешь, денегъ... Мало ли есть способовъ достать денегъ? Напримѣръ нѣтъ ли у васъ на продажу годныхъ людей въ рекруты? И такъ, нахватая ихъ и продавай“.

Въ дальнѣйшемъ ходѣ пьесы есть нѣсколько сценъ такого же рода. Такъ, напр., отецъ невесты Трофимъ, пытается разжалобить

¹⁾ Несмотря на то, что крестьяне оперы „Несчастье отъ кареты“ очень походятъ на господъ по своимъ рѣчамъ, по манерѣ говорить и по выражаемымъ ими чувствамъ и понятіямъ, пьеса Княжнина—вполнѣ народная по мысли, по теплой симпатіи къ долѣ крестьянина и по злой сатирѣ офранцузившихся баръ, которые съ непонятнымъ легкомысліемъ рѣшались въ то время на торговлю людьми для удовлетворенія своихъ модныхъ вкусовъ и привычекъ, какъ въ данной комедіи, ради того, чтобы прибрѣсть французскую карету.

помѣщика, онъ говорить съ низкимъ поклономъ Фирюлину: „ты отецъ“. Слова эти приводятъ барина въ страшный гнѣвъ.

„Что это за тварь, меня отцемъ называть смѣеть. Развѣ мои батюшка былъ твой отецъ, а я не хочу такому свиньѣ отцемъ быть. Впредь не отваживайся!“

Въ другомъ мѣстѣ крестьяне говорятъ про свою жизнь:

„Боже мой, какъ мы несчастливы; намъ должно пить, ѣсть и жениться по волѣ тѣхъ, которые нашими мученіями веселятся и которые безъ насъ бы съ голоду померли“.

Содержаніе оперы „Анюта“ Попова взято изъ крестьянской жизни, которая изображена здѣсь просто и естественно, безъ всякихъ лишнихъ прикрасъ и сентиментальничанья, съ сохраненіемъ всѣхъ особенностей русскаго народнаго міровоззрѣнія и понятій, русскаго народнаго рѣчи и крестьянскаго говора. Всѣ аріи и пѣсни этой оперы, написанные на народные мотивы, по содержанію своему близко подходятъ къ пѣснямъ народнымъ. Въ пьесѣ слышится много озлобленія противъ дворянства. Начинается она довольно любопытными, хотя и нескладными стихами, вложенными въ уста одному изъ дѣйствующихъ лицъ, Мирону, который обращается къ крестьянамъ со слѣдующими словами:

„Ухъ! какъ же я усталъ:
 А дровъ ощо не склать.
 Охти, охти, хрестьяне!
 Зачѣмъ вы не дворяне!
 Вы сахаръ бы зобали
 Такъ словно бы какъ мідь
 И пили бы мідь
 Да деньги огріобали
 Изъ рода въ родъ и родъ:
 Ліожалибъ на печи:
 Да ѣли калачи.
 Про васъ бы работали,
 А вы бы лишъ мотали.

А нашей такъ біоды не подымаіотъ грудь!
 Запѣтъ же мнѣ теперь отъ грусти что-нибудь.
 Боярекая забота:
 Пить, ѣсть, гулять и спать;

И вся ихъ въ томъ работа,
 Штобъ деньги обирать.
 Мужикъ сушнсь, крутнся
 Потѣи и работай:
 А послѣ хошь забѣснся
 А денешки давай“!

Говоря о комическихъ операхъ, нельзя обойти молчаніемъ оперы Н. Николева, просвѣщеннаго человѣка своего времени. Вспоенный и вскормленный на французской философіи, онъ не могъ остаться безучастнымъ къ такому важному вопросу, какъ вопросъ о положеніи крѣпостныхъ крестьянъ и судя по тону словъ, вложенныхъ въ уста отставнаго солдата Излѣта и лѣсника Семена¹⁾, мы можемъ думать, что Николевъ понималъ горькую участь крестьянина и симпатизировалъ ему. Старикъ Излѣтъ, узнавъ отъ плута Семена, что пропавшая дочь его Розана, увезена сластолюбивымъ помѣщикомъ, разражается такою негодующею рѣчью:

„такъ вотъ добродѣтели-ли то знатныхъ бояръ: коли не раззоряютъ сосѣдей, такъ увозятъ дѣвокъ, не ставятъ за грѣхъ безчестить бѣднаго человѣка съ тѣмъ, чтобы бросить ему деньги!... Не христіанинъ! Не знаетъ онъ, что честь такъ же дорога и намъ“!

Старикъ въ отчаяніи не знаетъ, что ему дѣлать, но вдругъ счастливая мысль пришла ему въ голову, онъ вспомнилъ, что и на дворянина есть управа:

„Правымъ силы не ужасны
 Правдѣ царской мы подвластны,
 Въ ней защиту я найду
 Предъ Царицею паду.

 Донесу ей, какъ тираны
 Дочь похитили мою.

 Намъ царица тоже мать“.

¹⁾ Комическая опера „Розана и Любима“.

Надѣясь на эту защиту, Излѣтъ идетъ къ помѣщику умолить его возвратить дочь. Семень уговариваетъ его: „Намъ ли свиньямъ съ боярами возится? Да вишь до Бога то высоко, а до царя далеко, а когда тѣ хочется, такъ поди, пожалуй, знать-то еще у барь-то въ передѣлкѣ не бывалъ, вишь это братъ не подѣ Туркомъ; тутъ такъ тебя отдубасятъ; что развѣ инда-поди!

Какъ велить въ дубѣ принять,
 Позабудешь пустошь врать,
 Не солдату барь унять,
 Чтобъ крестьянокъ не таскать.
 Бары нашу братью такъ
 Принимаютъ, какъ собакъ
 Нѣтъ поклоновъ, нѣтъ рѣчей,
 Какъ бояринъ гаркнетъ: бей
 Въ задъ и въ макушку и въ лобъ
 Для него крестьянинъ клонъ“.

Для своего времени пьеса Н. Наколева очень сильна, представляя беззащитность крестьянъ и служба протестомъ противъ указа Екатерины II —не принимать отъ крестьянъ жалобъ на помѣщиковъ.

Остальныя „комическія оперы“ мало интересны, слабы и народнаго въ нихъ еще меньше, чѣмъ въ разобранныхъ нами наиболѣе типическихъ и пользовавшихся наибольшимъ успѣхомъ и извѣстностью или наиболѣе симпатизировавшихъ крѣпостнымъ. Красивой декорацией въ господствующемъ вкусѣ прикрываютъ онѣ социальный вопросъ русской жизни и даютъ только, да и то весьма относительный, матеріалъ для этнографическаго изученія народности¹⁾, но не болѣе²⁾.

Мы рассмотрѣли наиболѣе интересныя для насъ произведенія русской поэзіи XVIII-го вѣка. Грустную, безотрадную, несомнѣнно,

¹⁾ О народности въ комическихъ операхъ см. подробнѣе статью А. М. Лободы: „Народность въ русской музыкальной драмѣ сто лѣтъ назадъ“ Кіевъ. 1899.

²⁾ На комическія оперы ополчались въ XVIII в.: сатирическіе журналы, Новиковъ и Крыловъ. Интересенъ въ этомъ отношеніи разбор одной изъ „комическихъ оперъ“ того времени съ ложно-народнымъ направлениемъ въ журналѣ Крылова. Крыловъ, пересказывая въ своемъ разборѣ, содержание одной изъ самыхъ безсодержательныхъ оперъ, спрашиваетъ во имя разума и естественности: „есть-ли содержаніе въ этой оперѣ („Полное собраніе соч.“

одностороннюю картину рисуютъ всё эти грубоватые по складу своего таланта русскіе писатели XVIII вѣка,—но за ними остается та заслуга, что они пытались ввести въ полную условностей литературу правдивый, чисто народный элементъ. Правдивыя картины деревенской жизни и безчисленные примѣры идеализацій всего существующаго... Точно люди хотѣли себя и другихъ увѣрить, что не все еще плохо въ окружающей ихъ обстановкѣ, убаюкать себя сладкими звуками, утѣшить отрадными образами. Интересно при этомъ, что нѣкоторые изъ „поэтовъ“, хорошо зная положеніе деревни, какъ Княжнинъ, рисуеъ только однѣ идилліи: здѣсь рѣчь идетъ только о пляскахъ, хороводахъ „веселыхъ добрыхъ поселянъ“; поля оглашаются у нихъ пѣснями поселянъ (Херасковъ), „текущій потъ и работа“ крестьянина веселитъ сердце, Россія цвѣтетъ подобно „Эдемскому саду“ (Херасковъ, Петровъ), „въ лугахъ стада жирѣютъ тучны, при нихъ венки пастушки вьютъ“, струи Волги „вопѣютъ“ о благополучіи ихъ береговъ. Крестьяне счастливы „не зная городскихъ тщеславнѣйшихъ заботъ“ (Рубанъ), въ „сельское пріятно жилище“ „веселый сонъ“ вноситъ „на крылахъ въ ихъ дома“ „ласкающія мечты“. Въ этомъ отразилась, повидимому, главная особенность восемнадцатаго столѣтія, бывшаго въ исторіи русской литературы и, въ частности, поэзіи эпохою поразительныхъ контрастовъ. Одинъ и тотъ же авторъ рисуеъ деревенскій бытъ съ его грубой и неприглядной стороны, и одновременно пишетъ чувствительныя пасторальныя произведенія. Сумароковъ рядомъ съ баснями противъ крѣпостного права ищетъ „Эклога“, „Меналькъ и Палемонъ“, „Исмена“; Державинъ—„Русскія дѣвушки“; Капнистъ—„Невѣрность“, „Скромное признаніе въ любви“, „Потеря дня“; даже Радищевъ не избѣжалъ общей участи и написалъ „Идиллія“, гдѣ фигурируютъ пастырь Милонъ и прекрасная Хлоя...

Подобная идеализація встрѣчается и во многихъ комическихъ операхъ. Въ „Деревенскомъ праздникѣ“ крестьянинъ Медоръ плететъ вѣнокъ для своей возлюбленной, его невѣста воспѣваетъ „родимую сторонку“, которая ей „будто матушка мила“, помѣщички въ

Крылова т. е. I. Спб. 1847 стр. 157—162. 159?., дѣйствующія лица говорятъ въ ней, по мнѣнію Крылова, „какъ пьяные или сумасшедшіе“ (стр. 162). „Сходства съ жизнью никакого“... Статья интересна, между прочимъ, и приѣмомъ критики, при чемъ въ этомъ отношеніи Крыловъ опережаетъ критику оперъ граф. Льва Толстого въ „Что такое искусство“...

операхъ „отцы и благодѣтели крестьянъ“, крестьяне въ хорахъ и аріяхъ распѣваютъ:

„Мы руками работаемъ
И за долгъ себѣ считаемъ,
Быть въ работѣ таковой.
Давъ оброкъ съ насъ положенной,
Въ жизни мы живемъ блаженной
За господской головой“...

Мы

. „Въ нашемъ краю
Не знаемъ печали,
Мы веселы, вольны,
Другъ другомъ довольны,
Не знаемъ мы бѣдъ.
Помѣщикъ не давить,
Работою насъ,
Оброки съ насъ править
Не всякой онъ разъ.
Мы любимъ сердечно,
Его, какъ отца;
Плѣнилъ себѣ вѣчно
Онъ наши сердца“

распѣваютъ крестьяне въ другой оперѣ.

Оперы, за рѣдкими исключеніями, уносятъ только въ условный, идиллическій міръ, порывая съ дѣйствительностью. Въ нихъ съ манерами благовоспитанныхъ пейзанъ и пастушекъ выступают Аркасъ, Ликость, Дафнисъ, Климена, Калиста, Исмена и т. п., которые изображаютъ обитателей цвѣтущей, утонченной до приторности деревни...

Вторженіе классической мнѳологін въ чисто-русскую бытовую обстановку еще болѣе искажаетъ изображеніе деревенской жизни и соединяетъ русскія черты съ отголосками античнаго міра, т. е. обезличиваетъ ихъ. Благодаря этому получается то же, что произошло и съ героями Сумарокова: обезличенные они превратились въ условнаго мужика безъ родины и національности. Въ ложно-классической поэмѣ „Елисей“ боги принимаютъ участіе въ судьбѣ разгульнаго ямщика, въ сатирѣ „Мужикъ и Кляча“ крестьянинъ при-

зываетъ Геркулеса, въ „Молодомъ Сатирѣ“ пастухъ угощаетъ горячею кашею Сатира, Юпитеръ не рѣшается пройти по русскому мосту („Мостъ“)..

Не это ли смѣшеніе своего и чужого, античнаго и современнаго было причиною, что за русской поэзіей XVIII вѣка утвердилась незаслуженная репутація, какъ-чего-то безусловно искусственнаго, далекаго отъ жизни, въ то время какъ она дѣлала усиленныя попытки изобразить русскую дѣйствительность?

Что извѣстное тяготѣніе (которое только отчасти парализовалось буколическими произведеніями) нѣкоторыхъ русскихъ поэтовъ XVIII вѣка, несмотря на противовѣсъ со стороны господствующей ложно-классической теоріи, было въ сторону народа, очень наглядно доказываетъ пробужденіе сочувствія къ народному творчеству ¹⁾, обычаямъ, повѣрьямъ. Чулковъ издаетъ „Сказки“ и „Пѣсни“, имѣющія значеніе еще и теперь, найдено „Слово о полку Игоревѣ“, Екатерина II вставляетъ въ свои пьесы народныя пѣсни, Елизавета Петровна создаетъ пѣсню, которая распѣвается народомъ и по нынѣ. Являются попытки поддѣлаться подъ народную рѣчь, писать въ духѣ безыскусственныхъ пѣсенъ или былинъ ²⁾, отражать унаслѣдованныя отъ древнихъ временъ суевѣрія крестьянскаго населенія или даже отголоски древне-славянскаго міѳологіи, какъ ее представляли себѣ въ то время. Поповъ, Львовъ, Радищевъ, Майковъ, Сумароковъ, Николевъ, Богдановичъ, Херасковъ, Державинъ, Хемницеръ, Капнистъ, Аблесимовъ — пытаются писать въ народномъ духѣ и „подлымъ“ слогомъ, сочиняютъ божества для своихъ „народныхъ“ пѣсенъ и поддѣлокъ (въ большинствѣ случаевъ очень неискусныхъ и дубоватыхъ) подъ сказки, былинны.

Сгруппированныхъ выше фактовъ изъ русской поэзіи XVIII вѣка, кажется намъ, достаточно, чтобы видѣть, какъ въ русской поэзіи отражались народная жизнь и творчество. Значеніе народного элемента въ произведеніяхъ „поэтовъ“, кромѣ немногихъ, не особенно велико, но не такъ уже и ничтожно, чтобы его можно было совсѣмъ отрицать. Элементъ этотъ не занималъ тогда въ сти-

¹⁾ Подробнѣе см. XII главу.

²⁾ Въ духѣ Перро-подкрашенной.

хотворныхъ произведеніяхъ перваго мѣста; писатели, затрагивавшіе и пропагандировавшіе его, не составляли опредѣленной школы, не были представителями ясно обозначеннаго направленія, они не имѣли даже точно формулированной программы¹⁾, ибо нельзя считать за таковую выставленную Лукинымъ (который, кстати, и самъ ей не слѣдовалъ), который рекомендовалъ авторамъ обращать вниманіе на внѣшность, да и то въ комедіи. Почти всѣ они могли писать и писали и въ другомъ родѣ—господствовавшемъ тогда: иногда авторъ изображающій деревенскую жизнь, и довольно вѣрно, въ то же время уносится и въ царство высокопарныхъ одъ или трагедій. Къ этому присоединялся и еще одинъ ужасный тормазъ своего времени—вражда между писателями. Часто происходили такія явленія, что свои не познавали своихъ и писатели, у которыхъ было много общаго (судя по ихъ произведеніямъ), находились во враждѣ и смѣялись другъ надъ другомъ. Хемницеръ, напр., пишетъ эпиграмму на Майкова, который „сколько ни писалъ, нигдѣ не возвышался“, Львовъ не любилъ ни Майкова, ни Сумарокова; Чулковъ задѣваетъ Майкова въ „стихахъ на качели“. Общеизвѣстны факты вражды Ломоносова и Сумарокова, Аблесимова и Лукина, изъ-за причинъ чисто личнаго характера, хотя во многомъ они должны были сходиться²⁾. При подобныхъ условіяхъ не могло быть,

¹⁾ Мы исключаемъ отсюда произведенія Львова и Карамзина, о которыхъ рѣчь ниже при оцѣнкѣ русской литературы девяностыхъ годовъ XVIII вѣка.

²⁾ Какія „литературныя выраженія“ пускались въ ходъ полемизирующими писателями можно видѣть по слѣдующимъ „перламъ“:

„Съ хмѣлю безобразенъ тѣломъ
И всегда въ умѣ незрѣломъ,
Ты преподло былъ рожденъ;
Хоть чинами и почтенъ.
Но безмѣрное пїанство,
Бѣшенство, обманъ и чванство
Всѣхъ когда лишать чиновъ,
Будешь пьяный рыболовъ.
Голова, о прехмѣльная,
Голова, ты препустая,
Дурости безчинства мать,
Нечестивыхъ мнѣній кладъ,
Корень изысканій ложныхъ,
О забрало дѣлъ безбожныхъ

конечно, и рѣчи о сочувствіи къ деревенскому люду, какъ о де-
визѣ тѣсно сплотившейся группы писателей. Каждый писатель дѣй-
ствуетъ на свой страхъ и рискъ, дружба и близость между ними
нѣчто случайное, рѣдкое, извѣстно только нѣсколько случаевъ ея
(Хемницеръ и Львовъ). Виноваты въ этомъ, конечно, не одни пи-
сатели, но и историческія условія, породившія такія уродливыя
отношенія между собратіями по ремеслу, и нужна была великая
сила для того, чтобы разрушить преграду между писателями, сплю-
щить ее и соединить въ единое, стройное цѣлое. И такая сила
наплась въ свое время. Сознаніе, что литература служитъ обществу
и его нравственному совершенствованію, еще не заставляло въ это
время поэтовъ чутко прислушиваться къ голосу своей совѣсти—
главному вдохновителю барской эпохи нашего литературнаго твор-

Чѣмъ могу тебя почитать,
Чѣмъ заслуги заплатить?

Голова, теперь прощай!
Во вѣкъ съ свиньями почивай“.

пишетъ Тредьяковскій на Ломоносова въ „переодѣтой бородѣ, или гимнѣ пья-
ной головѣ“. Въ др. эпиграммахъ на того же Ломоносова Тредьяковскій передѣ-
лываетъ фамилію Ломоносова въ „Цыганосова“ и обвиняетъ его въ само-
хвальствѣ, неисполненіи своихъ обязанностей, злости, подлости, непостоян-
ствѣ, пьянствѣ, бѣшенномъ характерѣ, вздорливости, глупости, отсутствіи
учености, учтивости, „Цыганосовъ“—развратникъ, проныра, наушникъ, плутъ,
безбожникъ и т. д.

„Безстыдный Ридомонтъ, иль буйволъ, слонъ, иль кить,
Гора, полна мышей, о винной бочки винтъ“....

Достается и Сумарокову: онъ дуракъ и вертопрахъ негодный.

„Тебѣ-ль Пирнасска грязь, морали не-творецъ,
Учить людей писать? ты, истинно, глупецъ.
Повѣрь мнѣ, крокодилъ, что... ты бесплоденъ, злыдаръ,...

Мнѣ ржу тварь никакъ въ добро не примѣнить,

То самъ ты нетопырь и подлинно свинья“....

„Свинней въ лисьей кожѣ“ величаетъ Ломоносовъ Сумарокова, „стенаніемъ
совы“ стихи Тредьяковскаго. Наши меценаты относились къ поэтамъ какъ
къ забавникамъ, шутамъ, нарочно разжигая ихъ ссору. Перебранка между
писателями доставляла россійскимъ любителямъ-покровителямъ просвѣщенія
XVIII вѣка, повидимому, огромное удовольствіе.

чества. Въдѣ неправоту общественной жизни, основанную на чужомъ трудѣ, неправоту своего общественнаго положенія, своихъ привилегій, лучше русскіе люди заподозрѣли только въ самомъ концѣ XVIII вѣка ко времени Радищева. Предѣ писателемъ не вставалъ еще вопросъ о смыслѣ личной жизни самого писателя, о ея нравственномъ оправданіи. Поэтому мы и видимъ колебанія между двумя крайностями: правдивыя картины деревенской жизни—и идилліи и эклоги; протестъ противъ крѣпостнаго права—и прикрашенныя характеристики положенія крестьянъ; отраженіе красотъ народнаго творчества—и допущеніе существованія какихъ-то „трубадуровъ“ „царства русскаго“ съ признаніемъ за что-то неоспоримое явно фиктивной миѳологии. При всемъ этомъ заслуги писателей, о которыхъ шла рѣчь выше (несмотря на то, что небольшое изъ ихъ литературы сохранилось въ памяти историко-художественной критики), несомнѣнны. Они не довели своего дѣла до конца, не достигли прочныхъ, вполнѣ осязательныхъ результатовъ,—но тѣ мысли и стремленія, которыя они заронили въ умы, принесли со временемъ обильный плодъ. Ихъ проповѣдь гуманности, справедливости къ низшимъ, не осталась гласомъ воиющаго въ пустынѣ. Въ ложный классицизмъ, весьма далекій отъ дѣйствительности, вносятся струя братскаго отношенія къ „рабамъ“, желаніе изгнать „жестокосердіе“ путемъ насмѣшки, вносятся сатира. Правда, сентиментализмъ, появившійся задолго до Карамзина, а затѣмъ романтизмъ принудили нашу поэзію сдѣлать еще шагъ назадъ въ изображеніи деревенской жизни—литература носитъ тотъ же искусственный характеръ; но, минуя непосредственно слѣдовавшую за ними эпоху, русскіе самобытные „поэты-реалисты“ второй половины XVIII вѣка подають руку многимъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ писателей новѣйшаго времени (этотъ самобытный реализмъ, какъ мы уже говорили раньше, вытекалъ изъ преемственности историческихъ преданій и по существу довольно значительной близости высшихъ просвѣщенныхъ классовъ съ низшими). Конечно, послѣ произведеній Кольцова, Тургенева, Некрасова, посвященныхъ деревнѣ, произведенія Сумарокова, Майкова, Аблесимова, Чулкова, Капниста, Попова, Радищева могутъ показаться намъ наивными, блѣдными, односторонними. Но если новыя поколѣнія такъ далеко ушли впередъ въ развитіи интереса къ деревнѣ и ея изображенію, оставивъ не только позади первыхъ піонеровъ пустив-

наго глибокія корни направленія, но сдѣлавъ даже почти невозможнымъ сравненіе ихъ произведеній,—то это движеніе впередъ сдѣлалось возможнымъ благодаря поэзін XVIII вѣка. Безъ „Влисея“, „Добрыни“, „Бовы“, притчъ Сумарокова, басенъ Хемницера, комическихъ оперъ, быть можетъ, не появилось бы многихъ выдающихся произведеній русской литературы нашего столѣтія. Въ этомъ и состоитъ заслуга тѣхъ писателей стихотворныхъ произведеній, которые впервые рѣшились итти по новымъ путямъ. Дѣйствуя на свой страхъ, почти безъ поддержки, расчищали они дорогу для послѣдующихъ поколѣній и, выступая противъ господствовавшей въ ихъ время теоріи, дѣлали попытку внести въ нее новое содержаніе, вложить новый духъ. Жизнь заявляла о своихъ правахъ, сѣренькая русская обстановка, и въ частности, деревенская жизнь давала о себѣ знать; она врывалась въ творчество русскихъ Флакковъ, Расиновъ и Корнелей, на время они забывали о трехъ единствахъ и прочихъ требованіяхъ классическаго кодекса и писали въ другомъ духѣ, рисуя безъ прикрасъ то, что видѣли вокругъ себя. Историческія условія помѣшали дѣятелямъ поэзін народническаго направленія XVIII вѣка сплотиться въ одно во имя общаго имъ дѣла и тѣмъ достигъ болѣе значительныхъ результатовъ, но винить въ этомъ ихъ нельзя, тѣмъ болѣе что это взяли на себя дѣятели прозы, сдѣлавшіе все, что имъ было возможно сдѣлать въ этомъ направленіи.

Русская поэзія XVIII вѣка, такимъ образомъ, сказала все же свое слово въ защиту крѣпостнаго люда, нарисовала нѣсколько яркихъ картинъ, взятыхъ изъ жизни „тварей низкихъ и несчастныхъ“, содѣйствовала проведенію въ среду помѣщиковъ чловѣчныхъ и мягкихъ идей.

Правда, идея естественнаго права, выражаемая неоднократно въ произведеніяхъ XVIII вѣка у многихъ писателей, оставалась часто въ области одной только теоріи. *Толкуя о равенствѣ людей, въ крестьяннѣхъ не видѣли чловѣка со всеми присущими чловѣку потребностями, чувствами:* не оскорбляя ничьей стыдливости жены и дочери дворянъ раздѣвались, одѣвались, припимали ванны въ присутствіи крѣпостныхъ крестьянъ—дворовыхъ; существованіе „суда-рокъ“ не считалось измѣной: намѣнить можно было только равной по происхожденію, а право рѣша посте вело вѣдь только къ улучшенію породы крестьянъ! Постепенное измѣненіе *такою* взгляда на

крестьянина и все большее распространение мысли, что крестьянинъ подобенъ помѣщику-дворянину во всѣхъ отправленіяхъ своей жизни и чувствъ и есть главная заслуга литературы XVIII вѣка.

Еще болѣе цѣнное значеніе имѣетъ многое изъ поэзіи XVIII вѣка, какъ ступень умственнаго развитія и художественнаго пониманія, для исторіи общественной.

Пять типовъ отношеній къ народу замѣчаемъ мы у писателей-поэтовъ XVIII в.: истинно-народническое, націоналистическое, пасторальное (идиллическое тоже), бессознательно-инстинктивное, крѣпостническое.

Истинно-народническое направленіе рѣшаетъ вопросъ объ отношеніи къ народу въ смыслѣ освобожденія и расширенія его правъ. Крѣпостное право, какъ тормазъ для развитія народныхъ силъ, безусловно имъ осуждается. Представителями этого направленія являются: Радищевъ, Капнистъ, Николевъ, Поповъ, до извѣстной степени Майковъ, журнальныя стихотворенія.

Націоналистическое (правильнѣе патріотическое), въ немъ слышны ноты о необходимости культурныхъ благъ для подданныхъ. Это точка зрѣнія невыполненныхъ еще задачъ государства (по понятію Петровскому) по отношенію къ низшимъ классамъ. Выразителемъ является Ломоносовъ, Кантемиръ, отчасти Тредьяковскій¹⁾ и Сумароковъ¹⁾ и др. Необходимость мира для культурнаго преуспѣванія страны входитъ при этомъ какъ необходимая строфа во всѣ почти произведенія и другихъ одописцевъ. Сюда же необходимо отнести многочисленныя басни и другіе виды произведеній съ сатирическимъ оттѣнкомъ, осуждающіе помѣщиковъ за ихъ жестокость и въ то же время дающіе проповѣдь гуманности: Аблесимовъ, Княжнинъ, Петровъ. Есть націоналисты и глубоко вѣрующіе въ благоденствіе народа: Херасковъ, Державинъ.

Бессознательное, инстинктивное стремленіе къ *своему, родному. русскому*, выражающееся въ интересѣ, подражаніи, поддѣлкѣ и передѣлкѣ *народной* поэзіи, народныхъ произведеній. Встрѣчается у всѣхъ писателей XVIII вѣка отъ императрицы Елизаветы Петровны, Екатерины II до Радищева включительно. Сюда же необходимо

¹⁾ Послѣдніе въ одахъ „на восшествіе на престолъ Им. Елизаветы Петровны“.

отнести и произведения этнографического характера въ комических операхъ. Здѣсь народничество было не у всѣхъ писателей: у многихъ только стремленіе къ народному, какъ къ расовому.

Барское презрѣніе къ народу, какъ къ „подлому“. „Въ народѣ царить развратъ, народъ глубоко циниченъ“ — таковы выводы крѣпостниковъ, рисующихъ иногда въ своихъ произведеніяхъ и бытовые сцены. Этой группой писателей гуманное обращеніе къ крестьянамъ проповѣдуется въ виду большей пользы самихъ же помѣщиковъ. Яркій представитель—Сумароковъ, Петровъ.

Идиллическое направленіе—обусловливалось самой теоріей, ему отдають дань всѣ поэты-писатели XVIII вѣка.

У многихъ изъ писателей-поэтовъ XVIII в. наблюдается смѣшеніе только что указанныхъ отношеній къ народу, такъ, наприм., возможны крѣпостники съ требованіемъ улучшенія культурныхъ условій жизни: Петровъ, кн. Дашкова.

Главное значеніе русской поэзіи XVIII в.—въ проповѣди идей вѣка просвѣщенія и расчисткѣ пути для слѣдующаго поколѣнія.

*
* *

Разобравъ изображеніе народной жизни и отношеніе къ нему въ русской поэзіи XVIII-го вѣка мы остановимся теперь на историческихъ условіяхъ, мѣшавшихъ развитію народническаго направленія въ русской литературѣ и на отношеніи къ крестьянству и крѣпостному праву со стороны русской художественной прозы того же вѣка. Но прежде чѣмъ перейти къ прозѣ, послушаемъ, чего желалъ самъ народъ и какъ онъ относился къ своему положенію.

На границѣ между прозаическими произведеніями XVIII-го вѣка и „поэтическими“ стоитъ полу-народный, полу-книжный памятникъ „Плачь холоповъ прошлаго вѣка“ (изданъ впервые М. Тихоновымъ ¹⁾ въ 1895 г.). Произведеніе интересное уже не только тѣмъ, что въ немъ изображено положеніе крѣпостныхъ во время Екатерины II, но и тѣмъ, что въ немъ какъ бы вылились и кристаллизировались основныя черты прозаическихъ произведеній XVIII в., затрагивавшихъ крѣпостное право (что показываетъ, какъ вѣрно подмѣтила проза

¹⁾ „Починъ“. Сборникъ Общества любителей россійской словесности на 1895 г. Москва 1895 г. Стр. 11—14.

XVIII вѣка въ лицѣ ея лучшихъ представителей современныя ей нужды народа).

Начинается этотъ замѣчательный памятникъ XVIII вѣка слѣдующимъ образомъ:

„О! горе намъ, холопамъ, за господами жить!
И не знаемъ какъ ихъ свирѣпству служить!

О, горе намъ, хлопемъ, отъ господъ и бѣдство!
А когда прогнѣвишь ихъ, такъ отънимуть и отцовское
наслѣдство.

Что въ свѣтѣ челоувѣку хуже сей напасти?
Что мы наживель—и въ томъ намъ нѣтъ власти,
Пройди всю подселенную—нѣтъ такова житья мерзкова!“

Договорившись до такого отчаяннаго вывода, авторъ спрашиваетъ себя съ недоумѣніемъ, гдѣ же исходъ: „развѣ намъ просить на помощь Александра Невскаго?“ Не находя исхода, онъ останавливается на вопросѣ о причинѣ тяжелаго положенія крѣпостныхъ и видитъ ее, главнымъ образомъ, въ томъ, что многіе помѣщики стоятъ настолько низко по своему нравственному развитію, что не въ состояніи владѣть и сами собой, а не только имѣть у себя „насъ множество въ своей власти“; подчиниться болѣе низкой душѣ автору кажется слишкомъ обиднымъ. Отъ этого вступленія къ произведенію авторъ приходитъ къ выводу, что

„Во весь вѣкъ сколько можемъ мы, безсчастные, пожить.
И всегда будемъ мы, безсчастные тужить“,—ибо
„Знать прогнѣвалось на насъ земля и сверху небо!“

Крѣпостные могутъ отлично обойтись безъ помѣщиковъ, только угнетающихъ и мѣшающихъ владѣть имъ дарами природы:

„Неужель мы не нашли-бы безъ господъ себѣ хлѣба!
На что сотворены лѣса—на что и поле,
Когда отнята и та отъ бѣдныхъ доля?“

Послѣднее приводитъ къ естественному вопросу:

„Зачѣмъ и для чего на свѣтѣ насъ породили?“

И отвѣту. полному негодованія:

„Виноваты въ томъ отцы, что симъ насъ наградили“.

Съ каждымъ годомъ жизнь крѣпостныхъ становится все тяжелѣе: господа перестаютъ вѣрить слугамъ „ни въ чемъ и никогда“. называютъ ихъ часто ворами,—но что болѣе обидно: „напрасно хлѣбъ ѣдимъ“ — „всечасно попрекаютъ“. если же въ дѣйствительности кто-нибудь украдетъ хоть одинъ „господскій грошъ“ — „указомъ повелятъ его убить, какъ вошь“. Сами же „господа“ не только воруютъ безнаказанно тысячъ по десять, но умножили неправду по судамъ, въ судѣ правъ только явившійся съ подаркомъ, хотя бы у него и не было доводовъ. Дворяне....

„На власть Создателя перестали уповать
И нами какъ скотомъ, привыкли обладать“.

Нѣтъ ничего. поэтому, удивительнаго, что

„Всѣ земли насъ бранятъ и глупости дивятся.
Что такіе глупые у насъ въ Россіи рождаются.
И подлинно въ насъ глупость давно вкоренена“.

Оно и понятно, такъ какъ „всякая здѣсь честь побродамъ отдана“.

Далѣе слѣдуетъ единственная по силѣ критика Екатерининскихъ мѣропріятій:

„Бояринъ умертвить слугу, какъ мерина,—
Холопьему доносу и въ томъ вѣрить не велѣно
Неправедны судьи составили указъ,
Чтобъ съчъ кнutomъ тирански за то насъ.
Въ свою нынѣ пользу законы перемѣняютъ.
Холопей въ депутаты зачѣмъ не выбираютъ,
Что могутъ-де холопы тамъ творить?“

На послѣднѣ авторъ съ ироніей отвѣчаетъ:

„Отдали бы имъ волю до смерти насъ морить“.

Но теперь:

„Знать мы всѣ безсчастны на свѣтъ рождены,
Чтобъ подъ власть такимъ тиранамъ во вѣкъ утверждены!
За что намъ мучиться и на что вѣкъ тужить?“

Авторъ вспоминаетъ о Петровскомъ указѣ—„лучше согласиться намъ царю служить!“ Но Екатерина отмѣнила этотъ указъ, поэтому остается только одно:

„Лучше намъ жить въ темныхъ лѣсахъ,
Нежели быть у сихъ тирановъ въ глазахъ“,

которые

„Свирѣпо на насъ глазами глядятъ
И такъ, какъ бы ржа желѣзо, ѣдятъ!“

При чемъ:

„Царю послужить ни одинъ не хочетъ,
Лишь только у насъ послѣднее точить“.

Ихъ цѣль:

„Въ то и стремятся, чтобы неправдою мзду собирать,
А того не страшатся, что станутъ злою смертью умирать“.

Уйти отъ помѣщиковъ некуда:

„Власть ихъ увеличилась, какъ въ Невѣ вода;
Куда бы ты ни сунься — вездѣ господа!“

Интересенъ идеаль, рисуемый авторомъ на случай освобожденія:

„Ахъ! когда бы намъ, братцы, учинилась воля.
Мы-бъ себѣ не взяли ни земли, ни поля,
Пошли мы, братцы, въ солдатскую службу
И сдѣлали-бъ между собою дружбу,
Всякую неправду стали бы выводить
И злыхъ господъ корень переводить“¹⁾.

Авторъ затѣмъ снова возвращается къ прерванному имъ объясненію причинъ закрѣпощенія Россіи. Онъ говоритъ, очевидно, намекая на иностранцевъ, стоящихъ около трона:

„Прежде ихъ затѣмъ тирановъ пущали,
Чтобъ они Россію просвѣщали,
А они уже такъ нами владѣютъ,
Что и говорить холопы не смѣютъ“.

¹⁾ Вспомнимъ прокламаціи Стеньки Разина и Пугачева.

Договорившись до объясненія происхожденія крѣпостнаго права тѣмъ, что приближенные ко двору не русскаго происхожденія и только приглашены были къ намъ для просвѣщенія Россіи, вмѣсто чего они закрѣпостили чуждую имъ страну, авторъ продолжаетъ развивать эту мысль очень оригинальнымъ образомъ. Онъ говоритъ, что когда приглашали этихъ иностранцевъ въ Россію, то обѣщали намъ „лучшее правленіе“¹⁾. а они позаботились только о дворахъ и однодворцахъ;

„А насъ несчастныхъ, по себѣ раздѣлили“.

Почему и

„Пропали наши бѣдныя головы
За господами лихими и голыми!
Всѣ мы въ немилосердныхъ рукахъ связаны,
Какъ будто такимъ татствомъ обязаны“.

Живется крестьянамъ плохо и потому, что „злые господа къ царю насъ не пускаютъ и милости своей къ намъ не обѣщаютъ“. Положеніе крѣпостныхъ ужасно, ибо—

„Всѣ мы, несчастные, обдѣляди“.

Исходъ отъ бѣдности только одинъ,—„спознать чужую сторону“, ибо помѣщики не считаютъ крѣпостныхъ даже за людей:

„Чистую рожь купцамъ всю продаютъ,
А намъ ужъ, какъ свиньямъ, невѣику даютъ.
Несытые господа и въ нощь мясо ѣдятъ,
А холопомъ и въ мясоѣдъ пустыя щи варятъ,—
О! горе, братцы, наше:
Всегда намъ, несчастнымъ, аржаная каша“.

Еще тяжелѣе положеніе дворовыхъ:

„Господа пьютъ и веселятся,
А холопомъ не велятъ и разсмѣяться.
Лягутъ спать на канапе, ни кричать,
Велятъ тихо ходить и ничѣмъ не стучать.“

¹⁾ Намекъ на Петровскую реформу.

Если жь кто небреженіемъ застучить,
Тоть несносные побои получить“.

Боязнь постояннаго наказанія парализуетъ всякія дѣйствія:

„Не выходитъ изъ головы господскій страхъ,
Будто нѣкакой сидитъ за плечами врагъ“.

Это приводитъ къ удивительно неутѣшительному выводу:

„Сколько намъ, братцы, ни рваться,
Звать смерти намъ ихъ бояться!“

Жизнь полная мученій продолжается до самой гробовой доски, ибо только она одна даетъ въ руки „вольный абшидъ“, при жизни же

„Нѣтъ холопомъ никакой надежды,
Не выслужить намъ себѣ хорошей одежды“.

Здѣсь слѣдуетъ нѣсколько непонятное мѣсто въ „Плачѣ“.

Рѣчь идетъ о какихъ-то защитникахъ „холоповъ“ торговавшихъ „хворостомъ“ „въ Деделовѣ“ и „попавшихъ“ „послуху“ въ „провальную яму“, почему имъ и „не отъ кого ожидать застои“¹⁾.

Утѣшенія въ жизни для холоповъ мало „только ихъ и веселить съ табакомъ рогъ, да въ чистомъ полѣ зеленый горохъ“.

Водка, какъ утѣшеніе, недоступна, ибо, какъ говоритъ авторъ:

„Выпилъ бы съ горя чарку винца,
Да взять негдѣ и кислаго пивца“.

Заканчивается „Плачъ“ обращеніемъ къ Богу полнымъ безотрадной грусти:

„Господи нашъ Боже!
Даждь въ небесномъ твоёмъ полѣ ложе!
Ты бо нашъ Творецъ:
Сдѣлай бѣднымъ одинъ конецъ!“

Мотивъ этого произведенія мы не разъ встрѣтимъ въ прозѣ XVIII вѣка (въ другихъ, конечно, словахъ и выраженіяхъ, но по существу тотъ же).

¹⁾ Не есть ли это историческій намекъ на лицъ, которые высказались въ защиту крѣпостныхъ, за что и попали въ „ямы“ и были наказываемы розгами („торговали хворостомъ“)?!

V.

Смерть Петра Великаго, какъ извѣстно, вызвала на ясный божій свѣтъ всѣ темныя реакціонныя силы. Всѣ онѣ исходили главнымъ образомъ изъ кореннаго зла нашего законодательства XVIII-го вѣка—отсутствія закона о престолонаслѣдїи, почему „бѣдная Россія“, по выраженію кв. Щербатова, „яко вотчина или какого приватнаго человѣка имѣніе“ переходила въ руки то одной, то другой изъ партій, борющихся за власть и за право „пожиранія этого огромнаго пирога, начиненнаго милліонами людей“. Олигорхическія тенденціи воскресли вновь и начали одерживать побѣду. Безпредѣльно растутъ въ это время привиллегїи дворянъ и параллельно съ этимъ ростомъ увеличивается бѣдственное положеніе крѣпостныхъ. Каждый временщикъ, каждый любимецъ, каждый пособникъ переворота, каждый крупный чиновникъ—всѣ получали крестьянъ. У. Меньшикова было 100.000 кр., у Долгорукова—80.000, другіе считали своихъ крестьянъ тоже десятками тысячъ. Елизавета, вступивъ на престоль, раздаетъ 14.000 крестьянъ гвардейцамъ, ей помогавшимъ. Увеличивается число помѣщиковъ. Потомственные дворяне и лица, дослужившіе до оберъ-офицерскихъ ранговъ, получили право владѣть крестьянами, даже не имѣя собственной земли. Лицамъ другихъ сословій запрещено имѣть крестьянъ, но за то дозволено „покупать и на товары вымѣнивать“ инородцевъ. Кабальные люди вмѣстѣ со своими дѣтьми окончательно превращаются въ холоповъ. Отнимается существовавшее при Петрѣ право крѣпостныхъ людей избавляться отъ рабства добровольнымъ поступленіемъ въ военную службу; такихъ волонтеровъ жестоко бьютъ кнутомъ, батогами, плетьюми, а послѣ наказанія ссылаютъ на

каторгу навѣчно или возвращаютъ помѣщикамъ. Боярскимъ лю-
 дямъ, монастырскимъ слугамъ и крестьянамъ запрещено приобрѣ-
 тать недвижимыя имѣнія; крестьяне лишены права владѣть фабри-
 ками, вступать въ подряды и открыто обяываться векселями и
 поручительствомъ, и, наконецъ, указомъ 1741 г., какъ настоящіе
 безличныя рабы, они даже исключены изъ присяги на вѣрнопод-
 данство. Крѣпостной человѣкъ постепенно превращается какъ бы
 въ *res*: помѣщики получаютъ право продавать своихъ крестьянъ и
 дворовыхъ, также ссылатъ ихъ въ Сибирь съ зачетомъ отъ казны
 въ рекруты. Разрѣшается закономъ продажа однихъ членовъ се-
 мейства отдѣльно отъ другихъ. Больныхъ, старыхъ, вообще не-
 способныхъ людей помѣщикъ могъ отпускать на волю, т. е. прого-
 нять отъ себя. Подати, слѣдующія за проданныхъ, сосланныхъ и
 прогнанныхъ, раскладывались на всѣхъ оставшихся крестьянъ.
 Увеличиваются случаи взысканія недоимокъ и податей посред-
 ствомъ военныхъ командъ и постепенно это дѣлается самымъ
 обыкновеннымъ явленіемъ. Произволь помѣщика безгранично уве-
 личивается и правительство не противодѣйствуетъ ему ни въ чемъ.
 Вся жизнь крестьянина до малѣйшихъ мелочей регламентируется
 господиномъ. Такое усиленіе крѣпостнаго права вело за собою не
 мало безпорядковъ и смуть. Участились побѣги. Въ разныхъ мѣ-
 стахъ то и дѣло вспыхивали бунты противъ помѣщиковъ, для усми-
 ренія которыхъ посылались войска и чиновники... Но такъ какъ на
 ряду съ такимъ ухудшеніемъ положенія крестьянъ все увеличива-
 лись послабленія относительно службы дворянству, то напряжен-
 ная дѣятельность въ высшихъ сферахъ, кипѣвшая при Петрѣ I,
 прекращается. Со смерти Петра I и до воцаренія Екатерины II мы
 видимъ рядъ переворотовъ, интригъ, розысковъ и казней, баловъ,
 маскарадовъ, оргій, но не видимъ почти никакой государственной
 дѣятельности. Не только о народныхъ, но даже и чисто правитель-
 ственныхъ интересахъ при этомъ не было и рѣчи; дѣлами воро-
 чали личныя выгоды и страсти, а такъ какъ у дѣлъ стояли дво-
 ряне—помѣщики—развивалось только обезличеніе крестьянъ. Пол-
 ная апатія въ администраціи, совершенное истощеніе финансовъ,
 всеобщая бѣдность, воровство и разбон царствовали въ Россіи и
 никто не думалъ о исправленіи зла. Законодательныя комссіи, нѣ-
 сколько разъ собиравшіяся для составленія сводовъ законовъ, не
 имѣли успѣховъ. Не было лицъ, способныхъ для работъ въ такихъ

коммиссіяхъ; выбранные депутаты отказывались ѣхать на засѣданія, а назначаемые правительствомъ были неспособны къ работѣ. Духовенство, задѣтое въ своихъ крѣпостническихъ стремленіяхъ Петромъ Великимъ, начало послѣ его смерти дѣйствовать усгѣпнѣе. Вопросъ о секуляризаціи церковныхъ имуществъ былъ отложенъ въ долгій ящикъ. Но такъ какъ для духовенства этого было мало и оно хотѣло рѣшительнаго возвращенія къ допетровской старинѣ, то началась борьба съ юнымъ просвѣщеніемъ и съ расколомъ, миссіонерская проповѣдь на окраинахъ. Начались гоненія, доносы, казни, ссылки, интриги, пытки, кнуты. Юному просвѣщенію грозила большая опасность. Духовенство, пользовавшееся большимъ вліяніемъ при Елизаветѣ Петровнѣ, объявило, что Россія была нивою, на которой появилось много шлепелъ—представители новаго просвѣщенія, эти — „порожденія ехиднины, изгрызающія утробу матери своей Россіи, правовѣрія ругатели“¹⁾, „эмиссары дьявольскіе“, „человѣкоядныя птицы, кумиры золотыя, которымъ приносили жертвы, какъ болванамъ“. „Въ ихъ желѣзное время неправда царствовала, а правда за карауломъ сидѣла“. Школѣ Петра предписывалось желаніе совсѣмъ искоренить православіе.

Естественно, что при общей терроризаціи бывшей только средствомъ борьбы за добычу и результатомъ страха, всецѣло господствовавшимъ надъ умами, великое дѣло народнаго просвѣщенія, начатое Петромъ, не могло идти по тому же направленію, какое было дано ему реформаторомъ. Устроенная Академія Наукъ ничего пока еще не дала, кромѣ русскаго календаря. Тамъ происходила борьба нѣмецкой и русскаго партіи. О народномъ образованіи не только не заботились, но преднамѣренно препятствовали ему. Въ проектѣ объ учрежденіи московскаго университета было постановлено, что „крѣпостныхъ людей нельзя принимать ни въ университетъ, ни въ гимназію, потому что науки почитаются благородными занятіями и не терпятъ принужденія“. Для различія дворянъ отъ разночинцевъ предписано учиться имъ въ разныхъ гимназіяхъ. Въ проектѣ объ учрежденіи батуринскаго университета высказалась та же сословная тенденція²⁾.

¹⁾ См. оду Тредьяковскаго на „восшествіе на престолъ Имп. Елиз. Петр.“ „плачь холоповъ XVIII в.“ и оду Ломоносова „на восп. на прест. Имп. Елиз. Петр.“, Сумаркова: „Екатерины II“.

²⁾ Журналъ Мин. Народ. Просв. 1865 г. X, прил. 57.

Общезвѣстны гоненія, испытанныя въ это время представителями русской науки—Миллеромъ, Ломоносовымъ. Доносы литературныхъ сыщиковъ и ихъ ходатайства не остались, конечно, безъ усилія. Были запрещены многія книги, изданныя при Петрѣ I, этого мало: онѣ были отобраны и сожигались. Въ 1745 г. было приказано представить всѣ книги, напечатанныя въ предыдущія царствованія, въ синодъ и въ Академію Наукъ для надлежащаго исправленія, а въ 1750 г. запрещенъ ввозъ иностранныхъ книгъ въ Россію. Создается строгая цензурная опека; всѣ книги духовнаго и гражданскаго содержанія просматривались въ Академіи Наукъ, въ типографіяхъ или губернскихъ присутственныхъ мѣстахъ. Въ 1751 вводится цензура для газетъ. Программа издававшихся Миллеромъ „Ежемѣсячныхъ Сочиненій“ была до того ограничена, что изъ нея исключены не только статьи богословскія, критическія и такія, которыми могъ бы кто нибудь оскорбиться, но и постановлено, чтобы въ журналѣ ничего не печаталось изъ „высокихъ наукъ“, т. е. изъ астрологическихъ наблюденій и исчисленій, изъ физики, изъ анатоміи и т. п. Юную русскую мысль вязали, жгли и давили со всѣхъ сторонъ, направляя ее преимущественно на тонъ панегирика и другихъ подобныхъ услугъ. Достаточно припомнить, что въ это время наши писатели, профессора, академики обязаны были между прочимъ потѣшать публику во время общественныхъ и придворныхъ празднествъ, писать оды и потѣшные стихи, готовить иллюминаціи, вензеля, фейерверки. Русская литература въ это время была раздѣлена на два враждебныхъ лагеря. Представители одного были до того проникнуты хвалебнымъ раболѣпіемъ, что представитель ея въ этомъ отношеніи—Тредьяковскій, держа надъ головой свою оду, черезъ длинный дворцовый залъ ползетъ на колѣняхъ къ Аниѣ Ивановнѣ, на колѣняхъ же читаетъ ей свой панегирикъ, за что въ награду, по его собственнымъ словамъ, „жалуется всемилостивѣйшей оплеушенной“. Представителемъ второго лагеря является Ломоносовъ—неуклонно поддерживающій въ это время реакціоннаго хаоса просвѣтительное дѣло Петра, защищая права науки и разума. Онъ исходилъ изъ принципа, прямо противоположнаго принципу перваго направленія: „нетокмо у стола знатныхъ господъ или у какихъ земныхъ владѣтелей дуракомъ быть не хочу, но ниже у самаго Господа Бога!“ Много нравственныхъ недостатковъ было у Ломоносова, но это его нравственное отношеніе къ задачамъ литератора

не может не возбуждать сочувствія, въ особенности, если принять во вниманіе общество того времени, насквозь пропитанное раболобіемъ. Впрочемъ, и Ломоносовъ не совсѣмъ былъ вѣренъ традиціямъ Петра и не совсѣмъ свободенъ отъ реакціонныхъ вліяній своего времени: въ борьбѣ съ нѣмцами онъ былъ далеко не безкрыстенъ.

Но какъ не расходились между собой писатели этого времени, какъ они не враждовали между собой, они все же дѣйствовали въ одномъ направленіи и внесли въ литературную область немалыхъ облагораживающихъ понятій. Кантемиръ ратуетъ за достоинство человѣческой личности; Посошковъ требуетъ обновленія и простора народной жизни; ту же мысль развиваетъ Ломоносовъ въ рядѣ проектовъ и реформъ, проникнутыхъ духомъ гуманности. Представители русскаго застоя попадаютъ въ обличительную литературу въ цѣломъ рядѣ сатиръ Кантемира, притчахъ и комедіяхъ Сумарокова, рѣзкихъ нападкахъ Ломоносовскихъ разсужденій на суевѣрія и предрасудки; даже тяжелая ложно-классическая трагедія, украсивъ себя торжественными и благонамѣренными монологами, звучала среди современной публики проповѣдью человѣчности и героическаго самопожертвованія. Литература, несмотря на эпоху террора и реакціи, стала пріобрѣтать довольно опредѣленный обликъ и внутреннее содержаніе. До Елизаветы Петровны любители „свѣтскаго житія“ находили удовольствіе только во внѣшней обстановкѣ западной культуры. Подъ конецъ ея царствованія выступаетъ новое поколѣніе, родившееся въ самомъ началѣ ея царствованія и выступившее въ литературѣ въ самомъ его концѣ. Это новое поколѣніе ищетъ удовольствій болѣе тонкихъ и культурныхъ, чѣмъ его предшественники. Создается культъ утонченныхъ удовольствій сердца, на которомъ создается отвлеченное, далекое отъ жизни, но за то и болѣе идеальное представленіе оцѣляхъ и сущности новаго-петровскаго просвѣщенія. Этотъ довольно условный, безпредметный идеализмъ, представляющій культурное движеніе Елисаветинской эпохи и составляетъ естественный переходъ отъ безыдейнаго реализма Петровскаго времени къ первымъ попыткамъ сблизить реальность съ идеей и внести въ литературу обещаніе жизненныхъ вопросовъ — въ вѣкъ Екатерины II.

Положеніе литературы въ это время вообще довольно шатко: мало поддержки сверху, незначителенъ подростъ силъ, нѣтъ на-

стоящей критики, хотя и издаются уже первые наши повременныя изданія: „Ежемѣсячныя сочиненія“ Миллера, „Трудолюбивая Пчела“ Сумарокова. Сотрудниками журналовъ этого времени были не профессиональные писатели или журналисты, а воспитанники шляхетскаго корпуса (Сумароковъ, Елагинъ, Нартовъ, Херасковъ, Порошинъ и др.). Естественно, что и всѣ журналы, издаваемые въ это время имѣли вліяніе только въ тѣсныхъ предѣлахъ собственнаго литературнаго круга. Направленіе литературныхъ силъ въ это время довольно случайно, но, въ общемъ, господствовали псевдо-классическіе приемы въ особенности въ трагедіи и поэзій. Но въ виду того, что у насъ не было строгой системы, не было выработанной *своей* теоріи, новымъ направленіямъ, которыя тѣмъ временемъ развивались на Западѣ, не пришлось выдерживать у насъ сильной борьбы съ стройнымъ и убѣжденнымъ полчищемъ защитниковъ старой теоріи. Похвальные оды, тяжелыя комедіи, высокопарныя трагедіи смотрѣлись и слушались и читались за неимѣніемъ лучшаго. Но какъ только стало устанавливаться литературное равновѣсіе между нами и Западомъ и къ намъ проникла болѣе правдивая, демократизованная форма драмы, чувствительная и субъективная лирика, социальная комедія Бомарше, то вся русская публика направилась на встрѣчу болѣе свѣжаго и свободнаго творчества. Ложно-классицизмъ былъ смытъ новой волной (хотя съ виду и дожилъ до Озерова) спустя всего два десятилѣтія послѣ смерти Ломоносова. Пали и трагедіи Сумарокова, на мѣсто которыхъ появилась мѣщанская драма. Литература была очищена отъ условной церемонности, утомительнаго однообразія героическихъ подвиговъ, вычурности, на мѣсто которыхъ водворилась мѣщанская, бытовая реальность. Простота и правдивость, близость къ жизни и свобода творчества водворились въ литературѣ, получивъ поддержку извнѣ. Отголоски освободительнаго движенія, волновавшіе Европу, ставившіе себѣ цѣлью внести и въ политическую жизнь народовъ и въ ихъ духовную дѣятельность, и въ воспитаніе, критическій анализъ, объявляя войну застарѣлымъ предрасудкомъ, будили у насъ умы раньше того времени, которое принято считать официальнымъ началомъ русскаго просвѣтительнаго вѣка и относятся, несмотря на неблагопріятныя условія, ко времени Елизаветы Петровны. Смѣлыя нападенія и выходки англійской сатиры противъ всего ложнаго и темнаго въ жизни и литературѣ печатаются и читаются и у насъ. Въ журналѣ

Миллера, въ другихъ русскихъ раннихъ журналахъ и вѣдомостяхъ можно встрѣтить переводы изъ „Болтуна“ и „Зрителя“, отрывки изъ обличительныхъ повѣстей, взятые изъ французскихъ и нѣмецкихъ образцовъ, что является уже прямымъ предвѣстникомъ народнаго русскою сатирической журналистики. Но это не была чистая сатира, ибо цѣль журналистики сводилась въ это время къ проповѣди самосовершенствованія, господства разума надъ страстями, къ исправленію и воспитанію нравовъ. Вкусъ къ чтенію переводныхъ романовъ, полныхъ фантастическаго вымысла, и ничѣмъ не связанныхъ съ дѣйствительною жизнью, падаетъ и его мѣсто заступаетъ мягкое и человѣчное вліяніе англійскаго чувствительнаго романа, ставящаго себѣ задачею изображать будничную жизнь съ ея тревогами. Романы новаго направленія дѣлаются скоро самымъ популярнымъ, если не самымъ моднымъ видомъ литературы. На немъ одинаково сходились въ то время какъ полуобразованный верхъ, такъ и вовсе необразованный низъ русскаго общества. Оя впервые и сильнѣе оригинальной любовной лирики¹⁾ содѣйствовалъ развитію отвлеченныхъ чувствъ. Чтеніе романовъ на ряду съ заучиваніемъ любовныхъ пѣсенъ было первою школою русскаго идеализма. Одновременно съ романами являются обличительныя комедіи Лукина и Фонвизина. Басня дѣлается сатирической. Вліяніе Запада, пришедшее на помощь русскимъ образованнымъ людямъ, освѣжило кромѣ того творчество бытовыми мотивами, возрастаніе реализма внесло близость къ жизни. (Появленіе комической оперы являлось вопросомъ времени). На ряду съ этими важными пріобрѣтеніями для литературной области Западъ внесъ къ намъ завоеванія философской и научной мысли, внесъ идеи гуманности и свободы, подчинивъ своему авторитету и плебеевъ и всемогущихъ правителей, и деспотовъ, и мечтателей филантроповъ.

¹⁾ Интересно, что въ эту эпоху процвѣтаетъ стремленіе къ народному Императрица Елизавета Петровна сочиняетъ пѣсню и до нынѣ распѣваемую и издаваемую въ лубочныхъ картинкахъ во всей Россіи:

„Во селѣ-селѣ Покровскомъ,
Среди улицы большой.
Разыгралась-расплясалась
Красна дѣвица душа,
Красна дѣвица душа,
Авдотьюшка хороша.

Разыгравшись взговорила:
Вы подруженьки мои!
Поиграемте со мною,
Поиграемте тенерь:
Я со радости—съ веселья
Поиграть съ вами хочу.

Въ то время, когда еще слабый кружокъ интеллигентныхъ личностей едва влачилъ свое существованіе, когда простое чтеніе книги политическаго или общественнаго содержанія могло сойти за самое тяжелое преступленіе, когда преторіанскія вліянія возводили и низводили правителей, мѣняя при этомъ вкусы двора съ нѣмецкаго на французскій и когда казалось, что всѣ общественные интересы поглощены только господствомъ внѣшняго лоска,—освобожденіе мысли и торжество челоувѣчности становилось въ это время на Западѣ выше всякихъ внѣшнихъ преимуществъ. Насилія бирюзовщины совпали съ проповѣдью новой французской философіи, исходившей изъ гуманности. Но долго уклониться отъ всеобщаго увлеченія ею было немислимо, даже невозможно для насъ. Когда же самая черная пора миновала, и новое ученіе могло свободнѣе проникать въ Россію, то на Западѣ складывалась уже Энциклопедія, представлявшая синтезъ добытыхъ наукою результатовъ и программю философскаго, соціальнаго и политическаго прогресса¹⁾. Но-

Пріѣзжалъ ко мнѣ дѣтинка
Изъ Саякпитера сюда;
Онъ меня, красну дѣвницу,
Подговаривалъ съ собой,
Сребромъ меня дарилъ,
Онъ и золото сулилъ:
— „Поѣзжай со мной, Дуняша,
— „Поѣзжай, онъ говорилъ.
— „Подарю тебя парчою
И на шею жемчугомъ:
„Ты въ деревнѣ здѣсь крестьянка,
А тамъ будешь госпожа:
И во всемъ этомъ уборѣ
Будешь вдвое пригожа!“
Я сказала, что поѣду,
„Да опомнилась опять:
Нѣтъ, сударикъ, не поѣду!“
Говорила я ему.

„Я крестьянкою родилась,
Такъ нельзя быть госпожой:
Я въ деревнѣ жить привыкла,
А тамъ надо привыкать!
Я совѣтую тебѣ,
Имѣть равную себѣ.
Въ вашемъ городѣ обычай—
Я слыхала ото всѣхъ:—
Вы всѣхъ любите словами,
А на сердцѣ никого.
А у насъ-то вѣдь въ деревнѣ
Здѣсь прямая простота:
Словомъ мы кого полюбимъ,
Тотъ и въ сердцѣ вѣкъ у насъ!“
Вотъ чему веселюся,
Чему радуюсь теперь:
„Что осталась жить въ деревнѣ
А въ обманъ не отдалась!“

Пѣсни собранныя П. В. Кирѣевскимъ, выпускъ 9. Москва 1872 г. стр. 204—206.

¹⁾ Сумароковскія пѣсни такого же направленія сочиняются въ это же время. Причина этого явленія кроется, повидимому, въ томъ радостномъ для націонализма настроеніи, какое господствовало тогда по случаю вступленія на престоль „Петра дщери“ и любви самой Елизаветы Петровны къ своему, русскому.

вые борцы выступали на борьбу со старымъ началомъ и встрѣтили и у насъ, во всѣхъ желавшихъ блага родинѣ умахъ, глубокое сочувствіе. Съ воцареніемъ Елизаветы начинается пробуждаться въра въ наступленіе свѣтлой поры, бывшей при Петрѣ Великомъ. Образованные русскіе люди въ духѣ Ломоносова предвидятъ, что послѣ безстыднаго и всевластнаго невѣжества и застоя возродятся снова просвѣтительныя традиціи Петра¹⁾, и что снова можно будетъ завязать связи съ мыслящей Европой и примкнуть къ господствовавшему въ ней умственному движенію. Какъ извѣстно „дщерь Петра“ не оправдала возлагаемой на нее надежды. Правда она основала университетъ, постоянный театръ и Академію Художествъ, были у нея проблески покровительства къ литературѣ, она сама сложила 2—3 пѣсенки, были и меценаты въ ея царствованіе, но это было не то, что нужно было умственному движенію, ибо на ряду съ этимъ духовенство накладывало свою тяжелую руку на литературныя произведенія, само рѣшая, что можно и чего не слѣдуетъ писать. Но несмотря на всѣ эти условія, царствованіе Елизаветы Петровны казалось русскимъ людямъ того времени радостной зарей, вслѣдъ за которой долженъ былъ наступить свѣтлый день.

¹⁾ См. выше разобранныя оды Тредьяковскаго и Ломоносова „на вступленіе на престолъ Императрицы Елизаветы Петровны“.

Политическая дѣятельность Петра Скарги.

Судя безпристрастно, много было недоказанныхъ обвиненій знаменитаго проповѣдника, напр., его мнимая преданность Австріи, но, съ другой стороны, вполне понятно возмущеніе такого Горайскаго, знающаго, что можетъ быть единственно, благодаря воздѣйствію Скарги, провалился законопроектъ о давно желанной охранѣ правъ протестантовъ. За то именно, въ эти тревожные дни Скарга получилъ названіе *praecipuus turbator Reipublicae*, а другія его дѣянія и мысли, вообще плохо понимаемыя, были заслонены этимъ фактомъ.

Требованія и обвиненія рокошанъ произвели переполохъ среди іезуитовъ, которые направили всѣ усилія, чтобы выгородить свое дѣло. Генераль Аквавива писалъ къ вельможамъ и Скаргѣ, поручая послѣднему отстаивать права ордена. Скарга вообще былъ сильно удрученъ вспыхнувшимъ возмущеніемъ и признаетъ, что единственное спасеніе въ молитвѣ. Отвѣтъ Скарги генералу указываетъ, что онъ видѣлъ въ рокошѣ единственно незаконный мятежъ и возлагалъ надежду на войско и на сеймъ, который успокоитъ страну. При томъ, конечно, Скарга употребилъ всѣ свои силы и связи, чтобы защитить права ордена; онъ ратовалъ передъ вельможами, особенно передъ первымъ сенаторомъ Янушемъ Острожскимъ и надѣялся, что все окончится благополучно¹⁾.

Когда посольство рокошанъ привезло въ Вислицу свои требованія „жестокія, ложныя и негодныя“, какъ выражается Скарга, онъ далъ отпоръ всѣмъ обвиненіямъ противъ іезуитовъ и 17 сентября 1606 г. онъ произнесъ въ присутствіи короля, вельможъ и

¹⁾ *Wielewicki*, 102, 209—210; *Rychcicki*, II, 449—451; *Zaleski*, I. c. 638—642.

шляхты, рѣчь въ защиту ордена¹⁾. Эта публичная оборона издана была въ томъ же году и послужила манифестомъ сторонникамъ іезуитовъ. Кромѣ того Скарга издалъ историческій очеркъ заслугъ и значенія общества Іисуса, которое, по его мнѣнію, еретическій лагерь обрекъ на тяжкія преслѣдованія. Какъ всякая защита и эта односторонняя: онъ-же старается представить дѣло такъ, чтобы не только бросить хорошіи свѣтъ, но чтобы обвиненія казались чѣмъ то невѣроятнымъ, несправедливымъ и неосновательнымъ, и, въ этомъ отношеніи, эта защита составлена дѣльно и умѣло. Что касается взгляда его на роль іезуитовъ вообще, то это сплошной панегирикъ, да и трудно требовать безпристрастнаго изложенія, которое интересно, какъ взглядъ тогдашнихъ іезуитовъ на ихъ общество²⁾.

Скарга говоритъ, что онъ долженъ защищать орденъ, какъ свою мать отъ клеветы и посрамленія. Іезуиты посланы самимъ Богомъ для защиты церкви отъ раскола и ересей. Задача этого ордена весьма обширна—цѣль его вовсе не внутреннее усовершенствованіе, что разумѣется также необходимо и для іезуитовъ, но работа ихъ творческая и многосторонняя среди людей: общество посвящаетъ свои силы воспитанію юношества въ духѣ правды и христіанской добродѣтели; іезуиты также воспитываютъ клириковъ свѣтскаго духовенства; они посвящаютъ всѣ свои силы услугамъ ближнимъ, совершая всѣ требы; они работаютъ въ госпиталяхъ и тюрьмахъ, спасая больныхъ и преступниковъ; они проповѣдываютъ истинную религію и не щадятъ своихъ силъ, искореняя ересь; наконецъ, они занимаются наукой и литературой (стр. 42—48). Орденъ раскинулся по всему міру и Скарга подробно излагаетъ подвижничество іезуитовъ во многихъ частяхъ свѣта, даетъ статистическій обзоръ всѣхъ коллегій, построенныхъ разными лицами и обществами, и эти крупныя цифры, по его мнѣнію, убѣждаютъ, что іезуиты приносятъ большую пользу, иначе никто бы не жертвовалъ и не устраивалъ для нихъ резиденціи (41).

Въ Польшѣ епископы, короли, сенаторы и другія знатныя лица закладывали дома для іезуитовъ (106) и, благодаря неутомимой

¹⁾ Рѣчь вышла 1606 а *Próba zakonu J j. 1607*, перепечатана въ К. Р. П 156—193; висьлицкая рѣчь и исторія вмѣстѣ 1814, (*Obrona jezuitów*) въ годъ возстановленія іезуитовъ. Цитировано по послѣднему изданію.

²⁾ Ср. напр., какъ Скарга представляетъ причины изгнанія іезуитовъ изъ Венеціи (стр. 96 sq.) и *Губеръ Іезуиты* 75 sq.

работѣ послѣднихъ, положеніе дѣлъ измѣнилось; тутъ Скарга превеличиваетъ роль іезуитовъ въ дѣлѣ возрожденія католической церкви и побѣды надъ реформаціей, чему посвящаетъ прекрасный, въ риторическомъ отношеніи, отрывокъ (50 ср. 159).

И внезапно на общество, полное заслугъ, обрушились всевозможныя нападки. Скарга почему то называетъ ограниченія, выставленныя въ статьѣ рокошанъ, преслѣдовапіями (106) и восклицаетъ въ паѳосѣ, что ихъ желаютъ убивать (126); но ничего подобнаго не было, іезуитамъ вовсе не угрожали смертію. Самъ Скарга признаетъ, что нравы поляковъ мягки и неприступны такимъ жестокостямъ по отношенію къ обществу Иисуса, какія проявились въ Англии и Франціи (112). Но ограниченія правъ ордена кажутся Скаргѣ мѣрой крайне несправедливой. Онъ вѣрно объясняетъ, что толчкомъ движенія противъ іезуитовъ былъ примѣръ Франціи, изгнаніе изъ которой іезуитовъ пришлось по душѣ многимъ въ Польшѣ, особенно протестантамъ. (110—111). По убѣжденію Скарги, неудивительно, что во время этой страшной смуты—рокоша, когда потрясены основы гражданской жизни, пришлось въ этомъ водоворотѣ невинно поплатиться и іезуитамъ (108). Скарга возмущенъ этой статьей, позорящей іезуитовъ, и выставляетъ на видъ, что осудили ихъ безъ уликъ, дознанія, защиты, а вообще безъ суда подвергать кого нибудь наказанію—вещь неслыханная даже у язычниковъ (125, 144). И за какія преступленія насъ хотятъ карать? Онъ доказываетъ, что всѣ вводимыя инкриминаціи несправедливы и не вѣрны; вины іезуитовъ нѣтъ, а это только клевета еретиковъ и миражъ въ головахъ отуманенныхъ католиковъ.

Первая вина іезуитовъ, что они вмѣшиваются въ свѣтскія дѣла; ничего подобнаго нѣтъ, потому что, какъ заявляетъ Скарга, уставъ ордена строго запрещаетъ это (27, 131) и іезуиты заботятся только о своей сохѣ—религіозномъ трудѣ и стоятъ вдали отъ политической дѣятельности. Поводъ обвиненія—милостивое отношеніе къ іезуитамъ со стороны Сигизмунда III, но они при королѣ несутъ службу только духовную. Вѣдь, по словамъ Скарги, никто не видитъ іезуитовъ въ королевскомъ совѣтѣ, ни въ сенатѣ, ни въ судѣ, ни въ государственныхъ канцеляріяхъ. Правда, случалось, что обращались къ іезуитамъ за протекціей, но, признаетъ Скарга, никто этимъ путемъ ничего не получилъ, такъ какъ они не хлопочуть ни за кого; даже своимъ благодѣтелямъ іезуиты ничего не испросили (134). Они только выпрашиваютъ милостыни для бѣдныхъ и разъ, вспоминаетъ Скарга, онъ ходатайствовалъ у короля о пожиз-

ненной пенсiи для своего долготѣшняго возницы и, если это поступокъ, то онъ просить отпустить ему этотъ грѣхъ (136).

Другая вина іезуитовъ, что они проповѣдываютъ *absolutum dominium* (136). По мнѣнію Скарги, всѣ обвиненія общи, почему не называютъ по имени виновнаго, а за одного заставляютъ отвѣчать всѣхъ. (145). Скарга заявляетъ прямо: о монархіи говорилъ я, но не о *absolutum dominium*; и дальше онъ повторяетъ свои взгляды объ умѣренномъ единоправленіи, о конхъ было сказано выше.

„Я—говорить Скарга,—никогда не научалъ короля стремиться къ неограниченной власти и остерегался всякой лести. Весьма часто и публично я напоминалъ ему, чтобы онъ слушалъ совѣты мудрыхъ и не полагался на свой разумъ; чтобы славный сенатъ онъ не лишалъ его значенія; чтобы не нарушалъ правъ рыцарскаго сословія, одареннаго привилегіями и вольностями; чтобы онъ управлялъ по завѣтамъ Бога и справедливости. Кто иначе слышалъ, пусть скажетъ.—Я имѣю за собой свидѣтельство всей Рѣчипосполитой—свои убѣжденія я не приводилъ подпольно, а выражать ихъ публично и открыто“. (138—139). Нужно признать въ Скаргѣ большое мужество: всѣ обвиненія и ненависть не поколебали его убѣжденій и онъ заявляетъ, что не можетъ согласиться съ тѣнью власти короля и монархію хвалилъ и будетъ хвалить (135).

Третья вина іезуитовъ, въ томъ что они порицаютъ устройство и учрежденія Польши (139); Скарга признается, что это онъ дѣлалъ, но порицалъ не все; напротивъ, хорошія вольности іезуитамъ такъ же дороги, какъ отечество (109, 110), но своеволие, несправедливые законы онъ ниспровергалъ всегда (140). Последняя вина, іезуитовъ—подстрекательство къ религіознымъ бунтамъ и государственной смутѣ (142); какъ для перваго, такъ и для втораго и подавно, нѣтъ ни тѣни улики—все это, по словамъ Скарги, чистѣйшій вымыселъ (143).

Нѣкоторые историки утверждаютъ, что Скарга доказалъ полную невинность іезуитовъ, что было и на самомъ дѣлѣ, и весь ропотъ на причастіе ихъ въ политической жизни не имѣетъ реальнаго основанія. Именно Скарга говорилъ публично и не могъ-бы скрыть, если-бы дѣянія, приписываемыя этому ордену, были общезвѣстны, а потому всѣ обвиненія ложны и невѣрны¹⁾. Но никоимъ образомъ нельзя согласиться съ такими положеніями, такъ какъ Скарга, стараясь выгородить іезуитовъ, хотя не искажалъ истины, но толко-

¹⁾ *Zalecki* Jezuici I 614 - 654 ср. *K. Piotrowski* Jezuici 165—182.

валъ нѣкоторыя явленія совершенно своеобразно. Главное, это вмѣшательство іезуитовъ въ свѣтскія дѣла. Безъ сомнѣнія, великій проповѣдникъ былъ чуждъ грубаго протезированія и вообще придворныхъ интригъ, но такъ ли это было съ другими, весьма сомнительно. Странное дѣло: прежде іезуиты выставлялись не людьми, а какими-то злыми демонами, теперь нѣкоторые пытаются представить ихъ тоже не людьми, а ангелами. Но развѣ мыслимо, чтобы цѣлая корпорація, объединенная уставомъ правды, постоянно нарушавшимся, пользуясь громаднымъ вліяніемъ, не употребляла его, не скажемъ для личныхъ цѣлей единичныхъ членовъ, но для успѣха своихъ стремленій и пользы своихъ единомышленниковъ. Иначе быть не могло, и раньше были приведены очевидныя доказательства вліянія іезуитовъ, которое именно выражалось во вмѣшательствахъ ихъ въ государственныя дѣла.

Вмѣшивался и Скарга; онъ былъ аскетъ, свободенъ отъ земныхъ вождѣленій, но, находясь постоянно при Сигизмундѣ, онъ напр. не могъ не вліять на послѣдняго, въ томъ смыслѣ чтобы онъ обходилъ протестантовъ при назначеніяхъ въ сенатъ; конечно, нельзя привести конкретнаго факта, но стоитъ только открыть любое сочиненіе Скарги и видимъ ясно, что диссидентовъ еле-еле можно терпѣть, но возлагать на нихъ бремя власти—незаконно. И тутъ ничего нѣтъ тайнаго; вѣдь онъ вовсе не скрывалъ своихъ взглядовъ: въ этомъ родѣ вещи король слышалъ отъ своего проповѣдника почти въ каждой его публичной рѣчи.

Іезуиты, по словамъ Скарги, вовсе не юристы, а богословы, они занимаются правами Господа, а не людей (107). „Богословъ и проповѣдникъ можетъ поучать о войнѣ, законахъ, управленіи, судахъ, правительствѣ, экономіи, сеймахъ, совѣтѣ, обо всемъ, что нужно для почитанія Бога и спасенія людей“ (138). Въ этомъ признаніи Скарги заключается суть недоразумѣнія. Если судить строго логически, то такое положеніе противорѣчитъ предпосылкамъ, что іезуитамъ совсѣмъ не нужны свѣтскія дѣла и они бѣгутъ отъ міра (127, 131, 148); однако-же въ сущности для Скарги нѣтъ отчетливой грани между духовными и свѣтскими цѣлями; изъ его признанія видно, что все можно было считать полезнымъ для прославленія Бога, которое обнимаетъ цѣликомъ всю жизнь. Итакъ это чистая игра терминовъ—свѣтскій и духовный; здѣсь кроется заблужденіе не Скарги, который такъ понималъ общественный бытъ, но ретивыхъ защитниковъ іезуитовъ, не желавшихъ признать соучастія ордена въ государственной жизни. Исторія констатируетъ

фактъ политической роли іезуитовъ слѣдуетъ вникнуть въ доводы ихъ противниковъ, которымъ вредила дѣятельность ордена. Самый свѣжій примѣръ былъ на лицо: благодаря вмѣшательству Скарги, разошелся сеймъ, чисто политическое учрежденіе; и въ лагерь рокошанъ было полное основаніе утверждать, что руками іезуитовъ сеймъ былъ разорванъ¹⁾. Тезисъ теологій—небесныя задачи, для Скарги былъ поводомъ воздѣйствія на свѣтскую власть; несмотря на все, это слѣдуетъ признать, что Скарга возвышался надъ иными іезуитами. Многіе члены ордена, подъ удобнымъ покровомъ религіозныхъ стремленій, преслѣдовали не только небесныя цѣли.

Вѣрно замѣтилъ Кондратовичъ, что Скарга былъ самъ чистъ, не имѣлъ лицемѣрія и оцѣнивалъ всѣхъ іезуитовъ той-же мѣрой, что несомнѣнно было ошибочно²⁾. Великій проповѣдникъ доказываетъ, что среди іезуитовъ царитъ ангельская чистота и искренняя невинность (120); но вѣдь ихъ никто не обвинялъ въ порочной жизни, а только въ жаждѣ вліянія и невоздержимой агитаціи противъ реформаціи, желали умѣрить ихъ пылъ.

Что касается другихъ обвиненій, возводимыхъ на іезуитовъ въ родѣ монархическихъ взглядовъ и др., то, конечно, они были несправедливы: ставили въ вину убѣжденія, расходившіяся съ ходячими воззрѣніями, а нападать за то на іезуитовъ не подобало народу, который избѣгалъ косности воззрѣній и цѣнилъ свободу слова.

Скарга считаетъ всѣ мѣры, которыя предлагаетъ 28 статья для ограниченія правъ іезуитовъ, крайне незаконными, составленными по наущенію еретиковъ, и заканчиваетъ свою рѣчь воззваніемъ къ народу, припоминая заслуги ордена и настаивая на отклоненіи несправедливыхъ требованій рокошанъ.

Нельзя сказать, чтобы единственно эта рѣчь спасла орденъ отъ ограниченій, но неоспоримо, что она имѣла первенствующее значеніе, пробуждая во многихъ колеблющихся желаніе отстаивать права іезуитовъ, о которыхъ такъ горячо повѣствоваль Скарга, указывая еще на то, что протестанты только начинаютъ съ іезуи-

¹⁾ Отсутствіе всесторонняго разсмотрѣнія вопроса привело къ тому, что *Витвицкій* (*Wieszoły pielgrzyma, Pałyż 1837*) называетъ осужденіе іезуитовъ самою вопіющею несправедливостію рокоша; это мнѣніе не имѣетъ ровно никакого значенія, такъ какъ страдаетъ отсутствіемъ всякой исторической перспективы.

²⁾ *Dzieje literatury w Polsce-Wilno 1852* II, 66.

товъ, а пойдутъ дальше противъ прочихъ орденовъ, а послѣ и всего католическаго духовенства (158). Рокошане возмущались этой рѣчью и распускали слухъ, что Скарга въ Вислицѣ взывалъ къ борьбѣ и указывалъ на единственный способъ—истребить непокорное рыцарство огнемъ и мечомъ ¹⁾.

Удалось еще устроить примиреніе главарей рокоша съ королемъ, но и послѣ страсти не улеглись; недовольство было такъ сильно, что дошло до открытаго столкновенія, и Жулкевскій разсѣялъ рокошанъ подъ Гузовомъ.

Гроза, нависшая надъ іезуитами, миновала; на собравшемся въ 1607 г. сеймѣ начались дебаты по дѣлу этого ордена; большинство пословъ, будучи знакомо съ защитой Скарги, пользовалось его доказательствами и сеймъ уничтожилъ статью, заключающую ограниченія іезуитовъ, которые остались во всѣхъ прежнихъ правахъ ²⁾. Но не такъ благополучно окончилась смута для обще-государственныхъ вопросовъ. Тѣ, которые видятъ въ рокошѣ какое то чрезвычайное, ужасное явленіе ³⁾ смотрятъ на жизнь, какъ идиллію; перевороты и волненія въ теченіи исторіи, хотя событія не повседневные, но возникаютъ какъ необходимое слѣдствіе общественныхъ и политическихъ осложненій. Сама смута 1606 г. вовсе не страшное событіе, но исходъ ея дѣйствительно трагическій. Оппозиціонные элементы, вмѣсто ясно выраженной цѣли преобразованія, много галдѣли и болтали, но не выставили программы, такъ какъ этимъ терминомъ нельзя назвать ихъ сбивчивыхъ и недальнозоркихъ требованій. Королевская же партія не сумѣла тоже подумать о реформѣ; сѣздъ въ Вислицѣ подтвердилъ всѣ основы государственнаго устройства, не измѣнивъ ни одного вреднаго института, и такимъ образомъ и послѣ побѣды надъ рокошемъ, осталось прежнее разстройство.

¹⁾ Bibl. Ordyn. Krasinsk. IX—XII стр, 86.

²⁾ *Zaęski Jezuici* I 667, 669, ср. 659+*Sobieski* с.1. 133.

³⁾ См. напр. *Roczniki Polskie-Paryż* 1865 I 51.

IX.

Политическія предвѣщанія Скарги.

Несмотря на то, что великій проповѣдникъ съ успѣхомъ защитилъ свой орденъ, событія послѣдняго времени сильно удручили его душу. Нападки и обвиненія, которыя сыпались на него, не остались безъ вліянія: въ письмѣ къ Аквавивѣ Скарга просить, чтобы генераль разрѣшилъ ему покинуть королевскій дворець и удалиться въ свою келью. Ходатайство это не возымѣло дѣйствія и онъ должень былъ остаться на посту проповѣдника.

Скарга отлично понималъ, что дѣла государства, послѣ эфемерной побѣды надъ рокошемъ, вовсе не поправились, а общее положеніе еще ухудшилось. Онъ видѣлъ, что его голосъ не былъ услышанъ и, спустя 12 лѣтъ послѣ изданія рѣчей на сеймахъ, онъ напечаталъ „воззваніе къ покаянію“¹⁾; въ предисловіи онъ объясняетъ, что іезуитъ Бартчъ настаивалъ, чтобы онъ написалъ небольшое сочиненіе, заключающее все, что онъ представилъ подробно въ другихъ книгахъ, которыя, по причинѣ ихъ обширности, мало кто читаетъ. Дѣйствительно, это воззваніе Скарги является снѣтюзомъ, краткимъ изложеніемъ рѣчей на сеймахъ; по нашему мнѣнію, этотъ трактатъ не принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ, сеймовыя проповѣди стоятъ значительно выше его: въ нихъ Скарга удерживаетъ умъ читателя на широкомъ фонѣ государственныхъ и общественныхъ вопросовъ, разстилая богатство глубоко основанныхъ мыслей и высоко художественныхъ образовъ; въ „воззваніи

¹⁾ Kraków, 1609; изданіе 1613 г. въ Вильнѣ носитъ слѣдующее заглавіе: „Skarga wzbudzony, wzywający do pokuty obywatelów Korony Polskiej i W. X. Litewskiego“; цит изд. Bibl. Mrówki № 51, Lwów 1878.

къ покаянію“ мысли черезчуръ сжаты, а иногда прямо скомканы; это возбужденіе, но его діапазонъ продолжается долго и потому становится монотоннымъ, не говоря уже о томъ, что подъ старость авторъ его сталъ еще нетерпимѣе по отношеніи къ диссидентамъ, нападая на нихъ гораздо настойчивѣе.

Но это сочиненіе чрезвычайно важно потому, что заключаетъ въ окончательной формѣ политическія предсказанія Скарги о будущности Рѣчипосполитой, предсказанія, которыя почти дословно сбылись, и доставили Скаргѣ заслуженное прозваніе народнаго пророка.

Нужно еще замѣтить, что предчувствія о грядущей бѣдѣ и печальной судьбѣ польскаго народа являются своеобразной, подъ часть прямо удивительной и непонятной, по своему предвидѣнію, чертой польскихъ писателей.

Какъ багровая нить, проходятъ черезъ всю литературу опасеніе о трагической будущности, угрозы и зловѣщія предвѣщанія, которыя начинаются чрезвычайно рано, съ первыхъ лѣтъ XVI в. Это явленіе, единственное въ своемъ родѣ въ новые вѣка, не разъ останавливавшее вниманіе изслѣдователей¹⁾, тѣмъ болѣе трудно объяснимо, что голоса о нависшей бѣдѣ звучатъ въ самую цвѣтущую пору польскаго государства и не умолкаютъ, вплоть до реального паденія. Хотя кажется, что въ XVI в. не было достаточно поводовъ грозить упадкомъ, но патріотическое чувство многихъ въ нѣкоторыхъ симптомахъ современной жизни предугадывало роковыя послѣдствія; всѣ говорятъ съ одушевленіемъ, что недостатки разростутся и покроютъ ржавчиной организмъ родины, которая не устоитъ и погибнетъ. Осуществленіе этихъ угрозъ и правдивость словъ о гибели заставляютъ глубоко задуматься.

Начались опасенія по поводу астрологическихъ суевѣрій: въ 1463 г. въ Польшѣ на небѣ видѣли изображеніе распятаго Христа съ мечомъ по направленію отъ запада къ югу. Въ 1489 г. тамъ-же появилась грандіозная комета, а при томъ на небѣ показывались въ окровавленныхъ доспѣхахъ всадники, которые вступали между собой въ бранную сѣчу. Подробно объ этомъ повѣствуетъ Теобальдъ Вольфгартъ, издавшій подъ псевдонимомъ Ликосеена „книгу

¹⁾ Къ сожалѣнію, нѣтъ монографіи, гдѣ бы были собраны всѣ предчувствія и подвергнуты анализу мотивы этихъ предвѣщаній. Бѣглыя замѣчанія у *Тарновскаго* (Pis. pol. Hist. liter.), *Бобжинскаго* (Stanowis polit. Kochanowskiego) ср. *Gorczak* Kilka uwag nad mową Jana Kazimierza, w której przepowiada upadek Polski (Album młodzieży Kraszewskiemu, Lwów 1879 стр 579—590).

чудесь“ (*Liber miraculorum* 1557 г.), гдѣ приведено много метеорологическихъ явленій въ польской землѣ, которую, по мнѣнію современниковъ, постигнуть величайшія бѣдствія.

Неизмѣримо важнѣе этихъ космическихъ предзнаменованій XV в. сознание людей послѣдующаго столѣтія, когда тревога овладѣвала сердцама всѣхъ выдающихся писателей; ихъ настроеніе неспокойное, они говорятъ, что грядущее сулитъ много тревожнаго неизвѣстнаго и ужаснаго. Въ эту струну опасенія за судьбы польскаго народа ударяетъ знаменитый Моджевскій: возмущаясь несправедливостью законовъ, онъ указываетъ на неминуемую кару: дивныя его мѣста о той грозѣ, которая все смететъ, а за страданія невинныхъ Богъ призоветъ съ сѣвера другой народъ. Въ силу страха за участь отечества вырывались изъ глубины души Ожеховскаго самыя прекрасныя образы. Волянъ утверждаетъ, что невозможно удержать Рѣчпосполитую цѣлой и невредимой, если одни сословія будутъ неограниченно властвовать надъ другими. Краснорѣчиво представляетъ грядущія несчастія Врещинскій, вторитъ ему Грабовскій, указывая на многочисленныя болѣзни Польши. По мнѣнію Каряковскаго, погубить государство неумѣренность польской палаты. Христофоръ Варшевицкій говоритъ, что причинъ упадка масса, но главная безнарядіе и необъяснимая безпечность, не видящая угрожающей опасности со стороны Турціи. Москвы и другихъ враговъ, которые завоюютъ эту башню христіанства—Польшу. Соколовскій доказываетъ, что Рѣчпосполитая доводитъ себя до смертельной болѣзни. Пэтриціусъ заявляетъ, что не гаданіе по звѣздамъ и не астрологическія знаменія предвѣщаютъ конецъ, а зло и грѣхи. Письма многихъ государственныхъ дѣятелей полны пессимизма, нѣтъ въ нихъ надежды на хорошій исходъ политической жизни. Издавались брошюры, какъ напр. выставлялась Рѣчпосполитая, блуждающая, одинокая, о которой никто не заботится. Архіепископу Соликовскому принадлежитъ „*Idea arcaurptica*“, гдѣ онъ аллегорически изобразилъ паденіе польскаго государства.

Поэты, историки, проповѣдники не отстаютъ отъ общаго хора: еще польско-латинскихъ поэтовъ Кшицкаго, Дантиска и Яницкаго волновали печальныя мысли о будущности своей родины. Янъ Кохановскій видитъ причины несчастій въ распряхъ и несогласіи и восклицаетъ: „погибаемъ, погибаемъ!.. но кто спѣшитъ спасти“? Съ грустью смотритъ Клѣновичъ на положеніе дѣлъ, особенно возмущенный произволомъ сильныхъ. Рэй отмѣчаетъ внутреннія нестроенія и порицаетъ безпечность и халатность народа:

а сосѣди не дремлютъ и мы, „идемъ, какъ куропатки въ сѣть“. Бѣльскій въ „Разговорѣ барановъ“ и Хриштопорскій въ своей „Нинивіи“ предскаазываютъ Польшѣ худой исходъ, если будутъ царить дольше безпрепятственно грѣхи. Гурницкій, прекрасно понимавшій несостоятельность многихъ сторонъ государственнаго устройства, утверждаетъ, что вольности погибнуть, а на польскомъ тронѣ водворится тираннѣ. Проповѣдники, между которыми раздается голосъ и протестанта Григорія изъ Жарновца, грозятъ гнѣвомъ и судомъ Бога.

Мы не упоминаемъ о многихъ другихъ предчувствіяхъ; всѣ они производятъ неизгладимое впечатлѣніе, иногда чего то мистическаго, когда напр. на сеймѣ епископъ Красиискій, видя жизнерадостность на ряду съ легкомысліемъ, не прельщается замѣчательными рѣчами сеймовыхъ ораторовъ, зная, что жизнь не подтверждаетъ умныхъ и патріотическихъ фразъ, и произноситъ пророческія слова, которыя прямо можно отнести къ четырехлѣтнему сейму: всѣ вы говорите талантливо и красиво, но это пѣсня лебедей; чѣмъ ближе къ концу, тѣмъ прекраснѣе вы распѣваете.

Причины упадка понимались различно: одни видѣли опасность со стороны Турціи и вообще внѣшняго врага, другіе во внутреннемъ разложеніи, третьи въ порокахъ общества, которыхъ Богъ долше терпѣть не будетъ; были, наконецъ, голоса (католическіе проповѣдники, поэтъ Янушовскій-Подвожецкій), ошибочно указывавшіе на реформацію, какъ на главный поводъ гибели. Но у всѣхъ одна объединяющая мысль, что страшная катастрофа нагрянетъ. Всѣ они—какъ образно замѣтилъ Чацкій -- видя, что недоброе разослалось по польской землѣ, какъ сычи въ опустѣлыхъ башняхъ, предостерегали и вѣщали несчастія и бѣды.

Замѣчательно, что большинство писателей того мнѣнія, что вина упадка лежитъ на самомъ народѣ. Все намъ Богъ далъ—говорить одинъ—но мы все потеряемъ, благодаря легкомысленности и нерадѣнію (*Votum szlachcica polskiego 1596*). Они чувствуютъ, что внутреннее разстройство, какъ ракъ, гложетъ организмъ родины, и взымаютъ, чтобы, не щадя силъ, исправлять зло и спасать государство. Внѣшнее могущество, славныя побѣды не заслоняли факта внутреннихъ нестроений. Историческая правда звучитъ въ словахъ отца Сигизмунда III, короля Іоанна: „могущество поляковъ недолговременно“.

Этотъ патріотическій страхъ, эти предчувствія не сказались ни въ одномъ лицѣ съ такой силой и дивнымъ предвидѣніемъ, какъ въ Скаргѣ. Онъ проникнуть этой мыслью, онъ весь воплощенный

испугъ передъ страшной картиной гибели родины. У другихъ эта мысль повторяется одинъ или нѣсколько разъ, у Скарги—непоколебимое убѣжденіе, что поляки потеряютъ родину, проходить черезъ всѣ его сочиненія, а невзгоды будущаго онъ рисуетъ постоянно, поражая своимъ предвидѣніемъ.

Несомнѣнно эта спеціальная окраска польской литературы имѣетъ свой генезисъ: Бобжинскій, рассматривая политическіе взгляды Кохановскаго, доказалъ, что въ этихъ предчувствіяхъ есть извѣстная доля подражанія древнимъ, особенно Цицерону¹⁾. Кромѣ того мысль о карѣ Божіей имѣетъ свой источникъ въ библейской исторіи, а затѣмъ ее высказывали св. Бернардь, св. Винцентій и др. Однако нельзя сказать, чтобы и жизнь польскаго народа не подсказывала, что можетъ произойти что то неладное и, безъ сомнѣнія, это оригинальная струя у польскихъ писателей: въ мѣстахъ, гдѣ они говорятъ о будущемъ смутномъ времени, ими овладѣваетъ неприятворная печаль, ихъ тогда покидаетъ классическое спокойствіе и со всей силою прорывается чувство. Они ясно понимаютъ будущее положеніе и рисуютъ его живыми красками, чѣмъ особенно отличается Скарга. Но и у другихъ можно найти замѣчательныя предвѣщанія: еще за полъ вѣка передъ Скаргой Станиславъ Гурскій въ жизнеописаніи Кмиты говоритъ: „Богъ ослѣпилъ насъ и за наши пороки отдастъ въ неволю народу жестокому, народу грубому и отвратительному, народу, котораго языка не понимаемъ—погибель ваша приближается“.

Ожеховскій восклицаетъ: „мы всѣ, сколько насъ есть, всегда имѣемъ на устахъ: погибнемъ... Нѣтъ въ Польшѣ Бога, нѣтъ закона, нѣтъ правительства, нѣтъ согласія“...

„Будемъ имѣть короля, нашего судью и властелина, но не того кого Польшѣ давалъ римскій первосвященникъ, но того, кого Богъ пошлетъ черезъ турокъ, и за наши междуусобія, а такого недолго ждать. Смерть теперяшняго король—о дай Богъ ея не дожидаться!—это вѣрная кончина нашего королевства“²⁾.

„О если бы ты разсѣкъ мое сердце, то нашель бы въ немъ одно единое слово: погибнемъ“³⁾

¹⁾ Stanowisko polit. Kochanowskiego стр. 96—98.

²⁾ Сигизмунда Августа ср. Hejdenstein Dz. Pol. I 13.

³⁾ Въ другомъ мѣстѣ Ожеховскій говоритъ, что сосѣди разорвутъ насъ, какъ собаки кусокъ мяса. См. еще изданное въ 1904 году интересное сочиненіе Ожеховскаго „Opowiadanie upadku przyszłego polskiego“ (Warszawa 1901).

Замѣчательныя, по своей правдѣ, находимъ мѣста у Грабовскаго: „однѣ земли императоръ нѣмецкій, другія москвитянинъ захватить, а затѣмъ тоже учинить съ Польшей, что съ другими государствами, которыми онъ завладѣлъ. Истребить всю шляхту, чтобы не было кому поднять возстанія. А кто бы остался—всѣ бы въ неволн были“.

„Захотимъ тогда мудрствовать, но не во время, захотимъ жить въ согласіи, но слишкомъ поздно, захотимъ отдать свои доходы Рѣчипосполитой, но тогда не позволятъ собирать намъ сеймовъ ни въ Варшавѣ, ни въ Вильнѣ, и безъ сейма заставляютъ платить подати, и оброки, сколько прикажутъ—на позоръ, погибель и посрамленіе вѣчное наше; однако не только подати, но все добро наше, и выгонять насъ изъ деревень, дворовъ и замковъ, которые мы такъ страстно любили. Жить или умереть тогда, скажи, благородный полякъ и литвинъ, что лучше“?¹⁾

Что касается Скарги то онъ самъ называетъ себя тѣнію Исаи; пророки были для него образцомъ²⁾; ихъ слова онъ нерѣдко вставлялъ, какъ цитаты въ сильныхъ своихъ предвѣщаніяхъ. Мало подходятъ его предсказанія къ типу средневѣковыхъ писателей, которые, во-первыхъ говорятъ о гибели всего міра, а, во-вторыхъ, въ выраженіяхъ крайне неопредѣленныхъ. По огненной силѣ, слова Скарги можно сравнить съ угрозами Савонаролы, но послѣдній говоритъ, что имѣеть откровеніе о близкомъ гнѣвѣ небесномъ, что наступить возмездіе, хаосъ всѣхъ стихій и погибнетъ земля, люди и ангелы. Скарга заявляетъ, что онъ негодный пророкъ и откровенія никакого не имѣеть;³⁾ въ его угрозахъ нѣтъ ничего апокалиптического и туманнаго, подобно напр. выраженіямъ Іереміи: „и запустѣла столица эдемская! и завладѣлъ ею пеликанъ, и ежъ и филинъ и воронъ поселятся въ ней; и протянуть въ ней вервь разоренія и отвѣсъ уничтоженія. Никто не останется изъ знатныхъ ея и всѣ народы ея будутъ ничто... и будетъ она жилищемъ шакаловъ и страусовъ... да коршуны будутъ собираться одинъ къ другому“. Скарга говоритъ о печальной участи только своего народа и ясно и отчетливо выражается, что Польша достанется другому народу.

¹⁾ *Piotr Grabowski Zdanie syna Koronnego 1596* изд. Туровскаго 1858 стр. 27, 28, 29.

²⁾ *Wzywanie do pokuty 19; K. Sakr. 207: „Jeremiasz bezzakonności wymiatati; groził zgubą“.*

³⁾ *K. S. 119: przelożę wam niegodna proroczyna wasza, cp. K. S. 127, Wzyw. do pok. 70, K. Sakr. 220.*

Картины страданій въ будущемъ развертываетъ знаменитый проповѣдникъ съ дивнымъ предвидѣніемъ—эти образы красоты необычайной. Невозможно перечислить всѣхъ мѣстъ, гдѣ у него находимъ тревогу и угрозы, а также моленія къ народу, чтобы онъ старался избѣгнуть грядущаго горя и несчастій¹⁾. Обыкновенно Скарга, исчерпавъ всѣ доводы противъ какого-нибудь вопроса, выдвигаетъ послѣдній аргументъ, что если не сдѣлаютъ, какъ учить разумъ, то государство ждетъ утрата независимости; онъ упоминаетъ объ этомъ въ упованіи, что такое предостереженіе повліяетъ неотразимо на умы слушателей.

Великій ораторъ, перечисляя многіе поводы, и разнообразію приписываетъ разлагающее дѣйствіе, основываясь на текстѣ Св. Писанія: „всякое царство, раздѣлившееся само по себѣ, опустѣетъ; и всякій городъ или домъ, раздѣлившійся самъ по себѣ, падетъ“ (Матѳей XII, 25). Всѣ такія мѣста Скарги блѣдны и банальны, они не плѣняютъ ни силой, ни глубиной²⁾ и можно сказать, что релігіозный расколъ самому Скаргѣ не казался главной причиной. И у Скарги находимъ убѣжденіе, что за грѣхи постигнетъ кара Божія, но онъ не выставляетъ порчу нравовъ единственной причиной, какъ дѣлали многіе писатели, преувеличивая размноженіе пороковъ и поверхностно не видя корней зла³⁾.

Скарга вникалъ гораздо глубже: безотраднымъ ему кажется *общее* положеніе дѣлъ, онъ не мистически, а опредѣленно указываетъ на реальные признаки въ жизни, которые ведутъ къ паденію. выходя изъ принципа: „что трудомъ, разумомъ и добродѣтелью воздвигнуто, то безуміемъ, нерадѣніемъ и человѣческой злостью разрушается“⁴⁾. Безъ организаци, безъ правительства, безъ порядка каждое государство, по взгляду Скарги, падаетъ⁵⁾. Дышитъ грудь его одной скорбью, что если польскій народъ не сдѣлаетъ преобразованій, то потеряетъ государство и родину.

¹⁾ Въ однѣхъ сеймовыхъ проповѣдяхъ такихъ мѣстъ и выраженій 50 I-ая сейм. рѣчь стр. 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 19; II 21, 28; III 40, 44, 45, 49, 54; IV 64, 67, 68, 69; V 71, 72, 75, 79, 80, 83; VI 93, 94, 96, 98; VII 102, 108, 111, 113, 114, 115, 116; VIII 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125—130. „Wzywanie do pokuty“— все предвѣщаніе; этой силой вдохновеннаго предвидѣнія дышатъ тоже прелестныя „Pobudki“ Скарги.

²⁾ K. S. 64, 67, 69, 71, 75, 80, 83, 113.

³⁾ Ср. *Łoziński*, I. c. I 90—91; *Tarnowski*, Pis. pol. I 110.

⁴⁾ K. S. 20

⁵⁾ I. c. 79.

Падение Польши, это весьма сложный и трудный вопрос во всемирной истории. Почему этот народ потерял свое отечество—этот жгучий вопрос волновал сердца многих а, как историческая проблема, занимал умы многих ученых. Слѣдуетъ признать, что Скарга имѣлъ такое предвидѣніе, что его пророчества можно, до известной степени, принять за исходную точку объясненія катастрофы паденія. Конечно, всесторонняго освѣщенія вопроса у него нѣтъ, чего и требовать невозможно, и только новѣйшая социологія можетъ разрѣшить эту сложную проблему; но всё таки многіе доводы Скарги неоднократно подтверждаются учеными исследователями, а его главный взглядъ, что безъ правительства и организаціи существовать невозможно—это неопровержимая аксіома. Поэтому, въ доводахъ Скарги, какъ въ фокусѣ, заключаются всѣ причины позднѣйшихъ раздѣловъ; его предвѣщанія важны не только по своему могучему краснорѣчію, но они заключаютъ, до известной степени, философію исторіи Рѣчипосполитой.

Скарга старается объяснить народу, что его учрежденія и убѣжденія не только вредны и неприемлемы, но добавляетъ постоянно, что они ведутъ къ крушенію корабля, которымъ онъ называетъ отечество. Если вы обратили въ ничто власть короля, то это то же самое, какъ отрубить тѣлу голову и тогда погибнуть всѣ члены; безразсудное избіраніе королей—это потопъ, который зальетъ все государство. А пограніе власти правительства, несправедливые законы, гипертрофія свободы, угнетеніе низшаго класса, безчисленные пороки—все это ведетъ къ гибели¹⁾. Мало того, все идетъ въ разбродъ: эгоизмъ и алчность породили раздоръ и несогласіе, разрослись лукавство, зависть и корыстныя цѣли, заглушающія всякую мысль объ общественномъ благѣ, а отсюда вытекаетъ неминуемая гибель: „если любви и братскаго единенія не будетъ между вами, не выгонятъ ли насъ изъ роскошной жизни и изъ веселія нашего? Не дадутъ ли насъ жестокимъ палачамъ для связанія рукъ и ногъ и не бросятъ ли насъ въ вѣчную темницу?“²⁾.

Скарга выставляетъ на видъ, что падаетъ государство по причинѣ внутренняго разложенія и если устранить неурядицы, то легко защитить страну отъ вѣшнихъ враговъ³⁾. Всѣ доводы исчерпаны, все онъ сказалъ, все затронулъ. Скаргу наиболѣе возмущало изъ

¹⁾ К. S. 6.

²⁾ К. S. 40, ср. 6, 54, 72, К. на 4 niedz. po Trz. Król. I 132.

³⁾ К. S. 21 ср. 45.

наиболѣе возмутительнаго, что, несмотря на опасность, всё безпечно смотрятъ—работа многотрудная, а ничего не дѣлается. Затемниль имъ Богъ умы: „видя, не видите, желая работать, ничего не дѣлаете, что днемъ сотворите, то ночью опрокинется“¹⁾. Такъ долго продолжаться не можетъ, иначе на страну обрушатся невозвѣрныя бѣдствія. Скарга доказываетъ, что потеря государства не будетъ переменной формы правленія, нѣтъ, подпадете подъ иго чужеземнаго народа. Единственный способъ предотвратить неминуемую кару—исправить зло, каяться въ своихъ грѣхахъ и заботиться о родинѣ, на это еще есть время, но если этого не будетъ, рука Бога достигнетъ васъ²⁾.

Проповѣдникъ видитъ, что его воззванія тщетны: „не помогаетъ мое посольство“, стонетъ онъ; тотъ же раздоръ, тѣ же неурядицы, близится ужасный конецъ, а люди, какъ слѣпые, не замѣчаютъ пропасти, какъ безумныя птицы, не видятъ свѣта³⁾. Своей политической жизнію, разстройствомъ и упорствомъ вы заграждаете себѣ всё пути къ спасенію. Не только эти смуты распатываютъ государство, но своей жизнію вы навлекаете гнѣвъ Господа. Каждое гражданское общество должно опираться на добродѣтель, если же ея нѣтъ, то государство разрушается⁴⁾. Не желаете повиноваться своему правителю, будете подчиняться тиранну; не умѣете пользоваться благоденствіемъ, Богъ обратитъ его вамъ въ тяжелое рабство⁵⁾. Надѣяться на милосердіе Господа—напрасно. Скарга выставляетъ Всевышняго, какъ іудейскаго Іегову, судью строгаго и нелицепріятнаго: „замыслы Его покрыты тайной и страшна Его рука“. Онъ можетъ ждать, но это не значить, чтобы Его гнѣвъ не обрушился⁶⁾. И какъ полагаться на Его терпѣніе, если все дѣлается противъ воли и завѣтовъ Господа?

Въ Скаргѣ происходитъ борьба: ему жаль отчизны, но онъ понимаетъ, что такъ долѣе быть не можетъ: онъ видитъ общее зло и это одна правда! Въ немъ трепетала вся душа отъ горячей любви къ родинѣ, которой готовятъ паденіе, но какъ отразить навпсшее зло, если люди недостойны, порочны и прямо безумны. Всѣ эти заговоры, смуты, эта политическая лихорадка возмущеній, если это

¹⁾ I. c. 9, op. K. Sakr. 191.

²⁾ K. S. 12. 5; K. Sakr. 223, 202.

³⁾ K. Sakr. 191.

⁴⁾ K. S. 108.

⁵⁾ I. c. 94, 93.

⁶⁾ K. Sakr. 191, 464.

не прекратится, наступит неизбежная смерть¹⁾. Всѣ надѣлали себѣ кумировъ, которымъ кланяются, не зная, что вѣрятъ въ ложныя божества, именно влекущія за собой несчастія.

„Что это за знаменитость шляхетство безъ добродѣтелей? Маска безъ лица, дымъ безъ огня, пѣна безъ пива, шапка безъ головы. Что это за вольность безъ послушанія?... Развѣ это не быстрые кони безъ возницы, глупыя дѣти безъ наставника? Что за правительство въ Рѣчипосполитой безъ согласія, единства и повиновенія? Искоренимъ глупое тщеславіе и спѣсь, которая губить общественное благо и уничтожаетъ душу и тѣло. Ибо Богъ не любитъ гордыхъ и унижить ихъ, а установитъ покорныхъ на ихъ мѣсто. Возьметъ у насъ это государство и это благосостояніе, въ которомъ теперь плаваемъ и только отличаемся излишествомъ и высокоуміемъ, и выброситъ сыновей нашей родины и изъ камня сдѣлаетъ себѣ лучшихъ слугъ и христіанъ“²⁾.

Не говоря о дезорганизациі, какіе грѣхи и пороки у насъ! Обагрена разливомъ крови земля, день возмездія настанетъ:

„Неужели не время, чтобы Богъ покаралъ Польшу, въ которой для многихъ прегрѣшеній нѣтъ наказанія? Какъ Онь можетъ допустить разорваніе любви и христіанскаго единства?... Развѣ еще будутъ царить алчность и грабежъ добра Рѣчипосполитой и всей Короны? Долго ли будутъ эти измѣны, обманъ ближняго и клеветничество, изъ-за которыхъ Господь переноситъ государство отъ одного народа къ другому. Долго ли будетъ такое угнетеніе подданныхъ и городовъ, за которыхъ никто не заступается? И неужели же дальше будутъ убивать слабыхъ и униженныхъ? Долго ли невинная кровь, убійства, клятвoprеступленія, прелюбодѣянія останутся безъ наказанія? Неужели же божественная справедливость не такая, какъ прежде? Неужели Его судъ будетъ молчать, если исчезъ человѣчскій?“³⁾.

Нигдѣ, говоритъ Скарга, нѣтъ столько сыновъ Ваала, т. е. людей безъ ярма, безъ закона, безъ послушанія, безъ страха, какъ въ Польшѣ. Всѣ закрываются „дьявольской вольностью“, которая ведетъ къ полной анархіи. Онъ недоумѣваетъ, гдѣ глаза, гдѣ уши, гдѣ головы этихъ близорукихъ заправилъ, не видящихъ совершенно тѣхъ явленій, которыя порождаетъ безначаліе—этотъ омутъ, при

¹⁾ Obr. jez. 123.

²⁾ К. на 4 niedz. Adwentu I 59.

³⁾ К. на 9 niedz. po świątkach III 247—248. Ср. К. Sakr. 195; К. S. 119, 122. 125.

которомъ нѣтъ защиты отъ враговъ, нѣтъ планомѣрнаго теченія жизни и Рѣчьпосполитая погибаетъ. Но что еще страшно возмущаетъ великаго проповѣдника, что есть безумцы, которые хвастаютъ этимъ и восклицаютъ: Польша стоитъ безнарядіемъ! Сердце Скарги сжимается и обливается кровью отъ пламенной любви къ родинѣ, которой роютъ могилу, и вопли вырываются изъ его настрадавшей груди:

„Что я долженъ съ тобой дѣлать несчастное государство?“

„О если бы я былъ Исаіей, я ходилъ бы босой и полунагіи, взывая къ вамъ, преступники и преступницы завѣтовъ Божіихъ. Стѣны ваглей Рѣчипосполитой безпрестанно трескаются, а вы говорите: ничего, ничего! Безначаліемъ стоитъ Польша! Но, когда вы не будете надѣяться, она рухнетъ и разобьетъ васъ всѣхъ“.

„О если бы я былъ Іереміей, взялъ бы я цѣпи на ноги и вериги на шею и восклицалъ бы къ вамъ грѣшнымъ: такъ васъ свяжутъ и какъ барановъ погонятъ въ чужія страны. И, показавъ вамъ свою гнилую и вѣхую одежду, говорилъ бы: такъ обратятся въ пухъ и прахъ слава ваша и всѣ богатства и достояніе ваше. И взывалъ бы я съ рыданіемъ: кто дастъ головѣ моей воды и источникъ глазамъ, чтобы денно и ношно я могъ оплакивать разбитую отчизну и народъ мой“?

„О если бы я былъ Езекииломъ, побривъ себѣ голову и бороду, я раздѣлилъ бы волосы на три части и одну бы часть сжегъ, другую разсѣкъ, а третью пустилъ по вѣтру и съ воплемъ взывалъ бы къ вамъ: одни изъ васъ погибнете отъ голода, другіе отъ меча, а третьи разсѣтесъ по міру. И не выходилъ бы я изъ жилища, но срылъ бы стѣну, взывая: такъ будетъ съ вами, никакія крѣпости васъ не защитятъ, всѣ врагъ опрокинетъ и васъ погубитъ“.

„О если бы я былъ Іоной, ходилъ бы я по улицамъ, восклицая: не минетъ сорокъ дней, а Нинивія, королевство ваше, падетъ“¹⁾.

Въ этомъ величественномъ крикѣ вылилась вся душа Скарги.

Знаменитый проповѣдникъ заявляетъ, что кара постигнетъ польскій народъ, который однако можетъ уменьшить ея удары и предотвратить полную гибель, если исправитъ жизнь и пойдетъ по иной колеѣ. Но въ настоящемъ Скарга видитъ мало надежды на перемѣну; онъ прямо не можетъ понять, что даже предвѣщанія о паденіи не дѣйствуютъ и не могутъ разбить эту стѣну убѣжденій:

¹⁾ K. S. 125—127. Ср. Wzyw. do pokuty 63—69.

лучшіе люди неспокойны, но масса безпечна: настолько страхъ за свое добро и привилегіи заглушалъ у нея даже голосъ благозвумной осторожности и простой разсчетливости, а большинству угрозы Скарги казались неправдоподобными. При наличности того строя, некому заставить народъ опомниться и направить его по пути обновленія. Короля третируютъ, его власть безсилна; сеймъ, на который Скарга возлагалъ столько надеждъ, ничего сдѣлать не можетъ, несмотря на усилія столькихъ выдающихся людей, такъ какъ сумасброды подтачивали его основанія. Нетрудно знать, что дѣлалось со Скаргой, когда онъ слышалъ такой девизъ *одного* посла: „если одинъ останусь при своемъ мнѣніи, то не отступлю отъ него“ ¹⁾. И это было прототипомъ позднѣйшаго *liberum veto*. Также убѣжденія олигарховъ могли взорвать Скаргу, когда они, напр., говорили: „не желаемъ короля ни слишкомъ могущественнаго, ни слишкомъ доблестнаго, ни мудраго, но желаемъ щедраго и великолѣпнаго, какъ мы; наша земля прекрасна, а когда ничто намъ не мѣшаетъ, лучше живемъ въ безпорядкѣ, чѣмъ въ порядкѣ“ ²⁾. Но къ чему вели такія теоріи, доказываетъ голосъ современника: „не знаю, какое краснорѣчіе въ мірѣ могло бы изобразить, сколько беззарядія въ нашемъ государствѣ“ ³⁾.

Скарга видитъ, что и безъ того серіозное положеніе вещей принимаетъ еще болѣе опасный характеръ, по причинѣ родовой гордости магнатовъ, которые умѣютъ только говорить красивыя фразы, но, при малѣйшемъ недовольствіи, готовы всколыхнуть всемъ государствомъ.

Онъ срываетъ покровы съ лицъ, говорящихъ и дѣйствующихъ по внушенію грубаго себялюбія и лицемерно закрывающихся словами объ интересахъ народа, о которыхъ говоритъ историкъ, что „нельзя давать вѣры словамъ актеровъ этой общественной и поли-

¹⁾ *Karnkowski* Exorbitancye, изданіе Туровскаго, стр. 7. Удивительно, что литовскій сеймъ, слившійся съ польскимъ, вовсе не повліялъ, какъ факторъ послушанія, чѣмъ отличалось литовское государственное право и что очень не нравилось ретивымъ приверженцамъ неограниченной свободы: „это литовскій способъ—кричить Шафранецъ—перенесли къ намъ, ибо когда тамъ скажутъ *нѣтъ*, то иначе быть не можетъ“. Но польская вольность приплась по вкусу новымъ посламъ изъ Литвы и именно литвинъ, Сицинскій, первый сорвалъ сеймъ въ 1652 г. (*Narbutt*, O sejmach litewskich—Pisma hist. Wilno 1856, 292, *Любавскій*, Литовскій сеймъ 1901, 843—850).

²⁾ *Lelewel*, Uwagi 313.

³⁾ *Warszewicki*, Mowa po śmierci Króla Stefana na zjeździe Mazowieckim, Kraków 1858, 23.

тической игры, какая происходила въ Польшѣ. Между этой добродѣтелью на устахъ и эгоизмомъ въ душѣ лежитъ цѣлая пропасть, соединенная гирляндами патриотическихъ фразъ и покрытая мостомъ, не столько лукавства, сколько баснословной самоувѣренности и убѣжденія, что всё, что дѣлается для собственнаго тщеславія, должно быть тѣмъ самымъ гражданскимъ и патриотическимъ подвигомъ. *L'etat c'est moi*—этотъ лозунгъ Людовика XIV былъ лозунгомъ польскаго вельможи¹⁾.

Скарга замѣчательно понималъ психологію польскихъ оптиматовъ, ихъ безразсудное самомнѣніе и честолюбіе; онъ молить: „дари свои обиды отечеству“; „не сжимайте сердце въ домахъ вашихъ“; „не обращайтесь глазъ на дома ваши“²⁾—эти, полныя глубины, выраженія обращены къ аристократіи, видящей въ своемъ родѣ или „домѣ“ альфу и омегу политической дѣятельности.

Изъ этой чудовищной родовой гордости вытекалъ одинъ своеобразный факторъ, отмѣченный прекрасно Скаргой. Можетъ показаться страннымъ, что славный проповѣдникъ, по природѣ весьма кроткій, съ такой настойчивостью домогался смертной казни для измѣнниковъ³⁾. У всякаго народа были и, вѣроятно, будутъ измѣнники, но въ польской исторіи измѣна приняла своеобразный отпечатокъ. Вельможа, уязвленный въ своемъ самолюбіи, предавался врагу государства, лишь бы возстановить свое значеніе, или отомстить за свои обиды. И странно, что часто общественное мнѣніе было на его сторонѣ и всякій предатель могъ себѣ найти поддержку. Не могли разобратъся въ томъ, что и въ случаѣ правоты недовольнаго подвергать смутѣ отечество и измѣнять ему—чистѣйшее преступленіе. И отуманены были настолько, что такіе отъявленные негодяи и извѣстные лиходѣи, какъ Зборовскій, Георгій Любомірскій, Ксаверій Бранецкій и друг. находили себѣ сторонниковъ, которые ихъ считали мучениками идеи.

Объ измѣнникахъ Скарга говоритъ съ особеннымъ презрѣніемъ: они, потерявъ свое добро, смотря на чужое и бѣгаютъ къ иноземнымъ государямъ, чтобы насытить свое честолюбіе и алчность. Какая правда въ словахъ Скарги, что на сеймѣ нѣкоторые послы

¹⁾ *Loziński*, I. с. II, 162.

²⁾ К. S. 12, 35, 33, ср. 47, 55.

³⁾ Л. с.

бываютъ подкуплены и дѣйствуютъ, согласно желанію другихъ государствъ ¹⁾).

Такіе люди не даютъ ему покоя: они способны на всё, лишь бы удовлетворить свои грубые инстинкты; отъ тайныхъ заговоровъ этихъ предателей страдаетъ наше государство, эти смуты (mieszaniny) бросаютъ нашу цвѣтущую корону въ омутъ несчастій ²⁾). Наглые измѣнники и смутьяны приобрѣтаютъ себѣ приверженцевъ, которые готовы всё продать, коль скоро мелькнетъ надежда, что можно поправить свои личныя дѣла.

„О какое это государство, о какая республика, о какая мудрость правительства и сеймовъ, которые этого исправить не могутъ“ ³⁾).

Въ Скаргѣ трепетало сердце, ему коробили душу такія явленія, онъ бьетъ въ набатъ тревогу, ему жаль невинныхъ людей, которые пострадаютъ изъ-за лиходѣевъ. Онъ громитъ сумбуръ въ понятіяхъ, позволяющій говорить: ничего измѣна, съ судомъ будемъ ждать до сейма ⁴⁾). Геніально предугадалъ Скарга, къ чему ведутъ эти поблажки: онѣ научили людей всё понимать превратно и примѣровъ въ исторіи сколько угодно. Приводимъ одинъ: сеймъ въ XVIII в. хотѣлъ отнять часть власти у гетмановъ, но что же: одинъ изъ нихъ Северинъ Жевускій грозитъ своему народу, что призываетъ *себя* на помощь другія державы, но не позволить уменьшить власть гетманской булавы и это онъ сдѣлалъ, несмотря на простое заключеніе, что съ гибелью государства ни гетманства, ни булавы, ничего не осталось бы. Такое несложное сочетаніе понятій было не подъ силу, всё имѣли одинъ щитъ, одно магическое слово: вольность, что вызвало, накануне послѣдняго паденія, восклицаніе Езерскаго:

„Я цѣню болѣе имя и существованіе поляка на землѣ, чѣмъ вольность польскую. Въдь когда перваго не станетъ, гдѣ помѣстятъ другую наши республиканцы?“

Предателей Скарга называетъ „злодѣйскими сердцами“ и неудивительно его заявленіе—что если нужно убить даже сотню измѣнниковъ, то это дѣло необходимое ⁵⁾), съ чѣмъ нельзя не согласиться; нужно было этимъ безшабашнымъ и безсовѣстнымъ лицамъ

¹⁾ I. c. 7. 47, 96.

²⁾ Предисловіе къ K. Sakr.

³⁾ Wzyw. do pok. 46 sp. K. S. 27—28, 35—37; K. Sakr. 192.

⁴⁾ K. S. 121.

⁵⁾ I. c. 34.

рубить головы безъ пощады. Зло, сдѣланное каждымъ изъ нихъ живетъ послѣ. а зло, посѣянное цѣлыми поколѣніями измѣнниковъ, достигло такихъ размѣровъ, что нельзя было вѣрить въ обыкновенное леченіе. Одинъ только Баторій, со свойственной ему энергіей, предалъ казни Зборовскаго и Осьцика и хотя шляхта подняла крикъ, но все таки эта мѣра подѣйствовала, потому что каждый вельможа, при всей надменности, больше всего цѣнилъ свою голову. Но послѣ государственныхъ преступленій оставались безотвѣтственными, что уже слишкомъ поздно замѣтилъ Косьцюшко: „мы всегда грѣшили чрезмѣрнымъ снисхожденіемъ и потому гибнетъ Польша. что *никогда* въ ней не было наказано государственное преступленіе“¹⁾.

У Скарги гнѣвъ на убійственную бездѣятельность правительства смѣняется скорбью надъ родиной, которая, какъ онъ самъ признаетъ, имѣетъ столько дѣльныхъ и неповинныхъ людей, и въ его голосѣ слышится, какъ у него болитъ сердце и онѣмѣла душа. Себялюбіе, корысть, взаимныя распри, измѣна—все это, по его мнѣнію. облегчаютъ предпріятіе врагу и самъ безпечный народъ своими поступками проложить путь ужасному несчастію—чужеземному господству. И Скарга своимъ вдохновеннымъ краснорѣчіемъ развертываетъ всю пучину бѣдствій, которыя сбудутся въ жизни польскаго народа:

„Наступитъ иноземный врагъ, пользуясь вашими несогласіями, и скажетъ: раздѣлилось ихъ сердце и теперь погибнуть. И не опуститъ времени для васъ ужаснаго, а для его тираниі удобнаго. Ожидаетъ васъ тотъ, кто желаетъ вамъ зла“.

„И этотъ раздоръ приведетъ на васъ неволю, въ которой ваши вольности потонутъ и въ смѣхъ обратятся. И всѣ вмѣстѣ съ домами и жизнью будутъ стонать подъ руками враговъ, подданные тѣмъ, которые ихъ ненавидятъ“.

„Земли и княжества, которыя соединились съ Короной въ одно цѣлое, отпадутъ и оторвутся изъ-за распрей вашихъ, съ которыми теперь могущественна и страшна непріятельскія руки ваши. Отбѣгутъ они отъ васъ и будете какъ осиротѣлая вдова, вы, которые управляли другими народами, и будете въ презрѣніи и посмѣшищемъ врагамъ вашимъ“.

„Языкъ свой, въ которомъ это государство между великими славянскими народами осталось свободное, и народъ свой погубите“.

¹⁾ *Limanowski Hist demokracji dolskiej* 38.

и остатки своей народности, так древней и по святу широко раскинутой, потеряете и обратитесь въ другое племя, которое васъ ненавидитъ, какъ уже было съ иными“.

„Будете не только безъ короля, крови своей и безъ избранія его, но также и безъ отчизны и своего государства, изманныки, убоіе, вездѣ жалкіе скитальцы, презрѣнные нищіе, которыхъ будутъ попирать ногами тамъ, гдѣ васъ прежде уважали. Гдѣ найдете такую другую родину, въ которой были бы такая слава, благоденствіе, роскошь и богатства? Родится ли у васъ и сыновей вашимъ другая такая мать? Если эту потеряете, о другой уже не думайте“.

„Будете служить недругамъ вашимъ въ голодъ, въ жаждъ, въ наготъ и наложатъ желѣзное иго на шею вашу, за то, что вы не служили Господу Богу съ веселіи и радости, когда пользовались вѣсмъ и изъ распущенности презирали пастыря, короля и всякій законъ и власть, дьявольскою вольностью закрываясь и не желая носить сладкаго ярма Христа и соблюдать повиновеніе“.

„Къ такимъ бѣдствіямъ и проклятію этотъ раздоръ и междуусобіе приведутъ васъ“¹⁾.

Я думаю, что всякій, размышляя о печальныхъ судьбахъ родины Скарги, долженъ признать, что лучшаго предвидѣнія будущаго и такого могучаго пророчества не произнесъ никто; всѣ предвѣщанія другихъ блѣднѣютъ передъ этой, полной живыхъ красокъ и исторической правды, картиной.

Всѣ польскіе писатели XVI и XVII вв. жалуются на паденіе нравовъ и сѣтуютъ на безчинства, буйства, распущенность и вообще распространеніе темныхъ сторонъ въ жизни²⁾. Новѣйшія изслѣдованія доказываютъ, что не могло быть иначе, если нарушеніе общественныхъ законовъ не влекло за собой отвѣтственности. Даже люди чуждые всякимъ злоупотребленіямъ, вступали на торную дорогу безправія и Лозинскій, рассматривая одинъ изъ болѣе кровавыхъ эпизодовъ внутренней исторіи Червонной Руси, вѣрно замѣтилъ, что трагическимъ было положеніе Лукаша Опалинскаго, который дѣйствуетъ насиліемъ и пользуется противозаконными сред-

¹⁾ K. S. 44—45.

²⁾ О порчѣ обычаевъ см. *Sokołowski* op. cit 17: *Maciejowski* —Polska do połowy XVII v. pod względem obyczajów—1842 IV 107 u passim.

ствами, но *вынужденъ* такъ поступать, защищая свою жизнь, семью и добро отъ полуразбойника Станислава Стадницкаго, и не будучи въ состояніи найти спасеніе у безсильной и призрачной законной власти¹⁾. Что нравственная развинченность вытекала изъ политическаго безначалія, это зорко разглядѣлъ Баторій, выражаясь въ одномъ универсалѣ: „отсутствіе правительства (nie rząd) портитъ всѣ обычаи, на мѣсто которыхъ выступили тяжкія преступленія, насилия, грабежъ, злодѣянія, убійства изъ оружія, разнузданность, клятвопреступленія, излишества и масса иныхъ пороковъ“²⁾. Мнѣніе Скарги было тоже самое; зная о его преданности законному теченію жизни, неудивительно, что его цѣльная, прямолинейная натура должна была вся вздрагивать, видя и слыша о частыхъ преступленіяхъ и что онъ искалъ спасенія въ сильной власти правительства. Еще Великая Польша и Литва не были ареной неумолкаемыхъ личныхъ счетовъ и борьбы, но что касается Малой Польши, то тутъ картины самыя пессимистическія: царитъ анархія, а десятки жертвъ и уничтоженныхъ имуществъ являются результатомъ полного уничтоженія общественности. Власть силы, господство грубыхъ побужденій, при общей увѣренности въ полной безнаказанности поступковъ, отсутствіе правовыхъ условій для защиты человѣческой личности—все это, прогрессируя съ каждымъ годомъ, привело къ полному разстройству. Бывали случаи, что въ данной области населеніе бѣжало въ ужасъ, жизнь замирала; начиналась почти формальная война; противники организуютъ пѣхоту и конницу. ведутся правильныя осады, борющіяся стороны берутъ въ плѣвъ, оставляютъ заложниковъ. Чѣмъ не картина средневѣковой жизни?

Скарга заходитъ въ глубь существующаго порядка, чтобы исторгнуть корень зла, которымъ была *безнаказанность*. Съ какимъ негодованіемъ говоритъ онъ объ эфемерности правительства, приводя фактъ, что одинъ, убившій своего отца, остался безнаказаннымъ³⁾. Скарга вѣрно понималъ, что всѣ эти преступленія не гангрена цѣлага организма, но зловредная нарость, которую безъ колебанія слѣдуетъ отрубить⁴⁾. Онъ отлично вникнулъ въ сущность такой свободы и съ ѣдкой, очень рѣдкой у него, доказываетъ шляхтѣ, что она, не признавая власти правительства, дрожитъ передъ каж-

¹⁾ Prawem i łowem II 314,

²⁾ l. c. I 8.

³⁾ K, S. 122.

⁴⁾ l. c. 34.

дымъ болѣе сильнымъ сосѣдомъ ¹⁾, объясняя, что такое положеніе вещей болѣе недостойно имени свободнаго польскаго гражданина, и справедливо порицаетъ этихъ добровольныхъ и недобровольныхъ холоповъ деспотизма магнатовъ и общаго беззаконія.

Скарга затронулъ многіе вопросы и условія жизни, которые, по его мнѣнію, ведутъ къ уtratѣ независимости государства. Можно не соглашаться съ нимъ, когда реформаціи онъ приписываетъ разрушающее дѣйствіе, можно съ нимъ спорить, когда онъ преувеличиваетъ нравственное вырожденіе ²⁾, или прямо ошибается, говоря, что скорѣе всего погубить Польшу посольская палата ³⁾,—но въ общемъ синтезѣ находимъ много правдивыхъ заключеній. Скарга носилъ въ душѣ слишкомъ высокій идеалъ и жизнь неизбежно должна была ему противорѣчить; благодаря тому, онъ часто сгущаетъ краски и обобщаетъ отрицательныя явленія; выставляя свои незапятнанныя стремленія, онъ мелкимъ недостаткамъ придаетъ серьезное значеніе, серьезное положеніе дѣлъ онъ возводитъ въ степень грознаго, грозные симптомы ему кажутся безъисходными.

Крушеніе польскаго государства заставляетъ многихъ историковъ усматривать въ прошломъ исключительно вины народа и спеціальную несостоятельность политическихъ и общественныхъ устройствъ жизни. Подобно Скаргѣ, находимъ у нѣкоторыхъ изслѣдователей мнѣнія, что все въ Польшѣ было плохо: одни недостатки, вины и ошибки ⁴⁾. Представлять польскій народъ спеціально порочнымъ, неумѣлымъ и даже злымъ—крайне ненаучно.

¹⁾ L. с. 92.

²⁾ Онъ употребляетъ гиперболы, называя, напр., Польшу „Содомой“ (!).
Obr. jez. 123.

³⁾ K. S. 96.

⁴⁾ Сравнительное изученіе еще мало подвинуто; обыкновенно изслѣдуютъ исторію Польши особнякомъ, между тѣмъ многія явленія находимъ въ Западной Европѣ, совершенно аналогичныя польскому разстройству, сословному эгоизму и т. п.; сопоставленіе ихъ не всегда будетъ невыгодно для польскаго государства. См. интересную книгу: *Proal La criminalité politique* (Paris 1896), гдѣ авторъ, на широкомъ фонѣ историческихъ примѣровъ, показываетъ, что руководящими стимулами для правительствъ были обманъ, политическое лицемеріе, продажность—вообще завѣты Маккиавелли, и полное отсутствіе истиннаго стремленія ко благу народа. Такъ же дѣйствуютъ общественные элементы, привлеченные къ власти или захватившіе власть: они скоро поддаются деморализаціи и отличаются неумѣренной жадностью владычества—однимъ словомъ, взаимная борьба, неурядицы и общая безнравственность

Скарга, витая въ бѣлоснѣжныхъ вершинахъ своей совѣсти, самоотреченія и правдивности, судилъ съ этой высшей точки зрѣнія, но для историка необходима широкая сравнительная перспектива. Гдѣ же не было разстройства, междуусобій, неурядиць, гдѣ не стремились одни классы властвовать надъ другими, гдѣ легко отказывались отъ господства, гдѣ катилась жизнь по гладкому руслу и не было тревнїя, эгоизма, злыхъ и коварныхъ людей? Мотивы государственной жизни одни и тѣже, спеціально Польша не представляетъ исключенія, ни въ положительномъ, ни въ отрицательномъ смыслѣ. Съ соціологической точки зрѣнія мы не можемъ указать данныхъ, по которымъ польское государство должно было неминуемо потерять свою самостоятельность. Среди множества причинъ, которыми объясняли проблему упадка, была весьма популярна теорія, что польское государство пограло славянскіе завѣты и закрѣпощеніемъ крестьянъ и неравенствомъ заставило идти вспячь общественное развитіе.

Но соціальная группировка классовъ была во всей Европѣ, которая переживала эту экономическую эволюцію. Тѣ, которые особенно ставили въ вину польскому народу, что онъ не разрѣшилъ справедливо соціального равенства въ XVI или XVII вѣкѣ, требуютъ невозможнаго; это также неосновательно, какъ упрекать Коперника, что онъ въ своихъ астрономическихъ открытіяхъ не пользовался спектральнымъ анализомъ.

Никакія теоріи не могутъ достовѣрно объяснить эту сложную проблему, такъ какъ въ настоящее время намъ точно неизвѣстна та сумма силъ, которая разрушила существованіе Рѣчипосполитой. Говоря словами Гегеля: для образованія, бытія и паденія государства не существуетъ иного форума кромѣ суда всемірной исторіи. а нормы этого суда, безъ сомнѣнія, не совпадаютъ съ нормами юридическихъ конструкцій.

Слѣдуетъ преклоняться передъ силой проникновенія Скарги, но нельзя сказать за нимъ, что катастрофа должна была настать неизбежно.

Однако, въ его разумномъ діагнозѣ были указаны причины, которыя мы должны признать факторами, способствовавшими расширенію государства, а затѣмъ, благодаря его географическому по-

были насущнымъ хлѣбомъ въ политической жизни всѣхъ европейскихъ народовъ, черты которой строгій судья, подобно Проаю, долженъ подвергнуть беспощадному порицанію. Живи Скарга въ Италіи, Франціи, Германіи, его возмущеніе и негодованіе на окружающее нисколько бы не уменьшились.

женію, приведшими къ окончательному паденію. Заслугой мудрости Скарги было ясное пониманіе, что суть государства это его само-сохраненіе и, хотя онъ не былъ ученымъ государствовѣдомъ, но пришелъ къ подобнымъ взглядамъ на задачи государства, какія существуютъ нынѣ въ наукѣ, именно: 1) самосохраненіе его; 2) безопасность и развитіе могущества; 3) правообразование и защита права и 4) содѣйствіе культурнымъ интересамъ ¹⁾. И всѣ эти четыре пункта, необходимые для успѣшнаго развитія, благодаря софизмамъ народа, въ малой степени были задачами польскаго государства, которое, какъ негодовалъ Скарга, отличается безсиліемъ центральной власти, безнаказанностію, безграничной свободой и отсутствіемъ организаціи. Между тѣмъ государственное право учить что: „какая бы то ни была плодотворная человѣческая дѣятельность возможна лишь при существованіи организаціи, т. е. прочныхъ, постоянныхъ соединеній воль. Какъ для общей борьбы съ неблагоприятными условіями жизни, такъ для совмѣстной творческой работы всегда существовали—и непрерывно возникаютъ въ предѣлахъ государственнаго союза самыя разнообразныя и разноцѣнныя организаціи. Уже эти союзы, созданныя въ силу свободнаго соглашенія ихъ членовъ, нуждаются въ обладающей средствами внѣшняго воздѣйствія организаціи для того, чтобы они могли существовать и исполнять свое значеніе. При отсутствіи дисциплинарной власти, хотя бы самой слабой, не можетъ плодотворно развивать свою дѣятельность ни одинъ союзъ, даже наименѣе прочно организованный, и ни одно упорядоченное собраніе“ ²⁾.

Польскій народъ выходилъ изъ понятія свободы, которая должна была быть залогомъ преуспѣянія общественной жизни; были также историки, видящіе въ этомъ стремленіи единственную базу правильнаго развитія государства. Они опирались на томъ опредѣленіи свободы, которое, напр., даетъ Пельтанъ, восклицая въ Новомъ Вавилонѣ: „свобода и еще свобода—я это говорю и буду говорить непрерывно: вотъ лучшее средство въ политикѣ и въ духовной жизни. Ибо одинъ и тотъ же законъ управляетъ государствомъ и семьей. И этотъ законъ—свобода, отличающая человѣка отъ скота, а народъ отъ стада“. Но, какъ доказалъ Скарга, свобода вела къ многочисленнымъ злоупотребленіямъ и потому необходима еще поправка Мабли, къ сожалѣнію, забываема многими: „любовь

¹⁾ *Jellinek*. Общее ученіе о государственномъ правѣ, стр. 169.

²⁾ *L. c.*

къ свободѣ даетъ начало республикѣ, но только любовь къ закону можетъ ее удержать и привести въ цвѣтущее состояніе; соединеніе этихъ двухъ чувствъ должно быть главнымъ объектомъ политики¹⁾.

Именно второго не было: чрезвычайно любя свободу, поляки не уважали и часто попирали законы. Нельзя сказать, чтобы многие были довольны существующимъ и не видѣли, что дѣло плохо и не желали переменъ къ лучшему, но вмѣсто реальныхъ преобразованій въ политической жизни, старались вселять нравственный долгъ гражданамъ, что, конечно, не могло принести никакой пользы, ибо на вершинѣ каждаго государства должна стоять власть *принужденія*, въ чьихъ бы рукахъ она ни была. Убѣжденіе и вѣра, что всѣ граждане должны поступать руководясь самоотреченіемъ—эта политическая квадратура круга, была самой ошибочной доктриной²⁾. Нужны были реформы, но польскіе теоретики анархизма всё считали ограниченіемъ, забывая, что государство взаимно ограничитъ обезпечиваетъ индивида отъ своеволия другихъ. Можно критиковать данное устройство, но во всякомъ государствѣ необходимо правительство, котораго почти не было въ Рѣчипосполитой, а долго существовать безъ него, въ безнрядіи было невозможно; польскій народъ долженъ былъ подчиниться желѣзнымъ законамъ жизни: если бы гдѣ либо—говорить Еллинекъ—уничтожить государство, чтобы замѣнить его свободнымъ обществомъ, то тотчасъ бы возникли вновь право и принужденіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ власть.

Въ польской республикѣ должны были наступить или крупныя преобразованія по почину самаго народа, или государственный переворотъ въ пользу сильной монархіи, или политическое крушеніе отъ внѣшняго воздѣйствія.

¹⁾ Цит. у Лимановскаго. Hist. ruchu społecznego w XVIII w.—Lwów. 1888, 104.

²⁾ Доктринерство было самой сильной язвой, которымъ отличались не только пустозвоны, но выдающіеся умы: типичнымъ былъ Фредро, извѣстный политическій мыслитель XVII в., которому нельзя отказать въ талантѣ, умѣ, патриотизмѣ, но онъ такъ былъ преданъ палладіумамъ вольности, что не смотря на ихъ очевидную зловредность, отрѣшиться отъ нихъ не могъ. Фредро былъ маршаломъ сейма 1652 г., разошедшагося по протесту одного посла и онъ плакалъ и сѣтовалъ на такое явленіе, но ему и въ голову не пришло, дабы установить, чтобы одинъ не имѣлъ права этого сдѣлать. Скарга былъ чуждъ окаменѣлости политическихъ взглядовъ и всегда считался съ дѣйствительностью, изъ фактовъ которой онъ выводилъ свои положенія.

Первый путь проповѣдывалъ Моджевскій, который въ судебной и финансовой реформахъ и правильно организованной администраціи видѣлъ вящее укрѣпленіе республиканскаго строя. Скарга уже требовалъ коренной ломки—измѣненія многихъ основъ конституціи. Гурницкій, указывая на то, что Богъ возьметъ свободу, которой не умѣютъ пользоваться, вѣрилъ въ возникновеніе абсолютной монархіи, которую такъ желалъ ввести въ Польшу Варшевицкій. Много мыслей о необходимости предпринять тѣ или иныя преобразованія высказывали другіе, а большинство изъ нихъ угрожало народу гибелью, если онъ останется при существующихъ порядкахъ. И большинство народа понимало, что необходимы измѣненія, много говорили объ этомъ, но всѣ стремленія были какимъ то бѣгомъ на мѣстѣ и государство оцѣнило на одной точкѣ. Нужно было примкнуть къ тому или другому теченію политической мысли, чтобы не оказаться за бортомъ жизни, которая въ новой исторіи становится все болѣе безжалостнымъ судьей. Однѣ сантиментальныя фразы о патріотизмѣ, о необходимости добродѣтели ничего не могли помочь. Неспособность, неумѣніе и прямо таки нежеланіе разумно урегулировать правительственную власть послужило исходнымъ моментомъ для дальнѣйшихъ осложненій, которыя способствовали первому раздѣлу.

Прежде историки говорили много о роковыхъ ошибкахъ въ польской международной политикѣ, какъ, напр., по отношенію къ прусскому княжеству и др., жертвой которыхъ пала Рѣчьпосполитая. Но неудачная вѣйшняя политика была результатомъ того, что всѣ силы государства были поглощены внутренними неурядицами и потому дипломатическія начинанія или велись плохо, или разстройство не давало воспользоваться никакими планами. Не передача Брандербурга и тому подобные промахи были подводнымъ камнемъ крушенія, но анархія и безсиліе государства.

И никто, какъ Скарга, такъ ясно не говорилъ народу ту истину, что онъ самъ виноватъ, что многіе лица это гробокопатели родины и что если такъ будетъ дальше, то народъ скатится по наклонной плоскости въ зіяющій обрывъ. Приводимъ отрывокъ изъ сочиненія ученаго, котораго раздѣляетъ промежутокъ трехъ вѣковъ отъ Скарги, и который единственно сходится въ томъ съ послѣднимъ, что вѣрить въ правленіе Провидѣнія въ исторіи:

„Паденіе Рѣчьпосполитой является *виной нашей собственной...* Вина тѣмъ болыкая, чѣмъ болышій кругъ гражданъ имѣлъ право заправлять дѣлами государства. Историческая Немезида падаетъ въ иныхъ странахъ на государей и правителей, у насъ всея тя-

жестью обрушилась на весь народъ. Этого одного объясненія достаточно—остальное въ рукахъ Бога, который держитъ вѣсы исторической справедливости. Онъ завѣсилъ наши ошибки, Онъ среди кары не забылъ, что и мы имѣемъ заслуги въ исторіи, что стоимъ на землѣ, которую Онъ намъ предназначилъ, что вины наши не оправдываютъ тѣхъ, которые были орудіемъ Его гнѣвной руки¹⁾.

Замѣчательно, что Скаргу никогда не покидалъ испугъ передъ роковымъ исходомъ. И онъ все дѣлалъ, чтобы бить въ набатъ тревогу для созыва народа, котораго умолялъ, дабы онъ одумался и старался удержать людей, мчащихся подъ колеса паровоза. Скарга опредѣляетъ свои предвѣщанія внутреннею сущностью настоящаго, а его увѣренности о будущемъ лихолѣтіи не поколебали ни единичные подвиги, ни славныя дѣянія, за ними онъ видѣлъ массовую психологію и общіе итоги политической жизни.

Послѣ достопамятнаго сраженія подъ Кирхгольмомъ, Скарга произнесъ рѣчь, достойную удивленія. Радость по поводу этой знаменитой побѣды была колоссальная. Передъ Скаргой разстилается великолѣпная картина: онъ смотритъ на ликующій народъ, этихъ каштеляновъ и воеводъ, шляхту въ контушахъ и жупанахъ, гуссаровъ и кирассировъ—этотъ пышный блескъ и шумъ всенароднаго торжества. Но это веселіе, эта живописная картина не живитъ бытія Скарги; онъ не раздѣляетъ энтузіазма, такъ какъ смотритъ въ глубь вѣковъ своими вдохновенными глазами и дикимъ ему представляется, какъ онъ можетъ радоваться этой побѣдѣ. Онъ вспоминаетъ тѣ храмины, которымъ поклоняются многіе, храмины, наполненныя эгоизмомъ, непослушаніемъ, безначаліемъ, отсутствіемъ законности—все это усиливаетъ тотъ обрывъ, который виситъ надъ польскимъ народомъ, какъ трагическій призракъ будущаго. Упоенному народу великій проповѣдникъ говоритъ: не нужно намъ ни вѣшнихъ побѣдъ, ни славы, ни триумфовъ, главное побѣдить зло, которое есть страшнѣйшій врагъ и самое тяжкое несчастіе, а безъ искорененія его эта доблестная побѣда ничего не можетъ²⁾.

Въ этомъ общемъ ликованіи раздается какъ зловѣщій аккордъ голосъ Скарги, что вся эта пышность, разгулъ жизни, благоден-

¹⁾ *Szujski. Dz. Polski* Lwów, 1876, стр. 723, 724.

²⁾ К. Р. I 65.

ствіе, независимость -- все это минеть и наступитъ день испытаній и мукъ.

И никогда Скарга не былъ такъ великъ, какъ въ этотъ день.

Трудно даже удивляться, что мало вѣрили пророчествамъ Скарги: въ тѣ дни блаженства они казались чѣмъ то неслыханнымъ и невѣроятнымъ, когда, напр., онъ говорилъ: потеряете все: не то, что не станеть родины, не будетъ видно даже слѣда, гдѣ вы были ¹⁾).

Матейко на своей прекрасной картинѣ представилъ Скаргу, вѣщающаго передъ народомъ: онъ стоитъ тамъ живой, его сѣдая величавая голова, глаза полные внутренняго огня, глядящіе въ ужасный обвалъ, дивное поднятіе его рукъ, которыми онъ какъ бы отверзаеть бездну передъ слушателями, лица которыхъ выражаютъ разнообразіе всевозможныхъ настроеній—все это сливается въ одинъ трагическій моментъ на этой неподражаемой картинѣ знаменитаго живописца, которая является достойнымъ увѣковѣченіемъ памяти Скарги.

Мрачныя видѣнія чередовались передъ пророческимъ взоромъ Скарги: теперь въ благоденствіи, въ независимости сѣютъ непослушаніе, недовольные малѣйшимъ неуспѣхомъ—но будете въ тягостной неволѣ, будете повиноваться всѣмъ, ничтожнымъ слугамъ и конюхамъ и „утромъ скажете, скоро ли настанеть ночь, ночью будете жадать дневнаго свѣта, метаясь въ безпрестанныхъ страданіяхъ“ ²⁾; будутъ васъ угнетать нещадно, гораздо болѣе, чѣмъ въ своихъ подданныхъ; будутъ отнимать добро, запирають ваши святыни и изгонять изъ нихъ ³⁾. Захотите непослушаться, сдѣлать возстаніе противъ власти врага, но не возстанете, ибо желѣзныи хнуть будетъ надъ вашими шеями. И это будетъ продолжаться не одинъ годъ, а постоянно и не надѣйтесь на милосердіе Бога, хотя Онъ Предобрый, но врагъ жестокъ и невыносимыми притѣсненіями будетъ васъ мучить и всѣхъ страданій нельзя перечислить ⁴⁾; и тогда руки будете простирать къ вашей родинѣ и взывать къ ней, но не испошлетъ Господь свѣтлой матери вашей ⁵⁾).

Скарга громить прегрѣшенія народа, но часто, взглядываясь въ сумрачную ночь, которая разстилаеть свой саванъ надъ польскою

¹⁾ K. Sakr. 202.

²⁾ Ibid.

³⁾ L. c. 225.

⁴⁾ L. c. 222.

⁵⁾ L. c. 222, ср. еще 202, 226, 246.

страной, онъ чувствуетъ боль и жалость и страдаетъ, сливаясь съ общимъ хоромъ народнаго стона:

„Неописуемый ужасъ созерцать паденіе нашего отечества... Тогда все смѣшается: всѣ отъ мала до велика будутъ повергнуты въ это горѣ. Все смѣшается, какъ въ порубленномъ лѣсу: высокія и мелкія деревья, хворостинки, коренастые дубы и ели падутъ на землю. Богатые сдѣлаются нищими, всѣ законы уничтожатъ и никто не будетъ радоваться, потому что жизнь и все ваше достояніе будетъ въ рукахъ тиранна. Будутъ плакать сады и виноградники, умолкнуть гусли и веселіе, пѣть никто не будетъ, но горькій напитокъ для всѣхъ будетъ. Порѣдѣетъ народъ, какъ кисти винограда послѣ сбора, а груши послѣ сотрясенія. Возможно тяжелое опасеніе, что вы увидите какъ насилуютъ и убиваютъ вашихъ женъ, а на глазахъ вашихъ забираютъ добро ваше и дѣлятся имъ, потѣшаясь и глумясь надъ вами. Всѣ будете вынуждены страдать и искать хлѣба и, изгнанные, блуждать и окалачиваться въ лѣсахъ и горахъ, въ чужеземныхъ краяхъ, впроголодь, въ нуждѣ и холодѣ, съ женами и дѣтьми, которыхъ страданія, горе и сиротство будутъ больше васъ мучить, чѣмъ ваши собственныя“ ¹⁾.

Элементы теории определителей.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Предварительныя свѣдѣнія.

§ 1. Соединенія. Изъ курса алгебры извѣстно, что соединенія бываютъ трехъ родовъ: *размѣщенія* (arrangements), *перестановки* или *пермутации* (permutations) и *сочетанія* (combinaisons).

Число A_n^p размѣщеній изъ n элементовъ по p равно:

$$A_n^p = n(n-1) \dots (n-p+1) \quad (1)$$

Въ частномъ случаѣ, когда $p=n$, получаемъ число P_n пермутаций изъ n элементовъ:

$$P_n = n(n-1) \dots 2 \cdot 1 = n! \quad (2)$$

Число C_n^p сочетаній изъ n элементовъ по p равно:

$$C_n^p = \frac{n(n-1) \dots (n-p+1)}{1 \cdot 2 \dots p} \quad (3)$$

§ 2. Подстановленія. Операция, при помощи которой мы отъ одной пермутации переходимъ къ какой либо другой изъ тѣхъ же элементовъ, называется *подстановленіемъ* (substitution).

Чтобы обозначить эту операцию, пишемъ первоначальную пермутацию и подъ нею указанную другую пермутацию такъ, чтобы подъ каждымъ элементомъ первой стоялъ тотъ элементъ изъ второй, который долженъ его собою замѣнить. Обѣ пермутации заключаются при этомъ въ скобки. Такимъ образомъ символъ:

$$\begin{pmatrix} \alpha & \beta & \gamma & \delta \\ \gamma & \delta & \alpha & \beta \end{pmatrix} \quad (4)$$

обозначаетъ, что элементъ α замѣняется элементомъ γ , элементъ β элементомъ δ и т. д. Порядокъ, въ которомъ элементы одной изъ пермутаций слѣдуютъ другъ за другомъ, очевидно, безразличенъ; необходимо лишь, чтобы соответственные элементы стояли одинъ подъ другимъ. Напр. символы:

$$\begin{pmatrix} \gamma & \delta & \alpha & \beta \\ \alpha & \beta & \gamma & \delta \end{pmatrix}, \quad \begin{pmatrix} \alpha & \gamma & \beta & \delta \\ \gamma & \alpha & \delta & \beta \end{pmatrix}$$

имѣютъ то же самое значеніе, что и (4).

Всякое подстановленіе можетъ быть разложено на такъ называемые *циклы* слѣдующимъ образомъ. Пусть имѣемъ какую либо пермутацию изъ элементовъ:

$$\alpha \alpha' \beta \beta' \gamma \gamma' \dots \lambda \lambda' \mu \mu' \dots \quad (5)$$

и дано подстановленіе, вслѣдствіе котораго эта пермутация замѣняется нѣкоторой другой изъ тѣхъ же самыхъ элементовъ. Положимъ, что при этомъ элементъ α замѣняется элементомъ β ; посмотримъ затѣмъ, какимъ элементомъ долженъ быть замѣненъ элементъ β , —положимъ, что элементомъ γ . Смотримъ далѣе, чѣмъ замѣняется элементъ γ въ (5) и т. д. Поступая такимъ образомъ и далѣе, необходимо придемъ къ такому элементу λ въ (5), который разсматриваемымъ подстановленіемъ замѣняется элементомъ α . Совокупность всѣхъ этихъ замѣненій обозначается символомъ: $(\alpha \beta \gamma \dots \lambda)$ и называется *цикломъ*. Беремъ затѣмъ какой либо изъ элементовъ, не вошедшихъ въ этотъ циклъ, напр. α' . Пусть наше подстановленіе замѣняетъ его элементомъ β' . Смотримъ, чѣмъ элементъ β' въ (5) замѣняется въ силу того же подстановленія; положимъ, что элементомъ γ' . И т. д. Наконецъ придемъ къ такому элементу λ' , который долженъ быть замѣненъ элементомъ α' . Получимъ новый циклъ: $(\alpha' \beta' \gamma' \dots \lambda')$. И т. д. и т. д. Въ результатѣ все наше подстановленіе распалось на рядъ цикловъ:

$$(\alpha \beta \gamma \dots \lambda) (\alpha' \beta' \dots \lambda') (\alpha'' \beta'' \gamma'' \dots \lambda'') \dots$$

Такимъ образомъ подстановленіе:

$$\begin{pmatrix} 1 & 2 & 3 & 4 & 5 & 6 & 7 & 8 & 9 \\ 6 & 9 & 1 & 2 & 7 & 8 & 4 & 3 & 5 \end{pmatrix}$$

состоитъ изъ двухъ цикловъ:

$$(1 \ 6 \ 8 \ 3)(4 \ 2 \ 9 \ 5 \ 7)$$

Подстановленіе, состоящее изъ одного цикла, называется *циклическимъ* или *круговымъ*.

Если круговое подстановленіе перемѣщаетъ лишь два элемента, то оно называется *транспозиціей*.

Всякое подстановленіе можетъ быть разложено на транспозиціи и притомъ такія, въ составъ которыхъ входятъ лишь рядомъ стоящіе элементы. Такъ какъ любое подстановленіе можетъ быть разложено на круговыя, то достаточно рассмотретьъ лишь эти послѣднія. Пусть мы имѣемъ круговое подстановленіе изъ n элементовъ: $(\alpha \beta \gamma \dots \kappa \lambda)$, которое пермутацию: $\alpha \beta \gamma \dots \kappa \lambda$ переводитъ въ пермутацию: $\beta \gamma \dots \kappa \lambda \alpha$. Чтобы получить эту послѣднюю, очевидно, достаточно элементъ α переставлять послѣдовательно $n-1$ разъ съ элементомъ, стоящимъ всякій разъ отъ него рядомъ и справа. Мы получимъ послѣдовательныя пермутациі:

$$\alpha\beta\gamma\dots\kappa\lambda, \beta\gamma\dots\kappa\lambda, \beta\gamma\alpha\dots\kappa\lambda, \dots, \beta\gamma\dots\kappa\lambda\alpha, \beta\gamma\dots\kappa\lambda\alpha,$$

такъ что подстановленіе $(\alpha\beta\gamma\dots\kappa\lambda)$ равносильно $n-1$ транспозиціямъ, произведеннымъ надъ элементами, стоящими рядомъ:

$$(\alpha\beta\gamma\dots\kappa\lambda) = (\alpha\beta)(\beta\gamma)\dots(\alpha\lambda)$$

Рассмотримъ теперь подстановленіе:

$$\begin{pmatrix} \alpha & \beta & \gamma & \delta & \dots & \kappa & \lambda \\ \lambda & \beta & \gamma & \delta & \dots & \kappa & \alpha \end{pmatrix}$$

сводящееся къ транспозиціи крайнихъ элементовъ: $(\alpha \lambda)$.

Нетрудно убѣдиться, что оно равносильно нечетному числу $2n-3$ транспозицій, каждая изъ которыхъ заключаетъ въ себѣ лишь рядомъ стоящіе элементы. Въ самомъ дѣлѣ, произведемъ сначала круговое подстановленіе: $(\alpha \beta \gamma \delta \dots \kappa \lambda)$. Какъ мы видѣли, это равносильно $n-1$ транспозиціямъ указаннаго вида и мы отъ пермутациі: $\alpha \beta \gamma \delta \dots \kappa \lambda$ перейдемъ къ пермутациі: $\beta \gamma \delta \dots \kappa \lambda \alpha$. Въ этой послѣдней элементъ λ занимаетъ второе отъ конца мѣсто. Переносимъ его влѣво такъ, чтобы сначала онъ занялъ третье отъ конца мѣсто, потомъ четвертое и т. д., пока онъ не займетъ перваго мѣста отъ начала. Для этого намъ придется произвести $n-2$ послѣдовательныхъ транспозицій: $(\lambda \kappa), \dots (\lambda \delta), (\lambda \gamma), (\lambda \beta)$ и мы получимъ желаемую пермутацию: $\lambda \beta \gamma \delta \dots \kappa \alpha$. Всего будетъ произведено $n-1 + n-2 = 2n-3$ транспозицій, всякій разъ надъ элементами, стоящими рядомъ:

$$\begin{pmatrix} \alpha & \beta & \gamma & \delta & \dots & \kappa & \lambda \\ \lambda & \beta & \gamma & \delta & \dots & \kappa & \alpha \end{pmatrix} = (\alpha \beta \gamma \dots \kappa \lambda) (\lambda \kappa) \dots (\lambda \delta) (\lambda \gamma) (\lambda \beta).$$

Пусть теперь мы имѣемъ какую либо пермутацию. Переставимъ въ ней какіе нибудь два элемента одинъ на мѣсто другого, т. е. произведемъ

нѣкоторую транспозицію. Легко сообразить, что эта послѣдняя равносильна нечетному числу транспозицій, произведенныхъ лишь надъ рядомъ стоящими элементами. Въ самомъ дѣлѣ, отвлечемся мысленно какъ отъ тѣхъ элементовъ, которые предшествуютъ первому изъ переставляемыхъ элементовъ, такъ и отъ всѣхъ тѣхъ, которые слѣдуютъ за вторымъ изъ тѣхъ же элементовъ. Останется перmutація, въ которой достаточно переставить лишь крайніе элементы, а это, на основаніи предыдущаго, равносильно нечетному числу транспозицій изъ рядомъ стоящихъ элементовъ.

§ 3. **Обращенія. Четныя и нечетныя перmutаціи.** Изъ n элементовъ можно, какъ мы знаемъ, образовать $n!$ перmutацій. Одну изъ нихъ, произвольно выбранную, въ отличіе отъ прочихъ, назовемъ *главной перmutаціей*.

Если въ какой либо изъ остальныхъ перmutацій какіе нибудь два элемента стоятъ не въ томъ порядкѣ одинъ за другимъ, какъ въ главной перmutаціи (если просматривать элементы слѣва направо), то мы будемъ говорить, что эти элементы образуютъ *обращеніе* (inversion). Наибольшее число обращеній дастъ, очевидно, та перmutація, въ которой элементы написаны въ порядкѣ, обратномъ порядку элементовъ главной перmutаціи.

Чтобы сосчитать число обращеній въ какой либо перmutаціи, надо сосчитать, сколько обращеній составляетъ каждый элементъ съ тѣми элементами, которые за нимъ слѣдуютъ, и полученныя числа сложить. Если обозначимъ элементы послѣдовательными натуральными числами, то число обращеній, составляемыхъ какимъ либо элементомъ, опредѣляется числомъ чиселъ, меньшихъ чѣмъ этотъ элементъ и находящихся среди тѣхъ, которыя за нимъ слѣдуютъ. Если въ перmutаціяхъ находится n элементовъ и въ качествѣ главной мы примемъ перmutацію: $1\ 2\ 3\ \dots\ n$, въ которой нѣтъ ни одного обращенія, то наибольшее число обращеній будетъ въ перmutаціи: $n\ \dots\ 3\ 2\ 1$, а именно:

$$n - 1 + n - 2 + \dots + 2 + 1 = \frac{1}{2} n (n - 1).$$

Если $n = 9$, то, напр., въ перmutаціи: $6\ 9\ 1\ 2\ 7\ 8\ 4\ 3\ 5$ будетъ $5 + 7 + 0 + 0 + 3 + 3 + 1 + 0 = 19$ обращеній.

Если въ перmutаціи вовсе нѣтъ обращеній или же ихъ четное число, то мы ее будемъ называть *четной перmutаціей*; если же число обращеній нечетное, то и перmutацію будемъ называть *нечетной*.

Покажемъ, что *при каждой транспозиціи перmutація мѣняетъ свой классъ*, т. е. изъ четной переходитъ въ нечетную, а изъ нечетной въ четную.

Въ самомъ дѣлѣ, это совершенно очевидно, если въ составъ транспозиціи входятъ элементы, стоящіе рядомъ. Производя подобную транспозицію

мы не измѣняемъ тѣхъ обращеній, какія имѣлись въ пермутациі и обусловливались элементами, которые предшествовали переставляемымъ или же слѣдовали за ними. Что-же касается самихъ переставляемыхъ элементовъ, то, если до транспозиціи они образовывали обращеніе, то послѣ транспозиціи, это обращеніе исчезнетъ—общее число обращеній въ пермутациі уменьшится на единицу; если-же до транспозиціи переставляемые элементы не дѣлали обращенія, то таковое возникнетъ послѣ транспозиціи общее число обращеній въ пермутациі увеличится на единицу.

Предположимъ, затѣмъ, что входящіе въ транспозицію элементы не стоятъ рядомъ. Мы видѣли, что подобная транспозиція равносильна нечетному числу транспозицій изъ элементовъ, стоящихъ рядомъ. Транспозиція-же изъ рядомъ стоящихъ элементовъ мѣняетъ, какъ мы только что показали, классъ пермутациі. Если такихъ транспозицій произведемъ нечетное число разъ, то и въ результатѣ произойдетъ измѣненіе класса. Желанное такимъ образомъ доказано.

Легко понять, что изъ всѣхъ $n!$ пермутаций изъ n элементовъ половина будетъ одного класса (напр., четнаго), а другая половина другого (нечетнаго). Въ самомъ дѣлѣ, пусть P будетъ число четныхъ пермутаций, Q —число нечетныхъ. Произведемъ надъ всѣми четными пермутациями какую нибудь транспозицію. Въ силу доказаннаго, пермутациі измѣнятъ свой классъ, сдѣлаются нечетными, а такъ какъ, по предположенію, ихъ не можетъ быть болѣе, чѣмъ Q , то заключаемъ, что $P \leq Q$. Повторяя аналогичное разсужденіе съ нечетными пермутациями, получимъ $Q \leq P$.

Отсюда слѣдуетъ, что $P = Q = \frac{1}{2} n!$

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Определители. Основные определения и элементарныя свойства.

§ 4. **Матрисы.** Совокупность mn количествъ, расположенныхъ прямоугольникомъ:

$$\begin{array}{ccccccc}
 a_{11} & a_{12} & . & . & . & . & a_{1n} \\
 a_{21} & a_{22} & . & . & . & . & a_{2n} \\
 . & . & . & . & . & . & . \\
 a_{m1} & a_{m2} & . & . & . & . & a_{mn}
 \end{array} \tag{6}$$

такъ, что получается m горизонтальныхъ рядовъ (горизонталей, строкъ) и n вертикальныхъ рядовъ (вертикалей, колоннъ или столбцовъ), носить названіе *прямоугольной матрисы*.

Количества a_{ik} называются *элементами* матрисы, при чемъ первый индексъ i указываетъ, что элементъ принадлежитъ i -ой горизонтали, а второй k указываетъ, что элементъ принадлежитъ k -ой колоннѣ¹⁾.

Если $m = n$, то таблица (6) получаетъ названіе *квадратной матрисы*:

$$\begin{array}{ccccccc}
 a_{11} & a_{12} & . & . & . & . & a_{1n} \\
 a_{21} & a_{22} & . & . & . & . & a_{2n} \\
 . & . & . & . & . & . & . \\
 a_{n1} & a_{n2} & . & . & . & . & a_{nn}
 \end{array} \tag{7}$$

Въ этомъ случаѣ элементы, у которыхъ оба индекса имѣютъ одинаковое значеніе: $a_{11}, a_{22}, \dots, a_{nn}$, называютъ *главными* или-же *элемен-*

¹⁾ Понятіе матрисы было введено Cayley (Journal für Math. Band. 50 за 1855 годъ, стр. 282).

тами главной диагонали; элементы $a_{n1}, a_{n-1,2}, \dots, a_{1n}$ называются элементами второй диагонали.

§ 5. Составление определителя из элементов квадратной матрицы. Рассмотрим произведение n элементов, взятых из общего числа n^2 элементов (7) так, чтобы никакие два множителя этого произведения не принадлежали одной и той же горизонтали, или одной и той же вертикали. Чтобы образовать подобное произведение и в то же время сосчитать, сколькими способами можно это сделать, поступаем следующим образом. Берем какой либо из элементов первой горизонтали в (7), напр. a_{1k_1} ; это можно сделать n способами, так как каждая горизонталь состоит из n элементов. Во второй горизонтали, для перемножения с a_{1k_1} , мы можем взять любой элемент, кроме однако a_{2k_1} , иначе получилось бы два множителя, принадлежащих одной и той же колонке, k_1 -ой. Таким образом, раз выбор элемента из первой горизонтали сделан, то выбор элемента из второй горизонтали возможен $n - 1$ способами. Пусть a_{2k_2} будет элемент, взятый из второй горизонтали, при чем $k_2 \neq k_1$. Далее, из третьей горизонтали можно взять элемент любой, лишь бы он не принадлежал ни k_1 -ой, ни k_2 -ой вертикали, напр., элемент a_{3k_3} , при чем $k_3 \neq k_1; k_3 \neq k_2$. Выбор элемента a_{3k_3} может быть произведен $n - 2$ способами. И т. д. Разсуждая аналогичным образом и далее, дойдем до последней горизонтали; из ней в нашем распоряжении останется только один элемент, напр. a_{nk_n} , при чем $k_n \neq k_1; \dots, k_n \neq k_{n-1}$.

Составится искомое произведение:

$$a_{1k_1} \cdot a_{2k_2} \cdot a_{3k_3} \cdot \dots \cdot a_{nk_n} \quad (8)$$

в котором k_1, k_2, \dots, k_n представляют некоторую пермутацию из n первых натуральных чисел: 1, 2, 3, \dots, n , и ясно, что подобных произведений можно составить: $n(n-1)(n-2) \dots 2 \cdot 1$ или $n!$

Сосчитаем число обращений в пермутации: $k_1 k_2 \dots k_n$. Пусть оно будет равно k . Возьмем произведение (8) со множителем $(-1)^k$, т. е. со знаком $+$ или $-$, смотря по тому, будет ли пермутация: $k_1 k_2 \dots k_n$ четной или нечетной.

Определение. Алгебраическая сумма всех произведений (8) с соответственными знаками называется определителем, составленным из элементов квадратной матрицы (7).

Число n называют порядком определителя, выражение:

$$(-1)^k a_{1k_1} \cdot a_{2k_2} \cdot \dots \cdot a_{nk_n} \quad (8')$$

называют членом определителя.

Вспоминая сказанное въ § 3, мы находимъ, что половина всѣхъ $n!$ членовъ опредѣлителя будетъ со знакомъ $+$, т. е. для нихъ число k будетъ четное, а другая половина со знакомъ $-$; для этой второй половины число k будетъ нечетное.

Слѣдую Саулеу, мы будемъ обозначать опредѣлитель, составленный изъ элементовъ квадратной матрицы (7), символомъ ¹⁾:

$$\begin{vmatrix} a_{11} & a_{12} & \dots & a_{1n} \\ a_{21} & a_{22} & \dots & a_{2n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ a_{n1} & a_{n2} & \dots & a_{nn} \end{vmatrix} \quad (9)$$

Разсмотримъ подробнѣ случаи $n = 2$ и $n = 3$.

Если $n = 2$, то ясно, что элементъ a_{11} только и можно комбинировать, что съ элементомъ a_{22} . При этомъ $k_1 = 1$; $k_2 = 2$; $k = 0$ и мы получимъ членъ $a_{11} a_{22}$. Если же въ первой горизонталн возьмемъ элементъ a_{12} , то его возможно комбинировать лишь съ элементомъ a_{21} . При этомъ $k_1 = 2$; $k_2 = 1$; $k = 1$ и мы получимъ членъ: $-a_{12} \cdot a_{21}$. Такимъ образомъ:

$$\begin{vmatrix} a_{11} & a_{12} \\ a_{21} & a_{22} \end{vmatrix} = a_{11} a_{22} - a_{12} a_{21}$$

т. е. опредѣлитель состоитъ изъ двухъ членовъ: одинъ получается отъ перемноженія элементовъ главной діагонали и берется со знакомъ $+$, а другой отъ перемноженія элементовъ второй діагонали и берется со знакомъ $-$.

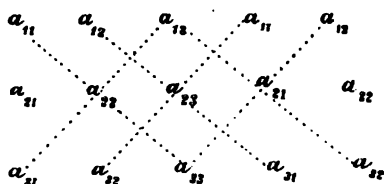
Если $n = 3$, то изъ первой горизонталн можно взять любой изъ ея трехъ элементовъ. Положимъ, беремъ a_{11} , принадлежащій первой колонкѣ. Его можно комбинировать или съ a_{22} или съ a_{23} изъ второй горизонталн. Произведеніе $a_{11} a_{22}$ можно комбинировать только съ a_{33} , произведеніе $a_{11} a_{23}$ только съ a_{32} . Для произведенія $a_{11} a_{22} a_{33}$ имѣемъ $k_1 = 1$; $k_2 = 2$ $k_3 = 3$, слѣдовательно $k = 0$ и мы получимъ членъ $a_{11} a_{22} a_{33}$. Для произведенія $a_{11} a_{23} a_{32}$ аналогично $k_1 = 1$; $k_2 = 3$; $k_3 = 2$ и потому $k = 1$ (такъ какъ будетъ единственное обращеніе $k_2 k_3$, т. е. 32); получится членъ: $-a_{11} a_{23} a_{32}$. Возьмемъ затѣмъ изъ первой горизонталн элементъ a_{12} . Его можно комбинировать во второй горизонталн или съ a_{21} , или съ a_{23} .

¹⁾ Употребительны также символы: $\sum \pm a_{11} a_{22} \dots a_{nn}$ (Jacobi); $|a_{h1} a_{h2} a_{h1}|$ ($h = 1, 2, \dots, n$) (Kronecker); $|a_{hk}|$ ($h, k = 1, 2, \dots, n$) (St. Smith) и др.

Произведение $a_{12} a_{21}$ можно комбинировать въ третьей горизонтали только съ a_{33} ; произведение же $a_{12} a_{23}$ только съ a_{31} . Для перваго произведения, т. е. для $a_{12} a_{21} a_{33}$ имѣемъ $k_1 = 2; k_2 = 1; k_3 = 3$, что даетъ одно обращеніе $k_1 k_2$ т. е. 21; число $k = 1$ и мы получимъ членъ определителя: $-a_{12} a_{21} a_{33}$. Для произведения $a_{12} a_{23} a_{31}$ имѣемъ $k_1 = 2; k_2 = 3; k_3 = 1$. Здѣсь два обращенія: $k_1 k_3$ т. е. 21 и $k_2 k_3$ т. е. 31, слѣдовательно $k = 2$ и получимъ членъ: $a_{12} a_{23} a_{31}$. Наконецъ, если изъ первой горизонтали возьмемъ элементъ a_{13} , то изъ него можно получить два произведения: $a_{13} a_{21} a_{32}$ и $a_{13} a_{22} a_{31}$. Для перваго $k_1 = 3; k_2 = 1; k_3 = 2; k = 2$. Для втораго $k_1 = 3; k_2 = 2; k_3 = 1; k = 3$ (такъ какъ будетъ три обращенія: $k_1 k_2, k_1 k_3, k_2 k_3$ т. е. 32, 31, 21). Получимъ еще два члена: $a_{13} a_{21} a_{32}$ и $-a_{13} a_{22} a_{31}$. Въ результатѣ имѣемъ:

$$\begin{vmatrix} a_{11} & a_{12} & a_{13} \\ a_{21} & a_{22} & a_{23} \\ a_{31} & a_{32} & a_{33} \end{vmatrix} = a_{11} a_{22} a_{33} + a_{12} a_{23} a_{31} + \\ + a_{13} a_{21} a_{32} - a_{13} a_{22} a_{31} - a_{11} a_{23} a_{32} - a_{12} a_{21} a_{33}$$

Sarrus указалъ слѣдующее практическое правило для образованія членовъ определителя 3-го порядка. Присоединимъ къ матрицѣ (7) для случая $n = 3$ новыхъ двѣ колонны такъ, чтобы четвертая колонна состояла изъ тѣхъ же элементовъ, что и первая, а пятая — изъ тѣхъ же, что и вторая. Получимъ матрицу:

Произведения элементовъ, находящихся на трехъ наклонныхъ, выходящихъ изъ элементовъ $a_{11} a_{12}$ и a_{13} и спускающихся вправо, дадутъ положительные члены: $a_{11} a_{22} a_{33}; a_{12} a_{23} a_{31}; a_{13} a_{21} a_{32}$. Произведения элементовъ, находящихся на трехъ другихъ наклонныхъ, которыя выходятъ изъ элементовъ a_{13}, a_{11} и a_{12} и спускаются влѣво, дадутъ отрицательные члены: $-a_{13} a_{22} a_{31}; -a_{11} a_{23} a_{32}; -a_{12} a_{21} a_{33}$.

Замѣтимъ, что правило Sarrus'a не распространяется на определители порядка выше третьяго.

Возвратимся теперь къ общему случаю. Мы видѣли, что знакъ члена (8') опредѣлителя устанавливается въ зависимости отъ числа k обращеній, находящихся въ пермутациі $k_1 k_2 \dots k_n$ изъ вторыхъ индексовъ. при чемъ первые индексы образуютъ всегда одну и ту-же главную пермутацию: $1 2 \dots n$. Спрашивается, какъ узнать знакъ члена (8'). если его множители будутъ написаны въ какомъ либо иномъ порядкѣ, когда напр. первые индексы образуютъ пермутацию: $\lambda_1 \lambda_2 \dots \lambda_n$ съ λ обращеніями. а вторые индексы—пермутацию: $\mu_1 \mu_2 \dots \mu_n$ съ μ обращеніями. Мѣняя порядокъ множителей, мы такимъ образомъ дѣлаемъ подстановленіе:

$$\begin{pmatrix} 1 & 2 & 3 & \dots & n \\ \lambda_1 & \lambda_2 & \lambda_3 & \dots & \lambda_n \end{pmatrix}$$

для первыхъ индексовъ, и одновременно подстановленіе:

$$\begin{pmatrix} k_1 & k_2 & \dots & k_n \\ \mu_1 & \mu_2 & \dots & \mu_n \end{pmatrix}$$

для вторыхъ индексовъ. Предположимъ, что каждое изъ этихъ подстановленій равносильно ν транспозиціямъ. Мы знаемъ, что всякая пермутация мѣняетъ свой классъ, коль скоро мы произведемъ надъ ней какую либо транспозицію, другими словами говоря, при каждой транспозиціи, число обращеній измѣняется на нечетное число. Если послѣ первой изъ упомянутыхъ ν транспозицій число k обращеній въ пермутациі $k_1 k_2 \dots k_n$ перейдетъ въ $k + 2p_1 + 1$ (гдѣ p_1 нѣкоторое цѣлое число, или нуль). послѣ двухъ транспозицій—въ $k + 2p_1 + 1 + 2p_2 + 1$ и т. д., послѣ ν транспозицій— въ $k + 2p + \nu$, гдѣ $p = p_1 + p_2 + \dots + p_\nu$, то значить:

$$\mu = k + 2p + \nu$$

Совершенно аналогично найдемъ:

$$\lambda = 2q + \nu$$

ибо въ пермутациі: $1 2 3 \dots n$ совсѣмъ нѣтъ обращеній (q —нѣкоторое цѣлое число, или нуль). Такимъ образомъ:

$$\lambda + \mu - k = 2(p + q + \nu)$$

откуда слѣдуетъ, что числа $\lambda + \mu$ и k одновременно четныя или нечетныя. Въмѣстѣ съ тѣмъ мы приходимъ къ отвѣту на поставленный вопросъ: *если множители члена (8') написаны въ такомъ порядкѣ, что первые индексы образуютъ пермутацию $\lambda_1 \lambda_2 \dots \lambda_n$, а вторые—пермутацию $\mu_1 \mu_2 \dots \mu_n$, то членъ надо взять со знакомъ $+$ или $-$, смотря по тому, будетъ*

ли сумма $\lambda + \mu$ число четное, или нечетное, при чем λ означает число обращений въ пермутации: $\lambda_1 \lambda_2 \dots \lambda_n$, а μ — въ пермутации $\mu_1 \mu_2 \dots \mu_n$. Въ частномъ случаѣ, когда первые индексы образуютъ главную пермутацию: $1\ 2\ 3 \dots n$, и слѣдовательно $\lambda = 0$, $\mu = k$, мы получимъ первоначально разсмотрѣнный способъ опредѣленія знака членовъ определителя.

Такимъ образомъ мы можемъ написать, что:

$$\begin{vmatrix} a_{11} & a_{12} & \dots & a_{1n} \\ a_{21} & a_{22} & \dots & a_{2n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ a_{n1} & a_{n2} & \dots & a_{nn} \end{vmatrix} = \sum (-1)^{\lambda+\mu} a_{\lambda_1 \mu_1} \cdot a_{\lambda_2 \mu_2} \dots a_{\lambda_n \mu_n}$$

гдѣ $\lambda_1 \lambda_2 \dots \lambda_n$ и $\mu_1 \mu_2 \dots \mu_n$ представляютъ какія либо пермутации изъ n первыхъ натуральныхъ чиселъ: $1\ 2\ 3 \dots n$. Символь \sum есть символъ суммы, состоящей изъ $n!$ слагаемыхъ, каждое изъ которыхъ представляетъ произведеніе n элементовъ, взятыхъ изъ матрицы (7) такъ, что изъ каждой горизонтали и изъ каждой колонны берется только по одному элементу; произведеніе это должно быть взято со знакомъ $+$ или $-$, смотря по тому, будутъ ли пермутации изъ первыхъ индексовъ и изъ вторыхъ индексовъ одного и того же класса, или же различныхъ.

§ 6. Элементарныя свойства определителей. Изъ самаго способа составленія определителя вытекаетъ нѣсколько важныхъ его свойствъ, съ которыми мы должны познакомиться.

I. *Определитель не мѣняетъ своего значенія отъ замѣны колоннъ горизонталями, а горизонталей колоннами, т. е.*

$$\begin{vmatrix} a_{11} & a_{12} & \dots & a_{1n} \\ a_{21} & a_{22} & \dots & a_{2n} \\ a_{31} & a_{32} & \dots & a_{3n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ a_{n1} & a_{n2} & \dots & a_{nn} \end{vmatrix} = \begin{vmatrix} a_{11} & a_{21} & \dots & a_{n1} \\ a_{12} & a_{22} & \dots & a_{n2} \\ a_{13} & a_{23} & \dots & a_{n3} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ a_{1n} & a_{2n} & \dots & a_{nn} \end{vmatrix}$$

Для доказательства достаточно убѣдиться, что оба определителя состоятъ изъ одинаковыхъ членовъ. Вслѣдствіе замѣны колоннъ горизонталями, а горизонталей колоннами, элементъ a_{pq} , занимавшій мѣсто въ p -ой горизонтали и q -ой колоннѣ первоначальнаго определителя, будетъ находиться въ q -ой горизонтали и p -ой колоннѣ преобразованнаго определителя. Раз-

смотримъ какой нибудь членъ перваго опредѣлителя, множителя котораго находятся въ λ_1 -ой горизонтали и μ_1 -ой колоннѣ, въ λ_2 -ой горизонтали и μ_2 -ой колоннѣ и т. д. въ λ_n -ой горизонтали и μ_n -ой колоннѣ. Членъ этотъ изобразится слѣдующимъ образомъ:

$$(-1)^{\lambda+\mu} a_{\lambda_1 \mu_1} \cdot a_{\lambda_2 \mu_2} \cdots a_{\lambda_n \mu_n} \tag{10}$$

Обозначимъ на время преобразованный опредѣлитель символомъ:

$$\begin{vmatrix} b_{11} & b_{12} & \dots & b_{1n} \\ b_{21} & b_{22} & \dots & b_{2n} \\ b_{31} & b_{32} & \dots & b_{3n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ b_{n1} & b_{n2} & \dots & b_{nn} \end{vmatrix}$$

такъ что $b_{pq} = a_{qp}$. Въ немъ навѣрное будетъ членъ, множителя котораго взяты изъ μ_1 -ой горизонтали и λ_1 -ой колонны, изъ μ_2 -ой горизонтали и λ_2 -ой колонны и т. д. изъ μ_n -ой горизонтали и λ_n -ой колонны. Членъ этотъ напишется такъ:

$$(-1)^{\mu+\lambda} b_{\mu_1 \lambda_1} \cdot b_{\mu_2 \lambda_2} \cdots b_{\mu_n \lambda_n} \tag{11}$$

гдѣ, какъ и раньше, λ есть число обращеній въ пермутаци: $\lambda_1 \lambda_2 \dots \lambda_n$, а μ число обращеній въ пермутаци $\mu_1 \mu_2 \dots \mu_n$. Такъ какъ $b_{pq} = a_{qp}$, то ясно, что члены (10) и (11) тождественны.

Такимъ образомъ каждому члену одного опредѣлителя соответствуетъ тождественный членъ другого опредѣлителя. Теорема можетъ считаться доказанной.

II. *Опредѣлитель мѣняетъ знакъ отъ транспозиціи двухъ горизонталей или же двухъ колоннъ т. е. напр.:*

$$\begin{vmatrix} a_{11} & a_{12} & \dots & a_{1n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ a_{p1} & a_{p2} & \dots & a_{pn} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ a_{q1} & a_{q2} & \dots & a_{qn} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ a_{n1} & a_{n2} & \dots & a_{nn} \end{vmatrix} = - \begin{vmatrix} a_{11} & a_{12} & \dots & a_{1n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ a_{q1} & a_{q2} & \dots & a_{qn} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ a_{p1} & a_{p2} & \dots & a_{pn} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ a_{n1} & a_{n2} & \dots & a_{nn} \end{vmatrix}$$

такъ что мы переставляемъ одну на мѣсто другой p -ую и q -ую горизон-

тали. Такъ какъ въ каждомъ членѣ определителя имѣется по одному элементу отъ каждой изъ этихъ горизонталей, то транспозиція этихъ послѣднихъ повлечетъ за собою транспозиціи во всѣхъ пермутаціяхъ изъ первыхъ индексовъ, а значить и измѣненіе класса этихъ пермутацій, въ то время какъ пермутаціи изъ вторыхъ индексовъ останутся безъ измѣненія. На основаніи сказаннаго въ концѣ § 5 заключаемъ, что каждый членъ определителя, а слѣдовательно и самъ определитель измѣнитъ знакъ.

Слѣдствіе. Если въ определитель два параллельныхъ ряда (т. е. двѣ горизонтали, или двѣ колонны) состоятъ изъ одинаковыхъ элементовъ, то определитель равенъ нулю.

Дѣйствительно, транспозиція этихъ рядовъ должна повлечь за собою измѣненіе знака определителя. Но эти ряды состоятъ изъ одинаковыхъ элементовъ, слѣдовательно послѣ транспозиціи определитель будетъ такой же какъ и раньше. Выходитъ такимъ образомъ, что, если чрезъ D означимъ величину определителя, то $D = -D$, откуда $2D = 0$ т. е. $D = 0$.

III. *Определитель есть линейная однородная функція элементовъ любого ряда ¹⁾.*

Это вытекаетъ непосредственно изъ самаго закона образованія членовъ определителя. Въ каждый членъ определителя изъ какого либо ряда всегда входитъ одинъ и при томъ только одинъ элементъ. Если соберемъ всѣ члены, содержащіе множителемъ a_{i1} и возьмемъ a_{i1} за скобку, такъ что сумма изобразится напр. чрезъ $a_{i1} A_{i1}$; если соберемъ всѣ члены, содержащіе множителемъ a_{i2} и ихъ сумму изобразимъ аналогично чрезъ $a_{i2} A_{i2}$ и т. д., если сумму всѣхъ членовъ, въ которые множителемъ входитъ a_{in} обозначимъ чрезъ $a_{in} A_{in}$, а самый определитель чрезъ D , то

$$a_{i1} A_{i1} + a_{i2} A_{i2} + \dots + a_{in} A_{in} = D. \quad (12)$$

Подобное представленіе определителя мы будемъ называть *разложеніемъ его по элементамъ i -ой горизонтали.*

Аналогичное разсужденіе даетъ намъ разложеніе определителя по элементамъ какой либо напр. k -й колонны:

$$a_{1k} A_{1k} + a_{2k} A_{2k} + \dots + a_{nk} A_{nk} = D \quad (13)$$

гдѣ первое слагаемое представляетъ сумму всѣхъ тѣхъ членовъ опредѣ-

¹⁾ Выраженіе формы: $a_1 x_1 + a_2 x_2 + \dots + a_n x_n + a_{n+1}$, гдѣ коэффициенты $a_1 a_2 \dots a_n a_{n+1}$ не зависятъ отъ $x_1 x_2 \dots x_n$ называется *линейной* функціей отъ $x_1 x_2 \dots x_n$. Если $a_{n+1} = 0$, то линейная функція называется *однородной.*

лителя, въ составъ которыхъ входитъ множителемъ a_{1k} , второе слагаемое— сумму всѣхъ тѣхъ членовъ, которые содержатъ a_{2k} и т. д.

Изъ того, что опредѣлитель есть линейная однородная функція элементовъ любого ряда, вытекаетъ рядъ очевидныхъ слѣдствій, о которыхъ необходимо упомянуть.

1) Если всѣ элементы какого либо ряда нули, то и самъ опредѣлитель равенъ нулю.

2) Если всѣ элементы какого либо ряда помножимъ на одно и то-же количество, то и самъ опредѣлитель помножится на то-же количество.

3) Если элементы какого либо ряда суть двучлены, то опредѣлитель можетъ быть представленъ въ видѣ суммы двухъ опредѣлителей, которые получимъ изъ даннаго, замѣняя упомянутые двучлены одинъ разъ первыми слагаемыми, а другой разъ вторыми.

Въ самомъ дѣлѣ, если напр. элементы первой колонны суть двучлены:

$$a_{i1} = \alpha_{i1} + \beta_{i1} \quad (i = 1, 2, \dots, n)$$

то изъ (13) получимъ:

$$D = \alpha_{11} A_{11} + \alpha_{21} A_{21} + \dots + \alpha_{n1} A_{n1} + \\ + \beta_{11} A_{11} + \beta_{21} A_{21} + \dots + \beta_{n1} A_{n1}$$

или:

$$\begin{vmatrix} \alpha_{11} + \beta_{11} & a_{12} & \dots & a_{1n} \\ \alpha_{21} + \beta_{21} & a_{22} & \dots & a_{2n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ \alpha_{n1} + \beta_{n1} & a_{n2} & \dots & a_{nn} \end{vmatrix} = \begin{vmatrix} \alpha_{11} & a_{12} & \dots & a_{1n} \\ \alpha_{21} & a_{22} & \dots & a_{2n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ \alpha_{n1} & a_{n2} & \dots & a_{nn} \end{vmatrix} + \begin{vmatrix} \beta_{11} & a_{12} & \dots & a_{1n} \\ \beta_{21} & a_{22} & \dots & a_{2n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ \beta_{n1} & a_{n2} & \dots & a_{nn} \end{vmatrix}$$

Теорема немедленно распространяется на тотъ случай, когда элементы какого либо ряда состоятъ изъ какого угодно числа слагаемыхъ (одинаковаго для всѣхъ элементовъ этого ряда).

IV. *Опредѣлитель равенъ нулю, если элементы какого либо ряда отличаются отъ соответственныхъ элементовъ другого ряда, параллельнаго первому, однимъ и тѣмъ же множителемъ.*

Теорема основывается на слѣдствіи изъ теоремы II и на слѣдствіи второмъ теоремы III. Если напр. $a_{ip} = ha_{iq} \quad (i=1, 2, \dots, n)$, то:

$$\begin{vmatrix} a_{11} & \dots & a_{1p} & \dots & a_{1q} & \dots & a_{1n} \\ a_{21} & \dots & a_{2p} & \dots & a_{2q} & \dots & a_{2n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\ a_{n1} & \dots & a_{np} & \dots & a_{nq} & \dots & a_{nn} \end{vmatrix} = h \begin{vmatrix} a_{11} & \dots & a_{1p} & \dots & a_{1p} & \dots & a_{1n} \\ a_{21} & \dots & a_{2p} & \dots & a_{2p} & \dots & a_{2n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\ a_{n1} & \dots & a_{np} & \dots & a_{np} & \dots & a_{nn} \end{vmatrix} = 0$$

V. *Определитель не изменяет своего значения, если къ элементамъ какого либо ряда прибавимъ соответственныя элементы какого либо изъ параллельныхъ рядовъ, помноженные на одно и то-же какое либо количество.*

Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно применить слѣдствія второе и третье теоремы III и слѣдствіе изъ теоремы II. Прибавимъ напр. къ элементамъ первой колонны элементы второй колонны, помноженные на множителя h :

$$\begin{vmatrix} a_{11} + ha_{12}, & a_{12}, & \dots & a_{1n} \\ a_{21} + ha_{22}, & a_{22}, & \dots & a_{2n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ a_{n1} + ha_{n2}, & a_{n2}, & \dots & a_{nn} \end{vmatrix}$$

На основаніи слѣдствій второго и третьяго теоремы III, этотъ определитель можно представить въ такомъ видѣ:

$$\begin{vmatrix} a_{11}, & a_{12}, & \dots & a_{1n} \\ a_{21}, & a_{22}, & \dots & a_{2n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ a_{n1}, & a_{n2}, & \dots & a_{nn} \end{vmatrix} + h \begin{vmatrix} a_{12}, & a_{12}, & \dots & a_{1n} \\ a_{22}, & a_{22}, & \dots & a_{2n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ a_{n2}, & a_{n2}, & \dots & a_{nn} \end{vmatrix}$$

Во второмъ изъ этихъ определителей первая двѣ колонны состоятъ изъ одинаковыхъ элементовъ, слѣдовательно значеніе определителя равно нулю. Останется первоначальный, неизмѣненный определитель.

Теорема распространяется немедленно на тотъ случай, когда къ элементамъ какого либо рода прибавляемъ элементы нѣсколькихъ параллельныхъ рядовъ, помноженные на какіе либо множители, лишь бы элементы одного и того-же ряда помножались на одного и того-же множителя. Это замѣчаніе ведетъ насъ къ слѣдующей теоремѣ.

IV. *Определитель равенъ нулю, если элементы какого либо ряда суть одинаковыя линейныя однородныя комбинаціи изъ элементовъ параллельныхъ рядовъ.*

Пусть напр. элементы первой колонны представляют собою суммы изъ элементовъ второй колонны, помноженныхъ на h , изъ элементовъ третьей колонны, помноженныхъ на k и т. д. Замѣняя этотъ опредѣлитель суммою опредѣлителей по третьему слѣдствію теоремы III, мы увидимъ, что каждый изъ этихъ послѣднихъ будетъ имѣть по крайней мѣрѣ по двѣ колонны, элементы которыхъ пропорціональны между собою, а слѣдовательно, по теоремѣ IV, будетъ равенъ нулю. Въ символахъ это изобразится такъ:

$$\begin{vmatrix} ha_{12} + ka_{13} + \dots & a_{12}, a_{13}, \dots & a_{1n} \\ ha_{22} + ka_{23} + \dots & a_{22}, a_{23}, \dots & a_{2n} \\ \dots & \dots & \dots \\ ha_{n2} + ka_{n3} + \dots & a_{n2}, a_{n3}, \dots & a_{nn} \end{vmatrix} = h \begin{vmatrix} a_{12}, a_{12}, \dots & a_{1n} \\ a_{22}, a_{22}, \dots & a_{2n} \\ \dots & \dots \\ a_{n2}, a_{n2}, \dots & a_{nn} \end{vmatrix} +$$

$$+ k \begin{vmatrix} a_{13}, a_{12}, a_{13}, \dots & a_{1n} \\ a_{23}, a_{22}, a_{23}, \dots & a_{2n} \\ \dots & \dots \\ a_{n3}, a_{n2}, a_{n3}, \dots & a_{nn} \end{vmatrix} + \dots$$

Впослѣдствіи мы докажемъ, что справедлива и обратная теорема т. е. если опредѣлитель равенъ нулю, то элементы какого либо ряда должны быть одинаковыми линейными однородными комбинаціями изъ элементовъ рядовъ ему параллельныхъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Миноры. Дополнительные миноры.

§ 7. **Миноры.** Если въ какомъ либо опредѣлителѣ n -го порядка вычеркнемъ какое нибудь число m горизонталей и столько же колоннъ, и сдвинемъ остальные ряды, не измѣняя ихъ относительнаго расположенія, то изъ этихъ остальныхъ рядовъ составитя опредѣлитель $n-m$ -го порядка, который называютъ *миноромъ* $n-m$ -го порядка даннаго опредѣлителя (mineur, Subdeterminante, minore или determinante derivato, parziale).

Если элементы главной діагонали минора являются въ то-же время и элементами главной діагонали первоначальнаго опредѣлителя, то миноръ называютъ *главнымъ* или-же *диагональнымъ* (Hauptminor, minore principale).

Для послѣдующаго важно знать, сколько въ данномъ опредѣлителѣ имѣется миноровъ различнаго порядка.

Если будемъ вычеркивать только по одной горизонтали и по одной колоннѣ, то понятно, что миноровъ $n-1$ -го порядка насчитаемъ n^2 , такъ какъ при вычеркиваніяхъ каждую изъ n горизонталей можемъ комбинировать съ каждой изъ n колоннъ. Если будемъ вычеркивать по m горизонталей и m колоннъ, то миноровъ $n-m$ -го порядка насчитаемъ $(C_n^m)^2$, такъ какъ вычеркиваніе m горизонталей (колоннъ) возможно C_n^m способами. Отсюда слѣдуетъ, что опредѣлитель n -го порядка имѣеть $(C_n^{n-k})^2$ миноровъ k -го порядка.

Диагональныхъ миноровъ m -го порядка будетъ C_n^m , такъ какъ вычеркиваніе $n-m$ паръ горизонталей и колоннъ, пересѣкающихся на главной діагонали, возможно C_n^{n-m} способами, а изъ элементовъ извѣстно, что $C_n^{n-m} = C_n^m$.

Относительно какого либо минора говорить, что онъ принадлежитъ къ *четному классу*, или къ *нечетному*, смотря по тому, будетъ ли сумма чиселъ, указывающихъ, изъ какихъ горизонталей и колоннъ образованъ миноръ, числомъ четнымъ или нечетнымъ. Если миноръ состоитъ изъ элементовъ, входящихъ въ составъ i_1 -ой, i_2 -ой, ... i_m -ой горизонталей и k_1 -ой, k_2 -ой, ... k_m -ой колоннъ т. е. изображается символомъ:

$$\begin{vmatrix} a_{i_1 k_1} & a_{i_1 k_2} & \dots & a_{i_1 k_m} \\ a_{i_2 k_1} & a_{i_2 k_2} & \dots & a_{i_2 k_m} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ a_{i_m k_1} & a_{i_m k_2} & \dots & a_{i_m k_m} \end{vmatrix} \quad (14)$$

то онъ будетъ четнаго или нечетнаго класса, смотря по тому, будетъ ли четнымъ или нечетнымъ число:

$$i_1 + i_2 + \dots + i_m + k_1 + k_2 + \dots + k_m \quad (15)$$

Диагональные миноры всегда четнаго класса, ибо для нихъ $i_1 = k_1$, $i_2 = k_2$, ... $i_m = k_m$, такъ что предыдущая сумма превратится въ

$$2(i_1 + i_2 + \dots + i_m).$$

§ 8. **Дополнительные миноры.** Для образованія минора (14) порядка m -го—обозначимъ его чрезъ M —мы вычеркнули горизонтали, порядки которыхъ изображаются числами:

$$1, 2, \dots, i_1 - 1, i_1 + 1, i_1 + 2, \dots, i_2 - 1, i_2 + 1, \dots, i_3 - 1, \dots, i_m + 1, i_m + 2, \dots, n$$

а также вычеркнули колонны:

$$1, 2, \dots, k_1 - 1, k_1 + 1, k_1 + 2, \dots, k_2 - 1, k_2 + 1, \dots, k_3 - 1, \dots, k_m + 1, k_m + 2, \dots, n$$

Составимъ теперь миноръ M' порядка $n - m$ -го, образованный изъ только что перечисленныхъ рядовъ, которые были вычеркнуты при образованіи минора (14). Этотъ миноръ M' называется *дополненіемъ* (обыкновеннымъ или простымъ) минора M .

Очевидно, что наоборотъ миноръ M есть дополненіе минора M' (Komplement, complemento).

Миноръ M' , взятый со знакомъ $+$, или $-$, смотря по тому, будетъ ли онъ четнаго класса, или нечетнаго, называется *алгебраическимъ дополненіемъ* минора M .

Легко сообразить, что классы двухъ миноровъ, которые являются дополненіями одинъ другого, или оба четные, или оба нечетные.

Въ самомъ дѣлѣ, сумма чиселъ, показывающихъ, изъ какихъ горизонталей и колоннъ состоитъ миноръ M' , будетъ:

$$1 + 2 + \dots + n - (i_1 + i_2 + \dots + i_m) + 1 + 2 + 3 + \dots + n - (k_1 + k_2 + \dots + k_m)$$

или:

$$2(1 + 2 + \dots + n) - (i_1 + i_2 + \dots + i_m + k_1 + k_2 + \dots + k_m)$$

Но это число будетъ четнымъ или нечетнымъ одновременно съ числомъ (15).

Если напр. въ определителѣ 5-го порядка:

$$\begin{vmatrix} a_{11} & a_{12} & a_{13} & a_{14} & a_{15} \\ a_{21} & a_{22} & a_{23} & a_{24} & a_{25} \\ a_{31} & a_{32} & a_{33} & a_{34} & a_{35} \\ a_{41} & a_{42} & a_{43} & a_{44} & a_{45} \\ a_{51} & a_{52} & a_{53} & a_{54} & a_{55} \end{vmatrix} \quad (16)$$

вычеркнемъ горизонтали первую и третью, и колонны четвертую и пятую, то получимъ миноръ M , элементы котораго принадлежать второй, четвертой и пятой горизонталямъ, первой, второй и третьей колоннамъ:

$$M = \begin{vmatrix} a_{21} & a_{22} & a_{23} \\ a_{41} & a_{42} & a_{43} \\ a_{51} & a_{52} & a_{53} \end{vmatrix} \quad (17)$$

Наоборотъ, вычеркивая вторую, четвертую и пятую горизонтали, первую, вторую и третью колонны въ (16), получимъ миноръ M' , элементы котораго принадлежать первой и третьей горизонталямъ, четвертой и пятой колоннамъ:

$$M' = \begin{vmatrix} a_{14} & a_{15} \\ a_{34} & a_{35} \end{vmatrix} \quad (18)$$

Алгебраическимъ дополненіемъ минора M будетъ: $-M'$, потому что и M и M' принадлежать къ нечетному классу. Число (15) для нашего случая будетъ нечетное (17 для M и 13 для M').

Вообще, чтобы получить алгебраическое дополнение минора, состоящаго изъ элементовъ i_1 -ой, i_2 -ой, ... i_m -ой горизонталей, k_1 -ой, k_2 -ой, ... k_m -ой колоннъ, надо его простое дополнение взять со знакомъ:

$$(-1)^{i_1 + i_2 + \dots + i_m + k_1 + k_2 + \dots + k_m}$$

Элементы определителя сами могутъ быть разсматриваемы, какъ его миноры, а именно миноры перваго порядка. Чтобы получить алгебраическое дополнение какого либо элемента a_{ik} , слѣдуетъ вычеркнуть i -ую горизонталь, k -ую колонну, сдвинуть оставшіеся ряды и образованный такимъ образомъ определитель взять со знакомъ $(-1)^{i+k}$. Въ слѣдующей главѣ мы увидимъ, что въ формулахъ (12) и (13) коэффициентъ A_{ik} при элементѣ a_{ik} есть ничто иное, какъ его алгебраическое дополнение.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Разложение определителя по определителям низшаго порядка. Теорема Лапласа.

§ 9. **Теорема Лапласа.** *Определитель равенъ суммъ произведенийъ изъ всѣхъ различныхъ миноровъ, заключающихся въ т горизонталей, или колоннахъ (т можетъ быть любымъ изъ чиселъ: 1, 2, 3, ... n, если n порядокъ самого определителя), на алгебраическія дополненія этихъ миноровъ.*

Разсмотримъ въ определителѣ D миноръ M порядка m -го и его дополнительный миноръ M' порядка $n-m$ -го. Если чрезъ i_1, i_2, \dots, i_m обозначимъ порядки горизонталей, а чрезъ k_1, k_2, \dots, k_m порядки колоннъ определителя M , то алгебраическое дополненіе минора M будетъ:

$$M' (-1)^{i_1 + i_2 + \dots + i_m + k_1 + k_2 + \dots + k_m}$$

Предположимъ, что $i_1 < i_2 < \dots < i_m$; $k_1 < k_2 < \dots < k_m$, и, ради краткости, обозначимъ $i_1 + i_2 + \dots + i_m$ чрезъ p , а $k_1 + k_2 + \dots + k_m$ чрезъ q .

Для минора M' порядки горизонталей и колоннъ пусть будутъ: $i'_1, i'_2, \dots, i'_{n-m}$ и $k'_1, k'_2, \dots, k'_{n-m}$, при чемъ: $i'_1 < i'_2 < \dots < i'_{n-m}$; $k'_1 < k'_2 < \dots < k'_{n-m}$.

Изучимъ произведеніе минора M на его алгебраическое дополненіе: $(-1)^{p+q} M'$ и покажемъ, что каждый членъ этого произведенія входитъ въ составъ определителя D (§ 5) (всѣхъ членовъ въ этомъ произведеніи будетъ конечно $(n-m)! m!$).

Въ самомъ дѣлѣ, какой бы членъ произведенія $(-1)^{p+q} M \cdot M'$ мы ни взяли, онъ будетъ состоять изъ n множителей (§ 5), каждый изъ

которыхъ представляетъ собою элементъ даннаго опредѣлителя D . Всѣ эти множители различны между собою, такъ какъ входятъ въ различныя горизонтали и въ различныя колонны, такъ что упомянутый членъ, независимо отъ его знака, навѣрное входитъ въ составъ опредѣлителя D . Общій видъ этого члена будетъ:

$$C \cdot a_{i_1} h_1 \cdot a_{i_2} h_2 \dots a_{i_m} h_m \cdot a_{i'_1} h'_1 \cdot a_{i'_2} h'_2 \dots a_{i'_{n-m}} h'_{n-m} \quad (19)$$

гдѣ $h_1 h_2 \dots h_m$ и $h'_1 h'_2 \dots h'_{n-m}$ представляютъ нѣкоторыя пермутации соответственно изъ чисель: $k_1 k_2 \dots k_m$ и $k'_1 k'_2 \dots k'_{n-m}$.

Если чрезъ h обозначимъ число обращеній въ пермутаци: $h_1 h_2 \dots h_m$, если чрезъ h' обозначимъ число обращеній въ пермутаци: $h'_1 h'_2 \dots h'_{n-m}$, то коэффициентъ C , согласно правилу знаковъ у членовъ опредѣлителя и опредѣленію алгебраическаго дополненія, будетъ: $(-1)^{p+q+k+k'}$.

Посмотримъ теперь, съ какимъ знакомъ слѣдовало бы взять произведеніе (19) безъ множителя C , если разсматривать его, какъ членъ опредѣлителя D . Знакъ этотъ зависить отъ числа обращеній, находящихся въ двухъ пермутацияхъ:

$$i_1 i_2 \dots i_m i'_1 i'_2 \dots i'_{n-m} \quad \text{и} \quad h_1 h_2 \dots h_m h'_1 h'_2 \dots h'_{n-m} \quad (20)$$

Чтобы найти число обращеній въ первой изъ этихъ пермутаций, достаточно сосчитать число обращеній чисель i съ числами i' , ибо, по предположенію: $i_1 < i_2 < \dots < i_m$; $i'_1 < i'_2 < \dots < i'_{n-m}$.

Это можно сдѣлать на основаніи слѣдующаго разсужденія: число i_1 можетъ дѣлать обращенія лишь съ числами меньшими его т. е. съ: 1, 2, ..., $i_1 - 1$, которыя, вслѣдствіе условія $i_1 < i_2 < \dots < i_m$, могутъ быть лишь среди чисель: $i'_1 i'_2 \dots i'_{n-m}$; число i_1 дѣлаетъ такимъ образомъ $i_1 - 1$ обращеній. Далѣе, число i_2 дѣлаетъ, въ силу того-же соображенія, $i_2 - 1$ обращеній съ числами меньшими его, но, такъ какъ среди нихъ находится и число i_1 , то i_2 съ числами, которыя слѣдуютъ за нимъ, дѣлаетъ только $i_2 - 2$ обращеній. Число i_3 , аналогично, дѣлаетъ $i_3 - 3$ обращеній съ слѣдующими числами, и т. д. Наконецъ число i_m дѣлаетъ $i_m - m$ обращеній. Такимъ образомъ въ первой изъ пермутаций (20) обращеній будетъ:

$$i_1 - 1 + i_2 - 2 + \dots + i_m - m = p - \frac{1}{2} m (m + 1)$$

Обратимся ко второй изъ пермутаций (20). Выше мы обозначили чрезъ h число обращеній въ пермутаци $h_1 h_2 \dots h_m$ и чрезъ h' число обращеній въ пермутаци $h'_1 h'_2 \dots h'_{n-m}$.

Остается сосчитать число обращений, дѣлаемыхъ числами h съ числами h' . При этомъ вычисленіи, очевидно, безразличенъ тотъ порядокъ, въ которомъ слѣдуютъ другъ за другомъ съ одной стороны числа $h_1 h_2 \dots h_m$, а съ другой — числа $h'_1 h'_2 \dots h'_{n-m}$.

Расположимъ ихъ поэтому въ возрастающемъ порядкѣ, подобно тому, какъ это имѣетъ мѣсто въ первой изъ пермутаций (20). Поступая, какъ выше, найдемъ, что числа h дѣлаютъ съ числами h' :

$$h_1 + h_2 + \dots + h_m - \frac{1}{2} m(m+1) = k_1 + k_2 + \dots + k_m - \frac{1}{2} m(m+1) = q - \frac{1}{2} m(m+1)$$

обращений, ибо $h_1 h_2 \dots h_m$ представляетъ лишь нѣкоторую пермутацию чиселъ $k_1 k_2 \dots k_m$. Такимъ образомъ вторая изъ пермутаций (20) содержитъ:

$$q - \frac{1}{2} m(m+1) + h + h'$$

обращений

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что произведеніе всѣхъ множителей въ (19), кромѣ множителя C , разсматриваемое, какъ членъ определителя D , должно быть взято со знакомъ:

$$(-1)^{p+q+h+m-m(m+1)} \text{ т. е. } (-1)^{p+q+h+m}$$

ибо число $m(m+1)$ всегда четное. Желанное такимъ образомъ доказано.

Разсмотримъ теперь m какихъ либо горизонталей (или колоннъ).

Число миноровъ m -го порядка, содержащихся въ этихъ горизонтальныхъ и различныхъ между собою т. е. отличающихся другъ отъ друга по крайней мѣрѣ одною колонною, равно, какъ мы уже замѣтили выше, C_n^m . Перемножая каждый изъ этихъ миноровъ на его алгебраическое дополненіе, какъ это было пояснено выше, получимъ всего:

$$(n - m)! m! C_n^m = n!$$

членовъ т. е. ровно столько, сколько ихъ находится въ определителѣ D . Всѣ они между собою различны, ибо и сами перемножаемые миноры разнятся всегда по крайней мѣрѣ одною колонною. Такъ какъ и по числовой величинѣ, и по знаку эти члены таковы же, какъ и въ определителѣ D , то такимъ путемъ будутъ исчерпаны всѣ члены этого послѣдняго. Теорема Лапласа можетъ считаться доказанной¹⁾.

¹⁾ Въ болѣе общей формѣ теорема Лапласа можетъ быть формулирована слѣдующимъ образомъ: Пусть m_1, m_2, \dots, m_k цѣлыя положительныя числа.

§ 10. Частный случай. Рассмотрим случай, когда $m = 1$ и следовательно миноры M сведутся просто къ элементамъ какого либо ряда.

Миноры M' обратятся въ дополненія этихъ элементовъ. Если чрезъ A_{ik} обозначимъ алгебраическое дополненіе элемента a_{ik} и примѣнимъ теорему Лапласа, то получимъ разложенія опредѣлителя по элементамъ какой либо горизонтали или же колонны:

$$a_{i1} A_{i1} + a_{i2} A_{i2} + \dots + a_{in} A_{in} = D$$

$$a_{1k} A_{1k} + a_{2k} A_{2k} + \dots + a_{nk} A_{nk} = D$$

которыя уже были нами получены раньше [см. формулы (12) и 13)]. Выясняется такимъ образомъ значеніе коэффиціентовъ A при элементахъ въ этихъ разложеніяхъ, которое прежде оставалось еще неизвѣстнымъ.

Изъ этихъ разложеній вытекаетъ между прочимъ возможность изобразить алгебраическое дополненіе A_{ik} элемента a_{ik} опредѣлителемъ того же порядка, какъ и данный опредѣлитель D , но въ которомъ или всѣ элементы i -ой горизонтали приняты равными нулю, кромѣ a_{ik} , вмѣсто котораго взята 1, или же всѣ элементы k -ой колонны положены равными нулю, кромѣ a_{ik} , вмѣсто котораго взята 1:

$$A_{ik} = \begin{vmatrix} a_{11} & \dots & a_{1,k-1} & a_{1,k} & a_{1,k+1} & \dots & a_{1n} \\ a_{21} & \dots & a_{2,k-1} & a_{2,k} & a_{2,k+1} & \dots & a_{2n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\ a_{i-1,1} & \dots & a_{i-1,k-1} & a_{i-1,k} & a_{i-1,k+1} & \dots & a_{i-1,n} \\ 0 & \dots & 0 & 1 & 0 & \dots & 0 \\ a_{i+1,1} & \dots & a_{i+1,k-1} & a_{i+1,k} & a_{i+1,k+1} & \dots & a_{i+1,n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\ a_{n1} & \dots & a_{n,k-1} & a_{n,k} & a_{n,k+1} & \dots & a_{nn} \end{vmatrix} \quad (21)$$

сумма которыхъ равна n . Выберемъ въ опредѣлителѣ D какихъ либо m_1 горизонталей, потомъ другихъ m_2 горизонталей и т. д. Рассмотримъ какой либо опредѣлитель m_1 -го порядка, заключающійся въ первыхъ m_1 горизонталяхъ, затѣмъ какой нибудь опредѣлитель m_2 -го порядка, заключающійся во вторыхъ m_2 горизонталяхъ, но не имѣющій элементовъ изъ тѣхъ колонокъ, которыя вошли въ образованіе предыдущаго опредѣлителя порядка m_1 . И т. д. Сумма произведеній всѣхъ комбинацій изъ k опредѣлителей съ надлежащими знаками будетъ ничто иное, какъ самъ опредѣлитель D . Можно показать, что каждое произведеніе должно быть взято со знакомъ $+$ или $-$ смотря по тому, съ какимъ изъ этихъ знаковъ должно быть взято произведеніе всѣхъ главныхъ элементовъ k опредѣлителей, представляющихъ собою множителей этого произведенія.

Замѣтимъ еще слѣдующія два важныя тождества:

$$a_{i1} A_{j1} + a_{i2} A_{j2} + \dots + a_{in} A_{jn} = 0 \quad (i \neq j) \quad (22)$$

$$a_{1k} A_{1k} + a_{2k} A_{2k} + \dots + a_{nk} A_{nk} = 0 \quad (k \neq l) \quad (23)$$

въ справедливости которыхъ легко убѣдиться слѣдующимъ образомъ. Лѣвая часть въ (22) представляетъ очевидно разложение определителя по элементамъ j -ой горизонтали, при чемъ элементы этой горизонтали замѣнены элементами i -ой горизонтали т. е. определителя съ двумя одинаковыми горизонталями: i -ой и j -ой; но такой определитель равенъ нулю (§ 6, теорема II, слѣдствие).

Аналогично для (23)¹⁾.

Тождества (22) и (23) даютъ возможность доказать слѣдующую важную теорему.

Если определитель равенъ нулю, то алгебраическія дополненія элементовъ какой либо горизонтали (колонны) пропорціональны алгебраическимъ дополненіямъ элементовъ какой либо другой горизонтали (колонны) т. е. напр.

$$\frac{A_{i1}}{A_{j1}} = \frac{A_{i2}}{A_{j2}} = \dots = \frac{A_{in}}{A_{jn}} \quad (24)$$

Положимъ въ (21) $k=1$ т. е.:

$$A_{i1} = \begin{vmatrix} a_{11} & a_{12} & \dots & a_{1k} & \dots & a_{1n} \\ a_{21} & a_{22} & \dots & a_{2k} & \dots & a_{2n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\ a_{i-1,1} & a_{i-1,2} & \dots & a_{i-1,k} & \dots & a_{i-1,n} \\ 1 & 0 & \dots & 0 & \dots & 0 \\ a_{i+1,1} & a_{i+1,2} & \dots & a_{i+1,k} & \dots & a_{i+1,n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\ a_{n1} & a_{n2} & \dots & a_{nk} & \dots & a_{nn} \end{vmatrix} \quad (25)$$

¹⁾ Теорему, выражаемую равенствами (22) и (23) легко обобщить и показать, что *сумма произведеній миноровъ, заключающихся въ данныхъ m горизонталяхъ (колоннахъ), на алгебраическія дополненія соответственныхъ миноровъ, заключающихся въ какихъ либо другихъ m горизонталяхъ (колоннахъ), равна нулю.* Соответственными минорами здѣсь названы тѣ, которые образованы изъ одинаковыхъ колоннъ (горизонталей).

Умножимъ здѣсь элементы k -ой колонны на A_{jk} (вслѣдствіе чего и самъ опредѣлитель умножится на A_{jk}) и къ измѣненнымъ такимъ образомъ элементамъ прибавимъ элементы 1-ой колонны, помноженные на A_{j1} , элементы 2-ой колонны, помноженные на A_{j2} и т. д. (см. теорему V § 6). Мы получимъ:

$$A_{jk} \cdot A_{i1} = \begin{vmatrix} a_{11} & a_{12} & \dots & 0 & \dots & a_{1n} \\ a_{21} & a_{22} & \dots & 0 & \dots & a_{2n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\ a_{i-1,1} & a_{i-1,2} & \dots & 0 & \dots & a_{i-1,n} \\ 1 & 0 & \dots & A_{j1} & \dots & 0 \\ a_{i+1,1} & a_{i+1,2} & \dots & 0 & \dots & a_{i+1,n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\ a_{n1} & a_{n2} & \dots & 0 & \dots & a_{nn} \end{vmatrix} \quad (26)$$

ибо, вслѣдствіе (22), (12) и условія, что $D = 0$:

$$\begin{aligned} a_{1k} A_{jk} + a_{11} A_{j1} + \dots + a_{1,k-1} A_{j,k-1} + a_{1,k+1} A_{j,k+1} + \dots + a_{1n} A_{jn} &= 0 \\ a_{2k} A_{jk} + a_{21} A_{j1} + \dots + a_{2,k-1} A_{j,k-1} + a_{2,k+1} A_{j,k+1} + \dots + a_{2n} A_{jn} &= 0 \quad (26') \\ \dots & \dots \\ a_{jk} A_{jk} + a_{j1} A_{j1} + \dots + a_{j,k-1} A_{j,k-1} + a_{j,k+1} A_{j,k+1} + \dots + a_{jn} A_{jn} &= D = 0 \\ \dots & \dots \end{aligned}$$

Такъ какъ въ (25) всѣ элементы i -ой горизонтали, кромѣ перваго, равны нулю, а первый элементъ равенъ 1, то понятно, что въ опредѣлитель (26) въ k -ой колоннѣ на i -омъ мѣстѣ будетъ стоять просто A_{j1} :

$$0 \cdot A_{jk} + 1 \cdot A_{j1} + 0 \cdot A_{j2} + \dots + 0 \cdot A_{j,k-1} + 0 \cdot A_{j,k+1} + \dots + 0 \cdot A_{jn} = A_{j1}$$

Разлагая опредѣлителя (26) по элементамъ k -ой колонны, которые всѣ равны нулю, кромѣ стоящаго на i -омъ мѣстѣ и равнаго A_{j1} , получимъ произведеніе изъ A_{j1} и алгебраическаго дополненія A_{ik} элемента a_{ik} въ D (вмѣсто котораго въ (26) стоитъ A_{j1}). Такимъ образомъ:

$$A_{jk} \cdot A_{i1} = A_{j1} \cdot A_{ik}$$

Полагая здѣсь $k = 1, 2, \dots, n$, получимъ пропорціи (24).

Замѣчаніе. Соотношенія (26') показываютъ, что, если определитель $D = 0$, то элементы любой горизонтали этого определителя удовлетворяютъ одному и тому же линейному однородному уравненію:

$$A_{j1} x_1 + A_{j2} x_2 + \dots + A_{jn} x_n = 0$$

Аналогичный результатъ можно получить и для колоннъ.

Такъ подтверждается теорема, высказанная въ концѣ § 6

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Умножение определителей и прямоугольных матриць.

§ 11. **Теорема Binet-Cauchy для определителей.** Пусть даны два определителя одного и того же порядка n :

$$\begin{vmatrix} a_{11} & a_{12} & \dots & a_{1n} \\ a_{21} & a_{22} & \dots & a_{2n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ a_{n1} & a_{n2} & \dots & a_{nn} \end{vmatrix} = A; \quad \begin{vmatrix} b_{11} & b_{12} & \dots & b_{1n} \\ b_{21} & b_{22} & \dots & b_{2n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ b_{n1} & b_{n2} & \dots & b_{nn} \end{vmatrix} = B \quad (27)$$

Пользуясь теоремою Лапласа, легко убѣдиться, что ихъ произведение можно представить въ формѣ определителя $2n$ порядка:

$$\begin{vmatrix} a_{11} & a_{12} & \dots & a_{1n} & -1 & 0 & \dots & 0 \\ a_{21} & a_{22} & \dots & a_{2n} & 0 & -1 & \dots & 0 \\ \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\ a_{n1} & a_{n2} & \dots & a_{nn} & 0 & 0 & \dots & -1 \\ 0 & 0 & \dots & 0 & b_{11} & b_{12} & \dots & b_{1n} \\ 0 & 0 & \dots & 0 & b_{21} & b_{22} & \dots & b_{2n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\ 0 & 0 & \dots & 0 & b_{n1} & b_{n2} & \dots & b_{nn} \end{vmatrix} \quad (28)$$

въ которомъ элементы праваго верхняго квадрата всё равны нулю, кромѣ диагональныхъ, которые равны -1 ; элементы нижняго лѣваго квадрата

всѣ нули; элементы верхняго лѣваго квадрата и элементы нижняго праваго квадрата образуютъ матрисы определителей A и B . Если разлагать этотъ определитель по произведеніямъ миноровъ послѣднихъ n горизонталей на ихъ алгебраическія дополненія, то легко замѣтить, что изъ этихъ миноровъ только одинъ будетъ отличенъ отъ нуля, именно тотъ, который представляетъ собою определитель B ; всѣ остальные будутъ содержать по крайней мѣрѣ по одной колоннѣ, элементы которой всѣ нули. Алгебраическимъ дополненіемъ минора B будетъ очевидно миноръ изъ элементовъ первыхъ n колоннъ и первыхъ n горизонталей т. е. определитель A . Такимъ образомъ определитель (28) дѣйствительно равенъ произведенію $A \cdot B$.

Съ другой стороны этотъ определитель (28) можно замѣнить однимъ определителемъ также n -го порядка.

Съ этою цѣлью къ элементамъ первой колонны прибавимъ элементы $n + 1$ -ой, помноженные на a_{11} , затѣмъ элементы $n + 2$ -ой, помноженные на a_{21} и т. д. наконецъ элементы $2n$ -ой, помноженные на a_{n1} . Тогда первая колонна превратится въ:

$$\begin{array}{c} 0 \\ 0 \\ \vdots \\ 0 \\ a_{11} b_{11} + a_{21} b_{12} + \dots + a_{n1} b_{1n} \\ a_{11} b_{21} + a_{21} b_{22} + \dots + a_{n1} b_{2n} \\ \vdots \\ a_{11} b_{n1} + a_{21} b_{n2} + \dots + a_{n1} b_{nn} \end{array}$$

Аналогично, прибавимъ къ элементамъ второй колонны въ (28) элементы $n + 1$ -ой колонны, умноженные на a_{12} , потомъ элементы $n + 1$ -ой колонны, умноженные на a_{22} и т. д. Наконецъ элементы $2n$ -ой колонны, умноженные на a_{n2} . Тогда вторая колонна превратится въ:

$$\begin{array}{c} 0 \\ 0 \\ \vdots \\ 0 \\ a_{12} b_{11} + a_{22} b_{12} + \dots + a_{n2} b_{1n} \\ a_{12} b_{21} + a_{22} b_{22} + \dots + a_{n2} b_{2n} \\ \vdots \\ a_{12} b_{n1} + a_{22} b_{n2} + \dots + a_{n2} b_{nn} \end{array}$$

И т. д. Наконецъ прибавимъ къ элементамъ n -ой колонны въ (28) эле-

менты $n+1$ -ой, $n+2$ -ой и т. д. $2n$ -ой колонны, соответственно помноженные на $a_{1n}, a_{2n}, \dots a_{nn}$. Тогда n -ая колонна превратится въ:

$$\begin{array}{c} 0 \\ 0 \\ \vdots \\ 0 \\ a_{1n} b_{11} + a_{2n} b_{12} + \dots + a_{nn} b_{1n} \\ a_{1n} b_{21} + a_{2n} b_{22} + \dots + a_{nn} b_{2n} \\ \vdots \\ a_{1n} b_{n1} + a_{2n} b_{n2} + \dots + a_{nn} b_{nn} \end{array}$$

Если теперь положимъ для краткости:

$$a_{1k} b_{k1} + a_{2k} b_{k2} + \dots + a_{nk} b_{kn} = c_{ik} \tag{29}$$

то (28) напишется въ такой формѣ:

$$\begin{array}{cccccc|cccc} 0 & \dots & 0 & -1 & 0 & \dots & 0 & & & & \\ 0 & \dots & 0 & 0 & -1 & \dots & 0 & & & & \\ \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & & & & \\ 0 & \dots & 0 & 0 & 0 & \dots & -1 & & & & \\ c_{11} & \dots & c_{1n} & b_{11} & b_{12} & \dots & b_{1n} & & & & \\ \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & & & & \\ c_{n1} & \dots & c_{nn} & b_{n1} & b_{n2} & \dots & b_{nn} & & & & \end{array} \tag{30}$$

Разложимъ этотъ определитель по минорамъ, находящимся въ первыхъ n горизонталяхъ. Единственный изъ этихъ миноровъ, отличный отъ нуля, будетъ:

$$\begin{array}{ccc|ccc} -1 & 0 & \dots & 0 & & \\ & 0 & -1 & \dots & 0 & \\ & \dots & \dots & \dots & \dots & \\ & 0 & 0 & \dots & -1 & \end{array} \tag{31}$$

значеніе котораго очевидно равно $(-1)^n$. Дополнительный миноръ къ (31), какъ видно изъ (30), будетъ:

$$\begin{array}{cccc|} c_{11} & c_{12} & \dots & c_{1n} & \\ \dots & \dots & \dots & \dots & \\ c_{n1} & c_{n2} & \dots & c_{nn} & \end{array} \tag{32}$$

при чемъ его надо взять съ множителемъ:

$$(-1)^{1+2+\dots+n+(n+1)+(n+2)\dots+2n} = (-1)^n (2n+1) = (-1)^n$$

Такъ какъ опредѣлитель (31) равенъ $(-1)^n$, то въ концѣ концовъ опредѣлитель (28) представится въ видѣ:

$$(-1)^n (-1)^n \begin{vmatrix} c_{11} & c_{12} & \dots & c_{1n} \\ c_{21} & c_{22} & \dots & c_{2n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ c_{n1} & c_{n2} & \dots & c_{nn} \end{vmatrix}$$

такъ что:

$$\begin{vmatrix} a_{11} & a_{12} & \dots & a_{1n} \\ a_{21} & a_{22} & \dots & a_{2n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ a_{n1} & a_{n2} & \dots & a_{nn} \end{vmatrix} \begin{vmatrix} b_{11} & b_{12} & \dots & b_{1n} \\ b_{21} & b_{22} & \dots & b_{2n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ b_{n1} & b_{n2} & \dots & b_{nn} \end{vmatrix} = \begin{vmatrix} c_{11} & c_{12} & \dots & c_{1n} \\ c_{21} & c_{22} & \dots & c_{2n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ c_{n1} & c_{n2} & \dots & c_{nn} \end{vmatrix} \quad (33)$$

гдѣ коэффициенты c выражаются чрезъ a и b слѣдующими формулами:

$$c_{ik} = a_{1k} b_{i1} + a_{2k} b_{i2} + \dots + a_{nk} b_{in} \quad (29)$$

$(i, k = 1, 2, \dots, n)$

Вѣстѣ съ тѣмъ приходимъ къ слѣдующему правилу перемноженія опредѣлителей:

Чтобы получить элементы первой горизонтали произведения, перемножаемъ элементы первой горизонтали множителя B на элементы первой, второй и т. д. колоннъ множителя A и полученные произведения складываемъ:

$$\begin{aligned} b_{11} a_{11} + b_{12} a_{21} + \dots + b_{1n} a_{n1} &= c_{11} \\ b_{11} a_{12} + b_{12} a_{22} + \dots + b_{1n} a_{n2} &= c_{12} \\ \dots & \dots \\ b_{11} a_{1n} + b_{12} a_{2n} + \dots + b_{1n} a_{nn} &= c_{1n} \end{aligned}$$

Чтобы получить элементы второй горизонтали произведения, перемножаемъ элементы второй горизонтали въ B на элементы первой, второй и т. д. колоннъ въ A и полученные результаты складываемъ:

$$\begin{aligned}
 b_{21} a_{11} + b_{22} a_{21} + \dots + b_{2n} a_{n1} &= c_{21} \\
 b_{21} a_{12} + b_{22} a_{22} + \dots + b_{2n} a_{n2} &= c_{22} \\
 \dots & \\
 b_{21} a_{1n} + b_{22} a_{2n} + \dots + b_{2n} a_{nn} &= c_{2n}
 \end{aligned}$$

И т. д. и т. д.

Такъ какъ опредѣлитель не измѣняетъ своего значенія отъ замѣны колоннъ горизонталями, а горизонталей колоннами, то понятно, что перемноженіе можетъ быть производимо четырьмя способами: комбинированіемъ колоннъ одного множителя съ горизонталями другого, какъ это было показано выше, комбинированіемъ горизонталей съ горизонталями, комбинированіемъ колоннъ съ колоннами.

Замѣчаніе. Мы предполагали, что перемножаемые опредѣлители одного и того же порядка. Если бы одинъ опредѣлитель былъ порядка меньшаго чѣмъ другой, то его всегда легко представить въ формѣ опредѣлителя порядка одинаковаго съ порядкомъ этого другого опредѣлителя.

Въ самомъ дѣлѣ, нетрудно убѣдиться, что напр.:

$$\begin{array}{c|cccc}
 & 1 & 0 & 0 & \dots & 0 \\
 \hline
 a_{11} & a_{12} & \dots & a_{1n} & & \\
 a_{21} & a_{22} & \dots & a_{2n} & & \\
 \dots & \dots & \dots & \dots & & \\
 a_{n1} & a_{n2} & \dots & a_{nn} & &
 \end{array}
 =
 \begin{array}{c|cccc}
 c_1 & a_{11} & a_{12} & \dots & a_{1n} \\
 c_2 & a_{21} & a_{22} & \dots & a_{2n} \\
 \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\
 c_n & a_{n1} & a_{n2} & \dots & a_{nn}
 \end{array}$$

гдѣ $c_1 c_2 \dots c_n$ количества совершенно произвольныя. Если опредѣлитель $n+1$ -го порядка, стоящій въ правой части равенства, разложимъ по элементамъ первой горизонтали, то и получимъ какъ разъ опредѣлитель, стоящій въ лѣвой части.

Умѣя представить опредѣлитель въ формѣ опредѣлителя порядка на единицу высшаго, можемъ этотъ порядокъ довести до какого намъ угодно значенія.

§ 12. **Обобщенная теорема Binet-Cauchy.** Прямоугольная матрица, въ томъ видѣ, какъ мы ее опредѣляли въ § 4, сама по себѣ не имѣетъ значенія величины. Такое значеніе однако можетъ быть приписано произведенію двухъ матриць съ одинаковымъ числомъ горизонталей и колоннъ, если съ элементами этихъ матриць произведемъ тѣ-же операции, что и при перемноженіи опредѣлителей, и полученный отъ этого опредѣлитель назовемъ *произведеніемъ данныхъ матриць*.

Пусть имѣемъ двѣ матрицы, состоящія изъ m горизонталей и n колоннъ:

$$\begin{array}{ccc}
 a_{11}, a_{12} \dots a_{1n} & b_{11}, b_{12} \dots b_{1n} & \\
 a_{21}, a_{22} \dots a_{2n} & b_{21}, b_{22} \dots b_{2n} & \\
 \dots & \dots & \\
 a_{m1}, a_{m2} \dots a_{mn} & b_{m1}, b_{m2} \dots b_{mn} &
 \end{array} \quad (34)$$

Продѣлаемъ съ элементами этихъ матрицъ тѣ-же операціи, что и при умноженіи двухъ определителей, при чемъ выберемъ комбинацію горизонталей съ горизонталями. Полагая:

$$a_{i1} b_{j1} + a_{i2} b_{j2} + \dots + a_{in} b_{jn} = c_{ij} \quad (35)$$

составимъ определитель m -го порядка:

$$\begin{vmatrix}
 c_{11} & c_{12} & \dots & c_{1m} \\
 c_{21} & c_{22} & \dots & c_{2m} \\
 \dots & \dots & \dots & \dots \\
 c_{m1} & c_{m2} & \dots & c_{mm}
 \end{vmatrix} \quad (36)$$

и примемъ его, по опредѣленію, за произведеніе матрицъ (34) по горизонталямъ.

При этомъ необходимо различать два случая.

Первый случай $m > n$. Покажемъ, что въ этомъ случаѣ значеніе определителя (36) т. е. произведеніе матрицъ (34) равно нулю.

Для доказательства, вѣсть съ Sardi покажемъ сначала, что определитель (36) можетъ быть представленъ (до нѣкотораго множителя) въ формѣ слѣдующаго определителя $m + n$ -го порядка:

$$\begin{vmatrix}
 a_{11} & a_{21} & \dots & a_{m1} & -1 & 0 & \dots & 0 \\
 a_{12} & a_{22} & \dots & a_{m2} & 0 & -1 & \dots & 0 \\
 \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\
 a_{1n} & a_{2n} & \dots & a_{mn} & 0 & 0 & \dots & -1 \\
 0 & 0 & \dots & 0 & b_{11} & b_{12} & \dots & b_{1n} \\
 0 & 0 & \dots & 0 & b_{21} & b_{22} & \dots & b_{2n} \\
 \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\
 0 & 0 & \dots & 0 & b_{m1} & b_{m2} & \dots & b_{mn}
 \end{vmatrix} \quad (37)$$

Чтобы убедиться въ этомъ, поступимъ, какъ раньше: прибавимъ къ элементамъ первой колонны элементы $m + 1$ -ой, $m + 2$ -ой, ... $m + n$ -ой колоннъ, умноженные соответственно на $a_{11}, a_{12}, \dots a_{1n}$; далѣе къ элементамъ второй колонны прибавимъ элементы тѣхъ же колоннъ, но только умноженные соответственно на $a_{21}, a_{22}, \dots a_{2n}$ и т. д.; наконецъ къ элементамъ m -ой колонны прибавимъ элементы тѣхъ-же колоннъ, помноженные на $a_{m1}, a_{m2}, \dots a_{mn}$. Обращая вниманіе на (35), получимъ:

$$\begin{vmatrix}
 0 & 0 & \dots & 0 & -1 & 0 & \dots & 0 \\
 0 & 0 & \dots & 0 & 0 & -1 & \dots & 0 \\
 \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\
 0 & 0 & \dots & 0 & 0 & 0 & \dots & -1 \\
 c_{11} & c_{21} & \dots & c_{m1} & b_{11} & b_{12} & \dots & b_{1n} \\
 c_{12} & c_{22} & \dots & c_{m2} & b_{21} & b_{22} & \dots & b_{2n} \\
 \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\
 c_{1m} & c_{2m} & \dots & c_{mm} & b_{m1} & b_{m2} & \dots & b_{mn}
 \end{vmatrix} \tag{38}$$

Если разложимъ этотъ опредѣлитель по минорамъ n -го порядка, заключающимся въ первыхъ n горизонталяхъ, то единственный отличный отъ нуля миноръ при этомъ будетъ такой:

$$\begin{vmatrix}
 -1 & 0 & \dots & 0 \\
 0 & -1 & \dots & 0 \\
 \dots & \dots & \dots & \dots \\
 0 & 0 & \dots & -1
 \end{vmatrix} = (-1)^n$$

Алгебраическое дополненіе этого минора будетъ:

$$(-1)^{p+q} \begin{vmatrix}
 c_{11} & c_{21} & \dots & c_{m1} \\
 c_{12} & c_{22} & \dots & c_{m2} \\
 \dots & \dots & \dots & \dots \\
 c_{1m} & c_{2m} & \dots & c_{mm}
 \end{vmatrix}$$

гдѣ:

$$p = n + 1 + n + 2 + \dots + n + m; \quad q = 1 + 2 + \dots + m$$

такъ что $p + q = m(m + 1) + mn$ и потому $(-1)^{p+q} = (-1)^{mn}$. Такъ какъ определитель не измѣняетъ своего значенія отъ замѣны колоннъ горизонталями, а горизонталей колоннами, то заключаемъ, что определитель (37) отличается отъ определителя (36) лишь множителемъ $(-1)^{n+m}$.

Разложимъ теперь определитель (37) по минорамъ m -го порядка, заключающимся въ первыхъ m колоннахъ, при чемъ будемъ помнить, что, согласно предположенію, $m > n$. Очевидно, что въ каждомъ изъ этихъ миноровъ будетъ по крайней мѣрѣ одна горизонталь, элементы которой суть всѣ нули, а потому всѣ эти миноры, а слѣдовательно и самъ определитель (37) будутъ равны нулю. Но въ такомъ случаѣ и произведеніе (36) будетъ равно нулю.

Второй случай $m < n$. Здѣсь снова можно разлагать определитель (37) по минорамъ m -го порядка изъ первыхъ m колоннъ. Покажемъ, что, какой бы изъ этихъ миноровъ мы ни брали, его алгебраическимъ дополненіемъ будетъ подобный же (т. е. составленный изъ одинаковыхъ горизонталей) миноръ изъ элементовъ второй изъ матрисъ (34).

При этомъ надо помнить, что определитель (37) отличается отъ определителя (36) множителемъ $(-1)^{n+m}$.

Разсмотримъ миноръ m -го порядка изъ первыхъ m колоннъ определителя (37):

$$\begin{vmatrix} a_{1\lambda_1} & a_{2\lambda_1} & \dots & a_{m\lambda_1} \\ a_{1\lambda_2} & a_{2\lambda_2} & \dots & a_{m\lambda_2} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ a_{1\lambda_m} & a_{2\lambda_m} & \dots & a_{m\lambda_m} \end{vmatrix} \tag{39}$$

гдѣ $\lambda_1, \lambda_2, \dots, \lambda_m$ указываютъ, изъ какихъ горизонталей взяты элементы этого минора. Предположимъ, что $\lambda_1 < \lambda_2 < \dots < \lambda_m$.

Чтобы найти дополненіе (не алгебраическое) минора (39), мы должны въ (37) вычеркнуть первыя m колоннъ и затѣмъ горизонтали, порядки которыхъ равны: $\lambda_1, \lambda_2, \dots, \lambda_m$. Изъ оставшихся элементовъ составитъ определитель n -го порядка, у котораго элементы послѣднихъ m горизонталей образуютъ вторую изъ матрисъ (34), а элементы первыхъ $n - m$ горизонталей таковы, что въ колоннахъ порядковъ $\lambda_1, \lambda_2, \dots, \lambda_m$ они всѣ равны нулю, въ колоннахъ-же, порядокъ которыхъ отличенъ отъ $\lambda_1, \lambda_2, \dots, \lambda_m$, напр. въ λ -ой колоннѣ, элементъ, принадлежащій λ -ой горизонтали, равенъ -1 , а остальные равны нулю:

-1	0	0	...	0	0	0	...	0	...	1
0	-1	0	...	0	0	0	...	0	...	2
...
0	0	0	...	-1	0	0	...	0	...	$\lambda_1 - 1$
0	0	0	...	0	0	-1	...	0	...	$\lambda_1 + 1$
...
0	0	0	...	0	0	0	...	-1	...	$n - m$
b_{11}	b_{12}	b_{13}	...	$b_{1, \lambda_1 - 1}$	b_{1, λ_1}	$b_{1, \lambda_1 + 1}$...	b_{1n}	...	$n - m + 1$
...
b_{m1}	b_{m2}	b_{m3}	...	$b_{m, \lambda_1 - 1}$	b_{m, λ_1}	$b_{m, \lambda_1 + 1}$...	b_{mn}	...	n

Для вычисления значения этого определителя, перенесем -- путемъ послѣдовательныхъ транспозицій изъ двухъ сосѣднихъ колоннъ -- колонну λ_1 -ую на мѣсто k -ой т. е. λ_1 -ую на первое мѣсто, λ_2 -ую на второе и т. д. Для того, чтобы λ_1 -ая колонна заняла мѣсто первой, ее придется послѣдовательно ставить на мѣсто $\lambda_1 - 1$ -ой, $\lambda_1 - 2$ -ой и т. д. Въ результатъ этого перемѣщенія определитель получитъ множителя: $(-1)^{\lambda_1 - 1}$. Отъ перемѣщенія λ_2 -ой колонны на мѣсто второй, определитель получитъ аналогично множителя $(-1)^{\lambda_2 - 2}$ и т. д. Въ концѣ концовъ определитель представится въ слѣдующемъ видѣ:

	0	0	...	0	-1	0	...	0	0	0		
	0	0	...	0	0	-1	...	0	0	0		
		
	0	0	...	0	0	...	0	0	...	-1		
$(-1)^h$	0	0	...	0	0	...	0	0	...	0		
	$b_{1\lambda_1}$	$b_{1\lambda_2}$...	$b_{1\lambda_m}$	b_{11}	b_{12}	...	$b_{1, \lambda_1 - 1}$	$b_{1, \lambda_1 + 1}$...	$b_{1, n-1}$	b_{1n}
	$b_{2\lambda_1}$	$b_{2\lambda_2}$...	$b_{2\lambda_m}$	b_{21}	b_{22}	...	$b_{2, \lambda_1 - 1}$	$b_{2, \lambda_1 + 1}$...	$b_{2, n-1}$	b_{2n}

	$b_{m\lambda_1}$	$b_{m\lambda_2}$...	$b_{m\lambda_m}$	b_{m1}	b_{m2}	...	$b_{m, \lambda_1 - 1}$	$b_{m, \lambda_1 + 1}$...	$b_{m, n-1}$	b_{mn}

гдѣ $h = \lambda_1 - 1 + \lambda_2 - 2 + \dots + \lambda_m - m = \sum \lambda_k - \frac{1}{2} m(m + 1)$. Разложимъ

этот определитель по минорам m -го порядка, находящимся въ первыхъ m колоннахъ. Единственный отличный отъ нуля миноръ при этомъ будетъ:

$$\begin{vmatrix} b_{1\lambda_1} & b_{1\lambda_2} & \dots & b_{1\lambda_m} \\ b_{2\lambda_1} & b_{2\lambda_2} & \dots & b_{2\lambda_m} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ b_{m\lambda_1} & b_{m\lambda_2} & \dots & b_{m\lambda_m} \end{vmatrix} \quad (41)$$

съ алгебраическимъ дополненіемъ:

$$(-1)^{h'} \begin{vmatrix} -1 & 0 & \dots & 0 \\ 0 & -1 & \dots & 0 \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ 0 & 0 & \dots & -1 \end{vmatrix} = (-1)^{h'+n-m}$$

гдѣ:

$$h' = 1 + 2 + \dots + m + (n - m + 1) + (n - m + 2) + \dots + (n - m + m) = m + mn$$

такъ что определитель (40) будетъ равенъ определителю (41), помноженному на:

$$(-1)^{h'+n-m} = (-1)^{\sum \lambda_k - \frac{1}{2} m(m+1) + n + mn}$$

Отсюда слѣдуетъ, что алгебраическое дополненіе минора (39) будетъ

$$(-1)^r (-1)^{\sum \lambda_k - \frac{1}{2} m(m+1) + n + mn} \begin{vmatrix} b_{1\lambda_1} & b_{1\lambda_2} & \dots & b_{1\lambda_m} \\ b_{2\lambda_1} & b_{2\lambda_2} & \dots & b_{2\lambda_m} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ b_{m\lambda_1} & b_{m\lambda_2} & \dots & b_{m\lambda_m} \end{vmatrix}$$

или, такъ какъ $r = 1 + 2 + \dots + m + \lambda_1 + \lambda_2 + \dots + \lambda_m = \sum \lambda_k + \frac{1}{2} m(m+1)$:

$$(-1)^{n+mn} \begin{vmatrix} b_{1\lambda_1} & b_{1\lambda_2} & \dots & b_{1\lambda_m} \\ b_{2\lambda_1} & b_{2\lambda_2} & \dots & b_{2\lambda_m} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ b_{m\lambda_1} & b_{m\lambda_2} & \dots & b_{m\lambda_m} \end{vmatrix}$$

потому что $(-1)^{\sum \lambda_k} = 1$.

Вспоминая, что определитель (37) отличается от (36) множителем $(-1)^{n+m}$, можем написать:

$$\begin{vmatrix} c_{11} & c_{12} & \dots & c_{1m} \\ c_{21} & c_{22} & \dots & c_{2m} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ c_{m1} & c_{m2} & \dots & c_{mm} \end{vmatrix} = \sum_{\lambda_1 \dots \lambda_m} \begin{vmatrix} a_{1\lambda_1} & a_{2\lambda_1} & \dots & a_{m\lambda_1} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ a_{1\lambda_m} & a_{2\lambda_m} & \dots & a_{m\lambda_m} \end{vmatrix} \begin{vmatrix} b_{1\lambda_1} & b_{1\lambda_2} & \dots & b_{1\lambda_m} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ b_{m\lambda_1} & b_{m\lambda_2} & \dots & b_{m\lambda_m} \end{vmatrix} \quad (42)$$

$$= \sum_{\lambda_1 \dots \lambda_m} \begin{vmatrix} a_{1\lambda_1} & a_{2\lambda_1} & \dots & a_{m\lambda_1} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ a_{1\lambda_m} & a_{2\lambda_m} & \dots & a_{m\lambda_m} \end{vmatrix} \begin{vmatrix} b_{1\lambda_1} & b_{2\lambda_1} & \dots & b_{m\lambda_1} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ b_{1\lambda_m} & b_{2\lambda_m} & \dots & b_{m\lambda_m} \end{vmatrix}$$

что можно словами формулировать такъ:

Если число горизонталей m меньше числа колонокъ n , то произведение двухъ матриць по горизонталямъ равно суммъ произведеній всѣхъ миноровъ m -го порядка, содержащихся въ одной матриць на соответственные миноры изъ второй матрицы.

Замѣчаніе. Третій случай, когда $m = n$, даетъ теорему для перемноженія определителей, изложенную въ § 11.

Если матрицы (34) тождественны по своимъ элементамъ, то получается слѣдующая теорема.

Квадратъ матрицы, въ которой число m горизонталей больше числа n колонокъ, равенъ нулю. Квадратъ матрицы, въ которой число m горизонталей меньше числа n колонокъ, равенъ суммъ квадратовъ всѣхъ миноровъ m -го порядка, заключающихся въ матриць.

Пусть $m = 2$ и $n \geq 3$. Въ такомъ случаѣ:

$$\begin{vmatrix} a_1 & a_2 & \dots & a_n \\ b_1 & b_2 & \dots & b_n \end{vmatrix}^2 = \begin{vmatrix} a_1^2 + a_2^2 + \dots + a_n^2, & a_1 b_1 + a_2 b_2 + \dots + a_n b_n \\ a_1 b_1 + a_2 b_2 + \dots + a_n b_n, & b_1^2 + b_2^2 + \dots + b_n^2 \end{vmatrix}$$

$$= \begin{vmatrix} a_1 & a_2 \\ b_1 & b_2 \end{vmatrix}^2 + \begin{vmatrix} a_1 & a_3 \\ b_1 & b_3 \end{vmatrix}^2 + \begin{vmatrix} a_2 & a_3 \\ b_2 & b_3 \end{vmatrix}^2 + \dots$$

откуда получается чрезвычайно важная теорема:

$$(a_1^2 + a_2^2 + \dots + a_n^2)(b_1^2 + b_2^2 + \dots + b_n^2) - (a_1 b_1 + a_2 b_2 + \dots + a_n b_n)^2 = (a_1 b_2 - a_2 b_1)^2 + (a_1 b_3 - a_3 b_1)^2 + (a_2 b_3 - a_3 b_2)^2 + \dots$$

§ 13. Умноженіе матриць по колоннамъ. До сихъ поръ мы производили перемноженіе матриць по горизонталямъ, копируя правило перемноженія определителей по горизонталямъ. Естественно является вопросъ, что произойдетъ, если произвести перемноженіе матриць по колоннамъ. Пусть имѣемъ двѣ матрицы (34), въ которыхъ напр., число горизонталей m менѣе числа n колоннъ.

Если будемъ производить ихъ перемноженіе по колоннамъ, то это будетъ равносильно перемноженію по горизонталямъ двухъ другихъ матриць, которыя получимъ изъ матриць (34), замѣняя въ этихъ послѣднихъ колонны горизонталями и горизонталы колоннами. Но въ этихъ новыхъ матрицахъ число горизонталей n будетъ уже меньше числа m колоннъ, а слѣдовательно ихъ произведеніе т. е. произведеніе матриць (34) по колоннамъ будетъ равно нулю. Отсюда теорема:

Произведеніе двухъ матриць, въ которыхъ число горизонталей менѣе числа колоннъ, если его выполнять по колоннамъ, равно нулю. Произведеніе двухъ матриць, въ которыхъ число m горизонталей болѣе числа n колоннъ, если его производить по колоннамъ, равно суммѣ произведеній всѣхъ миноровъ n -го порядка, содержащихся въ одной матриць, на соответственные миноры изъ второй матрицы.

Такимъ образомъ изъ двухъ произведеній двухъ матриць, одного по горизонталямъ, другого по колоннамъ, одно всегда равно нулю.

§ 14. Свойства миноровъ определителя, представляющаго произведеніе двухъ матриць. Относительно миноровъ определителя (36) можно вывести нѣсколько интересныхъ и важныхъ теоремъ.

Разсмотримъ въ первой изъ матриць (34)—будемъ ее, ради краткости, обозначать символомъ (A) —нѣкоторую ея часть (A_v) , состоящую изъ какихъ либо v ея горизонталей.

Пусть порядки этихъ горизонталей будутъ $\lambda_1, \lambda_2, \dots, \lambda_v$, при чемъ $\lambda_1 < \lambda_2 < \dots < \lambda_v$. Подъ (A_v) такимъ образомъ мы будемъ разумѣть матрицу:

$$\begin{matrix} a_{\lambda_1, 1} & a_{\lambda_1, 2} & \dots & a_{\lambda_1, n} \\ a_{\lambda_2, 1} & a_{\lambda_2, 2} & \dots & a_{\lambda_2, n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ a_{\lambda_v, 1} & a_{\lambda_v, 2} & \dots & a_{\lambda_v, n} \end{matrix} \tag{43}$$

Разсмотримъ во второй изъ матриць (34)—обозначимъ ее чрезъ (B) —также нѣкоторую ея часть (B_v) , состоящую также изъ v горизонталей, но какихъ либо, вообще говоря, другихъ порядковъ: $\mu_1, \mu_2, \dots, \mu_v$:

$$\begin{matrix}
 b_{\mu_1, 1} & b_{\mu_1, 2} & \dots & b_{\mu_1, n} \\
 b_{\mu_2, 1} & b_{\mu_2, 2} & \dots & b_{\mu_2, n} \\
 \dots & \dots & \dots & \dots \\
 b_{\mu_\nu, 1} & b_{\mu_\nu, 2} & \dots & b_{\mu_\nu, n}
 \end{matrix} \tag{44}$$

Обращая вниманіе на значеніе (35) элемента c_{ik} определителя (36), мы видимъ, что *миноръ этого послѣдняго*:

$$\begin{vmatrix}
 c_{\lambda_1 \mu_1} & c_{\lambda_1 \mu_2} & \dots & c_{\lambda_1 \mu_\nu} \\
 c_{\lambda_2 \mu_1} & c_{\lambda_2 \mu_2} & \dots & c_{\lambda_2 \mu_\nu} \\
 \dots & \dots & \dots & \dots \\
 c_{\lambda_\nu \mu_1} & c_{\lambda_\nu \mu_2} & \dots & c_{\lambda_\nu \mu_\nu}
 \end{vmatrix} \tag{45}$$

есть ничто иное, какъ произведеніе матриць (A) и (B), выполненное по горизонталямъ.

Первый частный случай. Пусть $\lambda_1 = \mu_1; \lambda_2 = \mu_2; \dots; \lambda_\nu = \mu_\nu$, т. е. миноръ (45) будетъ діагональнымъ миноромъ определителя (36). Если сверхъ того матрицы (A) и (B) тождественны т. е. $a_{ik} = b_{ik}$, такъ что тождественны и матрицы (A) и (B), то можно получить слѣдующую теорему:

Въ определитель, представляющемъ квадратъ какой нибудь матрицы, каждый діагональный миноръ самъ есть квадратъ некоторой матрицы.

Второй частный случай. Пусть $m = n$ т. е. (A) и (B) суть квадратныя матрицы. Если въ (45) предположимъ, что $\nu = n - 1$, то этотъ определитель представитъ собою дополненіе (не алгебраическое, а простое) некотораго элемента c_{ik} определителя (36). Это дополненіе получимъ, вычеркнувъ изъ определителя i -ую горизонталь и k -ую колонну. Обозначимъ его чрезъ $(-1)^{i+k} C_{ik}^1$.

Если теперь обозначимъ чрезъ (A_{n-1}) матрицу (A), послѣ того какъ изъ нея вычеркнемъ i -ую горизонталь, и чрезъ (B_{n-1}) матрицу (B), послѣ вычеркиванія изъ нея k -ой горизонтали (такъ что и въ (A_{n-1}) и въ (B_{n-1}) будетъ $n - 1$ горизонталей и n колоннъ), то, въ силу доказанной теоремы:

$$(-1)^{i+k} C_{ik} = (A_{n-1}) \cdot (B_{n-1}).$$

¹⁾ такъ что C_{ik} будетъ обозначать алгебраическое дополненіе элемента c_{ik} .

Но произведение, стоящее в правой части, должно быть равно (§ 12) суммъ произведеній всѣхъ различныхъ миноровъ $n-1$ -го порядка матрицы (A_{n-1}) на соответственные миноры матрицы (B_{n-1}) .

Миноры $n-1$ -го порядка матрицы (A_{n-1}) суть обыкновенныя дополненія элементовъ i -ой горизонтали перваго изъ определителей (27) т. е. A .—Назовемъ ихъ чрезъ: $A'_{i1}, A'_{i2}, \dots, A'_{in}$. Обозначимъ чрезъ: $B'_{k1}, B'_{k2}, \dots, B'_{kn}$ соответственные миноры¹⁾ въ определителѣ B (27):

Въ такомъ случаѣ:

$$(-1)^{i+k} C_{ik} = A'_{i1} \cdot B'_{k1} + A'_{i2} \cdot B'_{k2} + \dots + A'_{in} \cdot B'_{kn}$$

или:

$$C_{ik} = (-1)^{i+1} \cdot A'_{i1} \cdot (-1)^{k+1} B'_{k1} + \dots + (-1)^{i+n} A'_{in} \cdot (-1)^{k+n} B'_{kn}$$

Обозначая алгебраическія дополненія тѣми-же символами, что и обыкновенныя, но безъ черточекъ сверху, получимъ (§ 8):

$$C_{ik} = A_{i1} \cdot B_{k1} + A_{i2} \cdot B_{k2} + \dots + A_{in} \cdot B_{kn} \quad (46)$$

что мы и хотѣли доказать. Сравнивая эту формулу съ формулой (35), мы замѣчаемъ полную аналогию: *элементы a, b и c определителей (27) и (32) связаны также, какъ и ихъ алгебраическія дополненія.*

¹⁾ Если A'_{ip} получаемъ вычеркиваніемъ изъ (A_{n-1}) колонны p -ой, то B'_{kp} получимъ изъ (B_{n-1}) , вычеркивая колонну также p -ую.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Взаимные определители.

§ 15. **Определение и простѣйшія свойства.** Пусть данъ определитель D порядка n :

$$D = \begin{vmatrix} a_{11} & a_{12} & \dots & a_{1n} \\ a_{21} & a_{22} & \dots & a_{2n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ a_{n1} & a_{n2} & \dots & a_{nn} \end{vmatrix} \quad (47)$$

Обозначимъ чрезъ A_{ik} алгебраическое дополненіе элемента a_{ik} . Определитель n -го порядка:

$$\Delta = \begin{vmatrix} A_{11} & A_{12} & \dots & A_{1n} \\ A_{21} & A_{22} & \dots & A_{2n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ A_{n1} & A_{n2} & \dots & A_{nn} \end{vmatrix} \quad (48)$$

называется *взаимнымъ* даннаго (47) (reziproke Determinante; determinant adjoint; reciproco determinante или aggiunto).

Нетрудно понять, что значеніе взаимнаго определителя не измѣнится, если въ немъ вмѣсто алгебраическихъ дополненій вставимъ обыкновенныя т. е. вмѣсто A_{ik} вставимъ $(-1)^{i+k} A_{ik}$. Въ самомъ дѣлѣ, определитель (48) получилъ бы послѣ этого множителя $(-1)^{nn(n+1)}$ т. е. 1, такъ какъ $n(n+1)$ всегда число четное. Для послѣдующаго однако удобно брать алгебраическія дополненія.

Выведемъ нѣсколько важнѣйшихъ теоремъ относительно взаимныхъ определителей.

I. Если $D = 0$, то и $\Delta = 0$.

Дѣйствительно, если $D = 0$, то [см. (24) въ § 10] алгебраическія дополненія элементовъ какого либо ряда въ D пропорціональны алгебраическимъ дополненіямъ элементовъ ряда параллельнаго, слѣдовательно въ определитель Δ элементы какихъ либо двухъ параллельныхъ рядовъ пропорціональны между собою, а такой определитель равенъ нулю.

То-же самое можно, конечно, сказать и относительно миноровъ определителя Δ различныхъ порядковъ, кромѣ, однако, перваго, такъ какъ миноры перваго порядка суть сами элементы определителя Δ .

II. Если $D \neq 0$, то $\Delta = D^{n-1}$.

Для доказательства перемножимъ D на Δ . Обращая вниманіе на равенства (12) и (22), найдемъ:

$$D\Delta = \begin{vmatrix} a_{11} & a_{12} & \dots & a_{1n} \\ a_{21} & a_{22} & \dots & a_{2n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ a_{n1} & a_{n2} & \dots & a_{nn} \end{vmatrix} \cdot \begin{vmatrix} A_{11} & A_{12} & \dots & A_{1n} \\ A_{21} & A_{22} & \dots & A_{2n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ A_{n1} & A_{n2} & \dots & A_{nn} \end{vmatrix} = \begin{vmatrix} D & 0 & \dots & 0 \\ 0 & D & \dots & 0 \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ 0 & 0 & \dots & D \end{vmatrix} = D^n$$

откуда, по сокращеніи на D , получимъ указанный результатъ.

III. Если чрезъ \mathbf{M} обозначимъ какой нибудь миноръ определителя Δ , а чрезъ M соответственный ему (по порядкамъ рядовъ) миноръ въ D ; если M' будетъ алгебраическое дополненіе минора M , то (Jacobi):

$$\mathbf{M} = M' \cdot D^{v-1} \tag{49}$$

гдѣ v означаетъ порядокъ миноровъ \mathbf{M} и M .

Пусть порядки горизонталей и колоннъ въ \mathbf{M} будутъ: $\lambda_1, \lambda_2, \dots, \lambda_v$ и $\mu_1, \mu_2, \dots, \mu_v$, при чемъ: $\lambda_1 < \lambda_2 < \dots < \lambda_v$; $\mu_1 < \mu_2 < \dots < \mu_v$, такъ что:

$$\mathbf{M} = \begin{vmatrix} A_{\lambda_1, \mu_1} & A_{\lambda_1, \mu_2} & \dots & A_{\lambda_1, \mu_v} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ A_{\lambda_v, \mu_1} & A_{\lambda_v, \mu_2} & \dots & A_{\lambda_v, \mu_v} \end{vmatrix}$$

Перемножимъ \mathbf{M} на D , для чего представимъ \mathbf{M} въ формѣ определителя n -го порядка слѣдующимъ образомъ:

$$\mathbf{M} = \begin{vmatrix}
 A_{\lambda_1 \mu_1} & A_{\lambda_1 \mu_2} & \dots & A_{\lambda_1 \mu_\nu} & A_{\lambda_1, 1} & \dots & A_{\lambda_1, \mu_1 - 1} & A_{\lambda_1, \mu_1 + 1} & \dots & A_{\lambda_1, \mu} \\
 A_{\lambda_2 \mu_1} & A_{\lambda_2 \mu_2} & \dots & A_{\lambda_2 \mu_\nu} & A_{\lambda_2, 1} & \dots & A_{\lambda_2, \mu_1 - 1} & A_{\lambda_2, \mu_1 + 1} & \dots & A_{\lambda_2, \mu} \\
 \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\
 A_{\lambda_\nu \mu_1} & A_{\lambda_\nu \mu_2} & \dots & A_{\lambda_\nu \mu_\nu} & A_{\lambda_\nu, 1} & \dots & A_{\lambda_\nu, \mu_1 - 1} & A_{\lambda_\nu, \mu_1 + 1} & \dots & A_{\lambda_\nu, \mu} \\
 0 & 0 & \dots & 0 & 1 & \dots & 0 & 0 & \dots & 0 \\
 0 & 0 & \dots & 0 & 0 & 1 & \dots & 0 & 0 & \dots & 0 \\
 \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\
 0 & 0 & \dots & 0 & 0 & 0 & \dots & 0 & 0 & \dots & 1
 \end{vmatrix}$$

Прежде чѣмъ умножить \mathbf{M} на D , преобразуемъ опредѣлитель D такъ, что перенесемъ λ_1 -ую горизонталь на первое мѣсто, λ_2 -ую на второе и т. д. λ_ν -ую на ν -ое мѣсто; μ_1 -ую колонну на первое мѣсто, μ_2 -ую колонну на второе и т. д. μ_ν -ую на ν -ое мѣсто. Чтобы опредѣлитель не измѣнился, его придется умножить на $(-1)^h$ гдѣ:

$$\begin{aligned}
 h &= \lambda_1 - 1 + \lambda_2 - 2 + \dots + \lambda_\nu - \nu + \mu_1 - 1 + \mu_2 - 2 + \dots + \mu_\nu - \nu \\
 &= \sum_1^\nu (\lambda_k - \mu_k) - \nu(\nu + 1)
 \end{aligned}$$

и мы получимъ:

$$D = (-1)^h \begin{vmatrix}
 a_{\lambda_1 \mu_1} \dots a_{\lambda_1 \mu_\nu} & a_{\lambda_1, 1} \dots a_{\lambda_1, \mu_1 - 1} & a_{\lambda_1, \mu_1 + 1} \dots a_{\lambda_1, \mu} \\
 \dots & \dots & \dots \\
 a_{\lambda_\nu \mu_1} \dots a_{\lambda_\nu \mu_\nu} & a_{\lambda_\nu, 1} \dots a_{\lambda_\nu, \mu_1 - 1} & a_{\lambda_\nu, \mu_1 + 1} \dots a_{\lambda_\nu, \mu} \\
 a_{1 \mu_1} \dots a_{1 \mu_\nu} & a_{11} \dots a_{1, \mu_1 - 1} & a_{1, \mu_1 + 1} \dots a_{1, \mu} \\
 \dots & \dots & \dots \\
 a_{\lambda_1 - 1, \mu_1} \dots a_{\lambda_1 - 1, \mu_\nu} & a_{\lambda_1 - 1, 1} \dots a_{\lambda_1 - 1, \mu_1 - 1} & a_{\lambda_1 - 1, \mu_1 + 1} \dots a_{\lambda_1 - 1, \mu} \\
 a_{\lambda_1 + 1, \mu_1} \dots a_{\lambda_1 + 1, \mu_\nu} & a_{\lambda_1 + 1, 1} \dots a_{\lambda_1 + 1, \mu_1 - 1} & a_{\lambda_1 + 1, \mu_1 + 1} \dots a_{\lambda_1 + 1, \mu} \\
 \dots & \dots & \dots \\
 a_{\lambda_2 - 1, \mu_1} & \dots & \dots \\
 a_{\lambda_2 + 1, \mu_1} & \dots & \dots \\
 \dots & \dots & \dots
 \end{vmatrix}$$

Перемножимъ теперь \mathbf{M} на D по горизонталямъ: первую горизонталь въ D умножимъ на первую, вторую и т. д. горизонтали въ \mathbf{M} и результаты сдѣлаемъ элементами первой горизонтали произведения; вторую горизонталь въ D умножимъ на послѣдовательныя горизонтали въ \mathbf{M} и результаты сдѣлаемъ элементами второй горизонтали произведения и т. д. Мы получимъ въ такомъ случаѣ.

$$\begin{array}{c}
 (-1)^k \left(\begin{array}{cccccccc}
 D & 0 & \dots & 0 & a_{\lambda_1, 1} & \dots & a_{\lambda_1, \mu_1 - 1} & a_{\lambda_1, \mu_1 + 1} \dots \\
 0 & D & \dots & 0 & a_{\lambda_2, 1} & \dots & a_{\lambda_2, \mu_2 - 1} & a_{\lambda_2, \mu_2 + 1} \dots \\
 \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\
 0 & 0 & \dots & D & a_{\lambda_\nu, 1} & \dots & a_{\lambda_\nu, \mu_\nu - 1} & a_{\lambda_\nu, \mu_\nu + 1} \dots \\
 0 & 0 & \dots & 0 & a_{11} & \dots & a_{1, \mu_1 - 1} & a_{1, \mu_1 + 1} \dots \\
 0 & 0 & \dots & 0 & a_{21} & \dots & a_{2, \mu_1 - 1} & a_{2, \mu_1 + 1} \dots \\
 \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\
 0 & 0 & \dots & 0 & a_{\lambda_1 - 1, 1} & \dots & a_{\lambda_1 - 1, \mu_1 - 1} & a_{\lambda_1 - 1, \mu_1 + 1} \dots \\
 0 & 0 & \dots & 0 & a_{\lambda_1 + 1, 1} & \dots & a_{\lambda_1 + 1, \mu_1 - 1} & a_{\lambda_1 + 1, \mu_1 + 1} \dots \\
 \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots
 \end{array} \right)
 \end{array}$$

что равно:

$$\begin{array}{c}
 (-1)^k \cdot D^\nu \left(\begin{array}{cccccccc}
 a_{11} & \dots & a_{1, \mu_1 - 1} & a_{1, \mu_1 + 1} & \dots & a_{1, \mu_2 - 1} & a_{1, \mu_2 + 1} & \dots \\
 a_{21} & \dots & a_{2, \mu_1 - 1} & a_{2, \mu_1 + 1} & \dots & a_{2, \mu_2 - 1} & a_{2, \mu_2 + 1} & \dots \\
 \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\
 a_{\lambda_1 - 1, 1} \dots a_{\lambda_1 - 1, \mu_1 - 1} & a_{\lambda_1 - 1, \mu_1 + 1} \dots a_{\lambda_1 - 1, \mu_2 - 1} & a_{\lambda_1 - 1, \mu_2 + 1} \dots & & & & & \\
 a_{\lambda_1 + 1, 1} \dots a_{\lambda_1 + 1, \mu_1 - 1} & a_{\lambda_1 + 1, \mu_1 + 1} \dots a_{\lambda_1 + 1, \mu_2 - 1} & a_{\lambda_1 + 1, \mu_2 + 1} \dots & & & & & \\
 \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots
 \end{array} \right)
 \end{array}$$

Но здѣсь множителемъ при D^ν стоитъ алгебраическое дополненіе минора M въ определителѣ D , которое мы обозначили чрезъ M' . Такимъ образомъ $\mathbf{M} \cdot D = D^\nu \cdot M'$, откуда, если D не нуль, и получаемъ желаемый результатъ.

Частный случай. Если $\nu = n - 1$, то \mathbf{M} превратится въ простое дополненіе нѣкотораго элемента A_{ik} въ Δ . Тогда $M' = (-1)^{i+k} a_{ik}$, слѣдовательно $(-1)^{i+k} \mathbf{M} = a_{ik} \cdot D^{n-2}$, т. е. алгебраическое дополненіе элемента A_{ik} взаимнаго определителя Δ равняется соответственному элементу

a_{ik} первоначального определителя D , помноженному на D^{n-2} . Отсюда слѣдуетъ, что определитель, образованный изъ Δ также, какъ Δ былъ образованъ изъ D , т. е. взаимный взаимнаго, дастъ первоначальный определитель D , умноженный на $D^{n(n-2)}$, т. е. будетъ равенъ $D^{n(n-1)^2}$. Отсюда и возникъ терминъ: *взаимный определитель*.

IV. Если A_1 и A_2 два определителя одинаковаго порядка, при чемъ $A_1 A_2 = C$; если Δ_1 и Δ_2 определители, взаимные даннымъ A_1 и A_2 , при чемъ $\Delta_1 \Delta_2 = \Gamma$, то определитель Γ будетъ взаимный определителя C .

Теорема непосредственно вытекаетъ изъ соотношенія (46) при чемъ, конечно, предполагается, что умноженіе A_1 на A_2 , а также Δ_1 на Δ_2 производится одинаковымъ способомъ, напр. по горизонталямъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Симметрические, косые, косые симметрические и ортогональные определители.

§ 16. **Определения.** Если въ определителѣ (47) элементы a_{ik} таковы, что:

$$a_{ik} = a_{ki} \quad (i, k = 1, 2, \dots, n)$$

то определитель называется *симметрическимъ*. Элементы, лежащіе симметрично относительно главной діагонали, въ немъ равны.

Если же элементы таковы, что:

$$a_{ik} = -a_{ki} \quad (i \neq k)$$

то определитель называютъ *косымъ* (gobbo, schief) или *псевдосимметрическимъ*.

Если элементы a_{ik} таковы, что:

$$a_{ik} = -a_{ki}, \text{ если } i \neq k$$

$$a_{ii} = 0$$

то определитель называютъ *полусимметрическимъ* или *косымъ симметрическимъ* (emisimetrisci D.; schiefsymmetrische D.).

Элементы a_{ik} и a_{ki} называются *сопряженными*.

Определитель называютъ *ортогональнымъ*, если въ немъ сумма квадратовъ элементовъ каждой горизонтали равна единицѣ, а сумма произведеній соответственныхъ элементовъ двухъ какихъ либо горизонталей равна нулю, т. е.

$$a_{i1}^2 + a_{i2}^2 + \dots + a_{in}^2 = 1$$

$$a_{i1} a_{j1} + a_{i2} a_{j2} + \dots + a_{in} a_{jn} = 0 \quad (i \neq j)$$
(50)

§ 17. Свойства симметрических и косых симметрических определителей. Выведем въсколькo важнѣйшихъ теоремъ относительно симметрических и косых симметрических определителей.

I. *Определитель, взаимный даннаго симметрическаго, самъ симметрический.*

Мы знаемъ, что:

$$A_{ik} = (-1)^{i+k} \begin{vmatrix} a_{11} & \dots & a_{1,k-1} & a_{1,k+1} & \dots & a_{1n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\ a_{i-1,1} & \dots & a_{i-1,k-1} & a_{i-1,k+1} & \dots & a_{i-1,n} \\ a_{i+1,1} & \dots & a_{i+1,k-1} & a_{i+1,k+1} & \dots & a_{i+1,n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\ a_{n1} & \dots & a_{n,k-1} & a_{n,k+1} & \dots & a_{nn} \end{vmatrix}$$

Такъ какъ, по условію, $a_{ik} = a_{ki}$, то:

$$A_{ik} = (-1)^{i+k} \begin{vmatrix} a_{11} & \dots & a_{k-1,1} & a_{k+1,1} & \dots & a_{n1} \\ a_{12} & \dots & a_{k-1,2} & a_{k+1,2} & \dots & a_{n2} \\ \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\ a_{1,t-1} & \dots & a_{k-1,t-1} & a_{k+1,t-1} & \dots & a_{n,t-1} \\ a_{1,t+1} & \dots & a_{k-1,t+1} & a_{k+1,t+1} & \dots & a_{n,t+1} \\ \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\ a_{1n} & \dots & a_{k-1,n} & a_{k+1,n} & \dots & a_{nn} \end{vmatrix}$$

Переставимъ здѣсь колонны съ горизонталями, отчего определитель не можетъ измѣнить своего значенія:

$$A_{ik} = (-1)^{i+k} \begin{vmatrix} a_{11} & a_{12} & \dots & a_{1,t-1} & a_{1,t+1} & \dots & a_{1n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\ a_{k-1,1} & a_{k-1,2} & \dots & a_{k-1,t-1} & a_{k-1,t+1} & \dots & a_{k-1,n} \\ a_{k+1,1} & a_{k+1,2} & \dots & a_{k+1,t-1} & a_{k+1,t+1} & \dots & a_{k+1,n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\ a_{n1} & a_{n2} & \dots & a_{n,t-1} & a_{n,t+1} & \dots & a_{nn} \end{vmatrix} = A_{ki}$$

II. *Косой симметрической определитель нечетного порядка равен нулю.*

Так как в косом симметрическом определителе $a_{ik} = -a_{ki}$, $a_{ii} = 0$, то перемѣна знаковъ всѣхъ элементовъ будетъ равносильна транспозиціи горизонталей и колоннъ. Эта транспозиція, какъ мы знаемъ, не вліяетъ на значеніе определителя, а перемѣна знаковъ у всѣхъ элементовъ повлечетъ за собою умноженіе определителя на $(-1)^n$, т. е. если n нечетное число, самъ определитель измѣнитъ знакъ. Такимъ образомъ косой симметрической определитель нечетного порядка равенъ самому себѣ съ обратнымъ знакомъ, слѣдовательно онъ равенъ нулю.

III. *Если порядокъ косо симметрическаго определителя четный, то $A_{ik} = -A_{ki}$, а если нечетный, то $A_{ik} = A_{ki}$, т. е. въ первомъ случаѣ определитель, взаимный даннаго, самъ будетъ косой симметрической, а во второмъ—обыкновенный симметрической.*

Если въ минорѣ A_{ik} измѣнимъ знаки всѣхъ элементовъ, то получимъ A_{ki} , такъ какъ это измѣненіе равносильно транспозиціи колоннъ и горизонталей, слѣдовательно $A_{ik} = (-1)^{n-1} A_{ki}$, откуда и вытекаетъ теорема.

IV. *Въ косомъ симметрическомъ определителѣ нечетного порядка между дополнительными минорами его элементовъ имѣетъ мѣсто зависимость:*

$$A_{ii} A_{kk} = A_{ik}^2. \tag{51}$$

Основываясь на теоремѣ II, мы можемъ сказать, что въ этомъ определителѣ дополненія элементовъ какого либо ряда пропорціональны дополненіямъ соответственныхъ элементовъ ряда параллельнаго. Такимъ образомъ:

$$\frac{A_{ii}}{A_{ki}} = \frac{A_{i2}}{A_{k2}} = \dots = \frac{A_{ii}}{A_{ki}} = \dots = \frac{A_{ik}}{A_{kk}} = \dots = \frac{A_{in}}{A_{kn}}$$

откуда:

$$A_{ii} \cdot A_{kk} = A_{ik} A_{ki} = A_{ik}^2$$

ибо въ косомъ симметрическомъ определителѣ нечетного порядка $A_{ik} = A_{ki}$.

V. *Косой симметрической определитель четного порядка есть полный квадратъ выраженія цѣлаго рациональнаго относительно его элементовъ.*

Теорему докажемъ по способу математической индукціи, т. е. допустивъ ее справедливой для определителей $n - 2$ порядка (n четное), докажемъ ее справедливость и для определителей n -го порядка.

Если $n = 2$, то $\begin{vmatrix} 0 & a_{12} \\ -a_{12} & 0 \end{vmatrix} = a_{12}^2$ т. е. теорема справедлива.

Предварительно замѣтимъ, что *диагональные миноры косога симметрическаго опредѣлителя сами суть косые симметрическіе опредѣлители.*

Пусть имѣемъ косою симметрическій опредѣлитель D четнаго порядка n . Обозначимъ, какъ всегда, чрезъ A_{rs} алгебраическое дополненіе элемента a_{rs} . Тогда напр., A_{11} будетъ косою симметрическій опредѣлитель нечетнаго порядка и слѣд. $A_{11} = 0$. Обозначимъ чрезъ ω_{rs} алгебраическія дополненія элементовъ опредѣлителя A_{11} :

$$A_{11} = \begin{vmatrix} a_{22} & a_{23} & a_{24} & \dots & a_{2n} \\ a_{32} & a_{33} & a_{34} & \dots & a_{3n} \\ \vdots & \vdots & \vdots & \ddots & \vdots \\ a_{n2} & a_{n3} & a_{n4} & \dots & a_{nn} \end{vmatrix} = 0.$$

Тогда:

$$\begin{aligned} a_{22} \cdot \omega_{22} + a_{23} \cdot \omega_{23} + \dots + a_{2n} \cdot \omega_{2n} &= A_{11} = 0 \\ a_{32} \cdot \omega_{22} + a_{33} \cdot \omega_{23} + \dots + a_{3n} \cdot \omega_{2n} &= 0 \\ \dots & \\ a_{n2} \cdot \omega_{22} + a_{n3} \cdot \omega_{23} + \dots + a_{nn} \cdot \omega_{2n} &= 0 \end{aligned}$$

Возьмемъ теперь опредѣлитель D , умножимъ элементы его 2-ой колонны на ω_{22} и прибавимъ элементы 3-й, 4-й и т. д. колоннъ, умноженные соответственно на ω_{23} , ω_{24} , \dots , ω_{2n} . Тогда, вслѣдствіе послѣдней системы уравненій, окажется, что въ преобразованномъ опредѣлителѣ всѣ элементы 2-й колонны будутъ нули, за исключеніемъ перваго:

$$\omega_{22} D = \begin{vmatrix} a_{11}, & a_{12} \cdot \omega_{22} + a_{13} \cdot \omega_{23} + \dots + a_{1n} \cdot \omega_{2n}, & a_{13} \dots a_{1n} \\ a_{21}, & 0 & a_{23} \dots a_{2n} \\ \dots & \dots & \dots \\ a_{n1} & 0 & a_{n3} \dots a_{nn} \end{vmatrix}$$

и потому, разлагая опредѣлитель по элементамъ 2-й колонны, получимъ:

$$\omega_{22} \cdot D = -(a_{12} \cdot \omega_{22} + a_{13} \cdot \omega_{23} + \dots + a_{1n} \cdot \omega_{2n}) \begin{vmatrix} a_{21} & a_{23} & a_{2n} \\ a_{31} & a_{33} & a_{3n} \\ \vdots & \vdots & \vdots \\ a_{n1} & a_{n3} & a_{nn} \end{vmatrix}$$

Разложимъ опредѣлитель, стоящій въ правой части, по элементамъ первой колонны. Мы получимъ:

$$a_{21} \cdot \omega_{22} + a_{31} \cdot \omega_{32} + \dots + a_{n1} \cdot \omega_{n2}$$

ибо этот определитель отличается от A_{11} тѣмъ, что элементы:

$$a_{22}, a_{32}, \dots, a_{n2}$$

первой колонны въ A_{11} замѣнены элементами:

$$a_{21}, a_{31}, \dots, a_{n1}.$$

Такъ какъ D есть косою симметрической определитель, то:

$$a_{21} = -a_{12}; \quad a_{31} = -a_{13}; \quad \dots \quad a_{n1} = -a_{1n}.$$

Далѣе, такъ какъ $\omega_{22}, \dots, \omega_{n2}$ суть миноры косою симметрическаго определителя A_{11} нечетнаго порядка (см. выше теорему III), то:

$$\omega_{22} = \omega_{22}; \quad \omega_{32} = \omega_{23}; \quad \dots \quad \omega_{n2} = \omega_{2n}$$

и потому вышеприведенное выраженіе перепишется въ такомъ видѣ:

$$-(a_{12} \omega_{22} + a_{13} \omega_{23} + \dots + a_{1n} \omega_{2n})$$

и слѣдовательно:

$$\omega_{22} \cdot D = (a_{12} \cdot \omega_{22} + a_{13} \cdot \omega_{23} + \dots + a_{1n} \cdot \omega_{2n})^2.$$

Но выше было доказано, что для миноровъ косою симметрическаго определителя нечетнаго порядка $\omega_{rr} \cdot \omega_{rs} = \omega_{rs}^2$, такъ что:

$$\omega_{23} = \sqrt{\omega_{22}} \cdot \sqrt{\omega_{33}}; \quad \omega_{24} = \sqrt{\omega_{22}} \cdot \sqrt{\omega_{44}}; \quad \dots \quad \omega_{2n} = \sqrt{\omega_{22}} \cdot \sqrt{\omega_{nn}}$$

и потому:

$$D = (a_{12} \sqrt{\omega_{22}} + a_{13} \sqrt{\omega_{33}} + \dots + a_{1n} \sqrt{\omega_{nn}})^2.$$

Такъ какъ ω_{pp} суть косые симметрическіе определители ¹⁾ четнаго порядка $n - 2$, то для нихъ, по предположенію, теорема справедлива и слѣд. $\sqrt{\omega_{pp}}$ есть выраженіе рациональное, а потому D будетъ квадратомъ цѣлаго рациональнаго выраженія, что и требовалось доказать.

Замѣтимъ, что знаки радикаловъ слѣдуетъ выбирать такъ, чтобы

$$\sqrt{\omega_{pp}} \sqrt{\omega_{qq}} = + \omega_{pq},$$

такъ что достаточно выбрать знакъ одного радикала, чтобы опредѣлить знаки всѣхъ остальныхъ.

¹⁾ ибо ω_{pp} суть діагональные миноры косою симметрическаго определителя.

§ 18. Свойства ортогональных определителей. Укажемъ еще нѣсколько свойствъ ортогональных определителей.

I. Числовое значеніе всякаго ортогональнаго определителя равно положительной единицѣ.

Дѣйствительно, применяя правило перемноженія определителя и равенства (50), получимъ:

$$D^2 = \begin{vmatrix} 1 & 0 & \dots & 0 \\ 0 & 1 & \dots & 0 \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ 0 & 0 & \dots & 1 \end{vmatrix} = 1; \quad D = \pm 1.$$

II. Алгебраическое дополненіе какого либо элемента ортогональнаго определителя равно произведенію этого элемента на значеніе определителя.

Разсмотримъ миноръ A_{ik} :

$$A_{ik} = \begin{vmatrix} a_{11} & \dots & a_{1, k-1} & 0 & a_{1, k+1} & \dots & a_{1n} \\ a_{21} & \dots & a_{2, k-1} & 0 & a_{2, k+1} & \dots & a_{2n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\ a_{i-1, 1} & \dots & a_{i-1, k-1} & 0 & a_{i-1, k+1} & \dots & a_{i-1, n} \\ a_{i1} & \dots & a_{i, k-1} & 1 & a_{i, k+1} & \dots & a_{i, n} \\ a_{i+1, 1} & \dots & a_{i+1, k-1} & 0 & a_{i+1, k+1} & \dots & a_{i+1, n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\ a_{n1} & \dots & a_{n, k-1} & 0 & a_{n, k+1} & \dots & a_{nn} \end{vmatrix}$$

Вычтемъ здѣсь изъ элементовъ k -ой колонны соответственные элементы первой, второй, ... $k-1$ -ой, $k+1$ -ой, ... n -ой колоннъ, помноженные соответственно на:

$$a_{i, 1}, a_{i, 2}, \dots, a_{i, k-1}, a_{i, k+1}, \dots, a_{i, n}$$

Мы получимъ:

$$A_{ik} = \begin{vmatrix} a_{11} & a_{12} & \dots & a_{1, k-1} & E_{1, k} & a_{1, k+1} & \dots & a_{1n} \\ a_{21} & a_{22} & \dots & a_{2, k-1} & E_{2, k} & a_{2, k+1} & \dots & a_{2n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\ a_{i1} & a_{i2} & \dots & a_{i, k-1} & E_{i, k} & a_{i, k+1} & \dots & a_{in} \\ \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\ \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \end{vmatrix}$$

гдѣ, ради краткости, положено:

$$\begin{aligned} E_{pk} = & - a_{p1} \cdot a_{i1} - a_{p2} \cdot a_{i2} - \dots - a_{p, k-1} \cdot a_{i, k-1} - \\ & - a_{p, k+1} \cdot a_{i, k+1} - \dots - a_{pn} \cdot a_{in} \end{aligned}$$

или, вслѣдствіе соотношеній (50):

$$A_{ik} = \begin{vmatrix} a_{11} & a_{12} & \dots & a_{1, k-1} & a_{1k} \cdot a_{ik} & a_{1, k+1} & \dots & a_{1n} \\ a_{21} & a_{22} & \dots & a_{2, k-1} & a_{2k} \cdot a_{ik} & a_{2, k+1} & \dots & a_{2n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\ a_{i-1, 1} & a_{i-1, 2} & \dots & a_{i-1, k-1} & a_{i-1, k} \cdot a_{ik} & a_{i-1, k+1} & \dots & a_{i-1, n} \\ a_{i1} & a_{i2} & \dots & a_{i, k-1} & a_{ik}^2 & a_{i, k+1} & \dots & a_{in} \\ \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\ a_{n1} & a_{n2} & \dots & a_{n, k-1} & a_{nk} \cdot a_{ik} & a_{n, k+1} & \dots & a_{nn} \end{vmatrix}$$

Здѣсь всѣ элементы k -ой колонны имѣютъ одного и того-же множителя a_{ik} и, если его вынесемъ за знакъ определителя, то получимъ:

$$A_{ik} = a_{ik} \cdot D. \tag{52}$$

III. Если въ ортогональномъ определителѣ переставимъ колонны и горизонтали, то преобразованный определитель будетъ снова ортогональнымъ.

Если въ извѣстныхъ намъ соотношеніяхъ:

$$\begin{aligned} a_{1k} A_{1k} + a_{2k} A_{2k} + \dots + a_{nk} A_{nk} &= D \\ a_{1k} A_{1l} + a_{2k} A_{2l} + \dots + a_{nk} A_{nl} &= 0 \quad (k \neq l) \end{aligned}$$

вставимъ значенія миноровъ A изъ соотношеній (52), то получимъ:

$$\begin{aligned} a_{1k}^2 + a_{2k}^2 + \dots + a_{nk}^2 &= 1 \\ a_{1k} a_{1l} + a_{2k} a_{2l} + \dots + a_{nk} a_{nl} &= 0 \quad (k \neq l) \end{aligned}$$

чѣмъ теорема и доказана.

IV. Произведение двухъ ортогональныхъ определителей есть снова ортогональный определитель.

Пусть $A = |a_{ik}|$; $B = |b_{ik}|$ два ортогональные определителя и $C = |c_{ik}|$ ихъ произведеніе, такъ что напр.:

$$c_{ik} = a_{i1} b_{k1} + a_{i2} b_{k2} + \dots + a_{in} b_{kn}$$

Разсмотримъ сумму квадратовъ элементовъ какой нибудь строки, напр. k -й:

$$c_{1k}^2 + \dots + c_{nk}^2 = b_{k1}^2 \sum a_{i1}^2 + \dots + b_{kn}^2 \sum a_{in}^2 + \dots + 2b_{k1} \cdot b_{k2} \sum a_{i1} a_{i2} + \dots$$

Такъ какъ:

$$\sum a_{i1}^2 = 1; \quad \sum a_{i2}^2 = 1; \quad \dots \quad \sum a_{in}^2 = 1$$

$$\sum a_{i1} a_{i2} = 0 \quad \dots \dots \dots$$

то:

$$c_{1k}^2 + \dots + c_{nk}^2 = b_{k1}^2 + \dots + b_{kn}^2 = 1.$$

Аналогично докажемъ, что:

$$c_{i1} c_{k1} + c_{i2} c_{k2} + \dots + c_{in} c_{kn} = 0 \quad (i \neq k)$$

слѣдовательно опредѣлитель C ортогональный.

Приложеніе геометрическихъ производныхъ къ теоріи кривыхъ и поверхностей.

Глава I.

Основанія теоріи векторовъ.

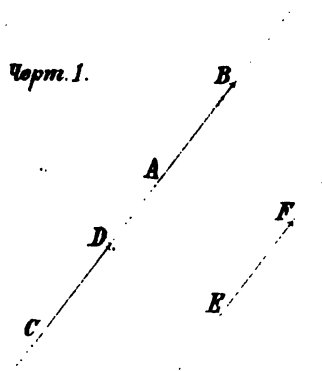
I.

ВЕКТОРЫ.

§ 1. Опредѣленіе вектора, оси и индекса оси. Геометрическое равенство.

Векторомъ называется отрѣзокъ прямой, имѣющей опредѣленную длину и опредѣленное направленіе. Точки, служащія границами отрѣзка прямой, называются началомъ и концомъ вектора. Направленіе вектора идетъ отъ начала къ концу. На чертежѣ направленіе вектора обозначается стрѣлкой, а при обозначеніи буквами—порядкомъ буквъ, причеиъ буква, обозначающая начало, ставится впереди.

Прямая, имѣющая опредѣленное направленіе, называется осью. Направленіе оси можно характеризовать векторомъ единичной длины, совпадающимъ по направленію съ направленіемъ оси. Этотъ векторъ единичной длины будемъ называть указателемъ или индексомъ данной оси.

Векторы одинаковой длины, лежащіе на одной и той же или на параллельныхъ прямыхъ и одинаково направленные, называются геометри-

чески равными. Геометрическое равенство обозначается знаком =, причемъ приравниваемыя величины заключаются въ скобки, напр. (черт. 1):

$$(AB) = (CD) = (EF).$$

Векторы одинаковой длины, лежащіе на одной и той же или на параллельныхъ прямыхъ, но различно направленные, называются противоположными.

§ 2. Координаты вектора и оси (индекса).

Векторъ вполне опредѣленъ, если извѣстны его длина и направление.

Направление вектора обыкновенно задается тремя косинусами λ, μ, ν угловъ, которые онъ составляетъ съ осями прямоугольныхъ декартовыхъ координатъ.

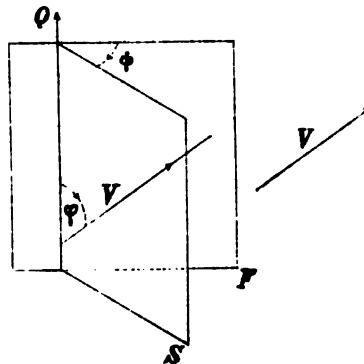
Такъ какъ между этими косинусами имѣемъ соотношеніе

$$\lambda^2 + \mu^2 + \nu^2 = 1, \tag{1}$$

то только два изъ нихъ независимы.

Должно замѣтить однако, что заданіе двухъ косинусовъ не опредѣляетъ направленія вектора однозначно; на самомъ дѣлѣ, тогда для третьяго косинуса получаемъ изъ (1) два значенія (противоположныхъ знаковъ).

Черт. 2.

Векторъ можно задать однозначно его длиной и двумя углами: угломъ φ (черт. 2) вектора V съ нѣкоторой данной осью Q и двуграннымъ угломъ ψ между плоскостью S , проведенной черезъ ось Q параллельно вектору V , и нѣкоторой постоянной плоскостью T , проходящей черезъ ту же ось Q .

Такимъ образомъ векторъ вполне опредѣляется тремя величинами, которыя называются его координатами.

За координаты вектора всего удобнѣе принять три его проэкции на прямоугольныя оси координатъ. Эти проэкции вектора V будемъ обозначать V_x, V_y, V_z , или X, Y, Z . Своими проэциями векторъ опредѣляется вполне однозначно. Если начало вектора помѣстить въ началѣ координатъ, то X, Y, Z будутъ декартовы координаты конца вектора.

Длина вектора, которую мы будемъ обозначать, какъ и самъ векторъ, черезъ V , такимъ образомъ выражается черезъ его координаты:

$$V = + \sqrt{X^2 + Y^2 + Z^2}. \quad (2)$$

Выраженія для косинусовъ угловъ направленія вектора съ направлениемъ осей координатъ будутъ слѣдующія:

$$\cos(V, x) = \frac{X}{V}, \quad \cos(V, y) = \frac{Y}{V}, \quad \cos(V, z) = \frac{Z}{V}.$$

Аналогично сказанному и индексъ какой либо оси U опредѣляется своими тремя проэциями на координатныя оси; эти проэкции мы будемъ обозначать x, y, z ; причемъ, конечно, между координатами индекса по (2) всегда имѣемъ соотношеніе:

$$x^2 + y^2 + z^2 = 1.$$

Проэкция вектора $V(X, Y, Z)$ на направление оси или, что тоже, индекса ея $U(x, y, z)$ представится такимъ образомъ:

$$V \cos(VU) = Xx + Yy + Zz.$$

Если два вектора $V(X, Y, Z)$ и $V_1(X_1, Y_1, Z_1)$ геометрически равны, т. е. если

$$(V) = (V_1),$$

то и координаты ихъ равны:

$$X = X_1; \quad Y = Y_1; \quad Z = Z_1.$$

Если два вектора $V(X, Y, Z)$ и $V_1(X_1, Y_1, Z_1)$ противоположны, то координаты ихъ знаковъ противоположныхъ, т. е.

$$X = -X_1; \quad Y = -Y_1; \quad Z = -Z_1.$$

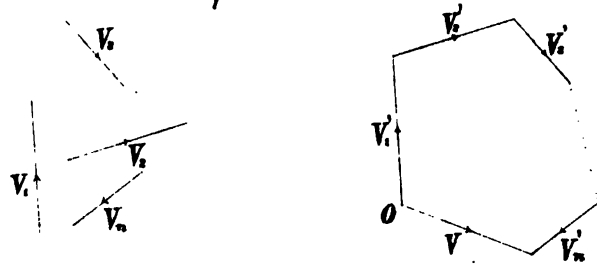
§ 3. Геометрическое сложение и вычитаніе.

Положимъ, даны n векторовъ $V_1, V_2, V_3, \dots, V_n$ съ координатами:

$$\begin{aligned} X_1, Y_1, Z_1, \\ X_2, Y_2, Z_2, \\ X_3, Y_3, Z_3, \\ \dots \dots \dots \\ X_n, Y_n, Z_n. \end{aligned}$$

Возьмемъ произвольную точку (полюсъ) O и построимъ векторъ V_1' (черт. 3) съ началомъ въ O геометрически равный вектору V_1 , изъ конца V_1' построимъ векторъ V_2' геометрически равный V_2 и т. д. до вектора V_n' . Векторъ V съ началомъ въ O и съ концомъ въ концѣ вектора V_n' будемъ называть геометрической суммой данныхъ векторовъ $V_1, V_2, V_3, \dots, V_n$. Такого рода операция получения геометрической суммы называется геометрическимъ сложениемъ.

Черт. 3.

Геометрическое сложение обозначается также знаком $+$, только названія слагаемыхъ векторовъ заключаются въ скобки; такъ въ нашемъ случаѣ:

$$(V) = (V_1) + (V_2) + (V_3) + \dots + (V_n).$$

Координаты X, Y, Z вектора V представляютъ собой алгебраическія суммы координатъ слагаемыхъ:

$$\begin{aligned} X &= X_1 + X_2 + X_3 + \dots + X_n = \sum_{i=1}^{i=n} X_i, \\ Y &= Y_1 + Y_2 + Y_3 + \dots + Y_n = \sum_{i=1}^{i=n} Y_i, \\ Z &= Z_1 + Z_2 + Z_3 + \dots + Z_n = \sum_{i=1}^{i=n} Z_i. \end{aligned}$$

Геометрическую сумму двухъ векторовъ можно разсматривать какъ діагональ параллелограмма, стороны котораго геометрически равны слагаемымъ векторамъ.

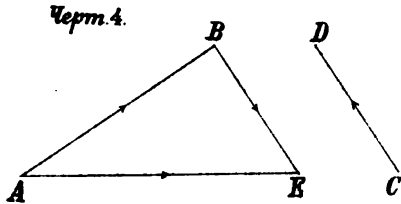
Геометрическую сумму трехъ векторовъ можно разсматривать какъ діагональ параллелепипеда, ребра котораго геометрически равны слагаемымъ векторамъ.

Всякій векторъ можетъ быть разсматриваемъ, какъ геометрическая сумма своихъ координатъ:

$$(V) = (V_x) + (V_y) + (V_z).$$

Операція геометрическаго сложения подчиняется перемѣстительному (коммутативному) и сочетательному (ассоціативному) законамъ, т. е. геометрическая сумма не зависитъ отъ порядка слагаемыхъ, а также отъ замѣны нѣсколькихъ слагаемыхъ ихъ суммой.

Вычитаніе есть дѣйствіе обратное сложению: по геометрической суммѣ и одному слагаемому надо опредѣлять другое слагаемое. Результатъ геометрическаго вычитанія называется геометрической разностью.

Если AB (черт. 4) — уменьшаемое, а CD вычитаемое, то разность получится какъ результатъ сложения векторовъ AB и DC , т. е. вектора противоположнаго вектору CD .

Обозначается вычитаніе такъ:

$$(AE) = (AB) - (CD).$$

Итакъ для того, чтобы получить результатъ операций такимъ образомъ обозначенныхъ:

$$(V_1) + (V_2) - (V_3) - (V_4) + (V_5) + \dots - (V_{n-1}) + (V_n)$$

надо взять полюсъ O и изъ него построить векторъ V_1' геометрически равный вектору V_1 , затѣмъ изъ конца V_1' векторъ V_2' геометрически равный вектору V_2 , изъ конца V_2' векторъ противоположный вектору V_3 векторъ

V_3' и т. д., руководствуясь тѣмъ правиломъ, что вмѣсто тѣхъ векторовъ передъ которыми стоитъ знакъ —, надо строить векторы противоположные имъ. Векторъ V , имѣющій начало въ O , а конецъ въ концѣ послѣдняго построеннаго вектора, представить собой результатъ вышеозначенныхъ операцій. Его координаты будутъ:

$$X = X_1 + X_2 - X_3 - X_4 + X_5 + \dots - X_{n-1} + X_n,$$

$$Y = Y_1 + Y_2 - Y_3 - Y_4 + Y_5 + \dots - Y_{n-1} + Y_n,$$

$$Z = Z_1 + Z_2 - Z_3 - Z_4 + Z_5 + \dots - Z_{n-1} + Z_n.$$

§ 4. Разложеніе вектора на его составляющія.

Представить данный векторъ, какъ геометрическую сумму нѣсколькихъ векторовъ, значить разложить данный векторъ на его слагаемыя или составляющія.

Разложенія даннаго вектора могутъ быть самыя разнообразныя. Чаще всего требуется разложить данный векторъ на составляющія по даннымъ направленіямъ. Если задается два направленія, то разложеніе возможно только въ томъ случаѣ, когда два эти направленія и направленіе даннаго вектора параллельны одной и той же плоскости.

Составляющую вектора V по направленію k будемъ обозначать V_k . Если векторъ V разложенъ по двумъ направленіямъ n и m , то, очевидно,

$$(V) = (V_n) + (V_m).$$

II.

ВЕКТОРЪ-ФУНКЦІЯ.

§ 5. Опредѣленіе.

Векторъ, длина и направленіе котораго опредѣляются значеніями нѣкоторыхъ переменныхъ t, u, v, \dots , называется векторіальной функціей или, сокращенно, векторъ-функціей этихъ переменныхъ.

Координаты такого вектора будутъ скалярныя (числовыя) функціи тѣхъ же переменныхъ.

По числу независимыхъ переменныхъ различаются векторъ-функціи одного, двухъ и многихъ переменныхъ.

Векторъ-функція одного переменнаго.

§ 6. Годографъ.

Координатами векторъ-функція V одного переменнаго t служатъ скалярныя функція того же переменнаго:

$$X = f_1(t); \quad Y = f_2(t); \quad Z = f_3(t). \quad (1)$$

Функція эти мы будемъ считать однозначными и непрерывными.

Если станемъ измѣнять t и изъ одного неизмѣннаго полюса O строить соответствующіе значеніямъ t векторы, то геометрическимъ мѣстомъ концовъ этихъ векторовъ будетъ, вообще говоря, нѣкоторая кривая H , которая носитъ названіе годографа даннаго вектора V .

Пусть O совпадаетъ съ началомъ координатъ, тогда (§ 2) X, Y, Z служатъ координатами точки на годографѣ и равенства (1) представляютъ собою уравненіе годографа въ декартовыхъ координатахъ.

Если векторъ измѣняется только по длинѣ, то годографомъ его будетъ отръзокъ прямой, совпадающей съ нимъ по направленію. Годографомъ вектора, сохраняющаго постоянную длину, служитъ сферическая кривая. Годографомъ постояннаго вектора будетъ точка.

Если проэція векторъ-функція на какое либо неизмѣнное направленіе постоянна, то годографомъ этого вектора будетъ нѣкоторая плоская кривая, плоскость которой перпендикулярна къ названному неизмѣнному направленію. Эта плоскость проходитъ черезъ полюсъ, если постоянная проэція равна нулю.

Если проэція векторъ-функція на два неизмѣнныхъ направленія постоянны, то годографомъ такого вектора служитъ перпендикуляръ къ плоскости, параллельной этимъ двумъ неизмѣннымъ направленіямъ. Напр., годографомъ вектора, у котораго координаты

$$X = const., \quad Y = const., \quad Z = f(t)$$

будетъ прямая параллельная оси z' овъ.

§ 7. Геометрическая производная и дифференціалъ.

Положимъ, что для нѣкотораго значенія независимаго переменнаго t векторъ-функція принимаетъ значеніе $V(X, Y, Z)$. Дадимъ переменному t приращеніе Δt , тогда для новаго значенія независимаго переменнаго $t_1 = t + \Delta t$ векторъ-функція приметъ, вообще говоря, новое значеніе $V_1(X_1, Y_1, Z_1)$.

Геометрическая разность

$$(V_1) - (V) = (\Delta V)$$

носить название геометрическаго приращенія векторъ-функціи, соотвѣтствующаго приращенію независимаго переменнаго Δt .

Координатами этого приращенія будутъ соотвѣтственно:

$$X_1 - X = \Delta X; \quad Y_1 - Y = \Delta Y; \quad Z_1 - Z = \Delta Z.$$

Разсмотримъ векторъ съ координатами:

$$\frac{\Delta X}{\Delta t}, \quad \frac{\Delta Y}{\Delta t}, \quad \frac{\Delta Z}{\Delta t}; \tag{1}$$

длина этого вектора равняется длинѣ геометрическаго приращенія ΔV , раздѣленной на приращеніе независимаго переменнаго Δt , а направленіе или совпадаетъ съ направленіемъ ΔV при $\Delta t > 0$ или противоположно при $\Delta t < 0$.

Разсматриваемый векторъ очевидно измѣняется съ измѣненіемъ Δt . При Δt бесконечно маломъ векторъ этотъ можетъ стремиться къ нѣкоторому предѣлу. Предѣлъ этотъ, если таковой существуетъ, носить название геометрической производной отъ векторъ-функціи V по переменному t и обозначается \dot{V} .

Координатами геометрической производной будутъ по (1) производныя отъ скалярныхъ функцій X, Y, Z или, короче, скалярныя производныя отъ координатъ вектора V , т. е.

$$\dot{V} \cos(\dot{V}x) = \dot{V}_x = \frac{dX}{dt} = f_1'(t);$$

$$\dot{V} \cos(\dot{V}y) = \dot{V}_y = \frac{dY}{dt} = f_2'(t);$$

$$\dot{V} \cos(\dot{V}z) = \dot{V}_z = \frac{dZ}{dt} = f_3'(t).$$

Такимъ образомъ существованіе геометрической производной обуславливается существованіемъ трехъ скалярныхъ производныхъ.

Бесконечно малый векторъ съ координатами:

$$dX = f_1'(t) dt,$$

$$dY = f_2'(t) dt,$$

$$dZ = f_3'(t) dt,$$

гдѣ dt дифференціалъ независимаго переменнаго, будемъ называть геометрическимъ дифференціаломъ векторъ-функции $V(X, Y, Z)$ и обозначать (dV) .

При $dt > 0$, что обыкновенно принимается, направленія геометрическаго дифференціала и геометрической производной совпадаютъ.

Геометрическая производная отъ постояннаго вектора A равна нулю, т. е.

$$(\dot{A}) = 0.$$

Геометрическая производная отъ вектора $V(X, Y, Z)$ постоянной длины ортогональна къ направленію самого вектора. На самомъ дѣлѣ, дифференцируя равенство

$$X^2 + Y^2 + Z^2 = const.,$$

выражающее постоянство длины вектора, находимъ:

$$XX' + YY' + ZZ' = 0,$$

т. е.

$$\cos(V\dot{V}) = 0, \tag{2}$$

что и доказываетъ сказанное.

Геометрическая производная (дифференціалъ) отъ суммы векторъ-функций равняется геометрической суммѣ производныхъ (дифференціаловъ) отъ слагаемыхъ.

Если

$$(V) = (V_1) + (V_2) + \dots + (V_n),$$

то

$$(\dot{V}) = (\dot{V}_1) + (\dot{V}_2) + \dots + (\dot{V}_n).$$

Это очевидное положеніе непосредственно подтверждается соответствующими равенствами между координатами векторовъ.

§ 8. Связь между геометрической производной и годографомъ.

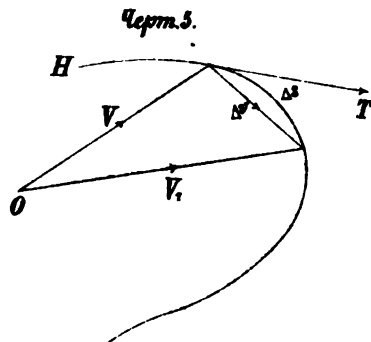
Построимъ годографъ H (черт. 5) для векторъ-функции V .

Геометрическая производная отъ вектора V , векторъ \dot{V} , по величинѣ равняется:

$$\lim \left(\frac{\Delta V}{\Delta t} \right)_{\Delta t=0},$$

но ΔV есть хорда, стягивающая соответствующую дугу ΔS годографа H , следовательно:

$$\lim_{\Delta S \rightarrow 0} \left(\frac{\Delta V}{\Delta S} \right) = 1.$$

Поэтому

$$\dot{V} = \lim_{\Delta t \rightarrow 0} \left(\frac{\Delta V}{\Delta t} \right) = \lim_{\Delta t \rightarrow 0} \left(\frac{\Delta S}{\Delta t} \right) = \frac{dS}{dt},$$

т. е. геометрическая производная по величинѣ равна скалярной производной отъ дуги годографа по независимому переменному.

Направленіе же геометрической производной, какъ предѣльное направленіе хорды кривой, совпадаетъ съ направленіемъ касательной къ годографу. Причемъ должно замѣтить, что направленіе вектора \dot{V} идетъ по касательной въ ту сторону, въ которую отклоняется векторъ V при возрастаніи независимаго переменнаго (при $\Delta t > 0$). На самомъ дѣлѣ при $\Delta t > 0$ направленіе вектора \dot{V} служитъ предѣломъ направленія вектора ΔV , а при $\Delta t < 0$, по (1) § 7, направленіе \dot{V} будетъ противоположно приращенію ΔV , соответствующему отрицательному Δt , т. е. снова совпадать съ направленіемъ ΔV при Δt положительномъ ¹⁾.

Совпаденіе направленій геометрической производной и касательной къ годографу дѣлаетъ предложеніе (2) § 7 геометрически очевиднымъ, такъ какъ по § 6 для вектора постоянной длины годографомъ служатъ кривая, лежащая на сферѣ съ центромъ въ начальномъ полюсѣ.

¹⁾ Конечно при этомъ предполагается, что взятое значеніе независимаго переменнаго t не есть особенное для вектора V , т. е. ни для одной изъ скалярныхъ функций X, Y, Z .

§ 9. Геометричесія производныя и дифференціалы высшихъ порядковъ.

Векторъ \dot{V} въ свою очередь есть векторъ-функція; поэтому мы можемъ разсматривать геометрическую производную отъ этого вектора. По отношенію къ вектору V это будетъ вторая геометрическая производная, которую мы будемъ обозначать \ddot{V} или $\overset{(2)}{V}$. Координатами этого вектора служатъ вторыя скалярныя производныя отъ координатъ V по перемѣнному t , т. е.

$$\frac{d^2 X}{dt^2}, \quad \frac{d^2 Y}{dt^2}, \quad \frac{d^2 Z}{dt^2}.$$

Вообще можно разсматривать n -ую геометрическую производную отъ вектора V , обозначать которую будемъ $\overset{(n)}{V}$ и координатами которой будутъ соответственно:

$$\frac{d^n X}{dt^n} = f_1^{(n)}(t); \quad \frac{d^n Y}{dt^n} = f_2^{(n)}(t); \quad \frac{d^n Z}{dt^n} = f_3^{(n)}(t).$$

Векторъ съ координатами:

$$d^n X = f_1^{(n)}(t) dt^n,$$

$$d^n Y = f_2^{(n)}(t) dt^n,$$

$$d^n Z = f_3^{(n)}(t) dt^n,$$

мы назовемъ геометрическимъ дифференціаломъ n -аго порядка и будемъ обозначать $(d^n V)$.

§ 10. Прозиціи геометрической производной и дифференціала на постоянное и перемѣнное направленія.

Индексомъ оси постоянного направленія служитъ постоянный векторъ единичной длины, а индексомъ оси перемѣннаго направленія—векторъ-функція единичной длины.

Координаты постоянного индекса, вектора a , будемъ обозначать черезъ a, b, c , а перемѣннаго, вектора U , черезъ

$$x = f_1(t); \quad y = f_2(t); \quad z = f_3(t).$$

Изъ геометрическаго равенства

$$(\dot{V}) = (\dot{V}_x) + (\dot{V}_y) + (\dot{V}_z) \tag{1}$$

слѣдуетъ, что

$$\dot{V} \cos(\dot{V}_a) = \dot{V}_x a + \dot{V}_y b + \dot{V}_z c,$$

такъ какъ проэція геометрической суммы равна суммѣ проэцій слагаемыхъ на то же направленіе.

Но

$$\begin{aligned} & \dot{V}_x a + \dot{V}_y b + \dot{V}_z c = \\ & = \frac{dX}{dt} a + \frac{dY}{dt} b + \frac{dZ}{dt} c = \frac{d}{dt} (Xa + Yb + Zc) = \frac{d}{dt} [V \cos (Va)], \end{aligned}$$

откуда

$$\dot{V} \cos (Va) = \frac{d}{dt} [V \cos (Va)],$$

т. е. проэція геометрической производной на постоянное направленіе равна скалярной производной отъ проэціи вектора на то же направленіе.

Для проэціи геометрической производной на переменное направленіе U изъ того же геометрическаго равенства (1) слѣдуетъ:

$$\dot{V} \cos (VU) = \dot{V}_x x + \dot{V}_y y + \dot{V}_z z,$$

но

$$\begin{aligned} & \dot{V}_x x + \dot{V}_y y + \dot{V}_z z = \\ & = \frac{dX}{dt} x + \frac{dY}{dt} y + \frac{dZ}{dt} z = \frac{d}{dt} (Xx + Yy + Zz) - \left(X \frac{dx}{dt} + Y \frac{dy}{dt} + Z \frac{dz}{dt} \right) = \\ & = \frac{d}{dt} [V \cos (VU)] - V\dot{U} \cos (V\dot{U}), \end{aligned}$$

гдѣ \dot{U} есть геометрическая производная отъ индекса U по перемѣнному t , имѣющая координаты:

$$\frac{dx}{dt}, \quad \frac{dy}{dt}, \quad \frac{dz}{dt}.$$

Такимъ образомъ получимъ:

$$\dot{V} \cos (V\dot{U}) = \frac{d}{dt} [V \cos (VU)] - V\dot{U} \cos (V\dot{U}). \quad (2)$$

Это равенство легко запоминается (аналогія съ выраженіемъ производной отъ произведенія) въ такой формѣ:

$$\frac{d}{dt} [V \cos (VU)] = \dot{V} \cos (V\dot{U}) + V\dot{U} \cos (V\dot{U}).$$

Не трудно видѣть, что проэкции геометрическаго дифференціала на тѣ же направленія a и U выразятся такимъ образомъ:

$$dV \cos(dV a) = d[V \cos(Va)] \quad (3)$$

$$dV \cos(dV U) = d[V \cos(VU)] - VdU \cos(VdU), \quad (4)$$

гдѣ dU —геометрическій дифференціалъ отъ индекса U .

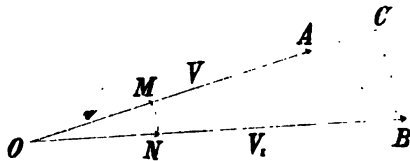
§ 11. Прозекціи геометрической производной отъ вектора на направленіе самого вектора и на плоскость къ нему перпендикулярную.

Разсмотримъ два значенія вектора: V и V_1 (черт. 6), соответствующихъ значеніямъ независимаго переменнаго t и $t + \Delta t$. Векторъ $(\Delta V) = (AB)$ представить геометрическое приращеніе, соответствующее приращенію Δt независимаго переменнаго.

Изъ конца вектора V_1 —точки B —опустимъ перпендикуляръ BC на направленіе V . Тогда, очевидно, проэкция геометрической производной \dot{V} на направленіе V можетъ быть представлена такимъ предѣломъ:

$$\dot{V} \cos(\dot{V} V) = \lim_{\Delta t \rightarrow 0} \left(\frac{AC}{\Delta t} \right)$$

Черт. 6.

По безконечной малости угла AOB перпендикуляръ BC можно считать дугой радиуса OB , а потому $AC = OB - OA$ представить приращеніе длины вектора V , а предѣлъ отношенія $\frac{AC}{\Delta t}$ скалярную производную отъ той же длины; такимъ образомъ

$$\dot{V} \cos(\dot{V} V) = \frac{dV}{dt}. \quad (1)$$

Вторая проэкция— $\dot{V} \cos(\dot{V} n)$,—гдѣ черезъ n обозначено направленіе перпендикулярное къ направленію V и параллельное плоскости, содер-

жащей направленія V и \dot{V} ¹⁾). выразится такимъ образомъ:

$$\dot{V} \cos(\dot{V}n) = \lim_{\Delta t \rightarrow 0} \left(\frac{CB}{\Delta t} \right) \quad (2)$$

но

$$CB = V_1 \cdot MN.$$

гдѣ $(MN) = (\Delta v)$ представляетъ собой геометрическое приращеніе вектора v —индекса направленія V , поэтому изъ (2), переходя къ предѣлу, найдемъ:

$$\dot{V} \cos(\dot{V}n) = \dot{V}v. \quad (3)$$

Полученные результаты (1) и (3) непосредственно обобщаются для геометрическихъ производныхъ высшихъ порядковъ.

Проекціи геометрической производной k -аго порядка могутъ быть представлены такимъ образомъ:

$$V \cos(V \overset{(k)}{V}) = \frac{d\overset{(k)}{V}}{dt} \quad (4)$$

$$V \cos(V n_{k-1}) = \overset{(k)}{V} v_{k-1}. \quad (5)$$

гдѣ черезъ v_{k-1} обозначенъ индексъ направленія вектора $\overset{(k)}{V}$, а черезъ n_{k-1} направленіе, совпадающее съ направленіемъ v_{k-1} .

Векторъ-функція двухъ переменныхъ.

§ 12. Годографъ или годографическая поверхность и частные годографы.

Координатами векторъ-функціи V двухъ переменныхъ u и v служатъ скалярныя функціи тѣхъ же переменныхъ:

$$\begin{aligned} X &= \varphi_1(u, v), \\ Y &= \varphi_2(u, v), \\ Z &= \varphi_3(u, v). \end{aligned} \quad (1)$$

И здѣсь мы ограничимся разсмотрѣніемъ только однозначныхъ и непрерывныхъ функцій.

¹⁾ Направленіе n совпадаетъ съ направленіемъ вектора \dot{v} , см. ниже.

Если станемъ измѣнять u и v и изъ одного неизмѣннаго полюса O строить, соотвѣтствующіе различнымъ значеніямъ u и v , векторы, то геометрическимъ мѣстомъ концовъ этихъ векторовъ будетъ, вообще говоря, нѣкоторая поверхность, которую назовемъ годографической поверхностью или годографомъ данной векторъ-функции двухъ перемѣнныхъ и обозначимъ h .

Годографическая поверхность вектора измѣняющагося только по длинѣ, обращается въ отрѣзокъ прямой, совпадающей по направленію съ направленіемъ вектора. Годографической поверхностью вектора измѣняющагося только по направленію служитъ сфера.

Если проэктіи вектора на неизмѣнное направленіе постоянна, то годографической поверхностью такого вектора будетъ плоскость перпендикулярная къ неизмѣнному направленію. Если проэктіи векторъ-функции на два неизмѣнныхъ направленія постоянны, то годографическая поверхность стягивается въ отрѣзокъ прямой перпендикулярной къ плоскости параллельной обоимъ названнымъ направленіямъ.

Если полюсъ O помѣстить въ началѣ координатъ, то равенства (1) представятъ уравненіе годографической поверхности, причемъ u и v будутъ играть роль параметровъ Gauss'a. Если исключимъ изъ (1) u и v , то получимъ уравненіе той же поверхности въ формѣ:

$$F(X, Y, Z) = 0.$$

Положимъ, что одному независимому перемѣнному, напр. v , дали нѣкоторое постоянное значеніе C . тогда при непрерывномъ измѣненіи другого перемѣннаго конецъ вектора V опишетъ, вообще говоря, нѣкоторую кривую, которую мы назовемъ частнымъ годографомъ векторъ-функции двухъ перемѣнныхъ, соотвѣтствующимъ $v := const.$ и обозначимъ H_u . Его уравненіе будетъ:

$$X = \varphi_1(u, C),$$

$$Y = \varphi_2(u, C),$$

$$Z = \varphi_3(u, C).$$

Другое семейство частныхъ годографовъ получимъ, если станемъ давать перемѣнному u произвольныя постоянныя значенія. Частный годографъ для $u = C$ будемъ обозначать H_v .

Иначе говоря, частные годографы H_u и H_v служатъ координатными линиями $v = const$ и $u = const$ на годографической поверхности h .

§ 13. Частныя геометрическія производныя и дифференціалы; полный геометрическій дифференціалъ.

Положимъ, что при вѣкоторыхъ значеніяхъ независимыхъ переменныхъ u и v векторъ-функція принимаетъ значеніе V , координаты котораго

$$X = \varphi_1(u, v); \quad Y = \varphi_2(u, v); \quad Z = \varphi_3(u, v).$$

Дадимъ переменному u приращеніе Δu , тогда для новой пары значеній независимыхъ переменныхъ $u_1 = u + \Delta u$ и v получимъ новый векторъ $V_1(X_1, Y_1, Z_1)$, гдѣ

$$X_1 = \varphi_1(u + \Delta u, v); \quad Y_1 = \varphi_2(u + \Delta u, v); \quad Z_1 = \varphi_3(u + \Delta u, v).$$

Векторъ

$$(V_1) - (V) = (\Delta V)$$

назовемъ геометрическимъ приращеніемъ вектора V , соответствующимъ приращенію Δu при постоянномъ v .

Координатами геометрическаго приращенія будутъ:

$$X_1 - X = \Delta X; \quad Y_1 - Y = \Delta Y; \quad Z_1 - Z = \Delta Z.$$

Разсмотримъ векторъ съ координатами:

$$\frac{\Delta X}{\Delta u}, \quad \frac{\Delta Y}{\Delta u}, \quad \frac{\Delta Z}{\Delta u}.$$

Предѣльное значеніе этого вектора при приближеніи Δu къ нулю, если таковое существуетъ, назовемъ частной геометрической производной по переменному u отъ векторъ-функціи V и будемъ обозначать \dot{V}_u .

Координатами этой производной будутъ частныя скалярныя производныя по тому же переменному u отъ координатъ вектора V , т. е.

$$\dot{V}_u \cos(\dot{V}_u x) = \frac{\partial X}{\partial u} = \frac{\partial \varphi_1}{\partial u},$$

$$\dot{V}_u \cos(\dot{V}_u y) = \frac{\partial Y}{\partial u} = \frac{\partial \varphi_2}{\partial u},$$

$$\dot{V}_u \cos(\dot{V}_u z) = \frac{\partial Z}{\partial u} = \frac{\partial \varphi_3}{\partial u}.$$

Точно такимъ же образомъ составляется понятіе о частной геометрической производной по другому переменному v . Ее мы будемъ обозна-

чать \dot{V}_r ; координаты ея:

$$\dot{V}_r \cos(\dot{V}_r x) = \frac{\partial X}{\partial r} = \frac{\partial \varphi_1}{\partial r},$$

$$\dot{V}_r \cos(\dot{V}_r y) = \frac{\partial Y}{\partial r} = \frac{\partial \varphi_2}{\partial r},$$

$$\dot{V}_r \cos(\dot{V}_r z) = \frac{\partial Z}{\partial r} = \frac{\partial \varphi_3}{\partial r}.$$

Безконечно малый векторъ съ координатами:

$$\frac{\partial X}{\partial u} du, \quad \frac{\partial Y}{\partial u} du, \quad \frac{\partial Z}{\partial u} du,$$

гдѣ du дифференціалъ независимаго переменнаго u , назовемъ частнымъ геометрическимъ дифференціаломъ векторъ-функции V по переменному u и обозначимъ $(d_u V)$.

Другой частный геометрическій дифференціалъ съ координатами:

$$\frac{\partial X}{\partial v} dv, \quad \frac{\partial Y}{\partial v} dv, \quad \frac{\partial Z}{\partial v} dv$$

будемъ обозначать $(d_v V)$.

Векторъ равный геометрической суммѣ частныхъ геометрическихъ дифференціаловъ

$$(d_u V) + (d_v V)$$

назовемъ полнымъ геометрическимъ дифференціаломъ векторъ-функции двухъ переменныхъ и обозначимъ (dV) ; такимъ образомъ

$$(dV) = (d_u V) + (d_v V).$$

Координатами полного геометрическаго дифференціала соответственно будутъ:

$$\frac{\partial X}{\partial u} du + \frac{\partial X}{\partial v} dv = dX; \quad \frac{\partial Y}{\partial u} du + \frac{\partial Y}{\partial v} dv = dY; \quad \frac{\partial Z}{\partial u} du + \frac{\partial Z}{\partial v} dv = dZ.$$

т. е. полные скалярные дифференціалы отъ координатъ векторъ-функции.

§ 14. Связь частныхъ геометрическихъ производныхъ и дифференціаловъ, а также полного геометрическаго дифференціала съ частными годографами и годографической поверхностью.

Частныя геометрическія производныя и частныя геометрическіе дифференціалы на основаніи §§ 7 и 8 параллельны касательнымъ къ соответственнымъ частнымъ годографамъ и, слѣдовательно, перпендикулярны къ нормали годографической поверхности въ соответственной точкѣ. Отсюда непосредственно вытекаетъ, что полный дифференціалъ, какъ геометрическая сумма частныхъ, также перпендикуляренъ къ соответственной нормали или параллеленъ соответственной касательной плоскости. Аналитически въ этомъ можно убѣдиться слѣдующимъ образомъ: изъ уравненія годографической поверхности

$$F(X, Y, Z) = 0$$

вытекаетъ

$$\frac{\partial F}{\partial X} dX + \frac{\partial F}{\partial Y} dY + \frac{\partial F}{\partial Z} dZ = 0. \tag{1}$$

но

$$\frac{\partial F}{\partial X} : \frac{\partial F}{\partial Y} : \frac{\partial F}{\partial Z} = \cos(Nx) : \cos(Ny) : \cos(Nz).$$

гдѣ черезъ N обозначено направленіе нормали къ годографической поверхности; такъ какъ кромѣ того

$$dX : dY : dZ = \cos[(dV), x] : \cos[(dV), y] : \cos[(dV), z],$$

то равенство (1) приводить къ такому

$$\cos[(dV), N] = 0,$$

что и подтверждаетъ сказанное.

Должно замѣтить, что направленіе полного дифференціала зависитъ отъ отношенія между дифференціалами независимыхъ переменныхъ.

Если станемъ изъ неизмѣннаго полюса строить направленія полного дифференціала для различныхъ значеній отношенія $\frac{du}{dv}$, то геометрическимъ мѣстомъ этихъ направленій будетъ плоскость параллельная плоскости касательной къ годографической поверхности въ соответственной точкѣ.

§ 15. Проекція частныхъ геометрическихъ производныхъ на постоянное и перемѣнное направленія.

Для проецій частныхъ геометрическихъ производныхъ на постоянное направленіе, аналогично § 10, имѣемъ выраженія:

$$\dot{V}_n \cos(\dot{V}_n \alpha) = \frac{\partial}{\partial u} [V \cos(V\alpha)],$$

$$\dot{V}_r \cos(\dot{V}_r \alpha) = \frac{\partial}{\partial r} [V \cos(V\alpha)],$$

гдѣ α индексъ постояннаго направленія.

Если же индексъ U перемѣннаго направленія самъ векторъ-функция тѣхъ же двухъ перемѣнныхъ u и v , то проеція геометрической производной на это направленіе выразится такъ:

$$\dot{V}_U \cos(\dot{V}_U U) = \frac{\partial}{\partial u} [V \cos(VU)] - VU \cos(VU). \quad (1)$$

гдѣ \dot{U}_u есть частная геометрическая производная отъ индекса U по независимому перемѣнному u .

Совершенно аналогичное равенство имѣемъ и для частной производной по v .

Для проецій геометрическихъ дифференціаловъ останутся въ силѣ формулы (3) и (4) § 10.

§ 16. Частныя геометрическія производныя и дифференціалы высшихъ порядковъ: полный геометрическій дифференціалъ высшаго порядка.

Производныя V_u и V_v суть въ свою очередь векторъ-функции u и v , поэтому можно разсматривать частныя геометрическія производныя по u и v отъ этихъ векторовъ, т. е. вторыя частныя отъ вектора V . По первому подсчету ихъ четыре:

$$\ddot{V}_{u^2} \left(\frac{\partial^2 X}{\partial u^2}, \frac{\partial^2 Y}{\partial u^2}, \frac{\partial^2 Z}{\partial u^2} \right); \quad \ddot{V}_{ru} \left(\frac{\partial^2 X}{\partial v \partial u}, \frac{\partial^2 Y}{\partial r \partial u}, \frac{\partial^2 Z}{\partial r \partial u} \right);$$

$$\ddot{V}_{ur} \left(\frac{\partial^2 X}{\partial u \partial r}, \frac{\partial^2 Y}{\partial u \partial r}, \frac{\partial^2 Z}{\partial u \partial r} \right); \quad \ddot{V}_{r^2} \left(\frac{\partial^2 X}{\partial v^2}, \frac{\partial^2 Y}{\partial v^2}, \frac{\partial^2 Z}{\partial v^2} \right).$$

Но, если значенія вторыхъ производныхъ отъ скалярныхъ функций X, Y, Z , служащихъ проеціями вектора V , не зависятъ отъ порядка дифференцированія, то и

$$(\ddot{V}_{uv}) = (\ddot{V}_{vu}), \quad (1)$$

какъ это непосредственно слѣдуетъ изъ сравненія координатъ этихъ векторовъ. Въ такомъ случаѣ частныхъ геометрическихъ производныхъ второго порядка будетъ только три.

Вообще число геометрическихъ производныхъ k 'аго порядка (какъ и число скалярныхъ) равно 2^k , но при соблюденіи для всѣхъ производныхъ условія независимости результата отъ порядка дифференцированія число это сокращается до $k + 1$.

Векторы, проекціями котораго служатъ частные скалярные дифференціалы k 'аго порядка отъ координатъ, назовемъ частнымъ геометрическимъ дифференціаломъ того же порядка. Всѣхъ частныхъ геометрическихъ дифференціаловъ k 'аго порядка 2^k , а при соблюденіи вышеуказаннаго условія $k + 1$.

Геометрическая сумма всѣхъ 2^k частныхъ геометрическихъ дифференціаловъ k 'аго порядка представляетъ полный геометрический дифференціалъ того же порядка. Координатами его соответственно будутъ полные скалярные дифференціалы того же порядка отъ координатъ векторъ-функции.

Выраженіе полного геометрическаго дифференціала значительно упрощается при соблюденіи условія независимости результата отъ порядка дифференцированія. Напримѣръ, геометрический дифференціалъ второго порядка представляется такимъ образомъ:

$$(d^2V) = (d_{uu}^2V) + (d_{uv}^2V) + (d_{vu}^2V) + (d_{vv}^2V)$$

при соблюденіи же условія (1) онъ приметъ такую форму:

$$(d^2V) = (d_{uu}^2V) + (2d_{uv}^2V) + (d_{vv}^2V).$$

Геометрическія суммы аналогичныя рядамъ Taylor'a и Maclaurin'a.

§ 17. Геометрическое разложеніе векторъ-функции аналогичное рядамъ Taylor'a и Maclaurin'a.

Допустимъ, что координаты векторъ-функции V одного переменнаго t

$$X = f_1(t),$$

$$Y = f_2(t),$$

$$Z = f_3(t)$$

могутъ быть разложены въ строку Taylor'a, т. е. пусть

$$\begin{aligned}
 f_1(t+h) &= X + h \frac{dX}{dt} + \frac{h^2}{2!} \frac{d^2X}{dt^2} + \dots + \frac{h^{n-1}}{(n-1)!} \frac{d^{n-1}X}{dt^{n-1}} + R_n^{(x)}, \\
 f_2(t+h) &= Y + h \frac{dY}{dt} + \frac{h^2}{2!} \frac{d^2Y}{dt^2} + \dots + \frac{h^{n-1}}{(n-1)!} \frac{d^{n-1}Y}{dt^{n-1}} + R_n^{(y)}, \quad (1) \\
 f_3(t+h) &= Z + h \frac{dZ}{dt} + \frac{h^2}{2!} \frac{d^2Z}{dt^2} + \dots + \frac{h^{n-1}}{(n-1)!} \frac{d^{n-1}Z}{dt^{n-1}} + R_n^{(z)}.
 \end{aligned}$$

Причемъ $R_n^{(x)}$, $R_n^{(y)}$, $R_n^{(z)}$ остаточные члены разложения, т. е., на-
примѣръ, по Schlämilch'у:

$$\begin{aligned}
 R_n^{(x)} &= \frac{(1-\theta_1)^{n-p} h^n}{(n-1)! p} f_1^{(n)}(t + \theta_1 h), \\
 R_n^{(y)} &= \frac{(1-\theta_2)^{n-p} h^n}{(n-1)! p} f_2^{(n)}(t + \theta_2 h), \\
 R_n^{(z)} &= \frac{(1-\theta_3)^{n-p} h^n}{(n-1)! p} f_3^{(n)}(t + \theta_3 h),
 \end{aligned}$$

гдѣ для $i = 1, 2, 3$

$$1 > \theta_i > 0.$$

Условимся символомъ (mW) , гдѣ m нѣкоторое дѣйствительное число, а W названію вектора, обозначать векторъ, длина котораго относится къ длинѣ W какъ m относится къ единицѣ, а направленіе или совпадаетъ съ направлениемъ W при m положительномъ или ему противоположно при m отрицательномъ.

Въ такомъ случаѣ по (1) векторъ V_1 , соответствующій значенію независимаго переменнаго $t+h$, можетъ быть представленъ слѣдующемъ геометрической суммой, аналогичной ряду Taylor'a:

$$(V_1) = (V) + (h\dot{V}) + \left(\frac{h^2}{2!} \ddot{V}\right) + \dots + \left(\frac{h^{n-1}}{(n-1)!} {}^{(n)}V^{(1)}\right) + (R_n), \quad (1)$$

гдѣ R_n есть нѣкоторый остаточный векторъ, проэціи котораго

$$R_n^{(x)}, R_n^{(y)}, R_n^{(z)}$$

содержать h въ степени не ниже n -ой.

Изъ ряда (1) при $t=0$ и $h=t$ получаемъ геометрическій рядъ, аналогичный ряду Maclaurin'a

$$(V) = (V_0) + (t\dot{V}_0) + \left(\frac{t^2}{2!} \ddot{V}\right) + \dots + \left(\frac{t^{n-1}}{(n-1)!} V_0^{(n-1)}\right) + (R_n). \quad (2)$$

Здѣсь черезъ V_0 и $V_0^{(k)}$ обозначены значенія вектора и k -ой производной отъ него соответствующія значенію $t=0$, а R_n остаточный векторъ того же типа, что и векторъ R_n .

Само собой разумѣется, что и векторъ-функцию двухъ переменныхъ можно представить въ видѣ геометрическаго ряда, если координаты этой векторъ-функции разлагаются въ соответственные скалярные ряды.

§ 18. Разложеніе геометрическаго приращенія въ рядъ геометрическихъ дифференціаловъ.

Геометрическое приращеніе (ΔV) векторъ-функции V одного переменнаго t , соответствующее приращенію независимаго переменнаго dt по (1) § 17 и по § 9 можетъ быть представлено такой геометрической суммой

$$(\Delta V) = (dV) + \left(\frac{d^2V}{2!}\right) + \left(\frac{d^3V}{3!}\right) + \dots + \left(\frac{d^{n-1}V}{(n-1)!}\right) + (R_n), \quad (1)$$

гдѣ R_n нѣкоторый безконечно малый векторъ порядка не ниже n -аго относительно dt .

Подобнымъ образомъ геометрическое приращеніе векторъ-функции двухъ и болѣе независимыхъ переменныхъ при соответственныхъ условіяхъ можетъ быть представлено геометрическимъ рядомъ вида:

$$(\Delta V) = (dV) + \left(\frac{d^2V}{2!}\right) + \left(\frac{d^3V}{3!}\right) + \dots + \left(\frac{d^{n-1}V}{(n-1)!}\right) + (R_n).$$

гдѣ (d^kV) есть полный геометрическій дифференціалъ k -аго порядка, а R_n остаточный векторъ порядка не ниже n -аго, если всѣ дифференціалы независимыхъ переменныхъ считать за безконечно малыя перваго порядка.

III.

ТРИАДРЪ DARBOUX.

§ 19. Триэдръ Darboux.

Покончивши съ элементами общей теоріи векторовъ, обратимъ наше вниманіе на одну спеціальную совокупность переменныхъ векторовъ — она въ нѣкоторыхъ частяхъ нашей работы будетъ играть значительную роль.

Разсмотримъ три индекса взаимно ортогональныхъ осей съ радіусомъ векторомъ ихъ начала. Комбинацію такихъ четырехъ векторовъ условимся для сокращенія называть триэдромъ Darboux.

Индексы осей триэдра и радіусъ векторъ начала будемъ обозначать A, B, C и ρ ; координаты индексовъ относительно неизмѣняемыхъ осей $OXYZ$ пусть будутъ соотвѣтственно:

$$A(a, a', a''),$$

$$B(b, b', b''),$$

$$C(c, c', c''),$$

координаты же радіуса вектора ρ означимъ

$$X, Y, Z.$$

Между девятью количествами $a, a' \dots c', c''$ имѣемъ шесть зависимостей:

$$a^2 + a'^2 + a''^2 = 1,$$

$$b^2 + b'^2 + b''^2 = 1,$$

$$c^2 + c'^2 + c''^2 = 1;$$

$$ab + a'b' + a''b'' = 0,$$

$$ca + c'a' + c''a'' = 0,$$

$$bc + b'c' + b''c'' = 0.$$

(1)

Первыя три выражаютъ собой, что длиной каждаго изъ индексовъ осей триэдра служитъ линейная единица, а послѣднія три отмѣчаютъ, что направленія индексовъ взаимно ортогональны.

Соотношенія (1) могутъ быть замѣнены имъ аналогичными:

$$a^2 + b^2 + c^2 = 1,$$

$$a'^2 + b'^2 + c'^2 = 1,$$

$$a''^2 + b''^2 + c''^2 = 1;$$

$$aa' + bb' + cc' = 0,$$

$$a''a + b''b + c''c = 0,$$

$$a'a'' + b'b'' + c'c'' = 0.$$

(2)

Изъ равенствъ (1) или (2) легко получить зависимость между пятью изъ координатъ вида:

$$a = b' c'' - c' b''.$$

Остальные восемь получаются круговой подстановкой.

Мы остановимся только на тѣхъ случаяхъ, когда ρ , A , B , C векторы-функции одного или двухъ переменныхъ.

§ 20. **Случай одного переменнаго.**

Положимъ, что векторы триады функции одного переменнаго t .

Проекції геометрическихъ производныхъ \dot{A} , \dot{B} , \dot{C} индексомъ A , B , C по направлению t на направленія самихъ индексомъ условимся обозначать:

$$\dot{A}(\alpha, \alpha', \alpha''),$$

$$\dot{B}(\beta, \beta', \beta''),$$

$$\dot{C}(\gamma, \gamma', \gamma'').$$

гдѣ, напр., β'' проекція \dot{B} на направленіе индекса C .

Раземотримъ зависимости, которыми связаны упомянутыя девять проекцій.

Прежде всего отмѣтимъ очевидныя равенства:

$$\alpha = \beta' = \gamma'' = 0, \tag{1}$$

такъ какъ индексы векторы постоянной длины (§ 7).

Затѣмъ, геометрической разностью индексомъ A и B служить векторъ λ (черт. 7)

$$(A) - (B) = (\lambda) \tag{2}$$

также постоянной длины ($\sqrt{2}$), а потому геометрическая производная отъ вектора λ ортогональна къ направленію вектора:

$$\dot{\lambda} \cos(\dot{\lambda}) = 0$$

или по (2)

$$\dot{A} \cos(\dot{A}\lambda) - \dot{B} \cos(\dot{B}\lambda) = 0. \tag{3}$$

Но, принимая во вниманіе (1), имѣемъ

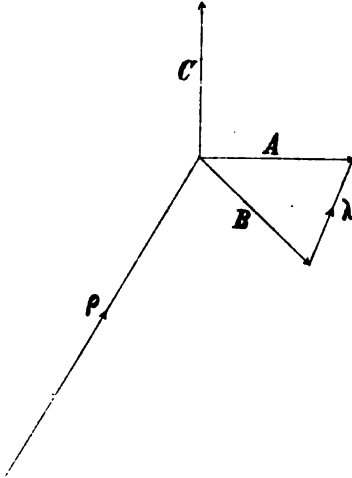
$$(\dot{A}) = (\alpha') + (\alpha''), \tag{4}$$

$$(\dot{B}) = (\beta) + (\beta'').$$

а потому соотношение (3) можно переписать въ такой формѣ:

$$\alpha' \cos(B\lambda) + \alpha'' \cos(C\lambda) - \beta \cos(A\lambda) - \beta'' \cos(C'\lambda) = 0.$$

Черт. 7.

Замѣчая, что

$$\cos(C\lambda) = 0$$

и

$$\cos(A\lambda) = -\cos(B\lambda)$$

получимъ окончательно такую зависимость:

$$\alpha' + \beta = 0. \tag{5}$$

Разсуждая аналогичнымъ образомъ, получимъ еще двѣ зависимости:

$$\gamma' + \beta'' = 0, \tag{6}$$

$$\alpha'' + \gamma = 0.$$

Если теперь введемъ обозначенія:

$$\alpha' = r, \quad \beta'' = p, \quad \gamma = q^{-1}. \tag{7}$$

¹⁾ Этими обозначеніями, аналогичными формуламъ кинематики неизмѣняемой системы непрерывно пользуется Darboux въ своихъ *Leçons sur la théorie générale des surfaces*.

то проэкции векторовъ \dot{A} , \dot{B} , \dot{C} на оси триэдра будутъ таковы:

$$\begin{aligned} \dot{A} & (0, \quad r, \quad -q), \\ \dot{B} & (-r, \quad 0, \quad p), \\ \dot{C} & (q, \quad -p, \quad 0). \end{aligned}$$

Проекции же геометрической производной \dot{A} на неизмѣнную ось OX , т. е. производная $\frac{da}{dt}$ представится по (4) такъ:

$$\frac{da}{dt} = b_2' + c_2''$$

или при обозначеніяхъ (7) въ силу (6)

$$\frac{da}{dt} = br - cq.$$

Присоединивъ къ этому равенству восемь аналогичныхъ, получаемъ рядъ соотношеній:

$$\begin{aligned} \frac{da}{dt} &= br - cq, & \frac{db}{dt} &= cp - ar, & \frac{dc}{dt} &= aq - bp, \\ \frac{da'}{dt} &= b'r - c'q, & \frac{db'}{dt} &= c'p - a'r, & \frac{dc'}{dt} &= a'q - b'p, & (8) \\ \frac{da''}{dt} &= b''r - c''q, & \frac{db''}{dt} &= c''p - a''r, & \frac{dc''}{dt} &= a''q - b''p, \end{aligned}$$

Изъ этихъ равенствъ легко опредѣлить p , q , r въ функціи координатъ a , a' , ..., a'' и ихъ производныхъ по t . Дѣйствительно, умножая равенства перваго столбца соответственно на b , b' , b'' и замѣчая (§ 19), что

$$\begin{aligned} b^2 + b'^2 + b''^2 &= 1, \\ bc + b'c' + b''c'' &= 0, \end{aligned}$$

получимъ

$$r = b \frac{da}{dt} + b' \frac{da'}{dt} + b'' \frac{da''}{dt} = \sum b \frac{da}{dt},$$

или изъ равенствъ втораго столбца соотношеній (8)

$$r = - \left(a \frac{db}{dt} + a' \frac{db'}{dt} + a'' \frac{db''}{dt} \right) = - \sum a \frac{db}{dt}.$$

Аналогичнымъ пріемомъ получимъ значенія для p и q

$$p = \sum c \frac{db}{dt} = - \sum b \frac{dc}{dt},$$

$$q = \sum a \frac{dc}{dt} = - \sum c \frac{da}{dt}.$$

§ 21. Случай двухъ переменныхъ.

Положимъ теперь, что векторы триэдра Darboux функций двухъ независимыхъ переменныхъ u и v .

Обозначимъ проэкции частныхъ геометрическихъ производныхъ по u и v отъ вектора ρ и индексовъ A, B, C на направленія осей триэдра соответственно черезъ:

$$\begin{aligned} \dot{\rho}_u(\xi, \eta, \zeta), & \dot{\rho}_v(\xi_1, \eta_1, \zeta_1), \\ \dot{A}_u(\alpha, \alpha', \alpha''), & \dot{A}_v(\alpha_1, \alpha_1', \alpha_1''), \\ \dot{B}_u(\beta, \beta', \beta''), & \dot{B}_v(\beta_1, \beta_1', \beta_1''), \\ \dot{C}_u(\gamma, \gamma', \gamma''), & \dot{C}_v(\gamma_1, \gamma_1', \gamma_1''). \end{aligned}$$

И здѣсь между проэціями геометрическихъ производныхъ отъ индексовъ имѣемъ соотношенія типа (1) и (5) § 20:

$$\begin{aligned} \alpha &= \beta' = \gamma'' = 0, & \alpha_1 &= \beta_1' = \gamma_1'' = 0, \\ \alpha' + \beta &= 0, & \alpha_1' + \beta_1 &= 0, \\ \gamma' + \beta'' &= 0, & \gamma_1' + \beta_1'' &= 0, \\ \alpha'' + \gamma &= 0, & \alpha_1'' + \gamma_1 &= 0, \end{aligned}$$

а потому при аналогичныхъ обозначеніяхъ:

$$\begin{aligned} \alpha' &= r, \quad \beta'' = p, \quad \gamma = q; \\ \alpha_1' &= r_1, \quad \beta_1'' = p_1, \quad \gamma_1 = q_1; \end{aligned}$$

проэкции эти можно представить такимъ образомъ:

$$\begin{aligned} \dot{A}_u(0, \quad r, \quad -q), & \dot{A}_v(0, \quad r_1, \quad -q_1), \\ \dot{B}_u(-r, \quad 0, \quad p), & \dot{B}_v(-r_1, \quad 0, \quad p_1), \\ \dot{C}_u(q, \quad -p, \quad 0), & \dot{C}_v(q_1, \quad p_1, \quad 0), \end{aligned} \tag{1}$$

Аналогично (§ 20) для частных производныхъ отъ координатъ индексомъ по переменнымъ u и v имѣемъ выраженія:

$$\frac{\partial a}{\partial u} = br \dots cq, \quad \frac{\partial a}{\partial v} = br_1 \dots cq_1$$

и все другія, относящіяся къ этой группѣ; откуда можно опредѣлить p, q, c, p_1, q_1, c_1 ; наиримѣръ,

$$p = \sum c \frac{\partial b}{\partial u} = \dots \sum b \frac{\partial c}{\partial u},$$

$$p_1 = \sum c \frac{\partial b}{\partial v} = \dots \sum b \frac{\partial c}{\partial v}.$$

§ 22. **Лемма.**

Раземотримъ векторъ V и индексъ U функций двухъ переменныхъ u и v .

Если

$$(\dot{V}_{uv}) = (\dot{V}_{vu}), \tag{1}$$

то между частными геометрическими производными функций V и U существуетъ некоторое соотношеніе, которымъ намъ придется впоследствии пользоваться.

По (1) § 15 проекція вектора \dot{V}_u на переменное направленіе U найдется изъ выраженія:

$$\frac{\partial}{\partial v} [\dot{V}_u \cos(\dot{V}_u U)] = \dot{V}_{uv} \cos(\dot{V}_u U) + \dot{V}_u \dot{U}_v \cos(\dot{V}_u U), \tag{2}$$

а проекція \dot{V}_{vu} на то же направленіе изъ выраженія:

$$\frac{\partial}{\partial u} [\dot{V}_v \cos(\dot{V}_v U)] = \dot{V}_{vu} \cos(\dot{V}_v U) + \dot{V}_v \dot{U}_u \cos(\dot{V}_v U). \tag{3}$$

Но при (1), вычитая (2) изъ (3), получимъ равенство:

$$\frac{\partial}{\partial u} [\dot{V}_v \cos(\dot{V}_v U)] - \frac{\partial}{\partial v} [\dot{V}_u \cos(\dot{V}_u U)] = \dot{V}_v \dot{U}_u \cos(\dot{V}_v U) - \dot{V}_u \dot{U}_v \cos(\dot{V}_u U), \tag{4}$$

которое и выражаетъ искомое соотношеніе.

§ 23. **Формулы Darboux-Combescure'a.**

Полагая V и U предыдущаго параграфа соответственно равнымъ:

$$(V) = (\rho),$$

$$(U) = (A),$$

получимъ изъ (4) того же параграфа

$$\frac{\partial}{\partial u} [\dot{\rho}_v \cos(\dot{\rho}_v A)] - \frac{\partial}{\partial v} [\dot{\rho}_u \cos(\dot{\rho}_u A)] = \dot{\rho}_r \dot{A}_u \cos(\dot{\rho}_r \dot{A}_u) - \dot{\rho}_u \dot{A}_r \cos(\dot{\rho}_u \dot{A}_r). \quad (1)$$

Но по § 21

$$(\dot{\rho}_u) = (\xi) + (\eta) + (\zeta),$$

$$(\dot{\rho}_r) = (\xi_1) + (\eta_1) + (\zeta_1)$$

и

$$(\dot{A}_u) = (r) + (\dots q),$$

$$(\dot{A}_r) = (r_1) + (\dots q_1).$$

а потому равенство (1) представится въ формѣ:

$$\frac{\partial \xi_1}{\partial u} - \frac{\partial \xi}{\partial v} = \eta_1 r - \xi_1 q - \eta r_1 + \xi q_1. \quad (2)$$

При замѣнѣ индекса *A* соответственно индексами *B* и *C* получимъ изъ (1) еще двѣ формулы:

$$\frac{\partial \eta_1}{\partial u} - \frac{\partial \eta}{\partial v} = \zeta_1 p - \xi_1 r - \zeta p_1 + \xi r_1, \quad (3)$$

$$\frac{\partial \zeta_1}{\partial u} - \frac{\partial \zeta}{\partial v} = \xi_1 q - \eta_1 p - \xi q_1 + \eta p_1. \quad (4)$$

Полученныя три выраженія (2), (3) и (4) составляютъ первую группу формулъ Darboux-Combescure'a.

Для полученія же второй группы формулъ полагаемъ въ (4) § 22

$$(V) = (A),$$

$$(U) = (B),$$

тогда имѣемъ

$$\frac{\partial}{\partial u} [\dot{A}_v \cos(\dot{A}_v B)] - \frac{\partial}{\partial v} [\dot{A}_u \cos(\dot{A}_u B)] = \dot{A}_r \dot{B}_u \cos(\dot{A}_r \dot{B}_u) - \dot{A}_u \dot{B}_r \cos(\dot{A}_u \dot{B}_r).$$

Или, принимая во вниманіе (1) § 21,

$$\frac{\partial r_1}{\partial u} - \frac{\partial r}{\partial v} = \eta p_1 - \eta p_1.$$

Подобнымъ образомъ получимъ остальные формулы той же группы:

$$\frac{\partial p_1}{\partial u} - \frac{\partial p}{\partial r} = r q_1 - q r_1.$$

$$\frac{\partial q_1}{\partial u} - \frac{\partial q}{\partial r} = p r_1 - r p_1.$$

Наслѣдственность и измѣнчивость, какъ причина болѣзней.

ЛЕКЦІЯ ШЕСТАЯ.

Основныя формы патологической наслѣдственности.

М. г. Во вступительной лекціи, характеризуя болѣзнь, какъ жизнь при ненормальныхъ условіяхъ, возможную лишь вслѣдствіе существованія въ организмѣ специальныхъ компенсаторныхъ приспособленій, мы указали на то обстоятельство, что эти компенсаторныя приспособленія могутъ варіировать, подобно всякимъ другимъ признакамъ, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи, и что, кромѣ того, они могутъ измѣняться въ теченіе жизни даннаго субъекта вслѣдствіе существованія индивидуальной приспособляемости.

Эта индивидуальная приспособляемость играетъ, несомнѣнно, большую роль въ жизни вида, такъ какъ, благодаря ей, онъ можетъ значительно расширить предѣлы своего распространенія. Однако, какъ мы видѣли, является еще большимъ вопросомъ, можетъ ли полезное свойство, приобрѣтенное данной особью путемъ привычки къ опредѣленнымъ условіямъ или употребленіемъ и неупотребленіемъ извѣстнаго органа сдѣлаться непосредственнымъ достояніемъ ея потомства, подобно врожденнымъ признакамъ этой особи, или же каждая особь должна самостоятельно достигать извѣстнаго индивидуальнаго совершенства и, самое большее, можетъ получить въ наслѣдство большую сравнительно съ другими гибкость организма, большую наклонность къ приспособленію. Допущеніе перваго создало бы необходимость допущенія чрезвычайно быстрой измѣнчивости видовъ, не меньшей, чѣмъ она наблюдается при безполномъ размноженіи при искусственныхъ условіяхъ, допущеніе же втораго предположенія позволило бы намъ, нисколько не

отрицающа измѣчивости на почвѣ приспособленій, объяснить и многое другое. Тогда намъ станутъ понятны и значительная стойкость видовъ, и причины появленія мѣстныхъ вариантовъ. Все это вполне объяснимо съ точки зрѣнія естественнаго подбора, такъ какъ, несомнѣнно, большая склонность къ личному приспособленію представляетъ не малую выгоду въ борьбѣ за существованіе.

Мы еще возвратимся къ подробному разсмотрѣнію этого вопроса въ лекціи объ измѣчивости, при изложеніи старѣйшаго изъ эволюціонистическихъ ученій—гипотезы Ламарка, пока же удовольствуемся слѣдующимъ. Имѣющіяся въ настоящее время данныя зоо- и фитотехники вполне подтверждаютъ наши положенія и хорошо извѣстны каждому сельскому хозяину. Дѣйствительно, не представляетъ никакихъ особыхъ затрудненій получить отдѣльные экземпляры любого вида животныхъ или растений, выгодно отличающіеся отъ другихъ представителей той же плохой породы, если поставить эти особи въ наилучшія условія, но потомство этихъ экземпляровъ ни въ чемъ не будетъ лучше среднихъ особей той же породы. Лишь при помощи тщательнаго отбора возможно изолировать тѣ особи, которыя реагировали особенно рѣзко на улучшеніе условій и закрѣпить такимъ образомъ ихъ полезныя свойства за потомствомъ.

Такъ, напримѣръ, не подлежитъ сомнѣнію, что процентное содержаніе сахара будетъ больше въ свекловицѣ, выросшей на хорошо удобренной почвѣ, при благоприятныхъ климатическихъ условіяхъ, чѣмъ въ такой же свекловицѣ, выросшей на тощей почвѣ въ холодный и дождливый годъ, но безъ селекціи малѣйшее колебаніе условій сравняетъ эти результаты. Примѣненіе же селекціи, комбинируемое съ рациональной культурой, вызываетъ прогрессивное нарастаніе полезнаго признака, какъ это видно изъ слѣдующихъ данныхъ, сообщаемыхъ De Vries'омъ.

Первоначально сахарная свекловица содержала не болѣе 7% сахара. Улучшая условія культуры и отбирая для полученія сѣмянъ наиболѣе крупныя и правильно сформированныя корневища Vilmorin достигъ въ 1851 году того, что нѣкоторые экземпляры удвоили содержаніе сахара (14%). Прибавивши затѣмъ отборъ корневищъ по ихъ удѣльному вѣсу (при помощи солянаго раствора), онъ могъ уже утроить содержаніе сахара (21%). Въ 1874 году этотъ примитивный способъ селекціи былъ вытѣсненъ болѣе удобнымъ методомъ поляризаціи. (Опредѣленіе содержанія сахара при помощи сахариметра въ небольшомъ цилиндрикѣ, вырѣзанномъ изъ корневища, идущаго для полученія сѣмянъ, т. е. для дальнѣйшаго размноженія). Этотъ способъ былъ, конечно, болѣе совершененъ, чѣмъ предшествовавшіе, позволявшіе судить о содержаніи сахара лишь по косвеннымъ признакамъ, и получилъ широкое распространеніе повсюду. Благодаря ему, сахаристость свекловицы быстро возросла. Среднее содержаніе сахара въ 1874 году было въ лучшихъ сортахъ 10—14%, при крайнихъ колебаніяхъ въ 9,5—17,5%. Въ 1892 году (на фабрикѣ Köhn'a) среднее содержаніе было въ сѣмянной

свекловицѣ для продажныхъ сѣмянъ 14—16%, при 16—18% въ корневищахъ, оставленныхъ для себя, и 13—14% въ свекловицѣ, пошедшей на выдѣлку сахара.

Въ послѣднее время (1892—1898) на Naarden'ской фабрикѣ достигли предѣльной цифры въ 21%, а при наилучшихъ условіяхъ культуры получены сорта даже съ 26% сахара.

Такимъ образомъ, какъ мы уже отмѣтили и въ предыдущей лекціи, о непосредственной передачѣ признаковъ, приобрѣтенныхъ индивидуумомъ вслѣдствіе измѣненія жизненныхъ условій, не можетъ быть и рѣчи. Все дѣло сводится къ естественному или искусственному подбору, безъ которыхъ безсилны наилучшія условія.

То же самое должно сказать и о спеціально интересующихъ насъ признакахъ о возрастаніи компенсаторныхъ силъ организма въ теченіе индивидуальной жизни. Дѣти человѣка, зачатая въ то время, какъ у него былъ компенсированный порокъ сердца или гипертрофія одной почки, наступившая вслѣдствіе гибели другой, не будутъ отличаться ни особенно могучимъ сердцемъ, ни особенно большими почками. Кажущіяся исключенія, какъ, на примѣръ, наследственная передача невосприимчивости къ различнымъ заразнымъ болѣзнямъ, могущая иногда даже стать рассовымъ признакомъ, какъ, на примѣръ, невосприимчивость негровъ къ маляріи и желтой лихорадкѣ объясняется совершенно иначе.

Самый фактъ существованія такой рассовой невосприимчивости не подлежитъ сомнѣнію. Такъ, Scheube (*Die Krankheiten der warmen Länder*) приводитъ слѣдующія данныя.

На Ямайкѣ отъ желтой лихорадки помирало бѣлыхъ 102‰, негровъ 8‰, на Багамскихъ островахъ — бѣлыхъ 59‰, негровъ 5,6‰. Относительно маляріи онъ же указываетъ, что всего чувствительнѣе къ ней, т. е. легче заболѣваютъ и легче умираютъ, представители кавказской рассы, всего менѣе негры.

Эти явленія не имѣютъ совершенно никакого отношенія къ наследственности ¹⁾ или происходятъ также путемъ естественнаго под-

¹⁾ Къ такимъ кажущимся явленіямъ наследственности приобрѣтенныхъ признаковъ относится также и врожденный иммунитетъ потомства особей, перенесшихъ ту или другую заразную болѣзнь, или же подвергавшихся, какъ это имѣло мѣсто въ извѣстныхъ опытахъ Ehrlich'a съ абриномъ и рициномъ, продолжительной иммунизациі. Здѣсь дѣло сводится не къ измѣненію свойствъ матеріальнаго субстрата наследственности—идіоплазмы, а къ простому переходу антитѣлъ изъ крови матери въ кровь плода или перенесенію этихъ тѣлъ съ молокомъ при выкармливаніи дѣтенышей. Вѣроятность этого объясненія доказывается лучше всего тѣмъ, что эта форма иммунитета передается только матерью, иммунизированный же отецъ передать ее не можетъ.

бора—гибели болѣе воспримчивыхъ къ заразѣ особей и переживанія болѣе стойкихъ. Подборомъ же мы должны объяснить приспособленность различныхъ расъ, племенъ и родовъ къ неблагоприятнымъ внѣшнимъ условіямъ — климату, роду пищи и т. д. Если чукча безъ всякаго вреда для себя голый борется на двадцатиградусномъ морозѣ, а носильщикъ негръ тащить цѣлые сутки тяжелую ношу при сорокаградусной жарѣ, въ атмосферѣ, насыщенной водяными парами, гдѣ европеецъ едва можетъ передвигать свою собственную особу, если японецъ и китаецъ довольствуются количествомъ пищевого азота въ нѣсколько разъ меньшимъ, сравнительно съ европейской средней нормой, то въ этомъ нельзя видѣть наслѣдственности приобрѣтенныхъ признаковъ, а лишь то же переживаніе болѣе приспособленныхъ.

Но если положительныя свойства, приобрѣтенныя индивидуумомъ въ теченіе его личной жизни, и безразличны для потомства, то можемъ ли мы считать на этомъ основаніи безразличными также и отрицательныя свойства, такъ называемые регрессивныя признаки? Остаются ли безслѣдными для дальнѣйшихъ поколѣній невзгоды, болѣзни и поврежденія, перенесенныя предками?

Этотъ вопросъ, уже затронутый нами въ предыдущей лекціи, является основнымъ для всего ученія о патологической наслѣдственности и поэтому мы займемся имъ подробнѣе. Съ этой цѣлью мы раздѣлимъ всѣ патологическія явленія на три основныя группы:

- 1) Мутляція или искалѣченье — такія анатомическія поврежденія, которыя не отражаются на общемъ ходѣ жизненныхъ процессовъ.
- 2) Острые болѣзненные процессы, заканчивающіеся выздоровленіемъ или возстановленіемъ обычныхъ отношеній:
- 3) Патологическія состоянія или длительныя нарушенія нормальной жизни частей организма, создающія необычныя соотношенія функцій.

Что касается до мутляцій, то каждому хорошо извѣстно, что дѣти лицъ, лишившихся, положимъ, глаза или ноги вслѣдствіе какого либо несчастнаго случая, не наслѣдуютъ этихъ дефектовъ и рождаются вполне нормальными.

Тѣмъ не менѣе въ литературѣ есть указанія на то, что въ исключительныхъ случаяхъ яко бы унаслѣдовались даже и менѣе значительныя поврежденія.

Такъ, Scoutetten сообщаетъ о появленіи у одного каменьщика, изуродовавшаго себѣ руку при работѣ, пяти дѣтей съ уродствомъ кисти, называемымъ синдактилей, Блуменбахъ — о случаѣ такой же передачи искрив-

ленія пальца вслѣдствіе перелома фаланги, Эймеръ—о случаѣ наследственной передачи кожного рубца отъ нарыва и аналогичнаго Blumenбаховскому случаю деформациі фаланги пальца, Декандоль—о случаѣ передачи лишенаго волосъ рубца на волосистой части головы и т. д.

Но всѣ эти случаи, описанные въ видѣ курьезовъ какъ для человѣка, такъ и для домашнихъ животныхъ, гораздо проще объясняются простымъ совпадениемъ мутиляціи у предковъ съ врожденнымъ уродствомъ у потомства, иначе они наблюдались бы гораздо чаще. Особенно убѣдительно данныя, имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи касательно повторныхъ мутиляцій. Уже данныя этнографическаго характера указываютъ на то, что наследственной передачи такого рода поврежденій не существуетъ. Ни изуродованіе ногъ у китайцевъ, ни деформация черепа, производимая у нѣкоторыхъ южно-американскихъ и африканскихъ племенъ, ни ритуальныя операціи, практикуемыя у евреевъ и магометанъ не стали ненужными, хотя и практикуются уже въ теченіе тысячелѣтій. Не удивительно поэтому, что такъ же безрезультатны были и гораздо менѣе продолжительныя лабораторныя попытки вызвать такимъ путемъ измѣненія у животныхъ. Такіе опыты съ ампутаціей хвостовъ были произведены на мышахъ и крысахъ Weismann'омъ, Vos'омъ, Rosenthal'емъ и другими.

Большинство мутиляцій отличается, однако, тѣмъ, что онѣ, согласно данному нами опредѣленію, не сопровождаются сколько нибудь рѣзкими нарушеніями общаго состоянія организма. Останутся ли мутиляціи безрезультатными и въ томъ случаѣ, если онѣ будутъ причиной болѣзни? Опять таки въ литературѣ нѣтъ недостатка въ подобнаго рода примѣрахъ. Наиболѣе знаменитымъ является, несомнѣнно, спинальная эпилепсія у морскихъ свинокъ, описанная Brown Secquard'омъ, и аналогичныя ей трофическія измѣненія, описанныя имъ же. Этотъ авторъ отмѣтилъ, что, при половинной перерѣзкѣ спинного мозга или резекціи сѣдалищнаго нерва, у морскихъ свинокъ черезъ нѣсколько недѣль послѣ операціи наступаетъ особое состояніе, характеризуемое судорожными припадками, вызываемыми прикосновениемъ къ опредѣленному участку кожи, такъ называемой эпилептогенной зонѣ. Это состояніе передается и потомству этихъ свинокъ. Также передается, по наблюденіямъ Brown Secquard'a, атрофія глазного яблока, слѣдующая за перерѣзкой *corpora restiformia*, и другія послѣдствія операціи на нервной системѣ. Аналогичные опыты были произведены въ послѣдствіи также Westpfal'емъ со сходными результатами. Но другіе

авторы не были столь счастливы и, съ своей стороны, я могу указать, что мнѣ случалось десятки разъ производить резекціи *per vi ischiadicæ* у собакъ, не вызывая когда либо чего нибудь похожаго на эпилепсію. Такимъ образомъ, въ лучшемъ случаѣ, явленія, описанныя Brown Secquard'омъ, наблюдаются лишь у части животныхъ вполнѣ определеннаго вида и, быть можетъ, даже рассы¹⁾. Это уже заставляетъ сомнѣваться въ вѣрности даннаго имъ толкованія, а еще сомнительнѣе другіе примѣры.

Такимъ образомъ приходится вывести и здѣсь заключеніе, что даже мутиляціи, способныя вызывать длительныя патологическія состоянія, подобно поврежденіямъ нервной системы, на свойствахъ потомства не отражаются.

То же приходится сказать и объ острыхъ болѣзненныхъ процессахъ, кончающихся выздоровленіемъ. Они также не передаются потомству какъ определенныя признаки, но, въ отличіе отъ мутиляцій, относительно многихъ изъ нихъ надо отмѣтить все таки замѣтное вліяніе на общія свойства потомства. Это въ особенности ярко выступаетъ при острыхъ инфекціонныхъ болѣзняхъ и привычныхъ отравленіяхъ, и прежде всего при алкоголизмѣ. Не создавая какой либо определенной наследственной формы болѣзни, процессы эти дѣлають потомство заболѣвшей особи болѣе слабымъ и часто уродливымъ и склоннымъ къ разнообразнѣйшимъ заболѣваніямъ. Это явленіе легко можетъ быть принято за настоящую патологическую наследственность.

Уже изъ опытовъ надъ развивающимися яйцами нисшихъ животныхъ легко убѣдиться въ возможности подобнаго дѣйствія ядовъ. Въ особенности знамениты опыты Herbst'a съ отравленіемъ яицъ морскихъ ежей солями литія, причемъ ихъ личинки принимаютъ совершенно необычную форму. (Рис. 28). Гертвигу удалось получить подобнымъ же путемъ уродства у лягушекъ, а Фере у птицъ. Аналогичные опыты были произведены также и многими другими авторами и при томъ не только съ химически определенными ядами, но также и съ бактеріальными токсинами. Совершенно то же наблюдается и у человѣка и при томъ чаще всего въ видѣ извѣстныхъ дефектовъ въ функціональномъ развитіи нервной системы и незначительныхъ соматическихъ аномалій.

Не даромъ еще древніе греки, желая обозначить прирожденное слабоуміе, говорили: «рожденный отъ пьянаго отца».

¹⁾ У морскихъ свинокъ не рѣдкость спонтанное появленіе эпилепсіи.

Эти врожденные аномалии уже могутъ стать и на самомъ дѣлѣ наследственными и послужить такимъ образомъ переходнымъ пунктомъ къ глубокой психической дегенерации ¹⁾.

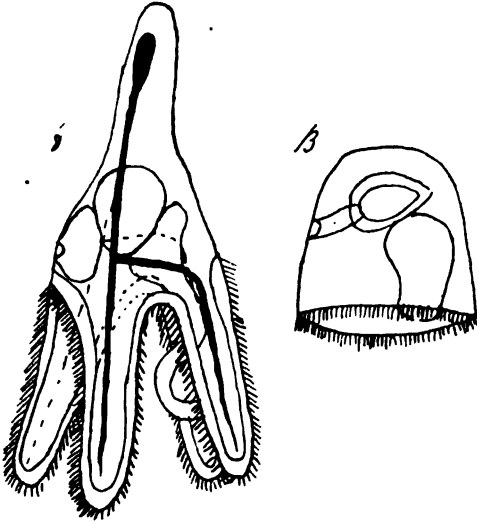

Рис. 28. А. Нормальная личинка (*Pluteus*) морского ежа. В: Уродливая личинка, выросшая въ водѣ, содержащей небольшое количество хлористаго литія.

Что касается до нашей третьей категории патологическихъ состояній, то между ними надо выдѣлить въ отдельную группу состоянія приобретенныя: хроническія инфекции, хроническія отравленія и послѣдствія острыхъ болѣзней. Этого рода патологическія состоянія не отличаются по своему значенію отъ только что описанной группы и создаютъ лишь общую картину врожденной слабости у потомства, не определяемую ближе. Эта слабость

можетъ, конечно, создать, въ свою очередь, предрасположеніе къ аналогичнымъ заболѣваніямъ, если условія существованія остаются тождественными и для дальнѣйшихъ поколѣній, и создавать такимъ образомъ опять таки нѣчто похожее на наследственность ²⁾.

Еще болѣе напоминаетъ наследственность такъ называемая ложная наследственность хроническихъ инфекцій, изъ которыхъ для человѣка всего важнѣе туберкулезъ и сифилисъ

Инфекціонныя болѣзни дѣйствительно могутъ распространиться съ предковъ на потомство, но это распространеніе не имѣетъ ничего общаго

¹⁾ Vezzola установилъ время зачатія для 9000 идиотовъ, отмѣченныхъ при народной переписи 1900 года въ Швейцаріи. При этомъ (на Гальтоновской кривой, построенной по мѣсяцамъ) оказалось двѣ максимальныхъ точки: одна падала на время карнавала, а другая на время сбора винограда, и при томъ эти точки соответствовали періоду пониженія на общей кривой частоты зачатій.

Форель указываетъ, что у 75% идиотовъ, прирѣваемыхъ въ Вісѣтре въ Парижѣ, родители которыхъ извѣстны, отмѣченъ алкоголизмъ родителей.

²⁾ Такое толкованіе должно, вѣроятно, дать фактамъ, указывающимъ на наследственность рахита.

съ истинной наследственностью. Оно состоит не въ измѣненіи свойствъ идиоплазмы, а въ переходѣ возбудителей инфекціи или въ половыя кѣтки (герминальная инфекція), или въ ткани зародыша, уже достигшаго известнаго развитія (плацентарная инфекція). Герминальная инфекція, доказанная только для животныхъ съ меробластическими яйцами (птичій туберкулезъ, пѣрина у шелкоичнаго червя), у человека признается лишь при сифилисѣ, что, впрочемъ, также еще не доказано съ полной достовѣрностью, такъ какъ возбудитель сифилиса не достаточно извѣстенъ. Плацентарная инфекція имѣетъ, напротивъ того, очень широкое распространеніе и наблюдается не только при сифилисѣ и туберкулезѣ, но и при многихъ другихъ, даже острыхъ инфекціяхъ—оспѣ, сибирской язвѣ и т. д.

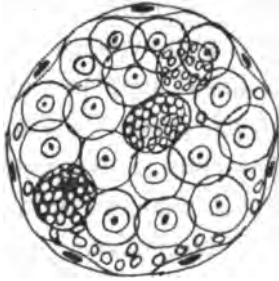

Рис. 29. Сѣмянной каналецъ бабочки съ сперматогоніями, пораженными пѣриной.

Результатъ подобной передачи возбудителей инфекціи отъ предковъ потомству, разумеется, будетъ состоять въ появленіи у потомства тѣхъ же болѣзненныхъ формъ, которыми страдали предки, но наследственными назвать эти формы все таки нельзя, такъ какъ отъ идиоплазмы они не зависятъ.

Съ другой стороны, для многихъ инфекцій, и, прежде всего, для туберкулеза, доказано вліяніе инфекціи родителей на общую организацію потомства, состоящее въ появленіи, напримѣръ, такъ называемаго туберкулезнаго habitus'a—блѣдная анемичная кожа, впалая узкая грудь, тонкія слабыя кости, слабое развитіе мускулатуры и проч. Такие субъекты обладаютъ повышенной воспримчивостью къ данной инфекціи и она принимаетъ у нихъ болѣе тяжелое теченіе, а такъ какъ при сожительствѣ съ больными родителями инфекція всегда легко возможна, то эти субъекты обыкновенно и становятся ея жертвой. Такія отношенія заставляли, между прочимъ, авторовъ прежняго, добактеріальнаго періода считать наследственность за одинъ изъ главныхъ этиологическихъ моментовъ въ происхожденіи туберкулеза.

Что касается до остальныхъ патологическихъ состояній, то все они наследственны, какъ наследственны всякіе врожденные признаки. Такими врожденными состояніями, помимо семейныхъ аномалій, упомянутыхъ нами въ предыдущей лекціи, являются многія пораженія нервной системы, органовъ чувствъ, мышцъ и скелета, большинство болѣзней обмена и нѣкоторыя пораженія сосудистой системы, подобныя гемофиліи.

Въ слѣдующей лекціи мы рассмотримъ подробнѣе значеніе важнѣйшихъ изъ нихъ, теперь же остановимся сначала на особенностяхъ наследственной передачи подобныхъ состояній, во многомъ часто отличающихся въ этомъ отношеніи отъ физиологическихъ признаковъ.

Тогда какъ при физиологической наследственности измѣнялись лишь условія передачи признака, здѣсь приходится считаться кромѣ того и съ крайней пзмѣчивостью самого передаваемаго признака.

Лишь въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ однородной или *гомологической* наслѣдственности признакъ остается неизмѣннымъ, т. е. передается именно та болѣзненная форма, которая наблюдалась въ предшествовавшемъ поколѣннн, гораздо же чаще мы встрѣчаемся съ такъ называемой *гетерологической наслѣдственностью* или *патологической трансформацией*, т. е. съ появленіемъ у потомства совершенно иныхъ патологическихъ явленій, чѣмъ наблюдавшіяся у предковъ. Передается, напримѣръ, не опредѣленная форма измѣненія общаго обмѣна, положимъ, диабетъ, а замедленіе обмѣна вообще, не опредѣленная душевная болѣзнь, а общая слабость психики и т. д. Если бы наши знанія о сущности большинства патологическихъ состояній были опредѣленнѣе, то не трудно было бы, конечно, заранѣе предугадать, какія формы могутъ входить въ циклъ наслѣдственной передачи и какія должны быть исключены изъ него, но при теперешнемъ состояніи этого вопроса мы имѣемъ возможность дать лишь самыя общія указанія, основываясь главнымъ образомъ на эмпирическихъ данныхъ. Такъ, пока гетерологическая наслѣдственность или трансформация вполне установлена для такъ называемыхъ *cachexies bradytrophiques* французскихъ авторовъ съ Бушаромъ во главѣ. Главными представителями этой группы являются диабетъ, подагра и ожиреніе — патологическія состоянія, легко комбинирующіяся другъ съ другомъ и легко превращающіяся одно въ другое при наслѣдственной передачѣ. Затѣмъ она очень вѣроятна для такъ называемыхъ функціональных невротозовъ: истеріи, неврастенія и связанныхъ съ ними психозовъ, и для многихъ другихъ пораженій нервной системы. Тѣмъ не менѣе, съ понятіемъ о трансформированной наслѣдственности надо быть очень осторожнымъ и довѣрять лишь очень многочисленнымъ и строго провѣреннымъ наблюденіямъ, такъ какъ источники ошибокъ здѣсь безчисленны. Хорошей иллюстраціей къ сказанному могутъ служить данныя, собранныя докторомъ Кабановымъ, являющимся выразителемъ воззрѣній московской школы профессора Остроумова. Распространяя принципъ трансформации патологической наслѣдственности на всѣ болѣзни вообще, этотъ авторъ нашель возможнымъ говорить даже о наслѣдственности такихъ формъ, какъ, напримѣръ, болѣзни почекъ. Еще большее и несравненно болѣе распространенное увлеченіе ученіемъ о трансформации встрѣчаемъ мы въ средѣ психіатровъ, что уже вызвало въ настоящее время реакцію.

Дѣйствительно, если мы обратимся къ различнымъ статистическимъ даннымъ касательно частоты наследственной передачи душевныхъ болѣзней, то окажется, что, по мнѣнію различныхъ авторовъ, частота эта колеблется отъ 4% до 90%. Такая огромная разница всецѣло объясняется различными приемами статистики. При допущеніи безпредѣльной трансформации въ группу наследственныхъ заболѣваній попадутъ чуть ли не все изслѣдуемые индивидуумы, при допущеніи существованія лишь прямой однородной наследственности будетъ отвергнуто значительное число завѣдомо наследственныхъ формъ. Вѣрные результаты можетъ дать лишь достаточно обширная статистика, проведенная сравнительно среди здоровыхъ и больныхъ субъектовъ, и такое сравненіе съ убѣдительностью говоритъ противъ допущенія безпредѣльной трансформации. Такъ, Wagner Jauregg на основаніи сопоставленія различныхъ статистическихъ данныхъ, нашелъ, что психопатическая наследственность наблюдается:

1) При допущеніи перемежающейся и коллатеральной наследственности и широкихъ предѣловъ трансформации (наследственно предрасполагающими моментами признаются: а) психозы, б) неврозы, с) алкоголизмъ, d) апopleксія, е) старческое слабоуміе, f) странности характера, g) самоубійство)—ненормальные предки наблюдаются у 59% здоровыхъ и 77% душевно больныхъ.

2) При допущеніи такой же широкой трансформации, но лишь прямой наследственности у 28% здоровыхъ и 57% душевно больныхъ.

3) При допущеніи коллатеральной и перемежающейся наследственности, но трансформации однихъ лишь психоневрозовъ у 15,4% здоровыхъ и 30,5% душевно больныхъ.

4) При прямой наследственности исключительно лишь психоневрозовъ 5,9% здоровыхъ и 19,4 душевно больныхъ.

Diem (Arch. f. Rassen Biologie) приводитъ, на основаніи обширныхъ и тщательно проверенныхъ статистическихъ изслѣдованій, такія данныя:

Наследственно предрасположенныхъ (при допущеніи трансформации) оказалось:

среди 1193 здоровыхъ 66,9%
 „ 1850 душевно больныхъ 77%

Для отдѣльныхъ факторовъ вліяніе выразилось въ такихъ цифрахъ:

Наблюдались у предковъ:

	здоровыхъ.	душевно больныхъ.
Душевная болѣзнь	15,1%	45,9%
Нервная болѣзнь	14,9%	5,1%
Пьянство	21,3%	20,9%
Самоубійство	1,6%	2,3%

Такимъ образомъ, безпредѣльная трансформация недопустима и для душевныхъ болѣзней

Если, однако, съ понятіемъ «трансформированная наследственность» и слѣдуетъ быть очень осторожнымъ, то это нисколько не ослабляетъ важнаго принципиальнаго значенія этого явленія и не исключаетъ возможности ея. Мало того, при соблюденіи разумнаго отношенія къ фактамъ, ученіе о трансформации можетъ послужить, съ одной стороны,

къ выясненію реальной генетической связи между отдѣльными патологическими формами, а съ другой — даетъ уже въ настоящее время объясненіе наиболее интереснымъ явленіямъ патологической жизни вида — его дегенерации и регрессивной наслѣдственности, а при распространеніи его и на физиологическія отношенія и явленіямъ *прогенерации*.

Дѣйствительно, наблюдая за измѣненіемъ различныхъ проявленій патологической наслѣдственности въ теченіе цѣлаго ряда поколѣній, мы нерѣдко замѣчаемъ, какъ на почвѣ прирожденной слабости и неустойчивости организма возникаютъ уже несомнѣнно врожденные патологическіе признаки, то или другое патологическое состояніе. При продолжающихся неблагоприятныхъ внѣшнихъ условіяхъ и при скрещиваніи съ такими же неустойчивыми индивидуумами признаки эти накаплиются затѣмъ съ каждымъ поколѣніемъ и проявляются въ видѣ все болѣе и болѣе тяжелыхъ формъ, пока дѣло не закончится полнымъ вымираніемъ даннаго рода. Это явленіе возрастающей трансформированной наслѣдственности носитъ названіе *вырожденіе* или *дегенерация* и представляетъ чрезвычайно распространенное явленіе во всей природѣ. Особенно рѣзко выражено оно, однако, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ переживаніемъ чрезмѣрно большого числа особей устраняется спасительный естественный или искусственный подборъ, т. е. при панмиксии у плохо содержимыхъ домашнихъ животныхъ и у человѣка.

Такая дегенерация проявляется какъ въ измѣненіи анатомическихъ признаковъ, такъ и въ измѣненіи соответственныхъ функций, и характерной чертой ея является прежде всего нарушеніе корреляціи, т. е. правильнаго соотношенія частей или функций—нарушеніе нормальной гармоніи, лежащей въ основѣ правильности физиологическихъ отправленій. При достаточно рѣзкой степени такая дисгармонія дѣлаетъ существованіе невозможнымъ. Но нарушеніе равновѣсія аргіогі мыслимо какъ въ видѣ задержки развитія или возвращенія къ прежнему типу, такъ и въ видѣ успленнаго развитія, и поэтому очевидно, что явленія нарушенія корреляціи могутъ имѣть различное значеніе. Но это обстоятельство, хорошо извѣстное зоотехникамъ, добывающимся определенной цѣли, посящей часто явно патологическій характеръ, съ нашей, человѣческой точки зрѣнія, къ сожалѣнію, мало было обращено вниманія со стороны лицъ, изучавшихъ дегенерацию у человѣка. Тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что оно могло бы пролить нѣкоторый свѣтъ на странныя, на первый взглядъ, явленія—появленія на почвѣ дегенера-

цій признаковъ прогрессивнаго характера, какъ, наприкладъ, необычайной талантливости.

Къ этому вопросу мы еще возвратимся, теперь же перейдемъ къ разсмотрѣнію тѣхъ явленій, которыя признаются въ настоящее время признаками дегенераціи у человѣка и у животныхъ.

Мы различаемъ соматическую и психическую дегенераціи, которыя, однако, обыкновенно настолько тѣсно связаны другъ съ другомъ, что по пахожденію признаковъ одной мы можемъ догадываться и о существованіи другой. Въ особенности это справедливо по отношенію къ психической дегенераціи, обычно сопровождающейся характерными соматическими аномаліями, такъ называемыми стигмами дегенераціи. Соматическая же дегенерація, не сопровождающаяся психической, представляетъ явленіе очень перѣдкое и тѣсно примыкаетъ къ явленіямъ врожденной слабости, обычно наблюдаемой при неблагоприятныхъ условіяхъ существованія. Такъ, наприкладъ, вымирають отъ соматической дегенераціи цѣлыя племена дикарей, поставленныя въ невозможныя для нихъ условія вторженіемъ чуждой культуры, вымирають безъ малѣйшаго признака психической дегенераціи, свято храня завѣты своей старины.

Психическую же дегенерацію мы должны искать не въ палашахъ вымирающихъ племенъ, а на самыхъ высшихъ слояхъ современной культуры, тамъ, гдѣ нервная система есть главное орудіе борьбы за существованіе, главный объектъ подбора. Здѣсь мы найдемъ ее въ самыхъ разнообразныхъ степеняхъ и формахъ, здѣсь мы должны будемъ считаться съ ней на каждомъ шагу, здѣсь она является злымъ геніемъ родовъ, племенъ и народовъ.

Въ чемъ же выражается психическая дегенерація?

Остановимся сначала на внѣшнихъ признакахъ соматическаго характера, на стигмахъ дегенераціи, представляющихъ какъ бы вывѣску надъ дегенерантомъ, очевидное выраженіе утраты гармоніи частей въ организмѣ.

Важнѣйшими стигмами дегенераціи являются слѣдующія:

1. Со стороны черепа: микроцефалія и макроцефалія — слишкомъ малый и слишкомъ большой черепъ; *платиоцефалія* — нарушеніе двусторонней симметріи (косая голова); *скафоцефалія* — черепъ, напоминающій крышу съ двумя скатами; *оксицефалія* — малое развитіе затылка и перекашивание черепа впередъ; *сфеноцефалія* — клинообразная форма головы; *наттицефалія* — глубокая впадина на средней линіи затылка, раздѣляющая его на двѣ половины, и нѣкоторыя другія формы.

2. Со стороны лица: *макропрозопія* — огромное лицо при маломъ черепѣ; *прогнатизмъ* — выступаніе челюстей впередъ; *Альбрехтовскій отростокъ* — отвороченный снаружи уголъ нижней челюсти.

3. Со стороны ушной раковины — различныя неправильности ея формы, часто не симметричныя (Морелевскія уши).

4. Со стороны глазъ: дальтонизмъ (цвѣтовая слѣпота), косоглазіе, нистагмусъ (непроизвольныя качательныя движенія глазного яблока), неправильности формы зрачка и т. п.

5. Глухонѣмота.

6. Заиканіе и другія аномаліи рѣчи.

7. Нѣкоторыя функціональныя аномаліи: мигрень, головокруженіе, подергиванія (тики), бессонница, невральгія.

Многіе изъ этихъ признаковъ выражены болѣе или менѣе рѣзко и у вполне нормальныхъ, повидимому, людей, но приведенная выше статистика Wagner Jauregg'a и Diem'a показываетъ, какъ велика патологическая наследственность и между такъ называемыми нормальными людьми. Не подлежитъ сомнѣнію, что случайныя стигмы являются наследствомъ кого либо изъ предковъ дегенерантовъ. Всѣ эти *стигмы* являются очевиднымъ нарушеніемъ гармоніи сочетаній, билатеральной симметріи, равномернаго развитія и корреляціи частей въ организмѣ. Часть изъ нихъ, какъ, напримѣръ, прогнатизмъ, Альбрехтовскій отростокъ, Дарвиновъ бугорокъ уха являются даже атавистическими питекоидными признаками.

Что касается до собственно психической сферы, то и здѣсь красной нитью проходитъ, какъ наиболѣе характерный признакъ, болѣе или менѣе рѣзко выраженная психическая неуравновѣшенность, выражающаяся чаще всего въ выпаденіи опредѣленныхъ нормальныхъ психическихъ свойствъ.

Эта неуравновѣшенность можетъ выражаться въ странныхъ привычкахъ, наклонности къ пьянству, развращенности, доходящей до полного выпаденія нравственнаго чувства, навязчивыхъ идеяхъ и систематизированномъ бредѣ и комбинируется иногда съ блестящимъ развитіемъ другихъ способностей. Степень развитія той или другой психической аномаліи можетъ быть очень различною — отъ едва замѣтныхъ неправильностей, до полного идиотизма.

Эти явленія дегенераціи до того характерны, что всѣ современные психіатры согласны въ томъ, что необходимо выдѣленіе относящихся сюда психическихъ болѣзней въ особую группу дегенеративныхъ психозовъ. Къ этой группѣ относятся, напримѣръ, по классификаціи Крафтъ-Эбинга: первичное помѣшательство и круговое или

періодическое помѣшательство, но сюда же близко примыкають и всѣ конституціональные психоневрозы, въ особенности эпилепсія и истерія, изъ которыхъ первая крайне легко передается по наслѣдству.

Итакъ, патологическая наслѣдственность отличается отъ физиологической прежде всего тѣмъ, что при меньшей распространенности патологическихъ признаковъ, наблюдаемыхъ обычно лишь у нѣкоторой части общаго числа членовъ данной семьи, признаки эти отличаются и гораздо меньшей устойчивостью, такъ какъ колеблются не только въ количественномъ, но и въ качественномъ отношеніи.

ЛЕКЦІЯ СЕДЬМАЯ.

Главнѣйшія наслѣдственныя болѣзни у человѣка.

М. г. Характерная особенность патологической наслѣдственности—неустойчивость признаковъ—указываетъ на то, что всѣ патологическія особенности могутъ быть лишь признаками, приобрѣтенными очень недавно. Закрѣпленіе ихъ за сколько нибудь значительнымъ числомъ поколѣній неминуемо повело бы къ гибели даннаго рода, тѣмъ болѣе, что патологическая наслѣдственность въ подобныхъ случаяхъ проявляетъ обыкновенно склонность прогрессировать.

Если мы признаемъ эту точку зрѣнія вѣрной, то, очевидно, мы должны допустить и возможность непосредственно наблюдать и самый процессъ возникновенія наслѣдственныхъ патологическихъ формъ. Такое явленіе дѣйствительно приходится наблюдать далеко нерѣдко и притомъ даже для такихъ эксквизитно наслѣдственныхъ страданій, какъ гемофілія. Въ этомъ отношеніи очень поучителенъ случай Абдергальдена, которому ясно удалось установить моментъ появленія этой аномаліи. Наблюденіе это очень интересно и въ томъ отношеніи, что въ описанномъ случаѣ гемофілія появилась въ описываемой семьѣ сразу въ двухъ случаяхъ, послѣ того, какъ два члена изъ этой семьи женились на родныхъ сестрахъ, происходившихъ изъ другой, также до того здоровой, семьи. Въ этихъ начальныхъ формахъ гемофілія носила лишь мѣстный характеръ, ограничиваясь однѣми слизистыми оболочками ¹⁾. Но подобные случаи внезапнаго появленія ясно выраженныхъ опре-

¹⁾ Ziegl. Beitr. Bd. 35.

дѣленныхъ формъ, передающихся затѣмъ по прямой наслѣдственности. весьма рѣдки и отступаютъ на задній планъ передъ огромною массою тѣхъ формъ, гдѣ первые симптомы патологической наслѣдственности появляются въ видѣ прирожденной слабости и неустойчивости организма. Эта слабость можетъ возникнуть на самой разнообразной почвѣ: какъ послѣдствіе хроническихъ и острыхъ болѣзней родителей, отравленій и жизненныхъ невзгодъ, постигавшихъ ихъ, и создаетъ главную причину всѣхъ прирожденныхъ аномалій.

Продолжаются вліянія неблагоприятныхъ условій, наблюдается конвергирующая наслѣдственность въ формѣ скрещиванія одинаково недоброкачественныхъ особей—и мы имѣемъ передъ собою возникшую на этой почвѣ настоящую соматическую и психическую дегенерацию; улучшаются условія, вносится въ семью новая здоровая идиоплазма на почвѣ нормальной амфимиксиса и черезъ нѣсколько поколѣній патологическіе признаки исчезаютъ.

Общее происхожденіе огромной массы наслѣдственныхъ признаковъ различныхъ страданій на почвѣ прирожденной слабости, тѣсная связь однихъ признаковъ съ другими на почвѣ корреляціи частей въ организмѣ и весьма часто наблюдаемый отрицательный отборъ, обуславливающий конвергирующую наслѣдственность, ведутъ затѣмъ роковымъ образомъ къ тому, что при появленіи дегенерации мы имѣемъ передъ собою не одинъ какой либо призракъ, а цѣлую плеяду симптомовъ соматическаго и психическаго вырожденія¹⁾. Вотъ тѣ основныя положенія, которыя не слѣдуетъ забывать при изученіи проявленій патологической наслѣдственности, для того, чтобы не впасть изъ крайности абсолютнаго признанія наслѣдственности чуть не за единственную причину всѣхъ болѣзней, въ которую впадаютъ слишкомъ ярые приверженцы теоріи трансформации болѣзней, въ другую, не мѣтѣ неосновательную,—отрицаніе всякаго значенія патологической наслѣдственности.

Не надо забывать, что современное ученіе о значеніи наслѣдственности, современные методы статистическаго изслѣдованія, совре-

¹⁾ Важная роль отрицательнаго подбора въ происхожденіи дегенеративныхъ психическихъ заболѣваній у человека прекрасно освѣщена въ диссертации доктора Тутышкина, приходящаго къ заключенію, что такой отрицательный отборъ — скрещиваніе дегенерантовъ, имѣетъ мѣсто въ 64% всѣхъ случаевъ дегенерации, благодаря чему процессъ вырожденія идетъ, быстро возрастаая, отъ поколѣнія къ поколѣнію.

меньшая возрѣнія на сущность болѣзни суть пріобрѣтенія послѣднихъ десятилѣтій и, въ силу этого, въ этой области сдѣлано еще очень мало.

Наблюденія прежнихъ авторовъ, произведенныя примитивнымъ способомъ, имѣютъ теперь лишь проблематическое значеніе, такъ какъ, какъ мы уже говорили, въ изслѣдованіи явленій подобныхъ наследственности и измѣчивости, убѣдительно лишь большія цифры, доказательна лишь правильно проведенная статистика. Отрывочныя наблюденія, простирающіяся на два, на три поколѣнія, въ лучшемъ случаѣ, могутъ навести на дальнѣйшія, болѣе рачіонально поставленныя, изслѣдованія. Методами для такихъ изслѣдованій являются, во-первыхъ, опредѣленіе % пораженныхъ членовъ данныхъ родовъ по семьямъ, расположеннымъ въ нисходящей степени родства (генераціямъ), согласно прилагаемой схемѣ.

	Р о д ъ А		Р о д ъ В..		Р о д ъ N	
	здор.	БОЛЪН.	здор.	БОЛЪН.	здор.	БОЛЪН.
G. III	n	m	n ₁	m ₁	n _q	m _q
G. II	n*	m*	n ₁ *	m ₁ *	n _q *	m _q
G. I	n**	m**	n ₁ **	m ₁ **	n _q **	m _q
NB.	N	M	N ₁	M ₁	N _q	M _q
G. 1	*n	*m	*n ₁	*m ₁	*n _q	*m _q
G. 2	**n	**m	**n ₁	**m ₁	**n _q	**m _q
G. 3	***n	***m	***n ₁	***m ₁	***n _q	***m _q
S	A	B	C	D	E	F

$$\text{Общій процентъ } 100 \frac{B + D + F}{(A + B + C + D + E + F)}$$

Рядовое соотношеніе поколѣній

$$100 \frac{n + m_1 + \dots + m_q}{(n + m + n_1 + m_1 + \dots + n_q + m_q)} = a\%$$

.... a%; b%; c%; S%; t%. q%....

При дѣйствительно наследственныхъ формахъ % пораженныхъ индивидуумовъ будетъ убывать въ обѣ стороны отъ извѣстнаго макси-

мума или, что чаще, возрастать по направлению къ изслѣдуемому поколѣнію, являющемуся послѣднимъ въ ряду.

Этотъ наиболѣе совершенный способъ изслѣдованія, къ сожалѣнію, почти неприменимъ на практикѣ за неимѣніемъ достаточно многочисленныхъ и точныхъ данныхъ касательно числа членовъ и состоянія ихъ здоровья въ теченіе цѣлаго ряда поколѣній. Поэтому чаще приходится довольствоваться методомъ составленія генеалогическихъ таблицъ, ограничивающихся только даннымъ родомъ и сравнительно ничтожнымъ числомъ индивидуумовъ, но, тѣмъ не менѣе, весьма демонстративныхъ. Такія таблицы мы видимъ и здѣсь, на рисункахъ 30—37.

Но и такихъ наблюденій, которыя позволяли бы составить генеалогическія таблицы, къ сожалѣнію, очень мало, такъ какъ и ихъ составленіе сопряжено съ немалыми затрудненіями. Наибольшимъ изъ затрудненій является сомнительность даваемыхъ свѣдѣній, такъ какъ большинство семей, естественно, скрываетъ свои недостатки.

Не взирая на эти затрудненія, въ настоящее время мы, тѣмъ не менѣе, обладаемъ цѣлымъ рядомъ фактовъ, съ неопровержимостью доказывающихъ реальное значеніе патологической наслѣдственности.

Формы проявленія ея можно распредѣлить на двѣ слѣдующія основныя группы.

- 1) Формы съ гомологической (однородною) наслѣдственностью.
- 2) Формы съ гетерологической (трансформированной) наслѣдственностью, куда относятся и явленія дегенерации.

Въ первой группѣ мы замѣчаемъ снова двѣ типичныя подгруппы — формы съ прямой непрерывной наслѣдственностью и формы съ перемежающейся, такъ называемой кондуктивной наслѣдственностью.

Типическими представителями первой подгруппы страданій являются: Гентингтоновская хорея, *Myotonia congenita* Томсена, *Pseudohypertrophia musculorum*, *Diabetes insipidus*, множественные экзостозы и нѣкоторыя другія страданія. Представителями второй подгруппы будутъ гемофилія и дальтонизмъ.

Разсмотримъ нѣсколько подробнѣе наиболѣе типическія наблюденія, относящіяся къ этимъ страданіямъ, пользуясь приложенными здѣсь генеалогическими таблицами.

Гентингтоновская хорея есть идеальная форма для доказательства существованія прямой и однородной патологической наслѣдственности.

Страданіе это заключается въ насильственныхъ движеніяхъ, напоминающихъ пляску св. Витта, постепенно прогрессирующихъ и захваты-

вающихъ все большія и большія группы мышцъ. Къ этимъ насильственнымъ движеніямъ въ заключеніе присоединяются психическіе симптомы. Болѣзнь проявляется въ возрастѣ отъ 30—50 лѣтъ и свойственна лицамъ обоего пола. Разъ исчезнувши въ одномъ поколѣніи, она болѣе не возрождается, по крайней мѣрѣ въ ближайшихъ поколѣніяхъ.

Myotonia congenita или болѣзнь Томсона, характеризуется преходящимъ, иногда болѣзненнымъ сокращеніемъ определенной группы мышцъ, наступающимъ при попыткѣ къ произвольнымъ движеніямъ. Наблюдается она обыкновенно уже въ дѣтскомъ возрастѣ. Томсенъ видѣлъ ее у своего грудного ребенка. Наслѣдственность, и притомъ

однородная, выражена очень рѣзко. Томсенъ наблюдалъ ее въ своей семьѣ въ теченіе пяти поколѣній.

При болѣзни Томсена мы встрѣчаемся, однако, и съ указаніями на гетерологическую наслѣдственность: у предковъ больныхъ нерѣдки явленія артрита и цеврозы.

При *Pseudohypertrophia musculorum*, особой формѣ дѣтскаго паралича, характеризующагося усиленнымъ развитіемъ жировой ткани въ пораженной мышцѣ, мы встрѣчаемся съ однородной прямой наслѣдственностью уже далеко не съ такою правильностью.

Очень часто прямая наслѣдственность замѣняется перемежающеюся или даже болѣзнь проявляется въ формѣ фамиліальнаго страданія, т. е.

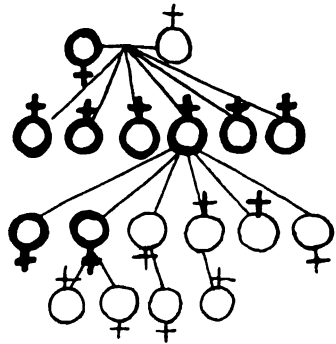

Рис. 30. Наслѣдственная передача Гентингтоновской хорей по Dejerine.

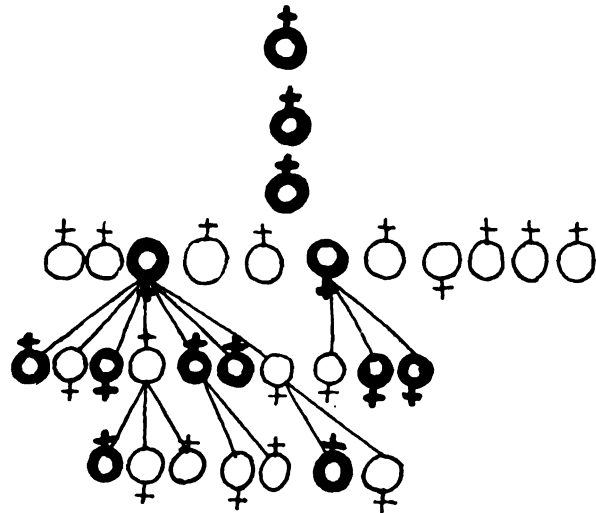

Рис. 31. Наслѣдственная передача *Pseudohypertrophia musculorum* (по Klebs'у).

наблюдается у нѣсколькихъ членовъ одной семьи, не появляясь ни у предковъ, ни у потомковъ.

Еще менѣе постоянна наслѣдственность при Diabetes insipidus—возможно, что полиурія есть симптомъ нѣсколькихъ страданій, отлич-

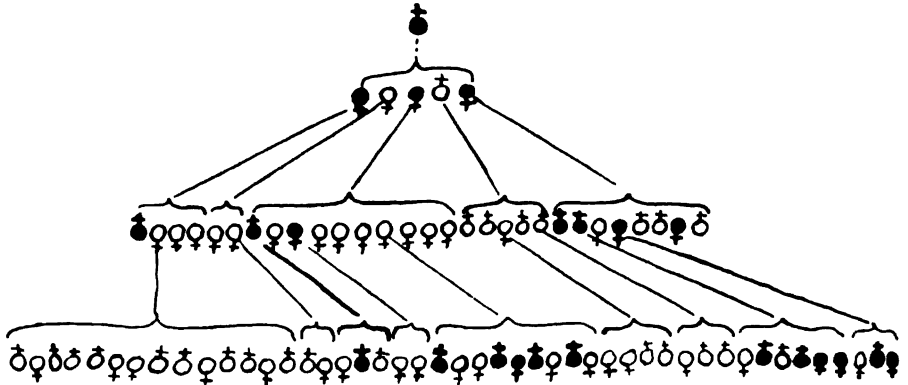

Рис. 32. Наслѣдственная передача Diabetes insipidus (по Weil'ю).

ныхъ другъ отъ друга. Впрочемъ, представленный въ видѣ этой генеалогической таблицы, случай Weil'я въ достаточной мѣрѣ доказываетъ, что такая наслѣдственность существуетъ, по крайней мѣрѣ, иногда.

Наслѣдственные экзостозы — послѣдняя изъ камѣченныхъ нами формъ, также, повидимому, представляютъ лишь одну изъ многихъ

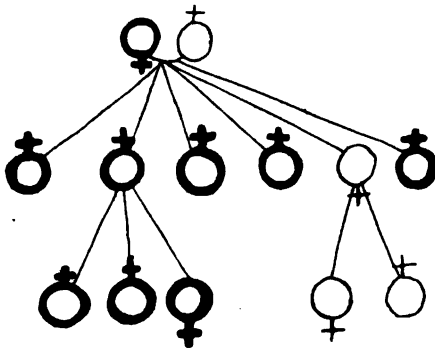

Рис. 33. Наслѣдственная передача множественныхъ экзостозовъ (по Klebs'у).

формъ образования экзостозовъ и эти послѣдніе не всегда наслѣдственны. Эта форма, однако, особенно интересна тѣмъ, что она наблюдается не только у человѣка, но и у многихъ домашнихъ животныхъ, въ особенности у лошадей.

Такимъ образомъ, оказывается, что прямая непрерывная наслѣдственность представляется формою, наблюдаемою лишь въ очень немногихъ случаяхъ, что вполне понятно при выставленной нами, какъ принципъ, малой стойкости патологическихъ особенностей.

Двѣ болѣзни, приведенныя нами какъ примѣры правильно перемежающейся или кондуктивной наслѣдственности, представляютъ, въ сущности говоря, не болѣзни, а проявляющіяся особымъ образомъ прирожденныя аномаліи, такъ какъ свойственны данной особи съ самаго дня ея рожденія и не измѣняются въ теченіе ея жизни въ сво-

ей интензивности, что является главнымъ признакомъ настоящей болѣзни. Относительно дальтонизма—цвѣтовой слѣпоты, представляющаго особый недостатокъ развитія сѣтчатой оболочки глаза, это очевидно для каждаго, такъ какъ эта особенность проявляется постоянно. Для гемофилии же нужно еще извѣстное стеченіе обстоятельствъ—какое либо пораненіе, такъ какъ иначе необычныя свойства организма ничѣмъ не проявляются. Но, гѣмъ не менѣе, мы имѣемъ полное основаніе видѣть и въ гемофилии такой же порокъ развитія, какъ и дальтонизмъ. Неудержимыя кровотеченія, характеризующія гемофилию, объясняются, всего вѣроятнѣй, нѣкоторыми особенностями сосудовъ, а не измѣненіемъ свойствъ крови. Это ясно изъ того факта, что, какъ

показало наблюденіе Абдергальдена (см. выше), въ началѣ своего развитія гемофилія можетъ быть и чисто мѣстнымъ процессомъ—наблюдаться, на примѣръ, лишь при пораненіи слизистыхъ оболочекъ.

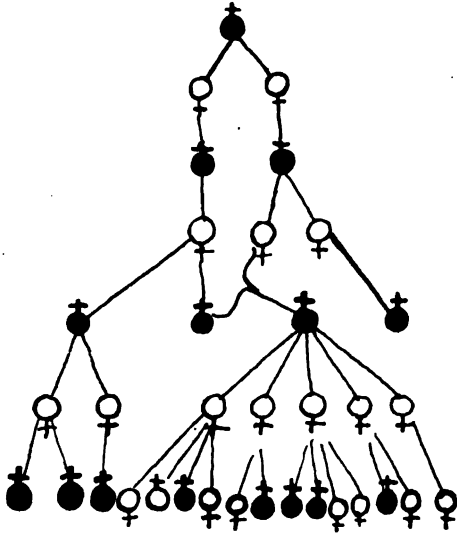

Рис. 34. Наслѣдственная передача цвѣтовой слѣпоты (Дальтонизма) (по Klebs'у).

его развитія гемофилія можетъ быть и чисто мѣстнымъ процессомъ—наблюдаться, на примѣръ, лишь при пораненіи слизистыхъ оболочекъ.

Разъ мы признаемъ обѣ эти формы за своеобразные пороки развитія, то еще болѣе удивительнымъ покажется весьма оригинальный способъ ихъ наследственной передачи. Обѣ онѣ являются печальной привилегіей мужского пола и почти никогда не наблюдаются у женщин¹⁾. Но, въ то же время, пораженные этой аномаліей мужчины даютъ вполне здоровое потомство, тогда какъ здоровыя сами по себѣ женщины, происходящія изъ семьи гемофиликовъ или дальтонистовъ, передаютъ эти свойства своимъ сыновьямъ. Подобное явленіе, наблюдаемое иногда и при другихъ страданіяхъ²⁾, и аналогичное физиологическому явленію перемежающейся половой наследственности, носить названіе *кондукции*.

¹⁾ По Грандиѣе, на 657 наблюдавшихся случаевъ гемофилии было 48 женщинъ, т. е. 7,3%.

²⁾ На примѣръ, при Pseudohypertrophia musculorum.

Такая непонятная для насъ пока внутренняя связь опредѣленныхъ признаковъ съ даннымъ поломъ встрѣчается въ природѣ нѣрѣдко. Такъ, извѣстно, что трехцвѣтными бываютъ только кошки и никогда коты, у бабочки *Argynnis Parbia*, темно-зеленовато-сѣрая разновидность (*Valesina*) встрѣчается только у самокъ, и т. д. Подобная внутренняя корреляція вполнѣ достаточно объясняетъ преобладаніе мужского пола и явленія кондукціи. Труднѣе понять, почему такъ ничтожна сила наследственной передачи у мужчинъ гемофиликовъ и дальтонистовъ?

Какъ бы то ни было, разъ появившись, оба эти страданія стойко держатся въ данномъ родѣ, и что касается гемофилии, то для нея есть

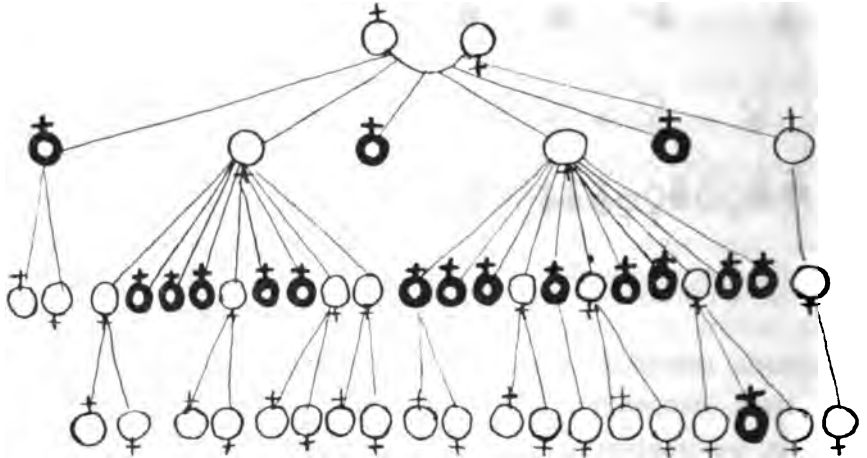

Рис. 35. Наслѣдственность гемофилии въ родѣ Мампель (по Lossen'у).

наблюденія, простирающіяся не на одинъ десятокъ поколѣній. Наибольше извѣстнымъ примѣромъ является семейство (родъ) Мампель, среди котораго гемофилія наблюдалась еще въ 1798 году и которое существуетъ и до сихъ поръ. Часть генеалогіи четырехъ поколѣній этого семейства изображена на прилагаемомъ рисункѣ (рис. 35), взятомъ изъ первой работы Lossen'а, вышедшей около тридцати лѣтъ тому назадъ. Изъ дальнѣйшей работы того же автора, вышедшей въ 1905 году, видно, что аномалія нисколько не измѣнилась за этотъ періодъ, и что и въ настоящее время около трети мужского потомства этого несчастнаго рода гибнетъ отъ кровотеченій на почвѣ гемофиліи и при томъ въ юномъ возрастѣ, такъ какъ съ годами склонность къ кровотеченіямъ нѣмного ослабѣваетъ и они становятся не такъ неудержимы. Родъ этотъ давно

бы вымеръ, если бы не чрезвычайная его плодовитость, съ избыткомъ покрывающая всѣ потери.

Несравненно чаще правильно перемежающейся и тѣмъ болѣе прямой непрерывной наслѣдственности наблюдается неправильная наслѣдственность, при которой свойственная данному роду патологическая особенность то исчезаетъ, то снова появляется, то усиливается, то ослабѣваетъ. Эта форма наслѣдственной передачи непрерывно переходитъ въ явленія трансформированной наслѣдственности и мы встрѣчаемъ здѣсь въ сущности тѣ же формы, съ которыми познакомимся при изученіи явленій дегенерациі. Эти формы суть различныя опухоли, аномаліи обмѣна, психозы и неврозы.

Среди этихъ страданій особое мѣсто занимаютъ опухоли, представляющія выраженіе рѣзкаго нарушенія тканевой корреляціи въ организмѣ. Въ силу этого опѣ сравнительно рѣдко появляются въ одинаковой формѣ и въ тѣхъ же органахъ у различныхъ членовъ того же рода, но несравненно чаще даютъ картину общаго нарушенія устойчивости тканей, что и является основною причиною ихъ возникновенія. Тѣмъ не менѣе для нѣкоторыхъ изъ нихъ вполне доказана и гомологическая наслѣдственность. Таковыми являются стоящія въ связи съ аномаліями нервной системы опухоли кожи — множественныя фибромы и липомы, таковы же нѣкоторыя ксантомы и родимыя пятна, нѣчто подобное можно отмѣтить и при кистозномъ перерожденіи почекъ, печени и яичника. Нѣсколько подобныхъ наблюденій, не оставляющихъ ничего желать по убѣдительности, приводитъ, на примѣръ, въ своей работѣ Dunger.

Остальные случаи однородной наслѣдственности, отмѣченные для подагры, диабета, ожиренія, зоба, Базедовой болѣзни, эпилепсіи, истеріи, нѣкоторыхъ душевныхъ болѣзней, настолько тѣсно сплетены съ дегенеративнымъ формами, то служа ихъ источникомъ, то чередуясь съ ними, то смѣняя ихъ, что довольно трудно говорить о нихъ отдѣльно, тѣмъ болѣе, что неопредѣленность проявленія трансформациі не даетъ возможности составить въ этихъ случаяхъ такія же убѣдительныя генеалогическія таблицы, какъ это было нами сдѣлано при прямой гомологической наслѣдственности. Такъ, мы знаемъ, что и диабетъ, и подагра, и ожиреніе въ высокой степени наслѣдственны, но также знаемъ, что эти страданія часто смѣняются другъ друга или комбинируются одно съ другимъ, давая очень пеструю картину.

Если признать вѣрной точку зрѣнія школы Бушара, то эта картина станетъ еще болѣе пестрой, такъ какъ тогда придется допустить связь не только между названными тремя аномаліями обмѣна, но и между цѣлымъ рядомъ другихъ болѣзней, объединяемыхъ этой школой подъ общимъ названіемъ *cachexies bradytrophiques*.

Къ этимъ болѣзнямъ относятся: ожиреніе, подагра, диабетъ, желчные камни, мочевые камни, бронхиальная астма, хроническій ревматизмъ, мигрень, геморрой, нѣкоторыя формы экземы и нѣкоторыя невралгіи. На почвѣ этихъ *cachexies bradytrophiques* развиваются многія нервныя болѣзни (*Neurarthritisme*).

Что касается до прямой наслѣдственности при трехъ наиболѣе типическихъ и важныхъ формахъ разстройствъ обмѣна, указанныхъ выше, то относительно нея имѣются слѣдующія данныя.

При подагрѣ *Scoudamore* нашелъ среди своего обширнаго матеріала 63,6% такихъ случаевъ, въ которыхъ могло быть доказано наслѣдственное происхожденіе этого страданія въ видѣ подагры у родителей и прапородителей, и при этомъ:

Отецъ больного былъ боленъ въ	54,5%	(181 сл.)
Мать въ	17,8%	(59 сл.)
Оба родителя	7,2%	(24 сл.)
Дѣдъ	11,4%	(37 сл.)
Оба дѣда	0,83%	(3 сл.)
Бабка	0,83%	(3 сл.)
Дѣдъ и бабка	9,3%	(1 сл.)
Дядя	6,3%	(21 сл.)
Тетка	0,83%	(3 сл.)

Изъ 150 случаевъ *Grandidier* и *Braun'a* прямая наслѣдственность подагры была установлена въ 85,9%, а именно:

Со стороны отца въ . . .	50
» » матери въ . . .	24
» » обоихъ въ . . .	60

Patissier обнаружилъ наслѣдственность подагры въ 32,5% своихъ случаевъ, *Lecorchè* въ 57,2%, *Bouchard* въ 44%.

При диабетѣ прямую наслѣдственность нашли:

<i>Frerichs</i>	въ 10%
<i>Seegen</i>	въ 14%
<i>Bouchard</i>	въ 25%
<i>Noorden</i>	въ 18,5%
<i>Külz</i>	въ 21,6%
<i>Naunyn</i>	въ 17,4%
<i>Senator</i>	въ 18,6%
<i>Schmitz</i>	въ 47%

При ожиреніи прямая гомологическая наслѣдственность была обнаружена:

<i>Kisch'емъ</i>	въ 56%
<i>Chambers'омъ</i>	въ 60%
<i>Noorden'омъ</i>	въ 70%
<i>Bouchard'омъ</i>	въ 45,7% и кромѣ того въ 24,4%

у предковъ была отмѣчена подагра.

Къ этому присоединяется еще и то, что на почвѣ этихъ болѣзней обмѣна легко возникаютъ тяжелыя наследственныя пораженія нервной системы, намекомъ на которыя уже служить терминъ *neura thritisme* французскихъ авторовъ.

Подобную смѣшанную наследственность вы видите на этой генеалогической таблицѣ (рис. 36).

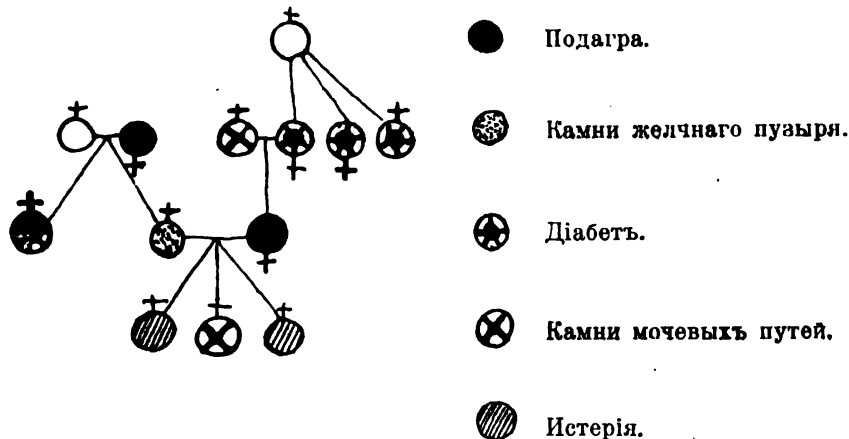

Рис. 36. Наслѣдственность невралгитизма.

Въ еще большей степени это относится къ расстройствамъ обмѣна, вызваннымъ пораженіями щитовидной железы, еще тѣснѣе связанными съ аномаліями функцій нервной системы. Для наиболѣе характернаго по рѣзкости симптомовъ страданія—Базедовой болѣзни—иллюстраціей можетъ служить типическая генеалогическая таблица, составленная Oestreicher'омъ.

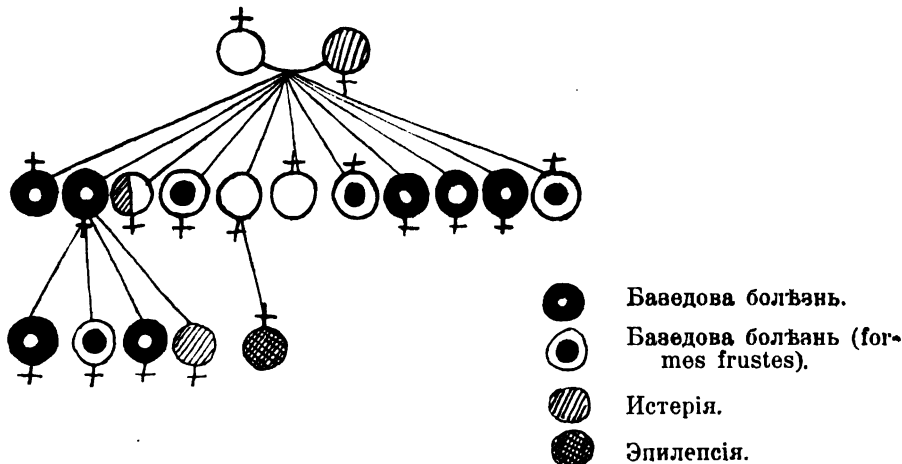

Рис. 37. Наслѣдственность Базедовой болѣзни.

Какъ видите, здѣсь мы имѣемъ уже сочетаніе нѣсколькихъ патологическихъ особенностей, а это, какъ помните, характерно для дегенерацій, къ которымъ мы сейчасъ и перейдемъ.

Что такое дегенерація мы уже обрисовали выше и теперь можемъ ограничиться указаніемъ на то, что подъ этимъ терминомъ въ настоящее время объединяются чуть ли не всѣ формы прогрессивной патологической наследственности и трансформации патологическихъ признаковъ. Между тѣмъ даже поверхностное изученіе явленій дегенераціи ясно указываетъ на чрезвычайно сложный характеръ этого рода процессовъ. Въ этихъ случаяхъ мы всегда имѣемъ не какой либо одинъ опредѣленный патологическій признакъ, а цѣлую группу признаковъ, охватывающихъ всѣ системы органовъ пораженнаго индивидуума. Тогда какъ при разсмотрѣнныхъ нами выше формахъ, напримѣръ, при гемофилии, пораженный организмъ могъ остаться вполне нормальнымъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, здѣсь мы имѣемъ постоянно въ одно и то же время пораженія нервной системы, пораженія вегетативныхъ функций и тѣ или другія анатомическія неправильности. Уже одна эта сложность явленій заставляетъ насъ остановиться на мысли, представляютъ ли дѣйствительно эти явленія нѣчто однородное или же подъ общей рубрикой дегенераціи скрыты самые разнородные по своей сущности процессы. Мы отмѣтили уже, что въ виду того, что равновѣсіе можетъ быть нарушено какъ развитіемъ опредѣленной функции въ сторону плюса, такъ и ея уклоненіемъ въ сторону минуса, къ явленіямъ дегенераціи относятъ обычно и прогенеративныя явленія. Это объясняетъ, почему для многихъ авторовъ можетъ представляться вопросъ, не есть ли дегенеративное явленіе и гениальность и необычная талантливость?

Но если мы даже выдѣлимъ эти формы, очевидно, прогенеративнаго характера, которыя, если бы люди такъ же заботились о видѣ *Homo sapiens*, какъ о своихъ домашнихъ животныхъ, давно бы дали цѣлыя генерации истинной аристократіи — аристократіи духа, то и въ печальныхъ низинахъ человѣческой скорби, въ мірѣ настоящей патологической наследственности отнюдь не царитъ единообразіе. Дегенерація представляетъ много различныхъ типовъ и не можетъ быть вложена въ какую либо единую схему.

Прежде всего несомнѣнно существованіе прогрессивной психопатологической наследственности, которая, въ наиболѣе типическихъ случаяхъ, подобныхъ представленному на прилагаемой таблицѣ, соста-

вленной по даннымъ Крафтъ-Эбинга, ведетъ семьи къ полной гибели уже черезъ четыре поколѣнія. (Рис. 38).

Это наблюдение какъ бы вполне подтверждаетъ вѣрность классической схемы Мореля, по которой прогрессивный ходъ дегенерации таковъ: 1-ое поколѣние—незначительныя аномалии вроде странностей характера, склонности къ спиртнымъ напиткамъ и пр., 2-ое поколѣние—психоневрозы, запойное пьянство, moral insanity, 3-ье поколѣние—дегенеративныя психозы, 4-ое поколѣние—идіотизмъ.

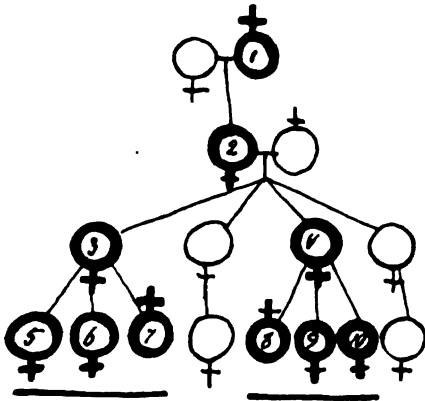

Рис. 38. Наслѣдственность душевныхъ болѣзней. (Случай Kraft-Ebing'a).
 1. 2, 3, 4, 5, 6, 7, 10. Помѣшательство.
 8. Самоубійство.
 9. Идіотизмъ.

Но такое быстрое развитие картины есть все же рѣдкое исключение. Мы имѣемъ теперь генеалогіи родовъ, гдѣ дегенерация тянулась цѣлыя столѣтія, прогрессируя лишь очень медленно и даже давая то вѣдь, то тамъ отдѣльныя реверсіи, не взирая на благопріятныя для ея развитія условія. Поэтому мы не можемъ не признать схему Мо-

реля слишкомъ аподектичной и въ силу этого непримѣнимой въ огромномъ большинствѣ случаевъ.

Также не вполне состоятельной является и атавистическая теорія Ломброзо, который думалъ видѣть въ дегенерации и преступности, какъ одномъ изъ главныхъ ея проявленій, лишь одно возвращеніе къ типу дикихъ предковъ современнаго культурнаго человѣчества.

Это ученіе не выдерживаетъ критики даже по отношенію къ преступникамъ, которые далеко не всѣ бывають дегенерантами, а тѣ изъ нихъ, которые даже и являются таковыми, далеко не всегда обладаютъ питекоидными признаками, указывающими на атавизмъ.

Тѣмъ не менѣе данныя, приводимыя Ломброзо относительно заведомыхъ преступниковъ дегенерантовъ, достаточно убѣдительны для того, чтобы признать несомнѣнную связь между преступностью и дегенерацией.

По статистическимъ даннымъ Kirella, наследственность преступности не подлежитъ сомнѣнію. (Здѣсь, конечно, идетъ рѣчь не только о соматической, но и о традиціональной наследственности [см. л. X]).

Преступленія совершены были людьми съ наследственнымъ предрасположеніемъ въ такой пропорціи:

Предрасполагающіе моменты у родителей:

Родъ преступленій:	ПРЕСТУПНОСТЬ. АЛКОГОЛИЗМЪ. СУМАШЕСТВИЕ. ЭПИЛЕПСИЯ.			
	%	%	%	%
Преступники вообще .	43,7	16,1	12,6	2,7
Изнасилованіе и другія преступленія противъ нравственности . . .	51,3	14,2	10,3	1,2
Поджогъ	—	13,0	—	1,8
Клятвопреступленіе . .	23,0	11,1	—	—
Мошенничество . . .	34,8	13,3	10,4	1,3
Воровство	20,9	14,0	14,0	3,3
Убійство	7,5	47,5	—	7,5

Обращаю ваше вниманіе на огромный % гомологической передачи при преступленіяхъ противъ нравственности, дегенеративный характеръ которыхъ особенно ясенъ.

Тѣмъ не менѣ матоиды Ломброзо (болѣ слабыя формы дегенерациі) далеко не всегда становятся преступниками и еще рѣже обладаютъ атавистическими признаками и представляютъ часто даже явленія прогенеративнаго характера.

Въ силу этого, не отрицая значенія атавизма, мы должны удѣлить ему очень скромное мѣсто въ ряду явленій дегенерациі.

Болѣе соотвѣтствуетъ настоящему положенію дѣла схема Magnan'a, который, не предрѣшая числа поколѣній, необходимаго для наступленія той или другой степени дегенерациі, распредѣляетъ всѣ наблюдаемыя формы ея по четыремъ рубрикамъ: 1) Навязчивыя идеи. 2) Первичное помѣшательство (Раgаноіа). 3) Слабоуміе. 4) Идиотизмъ. Эта схема, похожая на схему Мореля, характеризуя въ достаточно яркой формѣ душевныя разстройства, возникающія на почвѣ дегенерациі, страдаетъ однако тѣмъ недостаткомъ, что въ ней совершенно незатронута этиологія дегенерациі и измѣненія соматическаго характера.

Въ этомъ отношеніи всего совершеннѣе недавно предложенная классификація Ланге, который признаетъ четыре основныя формы типической дегенерациі у человѣка.

Наиболѣ простой изъ этихъ формъ является дегенерациія *эпилептическая*, могущая появиться внезапно въ любой моментъ развитія даннаго рода. Тѣсно примыкаетъ къ ней *алкогольная* дегенерациія, также широко распространенная и также чаще всего поражающая юные, мало дифференцированныя роды, еще недавно выбившіеся изъ общей сѣрой массы. Для болѣе дифференцированныхъ, болѣе культурныхъ родовъ, характерна *психопатическая* дегенерациія, соотвѣтствующая въ общемъ

наследственность и изменчивость, какъ причина болѣзней. 119

въ своихъ подраздѣленіяхъ схемѣ Magnan'a. Наконецъ, для старыхъ родовъ характерной является *уратическая* дегенерация, ведущая ихъ обыкновенно къ гибели.

На этой общей почвѣ развиваются всѣ отдѣльные симптомы какъ психическаго, такъ и физическаго вырожденія, нося совершенно особый отпечатокъ.

Для эпилептической дегенерации характерно быстрое наступленіе слабоумія и тяжелыхъ соматическихъ признаковъ уже въ ближайшихъ поколѣніяхъ, особенно если, какъ это часто бываетъ, эпилептикъ окажется въ то же время и алкоголикомъ.

Для чистыхъ формъ алкогольной дегенерации характерно все прогрессирующее отупѣніе и возникающія на этой почвѣ проявленія крайней дикости (наклонность къ преступленіямъ насильственнаго характера). Соматическіе признаки вырожденія не заставляютъ себя ждать и въ этомъ случаѣ.

При чистыхъ формахъ психопатической дегенерации мы имѣемъ дѣло съ гораздо болѣе сложными проявленіями—дефекты психики носятъ обычно лишь частичный характеръ и прежде всего мало затрагиваютъ интеллектуальную сферу. Среднія дарованія психопатически предрасположенныхъ родовъ не ниже средняго уровня.

Наконецъ, уратическую дегенерацию Ланге рассматриваетъ какъ естественную смерть рода. Это дегенерация блестящихъ, талантливыхъ родовъ, при которой тяжелыя психическія явленія сплетаются во едино съ яркими талантами. Соматическія явленія при этой формѣ никогда не бываютъ такъ рѣзко выражены, какъ при трехъ первыхъ формахъ.

Не будучи психіатромъ по специальности, я не беру на себя задачу останавливаться далѣе на рассмотрѣніи психической дегенерации и скажу въ заключеніе лишь нѣсколько словъ о соматическихъ ея проявленіяхъ, сопровождающихся болѣе легко контролируемыми признаками, по распредѣленію которыхъ мы легко можемъ судить о ходѣ дегенерации. Всѣ дегенеративные признаки дѣйствительно чрезвычайно легко передаются по наследству.

О многихъ изъ соматическихъ признаковъ, такъ называемыхъ стигмъ дегенерации, мы уже упоминали въ предыдущей лекціи, такъ какъ большинство изъ нихъ является прирощенными семейными признаками.

Такъ, несомнѣнна послѣдственность формы и величины черепа, апомалій развитія, родимыхъ пятенъ, альбинизма и другихъ аномалій

пигментациі, чрезмѣрной волосатости, нѣкоторыхъ формъ ихтіоза (волосатые люди и люди дикобразы) въ силу чего эти признаки могутъ сдѣлаться достояніемъ очень большого числа особей, находящихся въ кровномъ родствѣ съ дегенеративнымъ родомъ. Но именно вслѣдствіе такого широкаго распространенія никогда нельзя основывать свои заключенія о психическихъ способностяхъ и соматическомъ здоровьѣ даннаго субъекта по какимъ либо отдѣльнымъ стигмамъ, а всегда слѣдуетъ обращать вниманіе на общую картину, на комбинацію ихъ.

На ряду съ прогрессивной патологической наслѣдственностью, обусловливаемой прежде всего отрицательнымъ отборомъ, несомнѣнно существуетъ и регрессія патологическихъ признаковъ на почвѣ амфи-миксін. Эта регрессія тѣмъ легче осуществима, чѣмъ новѣе появившійся признакъ.

Самостоятельное значеніе соматическихъ признаковъ психопатической дегенерациі не велико. Лишь немногія изъ нихъ представляютъ настолько рѣзкія уродства, что могутъ отражаться на правильности функцій организма.

Что касается до чисто соматической дегенерациі, то она изучена еще очень мало, хотя представляетъ огромный научный интересъ. Для человѣка мы не имѣемъ сколько нибудь достовѣрныхъ данныхъ, если не считать упомянутое выше ученіе Бушара объ артритизмѣ, для домашнихъ же животныхъ установлено, что долго продолжающіяся неблагоприятныя условія ведутъ къ измельчанію, появленію уродливыхъ формъ, недолговѣчности и уtratѣ плодовитости.

Отчетъ о дѣятельности Психологической Семинаріи при Университетѣ св. Владиміра за 1902—1906 годы.

Въ осеннемъ полугодіи 1902 — 1903 года предметомъ занятій былъ вопросъ «Объ основныхъ направленіяхъ въ теоріи познанія». (Планъ см. въ предыд. отчетѣ стр. 9, пункты 8—15).

Состоялось 8 засѣданій, на которыхъ сдѣланы слѣд. сообщенія:

- 1) *Вайнштейнъ А. Э.* Теорія познанія Шубертъ-Зольдерна.
- 2) *Вайнштейнъ А. Э.* Теорія познанія Шубертъ-Зольдерна.
- 3) *Прессманъ Г. М.* Теорія познанія въ имманентной школѣ по Леклеру.

- 4) *Евстафьевъ В. Н.* Теорія познанія Шуппе.
- 5) *Холодный Н. Г.* Эмпиріокритицизмъ Авенаріуса.
- 6) *Ясинскій Г. Д.* Теорія познанія Маха.
- 7) *Покасовскій.* Теорія познанія Вундта.
- 8) *Челпановъ Г. И.* О реальности пространства.

Торжественное засѣданіе Психологической Семинаріи.

25 февраля 1903 года состоялось первое торжественное открытое (въ присутствіи профессоровъ и студентовъ) публичное засѣданіе Психологической Семинаріи по случаю исполнившагося пятилѣтія существованія Семинаріи.

Послѣ прочтенія отчета о дѣятельности Семинаріи за все время его существованія, слово было предоставлено члену Семинаріи студенту *Вайнштейну*. Въ своемъ докладѣ онъ изложилъ сущность ученія *Имманентной школы* въ теоріи познанія. Докладчикъ несочувственно отнесся къ этому наслѣдію позитивизма и закончилъ свое сообщеніе призывомъ къ метафизическому творчеству, способному обнять въ своемъ синтезѣ всю вселенную, а не части ея, какъ это дѣлаетъ точное знаніе.

Второй докладчикъ, студентъ *Масловъ С. И.* занялъ вниманіе аудиторіи рефератомъ *О свободѣ воли у Канта*. Онъ пришелъ къ тѣмъ выводамъ, что нравственная философія Канта, выступая пртивъ крайняго индивидуализма, въ то время ограждаетъ личность отъ абсолютизма общества. «Идея нравственнаго самозаконна, какъ говоритъ проф. Новгородцевъ, ставитъ отношеніе между личностью и обществомъ на твердую почву». Докладчикъ протестовалъ противъ попытокъ соединить ученіе Канта, отводящее человѣку необычайно активную роль, съ марксизмомъ, отрицающимъ личность въ социологіи. Встрѣча этихъ двухъ доктринъ имѣла роковое значеніе: ожидаемый союзникъ произвелъ опустошеніе и разногласіе въ лагерѣ марксизма. Онъ заставилъ самихъ марксистовъ перестроить все зданіе на новыхъ началахъ.

Затѣмъ слѣдовалъ докладъ студента *Шпетта О социальномъ идеализмѣ*. Онъ указалъ, что на нашихъ глазахъ философскій идеализмъ проникаетъ туда, гдѣ позитивизмъ нашелъ свое послѣднее убѣжище,—въ социологію. Чтобы понять и разобраться въ этомъ новѣйшемъ направленіи, необходимо вставить его въ историческія рамки. Докладчикъ коснулся философіи Канта, а потомъ черезъ Гегеля перешелъ и къ Марксу. Заслуги марксизма неоцѣнны, и это заставляетъ относиться къ нему съ уваженіемъ. Но марксизмъ впалъ въ цѣлый рядъ ошибокъ гносеологическихъ и методологическихъ. Ораторъ коснулся попытокъ заполнить эти ошибки, попытокъ Штаммлера, Булгакова, Бердяева и Кистяковского. Соціальныи идеализмъ, представляемый этими учеными, вовсе не возвращается къ понятію, что міромъ правятъ идеи. Сущностью историческаго процесса все-таки надо признать развитіе производительныхъ силъ въ самомъ широкомъ смыслѣ,—ибо сначала надо ѣсть, а потомъ философствовать,—и борьбу классовъ, какъ социологическихъ понятій. Побѣда духа надъ матеріей является идеальной нормой, а пока антагонизмъ на землѣ неустранимъ. Онъ не прекратится и тогда, когда наступитъ совершенный со-

ціальный строй. Идеализмъ, далѣе, не думаетъ разрушать понятія причинности, законмѣрности социальнихъ явленій. Для науки всегда останутся справедливыми слова величайшаго идеалиста Лассалля: «съ вершины науки скорѣе видна заря будущаго». Но заслуга социальнаго идеализма въ томъ, что онъ требуетъ, чтобы кромѣ факта ставился вопросъ о должномъ. Отъ не довольствуется тѣмъ идеаломъ, который долженъ рѣшить социальный вопросъ современности, ибо это есть идеалъ эмпирической. Онъ требуетъ для общественной дѣятельности объективнаго, общеобязательнаго идеала, свободнаго отъ субъективныхъ желаній. Поэтому онъ такъ же далекъ отъ русской субъективной школы, какъ былъ далекъ марксизмъ. Свою рѣчь докладчикъ закончилъ заявленіемъ, что безъ введенія метафизики въ науку обойтись нельзя. Она богаче опыта, ибо ближе къ жизни. Философскій идеализмъ призванъ дать намъ объективно обоснованный этический идеалъ, и мы должны пойти ему на встрѣчу, осуществляя по дорогѣ въ царство цѣлей всѣ эмпирически возможные социальные идеалы.

Профессоръ князь Е. Н. Трубецкой. «Я попросилъ слова, чтобы исполнить давнишнее желаніе моего сердца—привѣтствовать философскую семинарію и выразить ей свое полное сочувствіе и признательность. Сегодняшній день вдвойнѣ радостный для меня, какъ для профессора и какъ для философа. Моимъ идеаломъ всегда была не пѣмая аудиторія, а самостоятельная. Я хотѣлъ бы видѣть въ студентахъ сотрудниковъ, младшихъ товарищей, которые будятъ умственные запросы профессора, заражаютъ его своимъ молодымъ воодушевленіемъ. И здѣсь я вижу осуществленіе этого идеала. Но не только это радуетъ меня. Я замѣчаю необычайное поднятіе философскаго образованія среди нашего студенчества. Когда, послѣ продолжительнаго перерыва, я возобновилъ свои занятія на этомъ самомъ мѣстѣ, я былъ пораженъ успѣхомъ, который аудиторія сдѣлала въ мое отсутствіе. Во время преній выступало много ораторовъ, обнаруживавшихъ зрѣлую мысль, философскую подготовку, разностороннюю эрудицію. Я не зналъ, чѣмъ объяснить такое явленіе. Оказалось, что это были члены философской семинаріи. А что было лѣтъ семь тому назадъ? Тогда каждый заявлялъ себя или матеріалистомъ или позитивистомъ. Какая разница между тѣмъ временемъ и сегодняшнимъ днемъ, когда мы слышали серьезные и превосходно составленные рефераты. Это большой переворотъ, и кому же его привѣтствовать, какъ не мнѣ, старому философу, неисправимому метафизику-идеалисту? Пусть же и впредь фи-

лософскій кружокъ работаетъ такъ же успѣшно многіе годы, пусть же и впредь онъ поддерживаетъ неугасимый огонь философской мысли¹⁾!

Проф. Г. Челпановъ. «Позвольте мнѣ, свидѣтелю смѣны умственныхъ настроеній, высказать нѣсколько мыслей, на которыя наводятъ меня сегодняшній день. Эти мысли должны служить дополненіемъ къ тому отчету, который былъ прочитанъ. Въ сухомъ отчетѣ за именами и названіями нельзя видѣть живыхъ людей, ихъ настроенія и ихъ умственные симпатіи.

Нашъ психологическій кружокъ пережилъ сто засѣданій. Для студенческаго кружка это, конечно, очень почтенный возрастъ, который измѣряется и тѣмъ, что первыхъ участниковъ давно уже нѣтъ среди насъ. За почти 8-ми лѣтній періодъ существованія нашъ кружокъ отдавалъ свои симпатіи различнымъ умственнымъ теченіямъ, которыя въ послѣднее время являлись предметомъ вниманія всей русской интеллигенціи. Въ нашемъ кружкѣ, какъ и во всей русской интеллигенціи, матеріализмъ и позитивизмъ, почти самодержавно властвовавшіе, въ послѣднее время уступили мѣсто философскому идеализму или, по крайней мѣрѣ, тенденціи дать себѣ ясный отчетъ въ идеалистическомъ пониманіи міра.

Это теченіе, нашедшее себѣ пріютъ въ нашемъ кружкѣ, встрѣтило для себя поддержку со стороны такого же теченія въ русской общественной мысли. Въ настоящій моментъ это теченіе является предметомъ всеобщаго вниманія, благодаря появленію сборника «Проблемы идеализма», изданнаго Московскимъ Психологическимъ Обществомъ. Такого сильнаго умственнаго напряженія, которое переживаетъ въ настоящее время русское общество, я, признаюсь, не запомню. Все производитъ такое впечатлѣніе, какъ если бы русской интеллигенціи былъ поставленъ настойчивый вопросъ, на который она должна дать немедленно же отвѣтъ, вопросъ, гдѣ истина, въ *идеализмъ* или въ *позитивизмъ*. Интеллигенція оказалась захваченной въ расплохъ. Она не успѣла подготовиться къ отвѣту. Вслѣдствіе этого умственное состояніе настоящаго времени можно характеризовать, какъ состояніе нѣкотораго недоумѣнія, я бы сказалъ, растерянности.

¹⁾ Эта часть отчета о торжественномъ засѣданіи заимствована нами изъ „Кіевской Газеты“ № 60, 1903 г. Отчеты объ этомъ засѣданіи были помѣщены также въ „Юго-Западной Недѣлѣ“ №№ 11 и 12, въ „Новомъ Времени“ № 9699 и „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“.

У всякаго возникаетъ вопросъ, чѣмъ все это окончится, къ чему приведетъ это состояніе умовъ, что же въ концѣ концовъ восторжествуетъ, идеализмъ или позитивизмъ. Пусть не покажется страннымъ, если я скажу, что для меня, поборника философскаго идеализма, побѣда идеализма въ настоящій моментъ еще не представляется возможной. Мнѣ кажется, что ближайшее будущее временно будетъ принадлежать позитивизму.

Съ практической точки зрѣнія это обстоятельство не можетъ вызывать серьезныхъ опасеній. Философскія построенія непосредственнаго пракческаго значенія не имѣютъ. Нельзя думать, что распространеніе философскаго идеализма является единственнымъ источникомъ идеалистическаго отношенія къ жизни. Это послѣднее другими путями можно возбудить сильнѣе и вѣрнѣе, чѣмъ черезъ посредство философіи. Литература, общественная жизнь, искусство могутъ воспитывать въ направленіи идеализма больше, чѣмъ идеалистическая философія. На философскій идеализмъ нельзя смотрѣть какъ на средство внушенія идеализма. Правильнѣе было бы сказать, что задача философскаго идеализма заключается въ оправданіи идеалистическаго отношенія къ жизни.

Повторяю, мнѣ представляется, что ближайшее будущее принадлежитъ позитивизму. Позитивизмъ на нѣкоторое время все еще будетъ оставаться господствующимъ направленіемъ. Это произойдетъ не потому, конечно, что это направленіе истинно. Я этого рѣшительно не допускаю. На мой взглядъ, позитивизмъ окончательно отжилъ свой вѣкъ. Даже самыя выдающіяся системы позитивизма фатально содержали въ своихъ нѣдрахъ элементъ метафизическій, ферментъ разложенія. Да и по самому существу своему позитивизмъ есть воздержаніе отъ толкованія міра, а не самое толкованіе. Позитивизмъ есть воздержаніе отъ пониманія міра, а не опредѣленное отношеніе къ нему. Наконецъ, позитивизмъ оперируетъ съ вырѣзкой міра, а не съ міромъ въ цѣломъ, вслѣдствіе этого онъ никакого удовлетворенія человѣческому духу дать не могъ и не можетъ.

Кто нибудь, пожалуй, найдетъ мой прогнозъ ошибочнымъ и скажетъ мнѣ: «какъ можно утверждать, что позитивизмъ хоть на время удержитъ свое положеніе, когда у насъ уже въ литературѣ идеализмъ начинаетъ пользоваться офіціальнымъ признаніемъ, за которымъ не замедлитъ пойти, конечно, и общественное мнѣніе».

На это я позволю себѣ замѣтить, что если бы это послѣднее и случилось, если бы даже общественное мнѣніе и склонилось на сторону идеализма, то объективный наблюдатель не рѣшился бы назвать это распространеніемъ философскаго идеализма. Это было бы скорѣе выраженіемъ *довѣрія* къ тѣмъ писателямъ, которымъ наша интеллигенція вообще симпатизируетъ. Это было бы именно *довѣріемъ*, а не *знаніемъ*, превратившимся въ плоть и кровь. У насъ нѣтъ благоприятной почвы для усвоенія идеализма. Слишкомъ быстрый умственный ростъ, который мы пережили въ послѣднее время, неожиданно поставилъ насъ лицомъ къ лицу съ такими ученіями, къ которымъ мы еще не достаточно подготовлены. Мнѣ кажется, что еще не распахана та нива, на которой сѣмя идеализма могло бы принести обильные плоды. Этимъ воспользуется позитивизмъ, для того, чтобы удержать за собою господство.

Говорю это не для того, чтобы поселить пессимистическое отношеніе къ нашему просвѣщенію. Наоборотъ, своимъ признаніемъ я бы хотѣлъ призвать къ активности, къ серьезной умственной работѣ. Идеалистомъ быть не легко. Для этого необходимо имѣть обширную научную и философскую подготовку. Для воспріятія идеализма, для перехода въ эту высшую стадію философской мысли русскому обществу предстоитъ пройти огромный путь. Для того, чтобы мы могли воспріять идеализмъ, необходимо солидное философское образованіе. Отсюда становится ясной миссія университетовъ. Наша миссія подготовить почву для воспріятія идеализма. Вліяніе одной прессы, какихъ бы талантливыхъ защитниковъ она не имѣла въ своихъ рядахъ, недостаточно. Пресса можетъ будить интересъ, а реальное философское образованіе можетъ давать только университетъ. Только атмосфера университетовъ, мнѣ кажется, можетъ быть благоприятной для философскаго образованія.

Поэтому рѣшеніе вопроса, будетъ-ли въ русской умственной жизни въ ближайшемъ будущемъ торжествовать идеализмъ или позитивизмъ, находится въ рукахъ университетовъ. И такъ, для воцаренія идеализма необходима работа и прежде всего работа; усвоеніе идеализма при помощи одного только довѣрія будетъ слишкомъ эфемернымъ. Мировозрѣніе, усвоенное безъ борьбы, не можетъ быть прочнымъ.

Пусть настоящая борьба закончится въ пользу позитивизма. Повторяю, по праву позитивизмъ торжествовать не можетъ. Уже и те-

перь идетъ серьезная умственная работа. Студенчество, не смотря на массу неблагоприятныхъ условій обнаруживаетъ огромную работоспособность, прогрессируетъ чрезвычайно быстро, а это именно и есть та прочная основа, на которой зиждется успѣхъ идеализма.

Я позволю себѣ выразить увѣренность, что въ тотъ моментъ, когда мы снова соберемся такъ, какъ мы собрались сегодня, тогда вопросъ о борьбѣ идеализма и позитивизма отойдетъ въ прошлое, тогда о настоящемъ моментѣ борьбы идеализма съ позитивизмомъ мы будемъ говорить такъ, какъ мы теперь говоримъ о томъ періодѣ, когда русское образованное общество отстаивало матеріализмъ, какъ единственно возможное истинное міровоззрѣніе. Поэтому вы согласитесь со мною, если я скажу, что намъ слѣдуетъ обратиться къ основательному изученію философіи. Я знаю, что я не избѣгну упрека въ педантизмъ, но я все-таки скажу: «если хотите быть идеалистами, изучите всѣ частныя философскія дисциплины: психологію, логику, теорію познанія, исторію философій и тогда предстануть передъ вами тѣ проблемы, которыя неизбежно приводятъ къ философскому идеализму».

Въ осеннемъ семестрѣ 1903—1904 г. предметомъ занятій служила **проблема причинности** по слѣд. плану:

1) *Ученіе о причинности у Декарта (Декартъ. Размышленія. Виндельбандъ. Исторія философіи. 1898. § 31. Виндельбандъ. Исторія новой философіи. Koenig. Entwicklung des Causalproblems. Куно-Фишеръ о Декартѣ).*

2) *Ученіе о причинности у Спинозы (Спиноза. Этика. Koenig. Entwicklung des Causalproblems. Куно-Фишеръ. О Спинозѣ).*

3) *Теорія познанія Юма. (Юмъ. Изслѣдованіе человѣческаго разума. 1902. Виндельбандъ. Исторія новой философіи. Koenig. Entwicklung des Causalproblems. Riehl. Der philosophische Criticismus).*

4) *Ученіе о причинности у Юма. (См. лит. подъ № 3).*

5) *Ученіе Канта о причинности (Кантъ. Критика чистаго разума и Прологомены. Vaihinger. Commentar В. I. Паульсенъ. О Кантѣ и Куно-Фишеръ о Кантѣ).*

6) *Какъ Кантъ понималъ Юма? (Литер. подъ № 6, но преимущ. Vaihinger, Commentar В. I. 340—361).*

7) *О причинности у Кантіанцевъ (Sigwart Logik В. II. Windelband. Praeludien. Liebman. Klimax der Theorien).*

Состоялось 12 засѣданій, на которыхъ сдѣланы слѣдующія сообщенія:

- 1) *Чирковъ Г. Г.* Ученіе Декарта о причинности.
- 2) *Холодный Н. Г.* Ученіе Спинозы о причинности.
- 3) *Гамбаровъ С. А.* Теорія познанія Юма.
- 4) *Шпеттъ Г. Г.* Юмъ противъ рціонализма.
- 5) *Шпеттъ Г. Г.* Причинное сужденіе у Юма.
- 6) *Шпеттъ Г. Г.* Вопросъ о необходимой связи у Юма.
- 7) *Гамбаровъ С. А.* Теорія познанія Канта.
- 8) *Максимовичъ Г. А.* Ученіе Канта о причинности.
- 9) *Векслеръ Ф. Л.* Теорія причинности Либмана.
- 10) *Преображенскій А. Е.* Критическій и генетическій методъ по Виндельбанду.
- 11) *Блонскій П. П.* Ученіе о причинности у Зигварта.
- 12) *Салаговъ Л. П.* Теорія причинности Юма и Канта.

Въ весеннемъ семестрѣ 1903—1904 г. предметомъ занятій былъ вопросъ о **взаимодѣйствіи между физическими и психическими явленіями** по слѣд. плану:

- 1) *Законъ сохраненія энергіи по Гельмгольцу и Маху.* (*Гельмгольцъ.* Популярныя очерки. *Махъ.* Популярныя очерки).
- 2) *Законъ сохраненія энергіи и законъ причинности* (*Bain.* Logic; *Троицкій* Логика. *Riehl.* Der philosophische Criticismus. *Sigwart.* Logik. В. П.).
- 3) *Объ энергетикѣ по Оствальду* (*Оствальдъ.* Натурфилософія)
- 4) *Монизмъ Вундта и Паульсена.* (*Паульсенъ.* Введеніе въ философію. *Вундтъ.* Очерки Психологій, Система философіи, Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ).
- 5) *О психической причинности по Вундту* (*Вундтъ.* Система философіи, Очерки Психологій. *Кенигъ.* Философія Вундта).
- 6) *О Монизмѣ по Эббингаузу* (*Ebbinghaus.* Grundzüge der Psychologie. *Busse.* Leib u. Seele).
- 7) *Ученіе о взаимодѣйствіи по Лотце.* (*Lotze.* Metaphysik. 2. Aufl).
- 8) *Ученіе о взаимодѣйствіи по Зигарту и Штумффу* (*Sigwart.* Logik. В. П. *Stumpf.* Leib und Seele).

9) *Учение о взаимодействіи по Шуппе* (Zusammenhang zwischen Leib u. Seele).

10) *Обзоръ современныхъ ученій о взаимодействіи.* (*Wentscher, Rehmke, Höfler, Ehrhardt, Busse* и др. См. *Гартманнъ*. *Соврем. Психологія*. Гл. VII).

11) *Учение Гартмана о душѣ* по его «Современной Психологіи».

Состоялось 6 засѣданій, на которыхъ были прочитаны слѣд. сообщенія:

1) *Гольдманъ А. Г.* Законъ сохраненія энергій по Гельмгольцу и Маху.

2) *Марцинчикъ Г. Ц.* Энергетическое міровоззрѣніе по Оствальду.

3) *Блонскій П. П.* Законъ причинности и законъ сохраненія энергій.

4) *Мезько К. П.* Монизмъ Вундта и Паульсена.

5) *Зайцевъ Л. Л.* Психическая причинность по Вундту.

6) *Зньковскій В. В.* О монизмѣ у Эббингауза.

Въ осеннемъ семестрѣ 1904 — 1905 года предметомъ занятій были **Основные вопросы теоріи познанія** по слѣд. плану:

1) *Теорія познанія Берклея* (Литература: *Berkeley*. Принципы челов. познанія. *Смирновъ*. О Беркли. *Brasch*. Ueberweg's Weltanschauung).

2) *Учение Канта о вещи въ себѣ.* (*Куно-Фишеръ*. Философія Канта. *Паульсенъ*. О Кантѣ. *Виндельбандъ*. Исторія философіи. § 41).

3) *Теорія познанія Леклэра.* (*Леклэръ*. Монистическая теорія познанія. Спб. 1904. *Челпановъ*. Обь имманентной философіи въ «Трудахъ Кіевской Психологической Семинаріи». Вып. I).

4) *Шуппе о реальности.* (*Schuppe*. Erkenntnisstheoretische Logik. 1878. Grundriss d. Erkenntnisstheorie und Logik. 1894. Zusammenhang zw. Leib und Seele. 1902).

5) *Изложеніе «Критики Чистаго Опыта» Авенариуса.* (*Avenarius*. Kritik d. reinen Erfahrung. *Карстанъенъ*. Введеніе въ Критику Чистаго Опыта. *Челпановъ*. Обь Авенариусѣ. Унив. Изв. 1898. *Petzold*. Einführung in die Philos. d. r. Erfahrung).

6) *Понятіе обь «атомѣ» въ имманентной школѣ по Schubert-Soldern'у* (Grundlagen einer Erkenntnisstheorie).

- 7) *Теорія познанія Риккерта* по его «Границы естественнонаучнаго образованія понятій». Спб. 1904.
- 8) *О трансцендентальномъ идеализмѣ.* (Вундельбандъ. Прелюдіи. *Koenig. Entwicklung des Causalproblems. B. II. 371—407. Hartmann. Das Grundproblem d. Erkenntnisstheorie.*)
- 9) *О реализмѣ Спенсера и Рилья.* (Спенсеръ. Основанія Психологіи. ч. VII. *Рилья.* Теорія науки и метафизика. Отд. II. Гл. I. *Koenig. Causalproblem. B. II.*)
- 10) *Вундтъ о реальности.* (Вундтъ. Система философіи. *Кенинг.* Философіи Вундта. *Eisler. Wundt's Philosophie und Psychologie.*)
- 11) *Вундтовская критика теоріи познанія Авенариуса* (Его статья: *Ueber naiven und Kritischen Realismus* въ *Phil. Stud. B. XII* и *XIII.*)
- 12) *Теорія познанія Берклен и имманентная школа.*
- 13) *Энергетизмъ и имманентная школа.* (*Mach. Zur Analyse d. Empfindungen. Ostwaldъ.* Натурфилософія. *Hartmann. Die Weltanschauung d. modernen Physik. 1902.*)
- 14). *Развитіе понятія о субстанціи.* (*Wundt. Logik. B. I. 1903. стр. 524—557.*)
- 15) *Паульсенъ о субстанціи.* (Введеніе въ философію).
- 16) *О субстанціи по Зигварту.* *Logik. B. II.*
- 17) *Л. М. Лопатинъ о субстанціи.* («Понятіе о душѣ по данымъ внутрен. опыта». Вопросы фил. 1896 г.).
- 18) *О субстанціи по Оствальду.* (Натурфилософія).
- 19) *Спенсеръ и Джэмсъ о субстанціи духа.* (Спенсеръ. Психологія. *Джэмсъ.* Психологія).
- 20) *О субстанціальности и актуальности.* (*Geyser. Empirische Psychologie 1902.*)
- 21) *Изложеніе статьи Vannérus'a Zur Kritik des Seelenbegriffes* въ *Arch. f. Syst. Phil. B. I. N. 3. 1895.*
- 22) *Вундтъ о субстанціи духа.* (*Wundt. System d. Philosophie, Grundzüge d. phys. Psychologie; Очерки Психологіи § 22.*)

Состоялось 13 засѣданій, на которыхъ слѣданы слѣд. сообщенія:

- 1) *Кронштейнъ И. М.* Теорія познанія Беркли.
- 2) *Щербина А. М.* Критическій разборъ ученія Беркли о реальности.
- 3) *Щербина А. М.* Ученіе Канта о вещи въ себѣ.

- 4) *Бронштейнъ Н. И.* Теорія познанія Леклера.
- 5) *Блонскій П. П.* Ученіе о реальности Шуппе.
- 6) *Блонскій П. П.* Ученіе объ «атомѣ» въ имманентной школѣ по Шубертъ-Зольдерну.
- 7) *Модилевскій.* О реализмѣ Спенсера.
- 8) *Чирковъ Г. Т.* Теорія познанія Авенариуса.
- 9) *Чирковъ Г. Т.* Теорія познанія Авенариуса.
- 10) *Чирковъ Г. Т.* Теорія познанія Авенариуса.
- 11) *Векслеръ Ф. Л.* «Пролегомены къ Критикѣ чистаго опыта» Авенариуса.
- 12) *Гольдманъ А. Г.* Теорія познанія Маха.
- 13) *Гамбаровъ С. А.* Ученіе о реальности виѣшняго міра по Рилу.

Въ осеннемъ полугодіи 1906—7 года предметомъ занятій былъ вопросъ **объ обоснованіи этики**. Было прочтено 7 сообщений:

- 1) *Масловъ В. И.* Обоснованіе этики у Гюйо.
- 2) *Блонскій П. П.* Критика позитивистическаго обоснованія этики. (По поводу «Панидеализма» Гольцапфеля).
- 3) *Блонскій П. П.* Этическая система Вл. Соловьева.
- 4) *Зильковскій В. В.* Обоснованіе этики трансцендентальнаго идеализма.
- 5) *Блонскій П. П.* Э. Гартманъ и его моральная философія.
- 6) *Кухарчукъ М. П.* Этическая система Вундта.
- 7) *Невѣровъ С. Л.* Объ этикѣ Шопенгауэра.

Проф. Г. Челпановъ.

Стр. Ради этого-то и придется посягнуть на отцовское учение 242. или же совѣмъ оставить (упомянутыя предположенія), если какая-либо боязнь мѣшаетъ намъ сдѣлать первое.

Фезт. Ничто насъ вовсе не должно удерживать отъ этого.

Стр. Теперь я буду просить тебя еще и, въ третьихъ, объ одной малости.

Фезт. Ты только скажи.

Стр. Я недавно гдѣ-то говорилъ, что всегда какъ-то теряю надежду на опроверженіе всего этого, вотъ и теперь тоже случилось.

Фезт. Говорилъ.

Стр. Боюсь я, въ силу сказаннаго, чтобы не показаться тебѣ безумнымъ, когда перевернусь кверху ногами. Однако, ради В. тебя, мы все-же возьмемся опровергать ученіе Парменида, если только сможемъ его опровергать.

Фезт. Такъ какъ въ моихъ глазахъ ты ничего дурного не сдѣлаешь, если приступишь къ опроверженію и доказательству, то приступай, поэтому, смѣло.

30. *Стр.* Ну ладно! Съ чего же прежде всего начать столь дерзновенную рѣчь? Кажется мнѣ, дитя, что намъ необходимо направиться по слѣдующему пути.

Фезт. По какому же?

Стр. Прежде всего разсмотримъ то, что представляется намъ теперь очевиднымъ, чтобы не придти легко къ соглашенію другъ съ другомъ, будто для насъ ясно то, что (на самомъ дѣлѣ) для С. насъ смутно.

Фезт. Говори точнѣе, на что ты намекаешь.

Стр. Мнѣ кажется, что Парменидъ, да и всякій другой, кто только когда-либо предпринималъ рѣшеніе: опредѣлить каково сущее количественно и качественно, говорили съ нами, не придавая значенія своимъ словамъ.

Фезт. Какимъ образомъ?

Стр. Каждый изъ нихъ, представляется мнѣ, рассказываетъ намъ какую-то сказку, будто дѣтямъ: одинъ, что существующее тройко, и то иной разъ одно враждуетъ въ немъ какъ-то съ другимъ, то становится дружнымъ, вступаетъ въ браки, рождаетъ D. дѣтей и даетъ кормъ потомкамъ; другой, называя двоякое сущее: влажное и сухое или теплое и холодное, заставляетъ жить все (это)

вмѣстѣ и сочетается бракомъ. Группа элейцевъ у насъ, начиная съ Ксенофана, а то и раньше, рассказываетъ сказку такъ: будто то, что называется „всѣмъ“—едино. Позднѣе нѣкоторыя іонійскія и сицилійскія музы сообразили, что всего безопаснѣе соединить и то, и другое другъ съ другомъ и заявить, что сущее и множественно. Е. и едино, и что оно держится враждою и дружбою. „Расходящееся всегда сходится“, говорятъ болѣе строгія изъ музы; болѣе же уступчивыя всегда допускали, что „все“ бываетъ поочередно, то единымъ и любимымъ Афродитою, то многимъ и враждебнымъ съ сатирами 243. мимъ собою влѣдствіе какого-то раздора. Правильно-ли кто изъ нихъ обо всемъ этомъ говоритъ или нѣтъ,—рѣшить трудно, да и дурно было бы укорять столь весьма славныхъ и древнихъ мужей. Но вотъ что представляется безобиднымъ для нихъ.

Фезт. Что же?

Стр. А то, что они, слишкомъ свысока взглянувъ на насъ. людей изъ толпы, оказывали (намъ) недостаточно вниманія. Нисколько не заботясь, слѣдимъ ли мы за ходомъ ихъ рѣчи или В. отстаемъ, они продолжаютъ излагать каждый свое, до конца.

Фезт. Почему ты говоришь (такъ)?

Стр. Когда кто-либо изъ нихъ заявляетъ положеніе, что многое, или единое, или двоякое есть, или возникло, или возникает и что, далѣе, теплое смѣшивается съ холоднымъ, при чемъ въ иныхъ мѣстахъ предполагаются нѣкоторымъ образомъ раздѣленіе и смѣшеніе, то, Фезтетъ, ради Бога, понимаешь ли ты всякій разъ, что они говорятъ? Я когда былъ помоложе, думалъ, что понимаю ясно, когда кто-либо говорилъ о томъ, что въ настоящее время насъ приводитъ въ недоумѣніе, именно: о несущемъ. Теперь же ты С. видишь, въ какомъ находимся мы затрудненіи по отношенію къ нему.

Фезт. Вижу.

Стр. Пожалуй, мы испытываемъ такое же самое состояніе души не въ меньшей степени и по отношенію къ сущему, утверждая, что понимаемъ и ясно рааумѣемъ, когда кто-либо говоритъ о немъ, а что по отношенію къ иному (т. е. несущему)—нѣтъ (не понимаемъ), хотя мы въ одинаковомъ положеніи и передъ тѣмъ, и передъ другимъ.

Фезт. Пожалуй.

Стр. И обо всемъ прочемъ изъ вышесказаннаго намъ надо было бы выразиться точно такъ же.

Θετ. Конечно.

31. *Стр.* О многомъ, однако, мы, если угодно, поговоримъ и послѣ этого, величайшее же и первоначальное должно быть раз-
смотрѣно первымъ.

Θετ. О чемъ, однако, ты говоришь? Развѣ не ясно, что ты полагаешь, будто нужно сначала точно изслѣдовать сущее: за чтó именно принимаютъ его тѣ, кто берется рассуждать о немъ?

Стр. Ты, Θεετєγ, слѣдуешь за мыслью прямо по пятамъ. Я говорю, что методъ изслѣдованія намъ надо принять такой: будто бы тѣ находятся здѣсь и мы должны распросить ихъ слѣдующимъ образомъ: нуте-ка Вы всѣ, кто только утверждаетъ, что теплое или холодное или что-то двоякое подобнаго рода есть Б. „все“, чтó же Вы высказываете о двоякомъ (т. е. о двухъ началахъ сущаго), когда утверждаете, будто существуютъ оба начала вмѣстѣ и каждое въ отдѣльности? Какъ намъ понимать это Ваше сущее. Должны ли мы принимать по Вашему нѣчто третье—рядомъ съ тѣми двумя и „все“ считать троякимъ, но уже болѣе не двоякимъ? Вѣдь Вы не можете же сказать, если называете одно изъ двухъ началъ сущимъ, что (тогда) оба—одинаково существуютъ, такъ какъ и въ томъ, и въ другомъ случаѣ было бы единое начало, а не двоякое.

Θετ. Ты говоришь вѣрно.

Стр. Или Вы хотите оба начала назвать сущимъ?

Θετ. Можетъ быть.

Стр. Но, друзья, скажемъ мы, Вы бы такъ-то весьма ясно назвали двоякое единымъ.

Θετ. Ты совершенно правъ.

244.

Стр. Такъ какъ мы теперь очутились въ затрудненіи, то поясните намъ удовлетворительно, чтó Вы желаете обозначить, когда произносите „сущее“. Ясно вѣдь, что Вы это уже давно знаете, мы же надѣялись, что знаемъ, а теперь попали въ затруднительное положеніе. Научите насъ сначала этому самому, чтобы мы не мнили, будто постигаемъ рассказываемое Вами, тогда какъ дѣло В. обстоитъ совершенно наоборотъ. Говоря вотъ такъ и добиваясь этого отъ тѣхъ и другихъ, кто утверждаетъ, что „все“ болѣе, чѣмъ едино, неужели мы, мой сынъ, сдѣлаемъ какую-либо ошибку?

Θετ. Наименѣе всего.

32. *Стр.* Какъ же? Не должно ли у тѣхъ, кто считаетъ „все“ единымъ, вывѣдать, по возможности, что называютъ они сущимъ?

Фезт. Отчего же нѣтъ?

Стр. Пусть они отвѣтятъ (на) слѣдующее: Вы утверждаете, что только единое существуетъ? „Конечно утверждаемъ“, скажутъ. Не такъ ли?

Фезт. Да.

Стр. Какъ же? Называете ли Вы что-либо сущимъ?

Фезт. Да.

C. *Стр.* То-ли, что Вы называете и единымъ, пользуясь для одного и того же двумя выраженіями? Или какъ?

Фезт. Что же они отвѣтятъ послѣ этого, чужеземецъ?

Стр. Ясно, Фезтетъ, что для того, кто выставляетъ такое предположеніе, не очень то легко отвѣтить и на настоящій, и на какой бы то ни было другой вопросъ.

Фезт. Какъ такъ?

Стр. Допускать два наименованія, когда принято, что существуетъ лишь „единое“, разумѣется, смѣшно.

Фезт. Какъ не такъ?

D. *Стр.* Да и вообще согласиться съ утверждающимъ, что существуетъ какое-либо наименованіе, не имѣло бы смысла.

Фезт. Отчего?

Стр. Кто полагаетъ имя, отличное отъ вещи, тотъ говорить, конечно, о двоякомъ.

Фезт. Да.

Стр. И, дѣйствительно, если онъ принимаетъ названіе (вещи) за одно и то же, что и она сама, то или будетъ вынужденъ высказать ничье имя (назвать ничто именемъ), или если онъ назоветъ имя, какъ имя чье-либо, то получится имя, только какъ наименованіе имени, а не какъ названіе чего-либо другого.

Фезт. Такъ.

Стр. И сущее, будучи именемъ единаго, и оно явится лишь названіемъ имени.

Фезт. Необходимо.

Стр. Какъ же далѣе? Будутъ ли они признавать цѣлое за отличное отъ единаго сущаго или за тождественное съ нимъ?

E. *Фезт.* Какъ не будетъ признавать, они и теперь признаютъ?

Стр. Если, такимъ образомъ, цѣлое, какъ и Парменидъ говорить, „подобно массѣ со всѣхъ сторонъ округленной сферы, одинаково отстоящей повсюду отъ своего центра: оно вѣдь не должно быть какъ-либо ббльшимъ или меньшимъ ни тамъ, ни здѣсь“, если сущее именно таково, то оно имѣеть и середину, и концы (т. е. и центръ, и периферію), а обладая этимъ, оно со всею необходимостью имѣеть части. Или какъ?

Фезт. Такъ.

Стр. Ничто однако, не препятствуетъ, чтобы раздѣленное на 245. части имѣло во всѣхъ своихъ частяхъ свойство „единого“, и чтобы оно поэтому, будучи „всѣмъ“ и „цѣлымъ“, было такимъ же образомъ „единымъ“.

Фезт. Отчего же нѣтъ?

Стр. Но возможно ли, чтобы обладающее этимъ свойствомъ было само единое?

Фезт. Почему?

Стр. Истинно единое безъ сомнѣнія должно считаться по здравымъ понятіямъ совершенно нераздѣлимымъ.

Фезт. Должно, конечно.

Стр. Будучи вотъ такого свойства: состоящимъ изъ многихъ В. частей, оно не будетъ соответствовать имъ (здравымъ понятіямъ).

Фезт. Понимаю.

Стр. Будетъ ли теперь сущее, имѣющее, такимъ образомъ, свойство единого, „единымъ“ и „цѣлымъ“ или намъ вовсе не слѣдуетъ считать сущее за цѣлое?

Фезт. Ты предложилъ выборъ, причиняющій затрудненія.

Стр. Ты говоришь дѣйствительно настоящую правду. Вѣдь, если сущее обладаетъ свойствомъ быть нѣкоторымъ образомъ единымъ, то уже оно не является тождественнымъ съ единымъ и „все“ слѣдовательно, будетъ больше, чѣмъ единое.

Фезт. Да.

Стр. Если, далѣе, сущее есть цѣлое не потому, что оно по С. лучше такое состояніе отъ того („единого“), но есть „цѣлое“ само по себѣ, то оказалось бы, что сущему недостаетъ самого себя.

Фезт. Совершенно такъ.

Стр. Согласно этому разъясненію сущее, лишаясь самого себя, будетъ уже несущимъ.

Фезт. Такъ.

Стр. И „все“ снова становится больше „единого“, когда сущее и цѣлое получили отдѣльно другъ отъ друга собственную природу (особое бытіе).

Вѣст. Да.

Стр. Если же „цѣлое“, вообще, не существуетъ, то это же D. самое произойдетъ и съ сущимъ и ему предстоитъ не быть и никогда не стать сущимъ.

Вѣст. Отчего же?

Стр. Возникшее всегда цѣлое, такъ что ни о бытіи, ни о возникновеніи, нельзя говорить какъ о чемъ-либо существующемъ. если въ сущемъ не признавать цѣлаго.

Вѣст. Несомнѣнно, это выходитъ, кажется, такъ.

Стр. И дѣйствительно, никакая величина не должна быть нецѣлымъ, такъ какъ, сколь велико (количественно) что-либо ни было. сколь велико оно, столь великимъ цѣлымъ оно необходимо (и) должно быть.

Вѣст. Совершенно вѣрно.

Стр. И тысяча другихъ безконечныхъ затрудненій будетъ E. являть каждое (утвержденіе) тому, кто говоритъ о сущемъ, будто оно или какое-то двойное, или только единое.

Вѣст. Это обнаруживаетъ то, что почти уже и теперь очевидно. Вѣдь одно съ другимъ связывается, неся болѣе значительную и труднѣе разрѣшимую путаницу относительно всего прежде сказаннаго.

33. *Стр.* Тѣхъ, однако, кто съ возможною точностью изслѣдуетъ сущее и несущее, мы всѣхъ не разсмотрѣли, тѣмъ не менѣе и этого достаточно. Далѣе должно обратить вниманіе на тѣхъ, кто 246. высказывается инымъ образомъ, дабы мы видѣли на всѣхъ, что ничуть не легче объяснить, что же, однако, есть сущее, чѣмъ—что есть несущее.

Вѣст. Значить, надо идти и противъ этихъ.

Стр. У нихъ, кажется, дѣйствительно происходитъ родъ борьбы великановъ изъ-за спора другъ съ другомъ о сущности.

Вѣст. Какъ такъ?

Стр. Одни все влекуть съ неба и невидимаго на землю, обнимаемая руками просто скалы и дубы. Держась за все подобное, они утверждаютъ, будто существуетъ только то, что допускаетъ возможность прикосновенія къ себѣ и оцупыванія и признаютъ тѣла

и сущность за одно и то же, всѣхъ же тѣхъ, кто говоритъ, будто В. существуетъ что-либо безтѣлесное, они презираютъ окончательно, не желая вичего другого и слышать.

Фезт. Ты назвалъ ужасныхъ людей; вѣдь со многими изъ нихъ случилось встрѣчаться и мнѣ.

Стр. Поэтому-то, вступающіе съ ними въ споръ защищаются весьма предусмотрительно (доводами) сверху, откуда-то изъ невидимаго (міра), рѣшительно настаивая на томъ, что истинная сущность это какія-то умопостигаемая и безтѣлесныя идеи; тѣла же тѣхъ и то, что тѣ признаютъ за истину, они, разлагая въ своихъ наслѣдованіяхъ на С. мелкія части, называютъ не сущностью, а какимъ-то пребывающимъ въ движеніи бываніемъ. Между обѣими сторонами всегда, любезный Фезтегъ, относительно этого происходитъ какая-то грозная борьба.

Фезт. Правильно.

Стр. Намъ надо, далѣе, потребовать отъ обѣихъ сторонъ порознь объясненія относительно того, что онѣ считаютъ сущностью.

Фезт. Какъ же мы его будемъ требовать?

Стр. Отъ тѣхъ, кто полагаетъ сущность въ идеяхъ—легче (это сдѣлать), такъ какъ они болѣе кротки, отъ тѣхъ же, кто все насильно влечетъ къ тѣлу—труднѣе, да быть можетъ, почти и не- D. возможно. Однако, мнѣ кажется, съ ними слѣдуетъ поступать такъ.

Фезт. Какъ?

Стр. Всего лучше, исправить бы ихъ дѣломъ, если только это было бы какъ-либо возможно, если же подобное невозможно, то мы это сдѣлаемъ при посредствѣ своей бесѣды, предположивъ у нихъ желаніе отвѣчать намъ болѣе правильно, чѣмъ доселѣ. То, что признано лучшими, сильнѣе того, что признано худшими. Впрочемъ, мы заботимся не объ нихъ, но ищемъ лишь истину.

Фезт. Весьма справедливо.

Е.

34. *Стр.* Предложи же сдѣлавшимся лучшими отвѣчать тебѣ и сказанное ими передавай (мнѣ).

Фезт. Пусть будетъ это.

Стр. Итакъ, они могутъ сказать: полагаютъ ли они, что существуетъ вообще какая-либо смертная тварь.

Фезт. Отчего же нѣтъ?

Стр. Не признаютъ ли они ее одушевленнымъ тѣломъ?

Фезт. Безъ сомнѣнія.

Стр. Считая душу за нѣчто существующее?

247. *Фезт.* Да.

Стр. Какъ же? Не говорятъ ли они про душу, что одна душа справедливая, другая несправедливая, та разумная, а та неразумная?

Фезт. А какъ же иначе?

Стр. И не такъ ли, что вслѣдствіе обладанія справедливостью и вслѣдствіе ея присутствія, каждая душа становится таковой-то, а вслѣдствіе и обладанія противоположнымъ -- обратнаго качества?

Фезт. Да и это они подтверждаютъ.

Стр. Они, далѣе, скажутъ, что то, что можетъ присутствовать при чемъ-либо и отсутствовать, непременно должно быть чѣмъ-нибудь.

Фезт. Они говорятъ такъ.

В. *Стр.* Когда же справедливость, разсудительность и всякая другая добродѣтель и ихъ противоположности существуютъ, а также существуетъ и душа, въ которой все это проявляется, то признаютъ ли они что-либо изъ того видимымъ и осязаемымъ или же все—невидимымъ?

Фезт. Изъ этого всего почти ничего нѣтъ видимаго.

Стр. Какъ же? Неужели они утверждаютъ, что нѣчто подобнаго рода имѣеть тѣло?

Фезт. Здѣсь они уже не рѣшаютъ все одинаковымъ образомъ, но имъ кажется, что наша душа обладаетъ тѣломъ, по отношенію же къ разсудительности и каждаго изъ того, о чемъ ты спрашивалъ.

С. они боятся дерзнуть, какъ согласиться, что ничего изъ всего того не существуетъ, такъ и признать, что все есть тѣла.

Стр. Намъ ясно, Фезтетъ, что мужи стали лучшими. Вѣдь „посѣянные“ и „произведенные“ землю между ними не выказали бы ни въ чемъ робости, но всячески настаивали бы на томъ, что то, чего они не могутъ сдать руками, то безусловно есть ничто.

Фезт. Они почти такихъ взглядовъ, какъ ты говоришь.

Стр. Спросимъ, однако, снова ихъ; если они пожелаютъ что-либо, хотя лишь самое малое изъ существующаго, признать безтѣлеснымъ, то этого достаточно. Вѣдь они должны будутъ признать D. то, что обще по своей природѣ какъ съ этимъ (безтѣлеснымъ), такъ и съ тѣмъ, что имѣеть тѣло, глядя на что, они говорятъ о существованіи и того, и другого (т. е. и безтѣлеснаго, и тѣлеснаго). Быть

можетъ, они очутятся въ затрудненіи. Если, однако, что-либо подобное случится, то смотри: будутъ ли они готовы признать и согласиться, когда мы выставимъ взглядъ, что сущее таково.

Θετ. Каково именно? Говори и мы скоро увидимъ.

Стр. Я утверждаю теперь, что все, что бы то ни было, обладающее способностью или дѣйствовать въ силу своей природы на **Е.** другое-что, или претерпѣвать самое малое измѣненіе отъ дѣйствія чего-либо весьма незначительнаго, если подобное измѣненіе случилось хотя бы только одинъ разъ, все то *дѣйствительно существуетъ*. Я даю, опредѣляя существующее, такое опредѣленіе его: существующее есть ничто иное какъ сила.

Θετ. Въ виду того, что они въ настоящее время не въ состояніи высказать болѣе лучшаго, чѣмъ это, то они и принимаютъ его.

Стр. Прекрасно. Позже, быть можетъ, и для насъ, и для тѣхъ явится иное. Пусть, такимъ образомъ, оно остается здѣсь по отно- 248. шенію къ нимъ, какъ вполне признанное.

Θετ. Остается.

35. *Стр.* Теперь давай-ка обратимся къ другимъ, къ друзьямъ идей; ты же передавай намъ и этихъ слова.

Θετ. Оно и будетъ такъ.

Стр. Вы говорите о бываніи и сущности, различая ихъ какъ-то одно отъ другого. Не такъ ли?

Θετ. Да.

Стр. И (говорите Вы), что съ бываніемъ мы общаемся тѣломъ чрезъ посредство ощущенія, душою же чрезъ посредство мышленія общаемся съ истинно-сущностью, о которой Вы утверждаете, что она всегда есть въ томъ же самомъ отношеніи и одного и того же образа (т. е. равна и тождественна съ собою), бываніе же одинъ разъ такъ, другой разъ—иначе.

Θετ. Дѣйствительно мы говоримъ такъ. **В.**

Стр. Что, однако, должны мы сказать, о наилучшіе изъ всѣхъ, Вы называете въ обоихъ случаяхъ общеніемъ? Не то ли, о чемъ мы упомянули раньше?

Θετ. Что же?

Стр. Страданіе или дѣйствіе, возникающее вслѣдствіе нѣкоторой силы отъ взаимно встрѣтившихся (вещей) (т. е. отъ пришедшихъ въ обоюдное соприкосновеніе вещей). Быть можетъ, теперь.

Безтегъ, ты не слышишь ихъ отвѣта на это, я же, пожалуй, благодаря тѣсному знакомству съ ними, слышу.

Везт. Какой же, однако, они приводятъ намъ отвѣтъ?

С. *Стр.* Они не сходятся съ нами въ томъ, что было сказано недавно „сынамъ земли“ относительно сущности.

Везт. Въ чемъ же именно?

Стр. Мы выставили какъ достаточное опредѣленіе существующаго, если нѣчто обладаетъ способностью претерпѣвать или дѣйствовать, хотя бы даже по отношенію къ весьма малому.

Везт. Да.

Стр. На это, однако, они говорятъ, что быванію принадлежитъ способность претерпѣвать или дѣйствовать, но съ сущностью, они утверждаютъ, не связывается способность ни того, ни другого.

Везт. Не говорятъ ли они этимъ что-либо (значительное)?

Д *Стр.* На это мы должны отвѣтить, что вынуждены узнать яснѣе отъ нихъ: признаютъ ли они, что душа познаетъ, а сущность познается?

Везт. Это они дѣйствительно говорятъ.

Стр. Какъ же? Считаете ли Вы „познавать“ или „быть познаваемымъ“ за дѣйствіе или страданіе, или за то и другое вмѣстѣ? или одно есть страданіе, а другое (состояніе) противоположное ему? или вообще ни то, ни другое не причастно ни одному изъ двухъ (состояній)?

Везт. Ясно, что ничто изъ двухъ ни тому, ни другому (не причастно),—иначе они высказали бы противное прежнему (утвержденію).

Е. *Стр.* Понимаю. Если познавать значить дѣйствовать, то быть предметомъ познанія, напротивъ того, необходимо, значить, страдать и, такимъ образомъ, сущность, вслѣдствіе этого положенія, познаваемая знаніемъ, насколько она познается, настолько находится въ движеніи въ силу своего страдательнаго состоянія, которое согласно нашему утвержденію не могло бы возникнуть у пребывающаго въ покоѣ.

Везт. Справедливо.

249. *Стр.* Но что же ради Зевса? Дадимъ ли мы себя легко убѣдить въ томъ, что движеніе, жизнь, душа и разумъ не причастны всесовершенному бытію, и что бытіе и не живетъ, и не мыслить, но возвышенное и святое, не имѣя разума, стоитъ неподвижно въ покоѣ?

Фезт. Мы допустили бы, дорогой чужеземецъ, по истинѣ ужасное предположеніе.

Стр. Но должны ли мы, однако, утверждать, что оно обладаетъ разумомъ, а жизнью же нѣтъ?

Фезт. Какимъ образомъ?

Стр. Мы, хотя говоримъ, что и то, и другое пребываетъ въ немъ, однако, утверждать не будемъ, что оно содержитъ ихъ въ душѣ?

Фезт. А какимъ же инымъ образомъ оно имѣло бы ихъ?

Стр. Но станемъ ли мы утверждать, что при разумѣ, жизни и душѣ бытіе остается неподвижнымъ, хотя вполне одушевленнымъ? В.

Фезт. Все это мнѣ, по крайней мѣрѣ, кажется нелѣпнымъ.

Стр. И, поэтому-то, надо допустить и то, что движется и то, что движеть, существующими.

Фезт. Какъ же нѣтъ?

Стр. Выходитъ, слѣдовательно, дорогой Фезтегъ, что если существуетъ только неподвижное, то никто ни о чемъ и нигдѣ не могъ бы имѣть познанія.

Фезт. Конечно такъ.

Стр. И однако же, если мы, съ другой стороны, признаемъ все носящимся и движущимся, то мы этимъ утвержденіемъ исключаемъ „то же самое“ (тожество) изъ области существующаго.

Фезт. Какъ такъ?

Стр. Думаешь ли ты, что безъ покоя могло бы имѣть мѣсто слѣдующее: „въ томъ же самомъ отношеніи“, „однимъ и тѣмъ же С. образомъ“, „относительно одного и того же“?

Фезт. Никогда.

Стр. Что же далѣе? понимаешь ли ты, какъ безъ всего этого познаніе могло бы существовать или гдѣ бы то ни было возникнуть?

Фезт. Менѣе всего.

Стр. И дѣйствительно, всѣми доводами надо бороться съ тѣмъ, кто, устранивъ знаніе, мышленіе или разумъ, (въ то же время) какимъ бы то ни было образомъ настойчиво утверждаетъ о чемъ-либо.

Фезт. Несомнѣнно такъ.

Стр. Философу, такимъ образомъ, все это цѣнящему въ наибольшей степени, кажется, необходимо вслѣдствіе этого съ тѣми, кто признаетъ одну или много идей, не соглашаться, будто все пре-

D. бываетъ въ покоѣ, и совершенно не слушать тѣхъ, кто, напротивъ, приписываетъ сущему всестороннее движеніе, но подражая желанію дѣтей, чтобы все неподвижное было въ движеніи, ему надо призвать сущее и „все“ тѣмъ и другимъ вмѣстѣ (и движущимся, и покоящемся).

Фезт. Весьма справедливо.

36. *Стр.* Какъ же однако? Не достаточно ли теперь, кажется намъ, мы въ своей бесѣдѣ охватили мыслей сущее?

Фезт. Конечно

Стр. Вотъ тебѣ на, Фезтетъ! А я бы сказалъ, что, повидимому, теперь-то именно мы и постигнемъ всю трудность изслѣдованія о сущемъ.

E. *Фезт.* Почему и что это ты сказалъ?

Стр. Не замѣчаешь ли ты, другъ мой, что мы въ настоящее время очутились въ совершенномъ невѣдѣніи относительно сущаго, а (между тѣмъ) намъ самимъ кажется, будто мы говоримъ о немъ что-то, (имѣющее значеніе).

Фезт. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, да. Я самъ, однако, положительно не понимаю, какъ мы незамѣтно очутились въ такомъ положеніи.

Стр. Но разсмотри точнѣе: если мы теперь согласимся съ 250. этимъ, какъ бы намъ по праву не предложили тѣхъ же вопросовъ, съ которыми мы сами обращались къ тому, кто признавалъ, будто все есть теплое и холодное.

Фезт. Какихъ именно? Напомни мнѣ.

Стр. Охотно. И я попытаюсь это сдѣлать, разспрашивая тебя, какъ тогда тѣхъ, чтобы намъ вмѣстѣ двинуться нѣсколько впередъ.

Фезт. Справедливо.

Стр. Ну хорошо! Не считаешь ли ты движеніе и покоѣ вполне противоположными другъ другу?

Фезт. Какъ же вѣтъ?

Стр. И несомнѣнно ты полагаешь, что оба они и каждое изъ нихъ въ отдѣльности одинаково существуютъ?

B. *Фезт.* Конечно, я говорю такъ.

Стр. Не думаешь ли ты, что оба и каждое изъ нихъ движутся, если ты признаешь, что они существуютъ?

Фезт. Никакимъ образомъ.

Стр. Но говоря, что они оба существуютъ, ты показываешь (этимъ), будто они пребываютъ въ покоѣ?

Фезт. Какимъ же образомъ?

Стр. Принимая въ душѣ, рядомъ съ тѣми двумя, какъ нѣчто третье, сущее, которымъ какъ бы обнимаются и движеніе, и покой, не считаешь ли ты, охватывая ихъ вмѣстѣ и окидывая взоромъ ихъ общеніе съ сущностью, что они оба (движеніе и покой) существуютъ?

Фезт. Кажется, мы дѣйствительно предугадываемъ что-то третье: С. сущее, разъ утверждаемъ, что движеніе и покой существуютъ.

Стр. Такимъ образомъ, не движеніе и покой вмѣстѣ взятые есть сущее, но оно (есть) нѣчто отличное отъ нихъ.

Фезт. Кажется.

Стр. Слѣдовательно, сущее по своей природѣ и не стоитъ, и не движется.

Фезт. Почти такъ.

Стр. Куда же еще должно направить мысль тому, кто хочетъ обезпечить себѣ что-либо ясное объ этомъ самомъ?

Фезт. Куда же?

Стр. Я думаю, что никуда не легко: вѣдь если что-либо не D. движется, какъ оно можетъ не пребывать въ покоѣ? и (напротивъ), какъ можетъ не двигаться то, что вовсе не находится въ покоѣ? Сущее же у насъ теперь явилось внѣ того и другого; развѣ это возможно?

Фезт. Наименѣе всего возможно.

Стр. При этомъ по справедливости надо вспомнить о слѣдующемъ.

Фезт. О чемъ?

Стр. А о томъ, что мы, когда насъ спросили, къ чему должно относить выраженіе „несущее“, очутились въ полномъ недоумѣніи; ты помнишь?

Фезт. Какъ же нѣтъ?

Стр. Неужели мы по отношенію къ сущему находимся теперь въ какомъ-либо меньшемъ затрудненіи?

Фезт. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, чужеземецъ, если можно сказать, мы представляемся въ еще большемъ (затрудненіи).

Стр. Пусть это, однако, здѣсь остается подъ сомнѣніемъ. Такъ какъ и сущее, и несущее одинаково причастны нашему недоумѣнію, то теперь можно надѣяться, что, смотря по тому, насколько одно изъ двухъ станетъ показываться менѣе ясно или болѣе ясно, и другое явится въ такомъ же видѣ. И если мы не въ силахъ 351.

познать ни одного изъ нихъ, то будемъ по крайней мѣрѣ продолжать наше изслѣдованіе самымъ надлежащимъ образомъ такъ, какъ только мы сможемъ, объ обоихъ вмѣстѣ.

Фезт. Прекрасно.

Стр. Скажемъ, однако, какимъ образомъ мы въ каждомъ случаѣ одно и то же называемъ многими именами?

Фезт. Что же? Приведи примѣръ.

37. *Стр.* Говоря объ одномъ человѣкѣ, мы придаемъ ему много различныхъ наименованій, приписываемъ ему и цвѣтъ, и форму, и величину, и пороки, и добродѣтели и этимъ всѣмъ, а также и В. тысячей другихъ, высказываемъ, что онъ не только человѣкъ, но и добрый, и такъ до безконечности; такимъ же образомъ мы поступаемъ и съ остальными предметами по данному образцу, полагая каждый изъ нихъ единымъ, мы считаемъ его многимъ и называемъ различными именами.

Фезт. Ты говоришь правду.

Стр. Этимъ-то, думаю я, мы приготовили и юношамъ, и поздно начавшимъ учиться изъ среды стариковъ, пиршество: вѣдь у всякаго прямо въ рукахъ лежитъ возраженіе о невозможности, чтобы многое было единымъ, а единое многимъ и имъ всѣмъ, повидимому, дѣйствительно доставляетъ удовольствіе, не допускать называть человѣка добрымъ, но признавать добрымъ только добро, а С. человѣкомъ лишь человѣка. Тебѣ, Фезтетъ, я думаю, часто приходится сталкиваться съ людьми, иногда даже уже и болѣе пожилыми, ревностно занимавшимися подобнымъ, дивящимися вслѣдствіи скудомыслія всему такому и считающими, будто они въ этомъ открыли нѣчто сверхъестественное.

Фезт. Конечно.

Стр. Чтобы, такимъ образомъ, наша рѣчь относилась ко всѣмъ, кто когда-либо хотя малѣйше рассуждалъ о сущности, пусть и D. этимъ, и всѣмъ остальнымъ, съ кѣмъ мы раньше бесѣдовали, будетъ предложено въ формѣ вопросовъ то, что теперь должно быть выяснено.

Фезт. Что же однако?

Стр. Мы не поставляемъ въ связь ни сущность съ движениемъ и покоемъ, ни иное что съ чѣмъ-либо другимъ, но, какъ они не смѣшиваемы и неспособны вступать въ соединеніе другъ съ другомъ, такъ мы ихъ и принимаемъ въ своихъ изслѣдованіяхъ?

Или мы все, какъ могущее вступать во взаимное общеніе, сведемъ къ одному и тому же? Или же одно сведемъ, а другое нѣтъ? Что, Е. дорогой Феатетъ, скажемъ мы, они, изъ всего этого предпочтутъ?

Феат. На это я ничего не могу возразить за нихъ. Отчего бы тебѣ, отвѣчая въ отдѣльности (на вопросы), не раасмотрѣть все, что слѣдуетъ изъ каждаго вопроса.

Стр. Ты говоришь дѣло. Положимъ, во-первыхъ, если хочешь, что они говорятъ, будто ничто не обладаетъ способностью общенія съ тѣмъ-нибудь и для чего-либо. Стало-быть, движеніе и покой никакъ не соучаствуютъ въ сущности?

Феат. Конечно нѣтъ?

Стр. Какъ же? Будетъ ли, не входя въ общеніе съ сущностью, 252. что-либо изъ нихъ существовать?

Феат. Не будетъ.

Стр. Быстро, однако, кажется, все рушилось вслѣдствіе этого признанія и у тѣхъ, кто „все“ приводитъ въ движеніе и у тѣхъ, кто „все“ какъ единое заставляетъ покоиться и у того также, кто признаетъ сущее за идеи, считаетъ его находящемся всегда въ томъ же сямомъ отношеніи и тѣмъ же самымъ образомъ. Вѣдь всѣ они присоединяютъ сюда бытіе, говоря, что все дѣйствительно движется, другіе же, что все есть дѣйствительно недвижимое.

Феат. Вполнѣ такъ.

Стр. И въ самомъ дѣлѣ, и тѣ, кто то соединяетъ все, то разлагаетъ, безразлично: соединяя ли въ одно и разлагая это единое на конечное или же безконечное число началъ и изъ нихъ уже (затѣмъ) слагая его, все равно полагая ли, что это бываетъ попеременно или всегда, всѣ они этимъ ничего не скажутъ, если не существуетъ никакого смѣшенія.

Феат. Вѣрно.

Стр. Далѣе, въ самомъ смѣшномъ видѣ изъ всѣхъ явились бы при участіи въ изслѣдованіи тѣ, кто вовсе не допускаетъ, чтобы что-либо, приобщаясь къ свойствамъ другого, называлось „другимъ“.

Феат. Какъ? С.

Стр. Принужденные во всемъ употреблять выраженіе: „быть“, „особо“, „иное“, „само по себѣ“ и тысяча другихъ, воздержаться отъ которыхъ и не соединять ихъ въ своихъ рѣчахъ безсилны, они не нуждаются въ другихъ обличителяхъ, но постоянно бродятъ вокругъ, нося съ собою, какъ принято говорить, домашняго

врага и будущего противника, подающего подобно странному Евриклею изнутри голосъ.

Д. *Өзет.* Ты приводишь вполне подходящее и вѣрное сравненіе.
Стр. А что если мы во всемъ признаемъ способность ко взаимному общенію?

Өзет. Это и я въ состояніи опровергнуть.

Стр. Какимъ же образомъ?

Өзет. А такъ, что само движеніе совершенно остановилось бы и самъ покой, съ другой стороны, задвигался бы, если бы они пришли въ соприкосновеніе другъ съ другомъ.

Стр. Однако, это по непреложнымъ основаніямъ невозможно. чтобы движеніе покоилось, а покой двигался.

Өзет. Какъ не такъ?

Стр. Слѣдовательно, остается только третье.

Өзет. Да.

Е. ^{38.} *Стр.* И дѣйствительно изъ этого необходимо что-либо одно: либо чтобы все, либо ничто, либо одно склонно было къ соединенію, а другое нѣтъ.

Өзет. А какъ же иначе?

Стр. Тѣ два предположенія найдены невозможными.

Өзет. Да.

Стр. Слѣдовательно, каждый, кто только желаетъ вѣрно отвѣтить, приметъ оставшееся изъ трехъ.

Өзет. Вполнѣ такъ.

Стр. Когда же одно склонно это дѣлать (вступать въ общеніе).
253. а другое нѣтъ, то должно произойти то же самое, что и съ буквами: однѣ изъ нихъ не сочетаются другъ съ другомъ, другія же сочетаются.

Өзет. Какъ же нѣтъ?

Стр. Гласныя преимущественно передъ другими проходятъ чрезъ всѣ, словно связывающая нить, такъ что безъ какой-либо изъ нихъ невозможно сочетать остальные буквы одну съ другой.

Өзет. Конечно.

Стр. Всякому ли извѣстно, какія (буквы) съ какими способны входить въ связь, или есть нужда въ искусствѣ у того, кто намѣренъ это дѣлать удовлетворительно?

Өзет. Есть нужда въ искусствѣ.

Стр. Въ какомъ?

Фезт. Въ грамматикѣ.

Стр. Какъ же? Не такъ ли обстоитъ дѣло съ высокими и низ-В. кими звуками? Не есть ли владѣющій искусствомъ знать, какіе (звуки) сочетаются и какіе нѣтъ, музыкантъ, а не свѣдущій въ этомъ— немужыкантъ?

Фезт. Такъ.

Стр. И по отношенію къ другимъ искусствамъ и незнанію мы найдемъ подобное же.

Фезт. Какъ нѣтъ?

Стр. Что же? Такъ какъ мы согласны въ томъ, что и роды (вещей) находятся другъ съ другомъ въ подобномъ сочетаніи, то не съ помощью ли нѣкотораго знанія долженъ отыскивать путь въ своихъ изслѣдованіяхъ тотъ, кто намѣренъ правильно указывать: какіе роды съ какими сочетаются и какіе взаимно не допускаютъ этого? И затѣмъ, во всѣхъ ли случаяхъ есть связь между С. ними, такъ чтобы они были способны соединяться и обратно, при раздѣленіи: повсюду ли существуютъ другія причины раздѣленія?

Фезт. Какъ не нужно науки и, быть можетъ, даже самой важной?

39. *Стр.* Чѣмъ же, дорогой Фезтетъ, назовемъ теперь эту (науку)? Или, ради Зевса, не нанали ли мы, незамѣтно для насъ на науку людей свободныхъ и не кажется ли, что мы, ища софиста, отыскали раньше философа?

Фезт. А какъ ты думаешь?

Стр. Раздѣлять по родамъ, не принимать того же самаго вида D. за иной и другого за тотъ же самый, неужели мы не скажемъ, что это есть предметъ науки діалектики?

Фезт. Да, скажемъ.

Стр. Кто, такимъ образомъ, въ состояніи выполнить это, тотъ съумѣетъ въ достаточной степени различить одну идею, повсюду проходящую черезъ многое, въ которомъ каждое отдѣльное разъобщено съ другимъ, далѣе, различить какъ многія отличныя другъ отъ друга идеи обнимаются извнѣ одною, и какъ, обратно, одна (идея) связана въ одномъ мѣстѣ многими, и какъ, наконецъ, многія совершенно отдѣлены другъ отъ друга. Это все называется умѣть различать по родамъ, насколько каждое можетъ вступать въ общеніе и насколько нѣтъ.

Фезт. Совершенно такъ.

Стр. Ты, думаю я, конечно, діалектику никому другому не припишешь какъ только искренно и истинно философствующему?

Везт. Какъ же можетъ кто-либо приписать ее иному кому?

Стр. Философа мы, безъ сомнѣнія, найдемъ и теперь, и позже
254. въ подобной области, если поищемъ; однако, и его трудно ясно распознать; только трудность по отношенію къ софисту иного рода, чѣмъ относительно философа.

Везт. Почему?

Стр. Одинъ, убѣгающій во тьму несущаго, куда онъ направляется по привычкѣ, трудно узнаваемъ благодаря темнотѣ мѣста. Не такъ ли?

Везт. Кажется.

Стр. Философъ же, который постоянно обращается мыслями къ идеи сущаго, напротивъ, нелегко виденъ благодаря ослѣпительному блеску своей области, такъ какъ духовныя очи толпы не въ силахъ выдержать созерпаніе божественнаго.

Везт. И естественно, что одно имѣть мѣсто не менѣе, чѣмъ другое.

Стр. Такимъ образомъ, что касается этого (философа), то мы его вскорѣ разсмотримъ яснѣе, если будемъ чувствовать къ тому охоту. по отношенію же къ софисту несомнѣнно очевидно, что не должно оставлять его, не разсмотрѣвъ въ достаточной степени.

Везт. Ты прекрасно сказалъ.

40. *Стр.* Когда, такимъ образомъ, мы согласились, что одни роды (существующаго) склонны вступать во взаимное общеніе, С. другіе же нѣтъ, и что нѣкоторые лишь съ немногими, а другіе со многими, а, наконецъ, нѣкоторые во всѣхъ случаяхъ безпрепятственно общаются со всѣми, то будемъ идти дальше въ нашей бесѣдѣ такъ, чтобы намъ коснуться не всѣхъ видовъ (существующаго), дабы изъ-за множества ихъ не придти въ смущеніе, но, избрать лишь тѣ, которые считаются главнѣйшими (обширнѣйшими) и разсмотрѣть: во-первыхъ, каковъ каждый изъ нихъ и затѣмъ, какъ обстоитъ съ ихъ способностью общенія другъ съ другомъ. Вслѣдствіе этого, если мы не можемъ со всею ясностью постичь сущее и несущее, то, по крайней мѣрѣ, насколько это допускаетъ способъ теперешняго изслѣдованія, не явима бѣдными на разъяс- D. неніе ихъ, въ случаѣ намъ какъ-либо удастся удалиться отсюда

безъ вреда при нашихъ утвержденіяхъ о несущемъ, будто есть дѣйствительно несущее.

Фезт. Конечно, надо.

Стр. Наиболѣе обширные роды, которые мы теперь обслѣдываемъ, это—само сущее, покой и движеніе.

Фезт. Достаточно.

Стр. И мы о двухъ изъ нихъ говоримъ, что они несоединимы другъ съ другомъ.

Фезт. Несомнѣнно.

Стр. Напротивъ, сущее соединимо съ тѣмъ и съ другимъ. Вѣдь оба они, конечно, существуютъ.

Фезт. Какъ не такъ?

Стр. Слѣдовательно, ихъ всѣхъ становится три.

Фезт. Безспорно.

Стр. Каждый изъ нихъ есть „другое“ по отношенію къ остальнымъ двумъ и „то же самое“—для самаго себя¹⁾.

Фезт. Такъ.

Е.

Стр. Чѣмъ же, однако, мы теперь считаемъ „то же самое“ и „другое“? Есть ли они какіе-либо два рода, отличные отъ тѣхъ трехъ, по необходимости всегда вступающіе съ послѣдними въ соединеніе, въ какомъ случаѣ изслѣдованіе должно вестись относительно пяти существующихъ родовъ, а не трехъ, или, не замѣчая, мы сами обзываемъ этимъ: „то же самое“ и „другое“ нѣчто одно изъ тѣхъ? 255.

Фезт. Можетъ быть.

Стр. Но движеніе и покой не есть, вѣрно, ни другое, ни то же самое?

Фезт. Какъ?

Стр. То, что мы высказали бы вмѣстѣ о движеніи и покоѣ, это не можетъ быть ни однимъ изъ нихъ.

Фезт. Почему же?

Стр. Движеніе остановится, а покой, напротивъ, будетъ двигаться; вѣдь одно изъ этихъ двухъ, какое бы ни было, входя въ область обоихъ, заставитъ снова другое превратиться въ противоположное своей собственной природѣ, такъ какъ оно участвуетъ въ противоположномъ.

¹⁾ Выраженіе: „другое“ и „то же самое“ можно повсюду замѣнить выраженіями: различное и тождественное.

Фезт. Совершенно такъ.

Стр. Оба они причастны и „тому же самому“, и „другому“.

Фезт. Да.

Стр. Поэтому, мы не должны говорить ни о движеніи, что оно „то же самое“ или „другое“, ни о покоѣ.

Фезт. Конечно, нѣтъ.

Стр. Но не слѣдуетъ ли намъ мыслить сущее и „то же самое“, какъ нѣчто одно?

Фезт. Возможно.

Стр. Но, если сущее и „то же самое“ не означаютъ ничего различнаго, то мы, говоря снова о движеніи и покоѣ, что они оба существуютъ, сочтемъ, такимъ образомъ, и то, и другое, какъ существующіе, за „то же самое“.

Фезт. Но это вполнѣ невозможно.

Стр. Дѣйствительно невозможно, чтобы сущее и „то же самое“ были одно.

Фезт. Почти такъ.

Стр. Въ такомъ случаѣ не примемъ ли мы рядомъ съ тремя видами четвертый: „то же самое“?

Фезт. Да, конечно.

Стр. Какъ же дальше? Не слѣдуетъ ли намъ, однако, считать „другое“ пятымъ (видомъ)? Или должно его и сущее мыслить, какъ два названія для одного рода?

Фезт. Пожалуй.

Стр. Я, впрочемъ, думаю, что ты согласишься въ томъ, что изъ существующаго одно считается (существующимъ) само по себѣ, другое же лишь относительно другъ друга.

Фезт. Отчего же нѣтъ?

D. *Стр.* „Другое“ всегда (существуетъ только лишь) по отношенію къ „другому“. Не такъ ли?

Фезт. Такъ.

Стр. Не совсѣмъ, если и сущее, и „другое“ не различились въ высшей степени. Если бы, однако, „другое“ участвовало въ обонхъ видахъ, какъ сущее, то изъ другого одно было бы „другимъ“ совсѣмъ не относительно другого. Теперь же у насъ прямо вышло, что то, что можетъ быть инымъ, это и явилось относительно другого, по необходимости, тѣмъ, чѣмъ оно есть.

Фезт. Ты говоришь, какъ оно и есть.

Стр. Слѣдовательно, пятымъ среди тѣхъ видовъ, которые мы выбрали, должно считать природу „другого“.

Е.

Фезт. Да.

Стр. И мы скажемъ, что она (природа) проникаетъ всѣ остальные (роды), такъ какъ каждое отдѣльное есть „другое“ не въ силу своей собственной природы, но вслѣдствіе участія въ идеи „другого“.

Фезт. Совершенно такъ.

41. *Стр.* Объ этихъ пяти (родахъ), перебирая ихъ по одиночкѣ, мы выразились бы такъ.

Фезт. Именно какъ?

Стр. Во-первыхъ, движеніе есть совершенно другое, чѣмъ покой. Или какъ надо сказать?

Фезт. Вотъ такъ.

Стр. Оно, такимъ образомъ, не есть покой?

Фезт. Никакимъ образомъ.

Стр. Существуетъ же оно вслѣдствіе участія въ сущемъ? 256.

Фезт. Существуетъ.

Стр. И съ другой стороны, движеніе есть опять таки „другое“ для „того же самаго“.

Фезт. Да.

Стр. Поэтому оно не есть „то же самое“.

Фезт. Конечно, нѣтъ.

Стр. Но, однако, оно было „тѣмъ же самымъ“ вслѣдствіе того, что все причастно ему („тому же самому“).

Фезт. Непремѣнно.

Стр. Что движеніе дѣйствительно есть и „то же самое“, и „не то же самое“ съ этимъ должно согласиться и не огорчаться. Вѣдь, когда мы называли его „тѣмъ же самымъ“ и „не тѣмъ же самымъ“, мы выразились не одинаково; коль скоро мы называемъ его В. „тѣмъ же самымъ“, мы говоримъ о немъ такъ изъ-за его участія въ „томъ же самомъ“ по отношенію къ нему самому¹⁾; если же мы напротивъ, называемъ его „не тѣмъ же самымъ“, то это вслѣдствіе его общенія съ „другимъ“, благодаря чему, отдѣлившись отъ „того же самаго“, движеніе сдѣлалось не этимъ, но „другимъ“, такъ что снова справедливо считается не „тѣмъ же самымъ“.

¹⁾ Т. е. имѣя въ виду, что движеніе причастно роду „того же самаго“ вслѣдствіе того, что оно по отношенію къ себѣ есть „то же самое“.

Фезт. Совершенно такъ.

Стр. Поэтому, если бы какимъ-либо образомъ само движеніе пріобщилося къ покою, не было бы ничего страннаго назвать его недвижно-стоящимъ.

Фезт. Вполнѣ справедливо, если мы согласимся, что одни роды (существующаго) склонны взаимно соединяться, другіе же нѣтъ.

C. *Стр.* И дѣйствительно, къ доказательству въ пользу этого положенія мы пришли еще раньше теперешнихъ (доказательствъ), когда утверждали, что такъ оно по природѣ и есть.

Фезт. Какимъ же образомъ нѣтъ?

Стр. Скажемъ, однако, снова: движеніе отлично отъ „другого“, равно какъ оно есть „другое“ для „того же самаго“ и покоя?

Фезт. Непремѣнно.

Стр. Стало быть, оно по настоящему объясненію есть какъ-то и „другое“, и не „другое“.

Фезт. Правда.

Стр. А что же слѣдующее? Будемъ ли мы утверждать, что оно (движеніе) „другое“ для трехъ (родовъ), а относительно же четвертаго не скажемъ этого, признавъ въ то же время, что всѣхъ D. родовъ, о которыхъ и въ предѣлахъ которыхъ мы желаемъ вести изслѣдованіе,—пять?

Фезт. Какъ же? Вѣдь невозможно согласиться на число меньше, чѣмъ какое вышло теперь.

Стр. Смѣло, такимъ образомъ, мы должны защищать положеніе, что движеніе есть „другое“ для сущаго?

Фезт. Весьма смѣло.

Стр. Не ясно ли, однако, что движеніе есть на самомъ дѣлѣ и несущее, и сущее, такъ какъ принимаетъ участіе въ сущемъ?

Фезт. Крайне ясно.

Стр. Несущее, такимъ образомъ, необходимо имѣется, какъ въ движеніи, такъ и во всѣхъ родахъ. Вѣдь распространяющаяся на все существующее природа „другого“, придавая каждому видъ E. „другого“, дѣлаетъ это (каждое) несущимъ и согласно тому самому мы все вообще по праву, слѣдовательно, назовемъ несущимъ и снова, такъ какъ оно (это „все“) имѣетъ часть въ сущемъ, (назовемъ)—сущимъ.

Фезт. Можетъ быть.

Стр. Въ каждомъ видѣ, поэтому, есть много сущаго и безконечно по числу несущаго.

Фезт. Кажется.

257.

Стр. Такимъ образомъ, должно сказать, что и само сущее есть „другое“ для прочихъ (родовъ).

Фезт. Необходимо.

Стр. И сущаго, слѣдовательно, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ не будетъ у насъ, въ какихъ есть „другое“. Разъ оно не есть то (другое), оно (сущее) будетъ само единымъ; тѣмъ же „другимъ“, безконечнымъ по числу, оно, напротивъ, не будетъ.

Фезт. Почти что такъ.

Стр. Не слѣдуетъ огорчаться этимъ, когда роды по природѣ имѣютъ взаимное общеніе. Если же кто на это не согласенъ, пусть тотъ опровергнетъ сначала наши предыдущія объясненія, а затѣмъ также и послѣдующее.

Фезт. Ты выразился весьма справедливо.

Стр. Посмотримъ-ка на вотъ что.

В.

Фезт. На что именно?

Стр. Когда мы говоримъ о несущемъ, мы разумѣемъ, кажется, не нѣчто противоположное сущему, но лишь „другое“. (чѣмъ сущее).

Фезт. Какъ?

Стр. Вѣдь, если мы, напримѣръ, что-либо называемъ невеликимъ, кажется ли тебѣ, что этимъ выраженіемъ мы больше обозначаемъ малое, чѣмъ равное?

Фезт. Какимъ образомъ?

Стр. Слѣдовательно, если бы утверждалось, что отрицаніе означаетъ противоположное, мы не будемъ соглашаться съ этимъ, но (согласились бы) только настолько, чтобы „не“ и „нѣтъ“ означали нѣчто „другое“ по отношенію къ рядомъ стоящимъ словамъ, или, еще лучше, вещамъ, до которыхъ относятся высказанныя С. вслѣдъ за отрицаніемъ слова.

Фезт. Совершенно такъ.

42. *Стр.* Подумаемъ-ка, если и тебѣ угодно, о слѣдующемъ.

Фезт. О чемъ же?

Стр. Существо „другого“ мнѣ показывается раздробленнымъ на части надобно знанію.

Фезт. Какимъ образомъ?

Стр. И оно (знаніе) едино, но всякая отдѣльная часть его, D. относящаяся къ чему-либо, имѣеть какое-нибудь присущее ей имя. Черезъ это-то и говорится о многихъ искусствахъ и знаніяхъ.

Ѳезт. Конечно такъ.

Стр. Поэтому, и части существа „другого“, которое есть только едино, испытываютъ это же.

Ѳезт. Можетъ быть. Но скажемъ какимъ, именно, образомъ?

Стр. Не противоположна ли какая-либо часть „другого“ красивому?

Ѳезт. Да.

Стр. Сочтемъ ли мы ее безымянной или имѣющей нѣкоторое имя?

Ѳезт. Имѣющей; вѣдь то, что мы каждый разъ называемъ некрасивымъ, является „другимъ“ не для чего-либо иного, а лишь для существа прекраснаго.

Стр. Ну хорошо, скажи мнѣ теперь слѣдующее.

E. *Ѳезт.* Что же?

Стр. Не выходитъ ли такъ, что некрасивое есть нѣчто, отдѣленное отъ какого-либо рода существующаго и снова противопоставленное чему-либо изъ существующаго?

Ѳезт. Такъ.

Стр. Оказывается, слѣдовательно, что некрасивое, повидимому, есть противоположеніе существующаго существующему же.

Ѳезт. Весьма справедливо.

Стр. Что же? Не принадлежитъ ли у насъ по этимъ словамъ красивое въ большей степени къ существующему, некрасивое же въ меньшей.

Ѳезт. Никакимъ образомъ.

258. *Стр.* Слѣдовательно, надо признать, что и невеликое, и само великое одинаково существуютъ.

Ѳезт. Одинаково.

Стр. Не должно ли и несправедливое полагать равнымъ со справедливымъ въ томъ отношеніи, что одно изъ нихъ существуетъ нисколько не меньше другого.

Ѳезт. Отчего же нѣтъ?

Стр. Такимъ же образомъ будемъ говорить и о прочемъ, какъ скоро существо „другого“ оказалось принадлежащимъ къ существующему. Когда же оно („другое“) существуетъ, то нужно полагать и его части существующими не въ меньшей степени.

Фезт. Какъ же не такъ?

Стр. Поэтому, кажется, противопоставленіе природы части В. „другого“ существу, противопологаемыхъ другъ другу, есть насколько не меньшая, если позволено выразиться, сущность, чѣмъ и само сущее, причеиъ она обозначаетъ не (нѣчто) противоположное существу, но указываетъ лишь насколько одно является „другимъ“ для того.

Фезт. Совершенно ясно.

Стр. Какъ же намъ назвать ее?

Фезт. Очевидно, она есть то самое несущее, которое мы изслѣдовали изъ-за софиста.

Стр. Можетъ быть, какъ ты сказалъ, у него несущаго такъ же мало, какъ и у кого другого, недостаетъ сущности и, (можетъ быть), должно смѣло теперь говорить, что несущее навѣрно имѣетъ свою собственную природу, и подобно тому, какъ великое было великимъ, красивое—красивымъ и невеликое—невеликимъ, некрасивое—некрасивымъ, то и несущее, будучи однимъ среди многихъ существующихъ видовъ, не такимъ ли образомъ было и есть тоже несущее? Или по отношенію къ нему мы, дорогой Фезетъ, питаемъ еще какое-либо сомнѣніе?

Фезт. Никакого.

43. *Стр.* Ты знаешь ли, мы далеко не послушались Парменида, что касалось его запрещенія.

Фезт. Какъ такъ?

Стр. Стремясь въ изслѣдованіи все впередъ, мы доказали ему болѣе того, что тотъ запретилъ изслѣдовать.

Фезт. Какимъ образомъ?

Стр. А такъ, что онъ гдѣ-то сказалъ: никогда не болтай, что D. есть несущее; но отъ такого рода пути изслѣдованія держи подальше мысль.

Фезт. Конечно, онъ сказалъ такъ.

Стр. А мы не только доказали, что есть несуществующее, но выяснили и видъ, къ которому относится оно. Вѣдь указывая, что есть существо „другого“, и что оно распредѣлено по всему существующему, находящемуся во взаимномъ отношеніи, мы отважились высказать, что каждая часть его („другого“), противопоставленная существующему, и есть дѣйствительно то самое:—несущее. Е.

Вѣст. И кажется, дорогой чужеземецъ, сказали совершенно правильно.

Стр. Пусть никто не говоритъ о насъ, будто мы, представляя несущее противоположнымъ существу, осмѣливаемся утверждать, что оно существуетъ. Вѣдь о томъ, что противоположно существу, мы давно уже оставили мысль рѣшить: существуетъ ли оно, или нѣтъ, 259. обладаетъ ли разумомъ. или вполнѣ неразумно. Относительно же того, о чемъ мы теперь говорили: будто несущее *есть*, то, или пусть насъ кто-либо разубѣдитъ въ этомъ, доказавъ, что мы говоримъ не дѣло, или пока онъ не въ состояніи опровергнуть это, онъ долженъ говорить тоже, что высказываемъ и мы, именно, что роды взаимно соединяются, и что, въ то время какъ сущее и „другое“ проникаютъ все (всѣ вещи) и другъ друга, само „другое“, какъ имѣющее часть въ сущемъ, черезъ это участіе *есть*, хотя (*есть*) не то, въ чемъ оно участвуетъ, а „другое“; вслѣдствіе же того, что оно *есть* „другое“, чѣмъ сущее, вполнѣ ясно, что оно необходимо В. должно быть несущимъ. Сущее же, съ другой стороны, какъ имѣющее часть въ „другомъ“, будетъ „другимъ“ для остальныхъ родовъ, а будучи другимъ для всѣхъ ихъ, оно не будетъ ни каждымъ изъ нихъ (въ отдѣльности), ни всѣми ими вмѣстѣ взятыми помимо его самого, такъ что снова въ неисчислимыхъ и безчисленныхъ случаяхъ безспорно не будетъ сущаго; также и остальные роды, каждый въ отдѣльности и всѣ въ совокупности, во многихъ случаяхъ существуютъ, во многихъ нѣтъ.

Вѣст. Правда.

Стр. Если, однако, кто-либо не вѣритъ этимъ противорѣчіямъ, то такому надо произвести изслѣдованіе (самому) и привести нѣчто С. болѣе лучшее, чѣмъ сказанное теперь; если же онъ, будто измысливши что-либо трудное, находить удовольствіе тянуть нашу рѣчь то туда, то сюда, то такой, стало быть, занялся бы дѣломъ, не стоящимъ большаго прилежанія, какъ подтверждаетъ наше настоящее изслѣдованіе. Вѣдь найти (вотъ все) это и не хитро, и не трудно, а то и трудно, и въ такой же мѣрѣ прекрасно.

Вѣст. Что же однако?

Стр. А вотъ что: допустивши возможнымъ все то, о чемъ уже было изложено раньше, оказаться въ состояніи слѣдовать при возраженіи на каждое положеніе именно сказанному въ томъ случаѣ, если кто-либо сталъ бы утверждать, что „другое“ какъ-то *есть* „то же са-

мое“ или „то же самое“ есть „другое“ въ томъ отношеніи и въ D. такомъ видѣ, въ какихъ, онъ утверждаетъ, каждому изъ нихъ это подобаеть. Но объявлять „то же самое“ какимъ-либо образомъ „другимъ“, а „другое“ „тѣмъ же самымъ“, большое малымъ, подобное неподобнымъ и находить удовольствіе въ томъ, что въ рѣчахъ приходится постоянно высказывать противорѣчія, это не есть истинное опроверженіе, но здѣсь обнаруживается новичекъ, еще только впервые принимающійся за изслѣдованіе существующаго.

Фезт. Конечно такъ.

44. *Стр.* И въ самомъ дѣлѣ, дорогой мой, пытаться отдѣлять все отъ всего—вообще непристойно и есть вполнѣ дѣло (человѣка) E. необразованнаго и нефилософа.

Фезт. Почему же?

Стр. Разъединять каждое со всѣмъ остальнымъ—это означаетъ полнѣйшее уничтоженіе всѣхъ рѣчей, такъ какъ лишь вслѣдствіе взаимнаго сплетенія видовъ образуется у насъ рѣчь.

Фезт. Правда.

Стр. Обрати же, поэтому, вниманіе, какъ была полезна для 260. насъ теперь борьба съ такими людьми и какъ полезно, что мы заставили ихъ допустить связь „другого“ съ „другимъ“.

Фезт. Въ какомъ отношеніи?

Стр. А въ томъ,—что рѣчь для насъ есть одинъ какой-то изъ существующихъ родовъ; лишившись ее, мы, что особенно важно, лишились бы философіи. Намъ, теперь же надо согласиться въ томъ, что такое рѣчь; если бы она была у насъ отнята и ее совершенно не существовало, мы не могли бы ничего высказать. А она была бы отнята у насъ, если бы мы признали, что нѣтъ никакой связи между чѣмъ бы то ни было.

Фезт. Это справедливо. Но я не понимаю, для чего надо согласиться относительно рѣчи.

Стр. Быть можетъ, ты скорѣе бы понялъ, слѣдуя вотъ этимъ путемъ.

Фезт. Какимъ?

Стр. Несущее явилось у насъ какъ одинъ изъ прочихъ родовъ, разсѣянный по всему существующему.

Фезт. Такъ.

Стр. Поэтому надо рассмотреть слѣдующее: соединяется ли оно (несущее) съ сужденіемъ ¹⁾ и рѣчью.

Ѳезт. Какъ такъ?

С. *Стр.* Когда оно не соединимо съ ними, все необходимо должно быть истиннымъ. Когда же оно соединяется съ тѣми, то сужденіе становится ложнымъ и рѣчь тоже, такъ какъ мыслить или высказывать несуществующее—это есть заблужденіе, возникающее въ мышленіи и рѣчахъ.

Ѳезт. Такъ.

Стр. А если есть заблужденіе, то существуетъ и обманъ.

Ѳезт. Да.

Стр. Но если существуетъ обманъ, тогда все необходимо должно быть полно образомъ, подобіи и призракомъ.

Ѳезт. Какъ не такъ?

Стр. О софистѣ мы сказали, что онъ, хотя и скрылся въ этой области, но самъ то, однако, совершенно отрицалъ существованіе лжи; вѣдь о несущемъ никто и не мыслить, и не говорить и оно никакимъ образомъ не участвуетъ въ сущности.

Ѳезт. Такъ и было.

Стр. Теперь оно (несущее) явилось участвующимъ въ сущемъ, такъ что онъ (софистъ), пожалуй, въ этомъ отношеніи не станетъ спорить. Но онъ легко можетъ сказать, что одни изъ видовъ имѣютъ часть въ несущемъ, другія же нѣтъ, и что рѣчь и сужденіе именно являются не принимающими участія. Поэтому, софистъ снова можетъ защищать (тотъ взглядъ), что нѣтъ вовсе искусства, творящаго образы и призраки, въ которомъ, утверждаемъ мы, онъ пре-
 Е. бываетъ, разъ сужденіе и рѣчь не входятъ въ общеніе съ несущимъ. Обманъ совершенно не существуетъ, когда не существуетъ общенія. Отсюда, прежде всего, надлежитъ точно изслѣдовать, что такое рѣчь, сужденіе и представленіе, дабы, когда онѣ для насъ
 261. станутъ ясными, намъ можно было бы видѣть общеніе ихъ съ несущимъ, а видя послѣднее, доказать, что ложь существуетъ; доказавши же это, мы свяжемъ (захваченнаго) въ ней софиста, если, конечно, онъ тамъ или, оставивъ его на свободѣ, начнемъ искать въ иной области.

¹⁾ См. объясненія.

Фезт. Вполнѣ справедливо, дорогой чужеземецъ, сказано было вначалѣ о софистѣ, что этотъ родъ (людей) трудно уловимъ. Онъ представляется изобилующимъ средствами защиты, изъ которыхъ одно онъ пустилъ въ ходъ; необходимо раньше, чѣмъ удастся достигнуть самого его (софиста) одолѣть это. Едва мы теперь одолѣли одно (средство защиты) именно: что несущаго нѣтъ, какъ уже другое пущено въ ходъ и теперь надо доказать, что существуетъ ложь и въ рѣчахъ, и въ сужденіяхъ, а вслѣдъ за этимъ, быть можетъ, В. еще одно, а послѣ того и еще другое и, какъ кажется, никогда не явится конца имъ.

Стр. Надо не терять мужества, дорогой Фезтетъ, тому, кто можетъ, хотя бы только понемножко пробираться впередъ. Кто надеетъ духомъ въ этихъ случаяхъ, что тотъ будетъ дѣлать въ другихъ, гдѣ онъ или ничего не преуспѣетъ, или снова будетъ оттолкнуть назадъ? Такой, по словамъ пословицы, едва ли когда овладѣетъ городомъ. Теперь, мой дорогой, когда съ тѣмъ, о чемъ ты говоришь, покончено, намъ должна быть взята самая большая стѣна, прочее уже легче и менѣе значительно. С.

Фезт. Ты прекрасно выразился.

45. *Стр.* Прежде всего, какъ уже сказано, возьмемъ-ка рѣчь и сужденіе, дабы дать себѣ ясный отчетъ: соприкасается ли съ ними несущее или и то, и другое безусловно истинны и ни одно изъ нихъ никогда не бываетъ ложью.

Фезт. Правильно.

Стр. Давай, какъ мы говорили о видахъ и буквахъ, рассмотримъ снова такимъ же образомъ и слова, такъ какъ, примѣрно, этимъ путемъ открывається теперешнее искомое. D.

Фезт. На что же въ словахъ надо обратить вниманіе?

Стр. А на то: всѣ ли они сочетаются другъ съ другомъ или ни одно? или нѣкоторыя склонны къ этому, другія же нѣтъ?

Фезт. Ясное дѣло, что одни склонны, а другія нѣтъ.

Стр. Ты, быть можетъ, думаешь слѣдующее: что тѣ, которыя выговариваются по порядку и выражаютъ что-либо, тѣ Е. сочетаются, а тѣ, которыя въ своей послѣдовательности ничего не обозначаютъ, не сочетаются.

Фезт. Какимъ образомъ и что это ты говоришь?

Стр. Принявши то, о чемъ я думалъ, ты черезъ это и соглашаешься со мною. У насъ вѣдь есть двоякій родъ обозначенія рѣчью сущности.

Өезт. Какъ?

262. *Стр.* Одинъ называемый существительнымъ, другой — глаголомъ.

Өезт. Расскажи о каждомъ изъ нихъ.

Стр. Обозначеніе дѣйствій мы называемъ глаголомъ.

Өезт. Да.

Стр. Обозначеніе посредствомъ голоса, приложенное къ тому самому, что производитъ дѣйствіе — (мы называемъ) существительнымъ.

Өезт. Вполнѣ такъ.

Стр. Такимъ образомъ, изъ однихъ существительныхъ, послѣдовательно произнесенныхъ, никогда не образовывается рѣчь, также обратно и изъ глаголовъ, произнесенныхъ безъ существительныхъ.

Өезт. Этого я не понималъ.

В. *Стр.* Очевидно, что ты, недавно согласился со мною, обративъ вниманіе на что-либо другое; вѣдь я хотѣлъ сказать именно то, что эти вотъ такъ высказанныя въ послѣдовательности слова не есть рѣчь.

Өезт. Какъ?

Стр. А, напримѣръ, „идеть бѣжить спать“ и всѣ прочія выраженія, какія обозначаютъ дѣйствія; когда кто-либо пересказалъ бы ихъ по порядку, то онъ ни о чемъ не составилъ бы рѣчи.

Өезт. Какъ же (составилъ бы)?

Стр. Такимъ же образомъ опять, если произносится: „лечь олень лошадь“ и всѣ выраженія, которыми, съ другой стороны, обозначено все, что производитъ дѣйствіе, то и изъ ихъ чередованія не возникаетъ рѣчь. Высказанное не сообщаетъ ни такъ, ни иначе, ни о дѣйствіи, или педѣйствіи, ни о сущности существующаго или несуществующаго, пока кто-либо не соединитъ глаголовъ съ именами существительными. Тогда все наложено и первое сочетаніе (существительныхъ съ глаголами) становится тотчасъ же рѣчью, нѣкоторымъ образомъ первою и самою маленькою изъ рѣчей.

Өезт. Какъ ты это такъ говоришь?

Стр. Когда кого-либо произносить: „человѣкъ учится“, то не скажешь ли ты, что это есть самая маленькая и первая рѣчь?

Фезт. Да.

D.

Стр. Вѣдь въ этомъ случаѣ онъ сообщаетъ о существующемъ или происходящемъ, или происшедшемъ, или будущемъ и не только произносить наименованія (одни слова), но и выполняетъ (этимъ) что-либо, слытая глаголы съ именами существительными. Поэтому-то мы выражаемся (о немъ), что онъ говоритъ что-либо, а не произносить названія, и такому сочетанію дали имя рѣчи.

Фезт. Вѣрно.

46. *Стр.* Подобно тому, какъ нѣкоторыя вещи совмѣщаются одна съ другой, другія же нѣтъ. такимъ же образомъ и обозначенія (вещей и дѣйствій) помощью голоса: одни не соединяются, E. другія же, взаимно сочетаясь, образуютъ рѣчь.

Фезт. Совершенно такъ.

Стр. Теперь еще слѣдующая малость.

Фезт. Какая же?

Стр. Рѣчь, когда она есть на лицо, должна необходимо быть рѣчью о чемъ-либо; вѣдь рѣчь ни о чемъ невозможна.

Фезт. Такъ.

Стр. Не должно ли ей быть и какого-либо свойства?

Фезт. Какъ не должно?

Стр. Обратимъ-ка теперь вниманіе на насъ самихъ.

Фезт. Дѣйствительно слѣдуетъ.

Стр. Я тебѣ скажу рѣчь, соединивъ предметъ съ дѣйствіемъ, черезъ посредство имени существительнаго и глагола; ты же скажи мнѣ, о чемъ будетъ рѣчь.

Фезт. Это и сбудется, по мѣрѣ возможности.

Стр. „Фезтетъ сидитъ“. Эта рѣчь, конечно, не длинна?

263.

Фезт. Нѣтъ, напротивъ умѣренна.

Стр. Твое дѣло теперь сказать: о комъ она и къ кому относится.

Фезт. Очевидно, что обо мнѣ и ко мнѣ.

Стр. А какъ, напротивъ, слѣдующая?

Фезт. Какая?

Стр. „Фезтетъ, съ которымъ я теперь бесѣдую, летитъ“.

Фезт. И относительно этой рѣчи, едва ли кто скажетъ иначе, какъ не то, что она обо мнѣ и меня касается.

Стр. Мы утверждаемъ, что всякая рѣчь необходимо должна быть какого-либо свойства.

В. *Фезт.* Да.

Стр. Какого же свойства должно теперь считать каждую изъ этихъ двухъ?

Фезт. Одну истинной, другую ложной.

Стр. Изъ нихъ — истинная высказываетъ о тебѣ существующее, какъ оно есть.

Фезт. А какъ же?

Стр. Ложная — нѣчто другое, чѣмъ существующее.

Фезт. Да.

Стр. Она говоритъ, поэтому, о несуществующемъ, какъ о существующемъ.

Фезт. Почти такъ.

Стр. По крайней мѣрѣ, о чемъ-либо другомъ существующемъ, чѣмъ то, что въ дѣйствительности по отношенію къ тебѣ есть. Въдъ мы утверждали, что относительно каждаго многое существуетъ, а многоаго и нѣтъ.

Фезт. Совершенно такъ.

С. *Стр.* Та же рѣчь, которую я позже сказалъ о тебѣ, прежде всего, въ силу нашего опредѣленія: что есть рѣчь, необходимо должна быть одною изъ самихъ короткихъ.

Фезт. Мы въдъ недавно въ этомъ согласились.

Стр. Затѣмъ, (рѣчью) о чемъ-либо.

Фезт. Такъ.

Стр. Если она не о тебѣ (рѣчь), то ни о чемъ другомъ.

Фезт. Какъ это?

Стр. Въдъ ни къ чему не относясь, она не была бы и вообще рѣчью. Мы доказали, какъ невозможное, чтобы *рѣчью* была ни къ чему не относящаяся рѣчь.

Д. *Фезт.* Вполнѣ справедливо.

Стр. Если, такимъ образомъ, о тебѣ говорится „другое“, какъ „то же самое“, несуществующее, какъ существующее, то видно, подобное соединеніе, возникающее изъ глаголовъ и именъ существительныхъ, становится дѣйствительно и справедливо ложною рѣчью.

Фезт. Весьма вѣрно.

47. *Стр.* Какъ же теперь? Не ясно ли уже, что мышленіе, сужденіе, представленіе, словомъ, эти роды истинные и ложные всё возникаютъ въ нашей душѣ?

Фезт. Какимъ образомъ?

Стр. Ты это легче увидишь, если сначала узнаешь, что такое Е. они сами по себѣ и чѣмъ разнятся другъ отъ друга.

Фезт. Давай только.

Стр. Не есть ли мысль и рѣчь одно и то же за исключеніемъ лишь того, что происходящая внутри души безъ (сопровожденія) звуковъ бесѣда ея самое съ собою же, это самое и названо нами мышленіемъ?

Фезт. Вполнѣ такъ.

Стр. Потокъ же въ звукахъ, идущій отъ той (души) черезъ уста, названъ рѣчью.

Фезт. Правда.

Стр. И мы знаемъ, что въ рѣчахъ происходитъ слѣдующее—

Фезт. Что же?

Стр. Утвержденіе и отрицаніе.

Фезт. Знаемъ.

Стр. Если это происходитъ въ душѣ при размышленіи молчаливо, то имѣешь-ли ты еще какія-либо названіе для этого, помимо сужденія?

Фезт. Да какимъ же образомъ?

Стр. Что же, когда подобное состояніе возникаетъ у кого-либо 264. не силою самой души, но благодаря ощущенію, то можно-ли правильно назвать его другимъ чѣмъ-либо, какъ не представленіемъ?

Фезт. Никакъ.

Стр. Такимъ образомъ, если рѣчь бываетъ истинной и ложной и если среди этого мышленіе явилось намъ, какъ бесѣда души самое съ собою, сужденія же, какъ завершеніе мышленія и то, что мы выражаемъ словомъ „кажется“, какъ соединеніе ощущенія и сужденія, то необходимо, чтобы и изъ этихъ родовъ, какъ родственныхъ рѣчи, нѣкоторые бывали иногда ложными.

Фезт. Какъ же нѣтъ?

Стр. Замѣчаешь ли ты теперь, что ложное сужденіе и рѣчь найдены нами раньше, чѣмъ то слѣдовало согласно нашему предположенію, возбуждавшему было у насъ опасеніе, какъ бы изслѣдуя все это, не принятыся за дѣло совершенно невыполнимое?

Фезт. Замѣчаю.

48. *Стр.* Не будемъ же, однако, падать духомъ и по отношенію С. ко всему остальному. Въ виду того, что все это теперь стало для насъ яснымъ, вспомнимъ-ка о прежнихъ дѣленіяхъ по родамъ.

Фезт. О какихъ?

Стр. Мы различали два вида искусства, творящаго образы: одинъ—производящій подобія, другой—призраки.

Фезт. Да.

Стр. И мы сказали, что недоумѣваемъ, къ какому изъ нихъ двухъ отнести софиста.

Фезт. Это было.

Стр. И когда мы въ этомъ затруднялись, распространился еще болѣшій мракъ, какъ скоро явилось положеніе, приводящее все къ сомнѣнію, будто нѣтъ ни изображеній, ни образовъ, ни призраковъ. D. черезъ что вообще никакъ, никогда и нигдѣ не возникаетъ лжи.

Фезт. Ты говоришь вѣрно.

Стр. Теперь, когда стало очевиднымъ существованіе ложной рѣчи и ложнаго сужденія, возможно, что бываютъ и подражанія существующему, а вслѣдствіе этого обстоятельства возникаетъ искусство обмана.

Фезт. Возможно.

Стр. И дѣйствительно, что софистъ принадлежитъ къ одному изъ обоихъ родовъ, мы это окончательно признали раньше.

Фезт. Да.

E. *Стр.* Попробуемъ-ка, затѣмъ, снова раздѣляя на двое находящійся передъ нами родъ, все время держаться въ пути правой стороны отдѣленной части, имѣя въ виду то, что относится къ софисту, пока мы, обойдя все общее между нимъ и другими и оставивъ ему его собственную сущность, не выставимъ ее на показъ прежде всего намъ самимъ, а потомъ и тѣмъ, кто отъ природы въ силу 265. происхожденія весьма близко стоитъ къ подобнаго рода изслѣдованію.

Фезт. Правильно.

Стр. Не съ того ли мы начали, что различили искусство производящее и приобрѣтающее?

Фезт. Да.

Стр. И среди приобрѣтающаго—не явился ли онъ (софистъ) намъ въ области охоты, состязанія, торговли и нѣкоторыхъ другихъ видовъ искусства?

Фезт. Конечно такъ.

Стр. Теперь же, когда подражательное искусство захватило его, ясно что сперва надо расчленивъ на двое это искусство. Въдъ подражаніе, возможно, есть какое-то творчество; мы однако, гово- В. римъ объ образахъ, а не о самихъ отдѣльныхъ предметахъ. Не такъ ли?

Фезт. Совершенно такъ.

Стр. Пусть, слѣдовательно, будетъ прежде всего двѣ части производящаго искусства.

Фезт. Какія?

Стр. Одна Божеская, а другой человѣческая.

Фезт. Не понялъ я еще.

49. *Стр.* Творческое искусство, говорили мы, если помнимъ сказанное вначалѣ, есть всякая сила, которая является причиною, что то, чего раньше не было, позже возникаетъ.

Фезт. Помнимъ.

Стр. Будемъ ли мы утверждать обо всемъ смертномъ и живомъ, что только произростаеъ на землѣ изъ сѣмянъ и корней и что образуется въ землѣ въ видѣ неодушевленныхъ плавящихся и неплавящихся тѣлъ, будемъ ли мы утверждать, что все это, раньше не существовавшее, возникаетъ затѣмъ въ силу творческой дѣятельности кого-либо другого, какъ не Бога? или будемъ говорить, руководясь мнѣніемъ и словами толпы...

Фезт. Какимъ?

Стр. А что вся природа выводится изъ какой-то случайности, неразумной причины или-же, наконецъ, признаемъ, что она возникаетъ изъ причины, одаренной Божественнымъ вѣдѣніемъ, исходящей отъ Бога?

Фезт. Я, быть можетъ, вслѣдствіе юности часто перемѣняю D. одно воззрѣніе на другое, теперь однако, смотря на тебя и предполагая, что ты считаешь будто то все произошло отъ Бога, я и самъ такъ думаю.

Стр. Прекрасно, Фезтетъ! И если бы мы полагали о тебѣ, что ты въ послѣдующее время будешь изъ числа мыслящихъ какъ-либо иначе, то теперь постарались бы рѣчью при помощи покоряющей убѣдительности довести тебя до согласія съ нами. Но такъ какъ я твою природу знаю, что она и безъ нашихъ словъ сама собою направится къ тому, къ чему, утверждаешь ты, ее теперь влечетъ, то я

Е. оставлю это. Вѣдь только прошло бы бесполезно время. Я же предположу, что то, что называется происходящимъ отъ природы, то производится божескимъ искусствомъ; все же изъ этого, создаваемое людьми,—человѣческимъ, и что въ силу такого предположенія существуетъ два рода творчества: одинъ человѣческій, другой божескій.

Өзт. Вѣрно.

Стр. Расчлени-ка, однако, каждый изъ нихъ двухъ снова на двое.

Өзт. Какъ?

• 266 *Стр.* Подобнаго тому, какъ ты все вообще творческое искусство дѣлишь въ ширину, раздѣли теперь его, напротивъ, въ длину.

Өзт. Пусть раздѣлено.

Стр. Такимъ образомъ, (въ цѣломъ) возникаютъ четыре части: двѣ съ нашей стороны:—человѣческія, и двѣ со стороны Боговъ:—божескія.

Өзт. Да.

Стр. Теперь онѣ снова раздѣлены уже иначе: одна часть въ каждомъ отдѣлѣ является самопроизводящей, обѣ же остальные могутъ быть лучше всего названы творящими образы. И черезъ это, слѣдовательно, творческое искусство снова дѣлится на двѣ части.

В. *Өзт.* Скажи, какъ образуется опять каждая изъ нихъ?

50. *Стр.* Мы знаемъ, что мы и другія живыя существа, и то, изъ чего все произошло: огонь, вода и родственное послѣднимъ, суть произведенія Бога и каждое сотворено само. Или какъ?

Өзт. Такъ.

Стр. Каждое изъ нихъ сопровождаютъ изображенія, отнюдь не самыя вещи, тоже произведенныя божескимъ искусствомъ.

Өзт. Какія?

Стр. А образы во снѣ и всѣ тѣ образы, которые днемъ называются естественными призраками: тѣни, когда при огнѣ появляется мракъ, затѣмъ, двойныя изображенія, когда свой собственный свѣтъ (предмета) и чужой, сливаясь въ одно на блестящихъ и гладкихъ предметахъ, порождаютъ изображеніе, которое производитъ ощущение, противорѣчащее прежнему привычному образу.

Өзт. Слѣдовательно, здѣсь два произведенія божескаго творчества: сама вещь и образъ, ее сопровождающій.

Стр. Но, что же съ нашимъ искусствомъ? Не будемъ ли мы утверждать, что оно помощью архитектуры воздвигаетъ домъ, помощью же живописи нѣкоторый другой, созданный подобно чело-вѣческому сну для бодрствующаго.

Фезт. Конечно такъ. .

D.

Стр. То же и съ остальнымъ обстоитъ въ томъ же духѣ: произведенія нашей творческой дѣятельности снова удвоены; мы говоритъ самъ предметъ—это произведеніе искусства творческаго, а изображение его—произведеніе искусства изобразительнаго.

Фезт. Теперь я понялъ значительно лучше и принимаю два, расчлененныхъ каждый на два вида, творческихъ вообще искусства:—согласно одному дѣленію: чело-вѣческое и божеское искусства, по другому же—произведенія каждого изъ нихъ состоятъ изъ самихъ предметовъ и, съ другой стороны, изъ нѣкоторыхъ подобій послѣднихъ.

51. *Стр.* Вспомнимъ-ка теперь, что одинъ видъ (искусства) долженъ быть производящимъ образы, другой—призраки, если ложь есть дѣйствительно ложь и нѣчто, принадлежащее по своей Е. природѣ къ существующему.

Фезт. Такъ, конечно, было.

Стр. Не явилась ли она именно таковой, и, поѣтому, не причислимъ ли мы теперь къ ней безъ противорѣчій и тѣ два вида?

Фезт. Да.

Стр. Раздѣлимъ-ка искусство, творящее призраки, снова на 267. двое.

Фезт. Какъ?

Стр. Одно это то, которое выполняется посредствомъ орудій, другое (получается), когда тотъ, кто творитъ призраки, самъ дѣ-лаетъ себя орудіемъ для этой цѣли.

Фезт. Какъ ты говоришь?

Стр. Когда, думаю я, кто-либо своимъ тѣломъ старается явить сходство съ твоей внѣшностью или своимъ голосомъ сходство съ твоимъ, то этотъ родъ искусства производитъ призраки называется преимущественно подражаніемъ.

Фезт. Да.

Стр. Называя этотъ родъ подражающимъ, выдѣлимъ его. Все остальное оставимъ безъ вниманія, вслѣдствіе наступленія

В. усталости и предоставимъ другому свести воедино и дать тому какое-либо подобающее названіе.

Фезт. Пусть то будетъ выдѣлено, а это передано.

Стр. Однако, дорогой Фезтетъ, и первое также слѣдуетъ считать за двоякое. Рѣши, почему?

Фезт. Говори ты.

Стр. Изъ лицъ подражающихъ, одни дѣлаютъ это зная, чему они подражаютъ, другія же не зная. Какое теперь различіе признаемъ мы болѣе значительнымъ, какъ (не различіе) между знаніемъ и незнаніемъ.

Фезт. Никакое.

Стр. Подражаніе, недавно указанное, было, такимъ образомъ, подражаніемъ знающихъ. Вѣдь только тотъ, кто знаетъ твою внѣшность и тебя, тотъ лишь могъ бы подражать всему этому.

С. *Фезт.* Какъ же иначе?

Стр. А что же съ обликомъ справедливости и вообще всей вмѣстѣ взятой добродѣтели? Не примутся ли многіе, не зная ее, но какъ-либо представляя, ревностно стараться, дабы то, что они считаютъ за добродѣтель, какъ живущее въ нихъ, проявилось бы, когда они станутъ насколько только можно на дѣлѣ и на словахъ подражать тому.

Фезт. И чрезвычайно многіе (примутся).

Стр. Но достигнуть ли всѣ цѣли казаться справедливыми, не будучи вовсе таковыми? или слѣдуетъ совершенно противоположное?

Фезт. Совершенно (противуположное).

D. *Стр.* Такого подражателя, я думаю, надо считать отличающимся отъ того, (его надо признать) незнающимъ, —отличнымъ отъ знающаго.

Фезт. Да.

52. *Стр.* Откуда же, однако, возьметъ кто-либо подобающее названіе для каждаго изъ нихъ? Вѣдь очевидно, что это трудно, такъ какъ прежніе философы, кажется, всегда готовы были пускаться въ ходъ давнишній, неосновательный укоръ раздѣленію родовъ по видамъ, черезъ что никто никогда и не брался раздѣлять. Вслѣдствіе этого, по необходимости, не существуетъ особеннаго достатка въ названіяхъ. При всемъ томъ, если выразиться болѣе смѣло, мы ради различія подражаніе, соединенное съ мнѣніемъ, назовемъ подра-

жаниемъ, основаннымъ на мнѣніи, подражаніе, (соединенное) со знаніемъ,—нѣкоторымъ научнымъ.

Фезт. Пусть будетъ (такъ).

Стр. Теперь надо воспользоваться однимъ изъ этихъ двухъ выраженій. Вѣдь софистъ принадлежитъ не къ знающимъ, но къ подражающимъ.

Фезт. И весьма.

Стр. Разсмотримъ-ка подражателя, основывающагося на мнѣніи, какъ разсматриваютъ желѣзо, прочно ли оно или содержитъ въ себѣ какую-либо трещину.

Фезт. Разсмотримъ.

Стр. А онъ (софистъ) теперь имѣетъ ее (трещину) и очень даже значительную. Одинъ изъ нихъ (подражателей) является простоватымъ, думая, что знаетъ то, о чемъ судить, поведеніе же другого благодаря вихлянію его въ рѣчахъ возбуждаетъ подозрѣніе и опасеніе, что онъ не знаетъ того, относительно чего принимаетъ передъ другимъ видъ знающаго.

Фезт. Конечно, онъ принадлежитъ къ обоимъ родамъ, о которыхъ ты упомянулъ.

Стр. Поэтому, не примемъ ли мы одного за простого, другого за лицемѣрнаго подражателя?

Фезт. Это подходитъ.

Стр. Сочтемъ ли мы снова родъ послѣдняго единымъ или двоякимъ?

Фезт. Смотри ты (самъ).

Стр. Смотрю и мнѣ представляется какихъ-то два рода ихъ в. (подражателей): одинъ, я вижу, способенъ лицемѣрить всенародно и въ длинныхъ рѣчахъ передъ толпою, другой же передъ немногими (въ частной бесѣдѣ) и въ короткихъ рѣчахъ заставляетъ собесѣдника противорѣчить самому себѣ.

Фезт. Ты говоришь весьма правильно.

Стр. За кого же мы сочли бы словообильнаго (подражателя)? За государственнаго ли мужа, или же за народнаго оратора?

Фезт. За народнаго оратора.

Стр. Какъ же мы назовемъ другого? Мудрымъ философомъ или подражателемъ мудрому (софистомъ)?

Фезт. Мудрымъ, однако, невозможно (назвать); вѣдь мы признавали его незнающимъ. Будучи подражателемъ мудрому, онъ, ясно,

получить отъ послѣдняго какое-либо прозвище и я почти уже понималъ, что его дѣйствительно должно назвать тѣмъ подлинно во всѣхъ отношеніяхъ истиннымъ софистомъ.

Стр. Не свяжемъ ли мы, однако, какъ и раньше, его названіе въ одно цѣлое, сплетая все вмѣстѣ отъ конца къ началу?

Өзт. Конечно такъ.

Стр. Мы, стало быть, имѣемъ занимающійся подражаніемъ, чародѣйственный на словахъ видъ относящейся къ притворству части искусства, полного противорѣчій, основаннаго на (простомъ) мнѣніи, D. искусства, принадлежащаго къ роду, производящему призраки, который выдѣленъ отъ этого же рода, творящаго призраки, въ качествѣ не божескаго, но человѣческаго произведенія, и кто сочтетъ истиннаго софиста (подражателя мудрому) происходящимъ вотъ изъ этого-то рода и крови, тотъ, кажется, выразится вполне справедливо.

Өзт. Совершенно такъ.

Къ статьѣ П. Н. Чирвинскаго „Искусственное полученіе минераловъ въ XIX столѣтіи“.

Необходимо имѣть въ виду, что всѣ ссылки въ этой работѣ сдѣланы примѣнительно къ отдѣльнымъ отпечаткамъ ея, гдѣ нумерація страницъ нѣсколько расходится съ нумераціей страницъ той же работы въ Университетскихъ Извѣстіяхъ. Вотъ болѣе подробныя данныя на этотъ счетъ.

Университетскія Извѣстія:

стр. 1— 67
 „ 69—126
 „ 127—227
 „ 229—299
 „ 301—337
 „ 339—423
 „ 425—504
 „ 505—571
 „ 573—648

Отдѣльные отпечатки:

стр. 1— 67
 „ 67—124
 „ 127—227
 „ 227—297
 „ 297—333
 „ 333—417
 „ 417—496
 „ 497—563
 „ 563—638.

Отъ Императорскаго Университета Св. Владиміра.

Въ Императорскомъ Университетѣ Св. Владиміра имѣется вакансія лектора итальянскаго языка.

Для замѣщенія этой должности Историко-филологическій факультетъ Университета продолжаетъ срокъ уже объявленнаго имъ конкурса на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Лица, желающія принять участіе въ конкурсѣ, приглашаются подать о томъ заявленія декану Историко-филологическаго факультета не позже 15 Мая 1907 года.

2) При заявленіи должны быть представлены: а) аттестатъ или свидѣтельство объ окончаніи высшаго учебнаго заведенія или гимназіи въ Россіи или за границей или же дипломъ на степень бакалавра; б) рукописное или печатное сочиненіе по итальянскому языку или по литературѣ.

3) Лица, явившіяся кандидатами на должность лектора, должны въ Кіевѣ въ присутствіи членовъ Историко-филологическаго факультета: а) защищать представленныя ими сочиненія и извлеченныя изъ нихъ тезисы и б) прочитатъ двѣ пробныя лекціи, одну по языку, другую по исторіи литературы. Они должны владѣть русскимъ языкомъ настолько, что-бы быть въ состояніи давать объясненія на этомъ языкѣ.

4) Конкурсное испытаніе будетъ произведено въ маѣ 1907 г.

Примѣчаніе: Лекторы иностранныхъ языковъ въ Императорскихъ Университетахъ получаютъ содержанія 1000 руб. въ годъ, неподлежащее увеличенію, числятся въ должности VIII класса и въ отношеніи къ пенсіи пользуются правами учебной службы.

Деканъ Историко-филологическаго факультета Императорскаго Университета Св. Владиміра объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе, согласно 100 ст. Устава Императорскихъ Россійскихъ Университетовъ, объ открытіи конкурса на соисканіе вакантной должности экстраординарнаго профессора по кафедрѣ исторіи западноевропейскихъ литературъ.

Желающіе явиться кандидатами на означенную вакансію приглашаются въ трехмѣсячный срокъ со дня настоящаго объявленія — съ 15 февраля по 15 мая — заявить о томъ факультету и при заявленіи своемъ представить автобіографію (*curriculum vitae*), списокъ ученыхъ трудовъ и, по возможности, печатные ихъ экземпляры.

Объявленія.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

„МИРНЫЙ ТРУДЪ“

1907 годъ.

(Ежемесячное научно-литературное и общественное издание).

Не менѣе 150 листовъ въ годъ.

Признавая мирный трудъ единственнымъ средствомъ для осуществленія столь необходимыхъ общественныхъ преобразованій, редакция ставитъ своей задачей послынное содѣйствіе пробужденію чуждаго всякой нетерпимости, русскаго національнаго самосознанія, усиленію культурнаго общенія со славянствомъ, изученію созидательной работы Запада и росту общественной самостоятельности, оцѣнивающей свое и чужое, независимо отъ партійныхъ соображеній и указокъ.

Въ журналъ принимаетъ постоянное участіе рядъ профессоровъ и преподавателей высшихъ учебныхъ заведеній.

Въ 1907 году закончится печатаніе большого романа изъ современной жизни, извѣстной писательницы П. И. Мердеръ „Новые люди“ и будутъ напечатаны интересныя повѣсти г-на Левицкаго „Семьинъ Гусята“ и „Слесарь Острозубовъ“. Д. Х. „О непротивленіи злу“, Доклады проф. А. С. Вязигяна „Подвигъ Минина“, „Объ избраніи М. Ѳ. Романова на царство“ и др.

**Особымъ приложеніемъ идетъ переводъ извѣстнаго сочиненія
ТЭНА—„Исторія французской революціи“.**

Гг. годовымъ подписчикамъ высылаются бесплатно „Отелки русскихъ
поэтовъ“ съ 6 портретами.

Постоянно сообщаются свѣдѣнія *О деятельности русскаго собранія
и его отдѣловъ*, усматривающихъ въ сознательномъ служеніи твор-
ческимъ началамъ Православія, Самодержавія и Народности основу
благоденствія и развитія Россіи, залогъ избавленія отъ вѣшнихъ и
внутреннихъ опасностей.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: для городскихъ (харьковскихъ) подписчиковъ
5 руб. въ годъ, для иногороднихъ съ пересылкой 6 руб. на полгода
3 р. Отдѣльная книжка 1 руб. съ пересылкой.

Подписка на 1907 годъ принимается: во всѣхъ извѣстныхъ книж-
ныхъ магазинахъ, удерживающихъ за комиссію и пересылку книгъ
по 30 коп. съ годового экземпляра, и въ редакціи журнала (Дѣвичья,
№ 14, Харьковъ).

Журналъ „Мирный Трудъ“ Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ
Синодѣ одобренъ для фундаментальныхъ библіотекъ духовно-учебныхъ
заведеній, а Учебными Комитетами Министерства Народнаго Просвѣ-
щенія и Министерства Финансовъ допущенъ къ приобрѣтенію въ
фундаментальныя библіотеки учебныхъ заведеній обоихъ вѣдомствъ
рекомендованъ для фундаментальныхъ библіотекъ военно-учебныхъ
заведеній и допущенъ въ бесплатныя народныя читальни.

Плата за объявленія: 20 рублей за полную страницу, 10 р. за поло-
вину и 5 р. за четверть страницы.

3—3

Редакторъ-издатель проф. *А. Вазинъ*.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1907 Г.

II годъ изданія.

Еженедѣльный Сельско-Хозяйственный и Экономическій Журналъ

„ХОЗЯЙСТВО“*(Изданіе Южно-Русскаго Общества Поощренія Земледѣлія и Сельской Промышленности).*

Цѣль журнала—изученіе современнаго положенія сел. хозяйства и содѣйствіе экономическому и техническому развитію его.

Программа журнала: 1) оригинальныя и переводныя статьи по техникѣ и экономикѣ с. х.; 2) обзоръ с.-х. литературы, русской и иностр.; 3) практ. замѣтки по техникѣ с. х.; 4) обзоръ дѣят. земствъ; 5) Обзоръ дѣят. с.-х. обществъ и кредитн. товариществъ; 6) библиографія; 7) корреспонденціи; 8) мелкія извѣстія; 9) вопросы и отвѣты; 10) обзоръ хлѣбныхъ рынковъ—единственный по полнотѣ свѣдѣній для всего Ю.-З. Края и 11) хлѣбныя телеграммы съ русск. и иностр. рынковъ и цѣны на хлѣба и пр. сел.-хоз. продукты.

Въ журналѣ „Хозяйство“ принимаютъ участіе проф. и преподаватели Универс. Св. Владиміра, Кіевск. Политехнич. Инст. Импер. Александра II, Ново-Александр. С.-Х. Инст. и др. высшихъ учебн. заведеній, агрономы—опытн. станцій, земскіе и др. и хозяева-практики: магистръ ветеринарныхъ наукъ Н. Ф. Андреевъ, проф. С. М. Богдановъ, проф. Проф. П. В. Будринъ, Ев. М. Васильевъ (смѣл. ант. оп. станція), И. Ф. Власовъ, В. Б. Ганицкій, І. І. Григорьевъ, Л. Э. Грюнвальдъ, прен. Моск. С.-Х. Инст. Г. И. Гуринъ, проф. В. Я. Добро-влянскій, П. М. Дубровскій (Уманск. с.-х. уч.), А. И. Душечкинъ, М. А. Егоровъ (сумск. оп. ст.), В. Б. Елагинъ, маг. бот. В. Р. Зеленскій, П. Г. Калитаевъ, проф. И. И. Калугинъ, А. Н. Костромитиновъ, спец. по огор. С. В. Краинскій, С. П. Кулжинскій, Ф. И. Левченко, Г. Н. Логачевъ, ассист. Кіев. Пол. Инст. Н. К. Малюшицкій, В. І. Отфиновскій, приватъ-доц. В. П. Пospѣловъ, А. А. Савостьяновъ, Кіев. губ. земск. агроном. В. М. Сазоновъ, А. Северинъ, Севрюгинъ, проф. П. Р. Слезкинъ, вет. врачъ М. П. Слѣсаревскій, Г. М. Слоницкій, препод. садовод. при Кіев. Пол. Инст. М. Е. Со-

фоновъ, проф. І. И. Сурожъ, І. Н. Тржебинскій (смѣл. ант. он. ст.),
Е. Ф. Умановъ, магистръ сельск. хозяйства С. Л. Франкфуртъ, ас-
стентъ, Кіевск. Пол. Инст. А. А. Хохряковъ, проф. К. Г. Шиндлеръ,
профессоръ И. О. Широкихъ, магистръ ветерин. наукъ П. О. Широ-
кихъ, А. И. Ярошевичъ, приватъ-доцентъ Л. Н. Яснопольскій и др.

Подписная цѣна: на годъ 4 руб. на $\frac{1}{2}$ года 2 руб. 50 к. На
меньшіе сроки подписка не принимается.

Подписка на „Хозяйство“ принимается въ Конторѣ Редакціи—Кіевъ,
Бульварная, № 9.

Пробный номеръ бесплатно.

2—3.

Редакторъ *М. И. Шестаковъ.*

Въ конторѣ редакціи журнала „ХОЗЯЙСТВО“

г. Кіевъ, Бибиковскій бульваръ, № 9,

ИМѢЮТСЯ ДЛЯ ПРОДАЖИ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Профессоръ К. Г. Шиндлеръ. Теорія и конструкція нахотныхъ
орудій. Атласъ машинъ и орудій и 1-ый выпускъ текста. Цѣна 5 р.

В. Гомилевскій. Воздѣлываніе пивовареннаго ячменя. Цѣна 1 р.

Ф. Шотте. Самыя необходимыя предохранительныя приспособле-
нія при сельско-хозяйственныхъ машинахъ. Ц. 1 р.

Н. Б. О живыхъ изгородяхъ Цѣна 10 к.

И. Власовъ. Къ вопросу о луговомъ мотылькѣ (*Botys sticticalis*
L). Цѣна 15 к.

Ф. Бельдиговскій. Сельско-хозяйственная производительность Па-
доли въ сравненіи съ Франціей. Цѣна 40 коп.

В. Гомилевскій. Жукъ „Капустоѣдъ“. Цѣна 10 коп.

Э. К. Лугоцкій. Сохраненіе и примѣненіе скотскаго навоза.
Цѣна 35 к.

Т. М. Лотоцкій. Вредныя насѣкомыя и способъ истребленія ихъ.
Цѣна 50 к.

В. Заленскій. Опыленіе и оплодотвореніе растений. Цѣна 12 к.

А. П. Осиповъ. Нужно ли истреблять кротовъ? Цѣна 10 коп.

В. Гомилевскій. Черный трюфель и дубовыя лѣса Юга Россіи.
Цѣна 10 коп.

А. Н. Савченко. Порядокъ и ходъ сельско-хозяйственныхъ работъ въ теченіе года. Цѣна 30 коп.

А. Н. Аграфоненко. Табакъ и минеральн. удобренія. Цѣна 45 к.

К. В. Гроба. Практическое руководство къ управленію локомотивомъ и молотилкой. Цѣна 1 р. 25 к.

Ө. И. Косоротовъ. Удобреніе комнатныхъ растений. Ц. 10 коп.

Профессоръ С. О. Широкихъ. Государственное и частное коннозаводство и его отношеніе къ улучшенію коневодства страны. Цѣна 20 коп.

В. П. Поспѣловъ. Изъ наблюденій надъ свежловичнымъ долгоносикомъ. Цѣна 20 коп.

П. П. Дегеренъ. Удобренія и микроорганизмы почвы. Цѣна 80 к.

Д. Е. Краинскій. Основы сельско-хозяйственнаго счетоводства. Цѣна 1 р. 50 к.

Университетскія Извѣстія въ 1907 году будутъ выходить ежемѣсячно книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ Извѣстій безъ пересылки шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ, а съ пересылкой семь рублей. Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе Университетскихъ Извѣстій 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Университетскія Извѣстія высылаются только по полученіи подписныхъ денегъ.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ комиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургѣ. Екатерининская улица, № 4-й, и въ Кіевѣ, Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Гл. Редакторъ В. Уманниковъ.

